

АНТИЧНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ГРЕЦИЯ

АНТОЛОГИЯ

АНТИЧНАЯ
ЛИТЕРАТУРА
❧ ГРЕЦИЯ ❧
АНТОЛОГИЯ

Часть I

Москва Высшая школа 1989

ББК 83.3 (03) 3
А 72

Составители:
Н. А. ФЕДОРОВ, В. И. МИРОШЕНКОВА

Рецензенты:
кафедра классической филологии Латвийского государственного
университета (зав. кафедрой доц. Т. К. Фомина);
канд. филол. наук, доц. Ю. В. Шанин

По техническим причинам книга выпускается в двух частях.

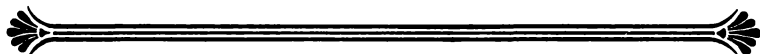
Античная литература. Греция. Антология. Ч. 1/
А 72 Сост. Н. А. Федоров, В. И. Мирошенкова. — М., Высш.
шк., 1989 — 512 с.
ISBN 5—06—000251—9

В книге представлены тексты древнегреческой литературы, иллюстрирующие важнейшие этапы ее развития: поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея», произведения лирической поэзии VII—VI вв. до н.э., образцы классической драмы V—IV вв. до н.э. — (трагедии Эсхила, Софокла, Еврипида; комедии Аристофана и Менандра), памятники исторической (Фукидид) и эстетической (Аристотель) мысли, произведения эпохи эллинизма.

А $\frac{4603020300-077}{001(01)-89}$ 319—89

ББК 83.3(03)
8А

ISBN 5—06—000251—9 © Издательство «Высшая школа», 1989

Вантологии представлены образцы древнегреческой словесности, характеризующие историю ее развития от первых памятников — эпических поэм Гомера и Гесиода до произведений, относящихся к первым векам нашей эры. Книга ставит своей целью дать читателю минимально необходимый материал для первоначального знакомства с таким огромным и сложным культурным явлением, как литература Древней Греции, древнейшая из европейских литератур, оказавшая исключительное влияние на мировую и, прежде всего, европейскую культуру. Естественно, что в рамках одной книги практически невозможно с достаточной полнотой представить все богатство древнегреческой литературы и настоящее издание должно послужить для читателя лишь первым шагом к знакомству с ней.

Антология построена по хронологически-жанровому принципу: в нее вошли отрывки из эпических поэм Гомера и Гесиода, гомеровские гимны, пародийный эпос, лирические поэты VII—V вв. (Каллин, Тиртей, Солон, Мимнерм, Архилох, Сапфо, Алкей, Анакреонт, Феогнид, Пиндар и др.), трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида, комедии Аристофана и Менандра, произведения поэтов эллинистической эпохи (Каллимаха, Аполлония, Феокрита, Герода и др.), сатирические диалоги Лукиана, анакреонтика. Большинство произведений драматургии представлено читателю цельными произведениями, а не в отрывках, хотя этот принцип не всегда мог быть осуществлен в полной мере (он например, неприменим к эпическим жанрам из-за их объема). Составители сочли возможным отказаться от ряда текстов, в частности от прозаических жанров, за исключением некоторых текстов Лукиана, представляющих принципиально важный этап кризиса античного мирозерцания (II в. н. э.), а также приводимых в приложении значительных отрывков из «Поэтики» Аристотеля, дающих читателю возможность познакомиться с теоретико-литературной мыслью античности. Издательство предполагает выпустить отдельную книгу, посвященную греческой прозе.

Вступительные главы к текстам авторов, помещенные в Антологии, имеют целью лишь первоначальное знакомство с предметом, сообщая общие сведения о жизни автора и его произведениях. При этом указываются полные собрания произведений автора и основные работы, посвященные их исследованию. Комментарии к текстам ограничены минимальными сведениями, необходимыми для понимания произведения. Поскольку при чтении античных текстов значительную трудность для современного читателя представляют мифологические реалии, в книге помещен краткий словарь мифологических имен и некоторых географических названий. Для более основательного знакомства с античной мифологией мы отсылаем читателя к двухтомному словарю «Мифы народов мира» (М., 1982; 2-е изд., М., 1988) и к «Краткому мифологическому словарю» (М., 1985).

Антология рассчитана на широкий круг читателей и может быть использована студентами филологических и исторических факультетов высших учебных заведений, изучающими историю античной литературы.

Составители

Героический эпос

Поэмы «Илиада» и «Одиссея» являются древнейшими памятниками европейской литературы. Неизвестно время их создания: называют различные даты — от IX до VI вв. до н. э., неизвестен и автор (или авторы) этих поэм, неизвестно и то, возникли ли они первоначально в устной или письменной форме. В древности их автором называли Гомера, но о его личности уже тогда ничего не было известно¹.

Поэмы созданы на материале греческой героической мифологии, составляющей, как говорил К. Маркс, «не только арсенал греческого искусства, но и его почву»². Мифы о героях — легендарных родоначальниках племен и родов оформлялись в эпических песнях, передававшихся из поколения в поколение. Обе поэмы связаны с троянским циклом мифов, повествующих о походе ахейских (греческих) племен против малоазийского города Трои (Илиона). Причиной похода было похищение троянским царевичем Парисом Елены — жены Менелая — одного из ахейских вождей. Каждая из поэм излагает лишь отдельные эпизоды этого большого мифологического цикла.

Основой сюжета «Илиады» служит гнев Ахилла — самого могучего ахейского героя, оскорбленного верховным вождем ахейцев Агамемноном, и отказывающегося из-за этого принимать дальнейшее участие в битвах за Трою. Только гибель его друга Патрокла от руки троянского героя Гектора заставляет Ахилла снова вступить в сражение. Он убивает в поединке Гектора, описанием похорон которого заканчивается поэма.

В «Одиссее» рассказывается о возвращении на родину после разрушения Трои одного из ахейских героев «хитроумного» Одиссея, гонимого гневом бога морей Посейдоном. В поэме много приключенческого и сказочного материала, первоначально чуждого героическому эпосу. Большое место занимают картины мирного быта, что придает этой героико-приключенческой поэме черты семейно-бытового повествования. Еще в эпических песнях сложился особый эпический стиль, определявшийся как содержанием этих песен (сказания о героях-полубогах, о великом прошлом), так и устной формой их исполнения. Гомеровские поэмы сохранили характерные особенности этого стиля со стороны как формы (постоянные эпитеты, застывшие формулы, повторения, развернутые сравнения, гиперболы и т. п.), так и содержания — почти полное отсутствие изображе-

¹ Еще в античности возникает вопрос о происхождении этих поэм, так называемый «гомеровский вопрос», приобретающий с конца XVIII в. научный характер (труды немецкого филолога Ф. А. Вольфа) и не решенный окончательно до сих пор.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 736.

ния внутреннего мира героев (в силу принципиальной чуждости эпосу, возникшему в условиях общинно-родовых отношений) психологизма. Мотивировка поступков и чувств героев — внешняя, мифологическая, чаще всего объясняемая прямым вмешательством и волей богов, создающих второй («божественный») план поэм (действие разворачивается параллельно среди людей и среди богов). При всем мифологизме, пронизывающем обе поэмы, они создают многообразную, правдивую картину мира, человеческих судеб, социальных отношений эпохи их создания — периода разложения первобытно-общинного строя. Маркс отмечал то обаяние, которым обладает это искусство, продолжая, по его словам, «доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недостижимым образцом»¹.

Переводы поэм Гомера:

Гомер. Илиада/Пер. Н. И. Гнедича. М., 1960, 1982.

Гомер. Одиссея/Пер. В. А. Жуковского. М., 1959, 1981, 1982. Текст «Илиады» приводится по изданию: Гомер. Илиада. М., 1982. «Одиссеи» — Гомер. Одиссея. М., 1982.

Литература:

Лосев А. Ф. Гомер. М., 1960.

Шталь И. В. Гомеровский эпос. М., 1975.

Шталь И. В. Художественный мир гомеровского эпоса. М., 1983.

ГОМЕР

ИЛИАДА

Песнь первая

[Ссора Ахилла и Агамемнона]

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пеедеева сына, ?
Грозный, который ахейнам тысячи бедствий содеял:
Многие души могучия славных героев низринул
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть

плотоядным

- 5 Птицам окрестным и псам (совершалася Зевсова воля), —
С онаго дня, как, воздвигшие спор, вспыхнули враждою
Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный.

Кто ж от богов бессмертных подвиг их к враждебному
спору?

- Сын громовержца и Леты — Феб, царем прогневленный,
10 Язву на воинство злую навел; погибали народы

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 737.

- В казнь, что Атрид обесчестил жреца непорочного, Хриса.
Старец, он приходил к кораблям быстролётным ахейским
Пленную дочь искупить и, принеся бесчисленный выкуп,
И держа в руках, на жезле золотом, Аполлонов
15 Красный венец, умолял убедительно всех он ахеян,
Паче ж Атридов могучих, строителей рати ахейской:
«Чада Атрея и пышнопоножные мужи ахейцы!
О, да помогут вам боги, имущие дома в Олимпе,
Град Приамов разрушить и счастливо в дом возвратиться;
20 Вы ж свободите мне милую дочь и выкуп примите,
Чествуя Зевсова сына, далеко разящего Феба».
- Все изъявили согласие криком всеобщим ахейцы
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп;
Только царя Агамемнона было то не любо сердцу;
25 Гордо жреца отослал и прирек ему грозное слово:
«Старец, чтоб я никогда тебя не видал пред судами!
Здесь и теперь ты не медли и впредь не дерзай показаться!
Или тебя не избавят ни скиптр, ни венец Аполлона.
Деве свободы не дам я; она обветшает в неволе,
30 В Аргосе, в нашем доме, от тебя, от отчизны далече —
Ткальный стан обходя или ложе со мной разделяя.
Прочь удались и меня ты не гневай, да здрав
возвратишься!»

- Рек он; и старец трепещет и, слову царя покорясь,
Идет, безмолвный, по берегу немолчношумящей пучины.
35 Там, от судов удалившись, старец взмолился печальный
Фебу царя, депокудря Леты могучему сыну:
«Бог сребролукий,¹ внемли мне: о ты, что, хранящий,
обходишь
Хрису, священную Киллу, и мощно царишь в Тенедосе¹,
40 Сминфей!² если когда я храм твой священный украсил,
Если когда пред тобой возжигал я тучные бедра
Коз и тельцов, — услышь и исполни одно мне желанье:
Слезы мои отомсти аргивянам стрелами твоими!»

- Так воиял он, моляся; и внял Аполлон сребролукий!
Быстро с Олимпа вершин устремился, пышущий гневом,
45 Лук за плечами неся и колчан со стрелами, отовсюду
закрытый;
Громко крылатые стрелы, биясь за плечами, звучали
В шествии гневного бога: он шествовал, ночи подобный.
Сев, наконец, пред судами, пернатую быструю мечет;
Звон поразительный издал серебряный лук стреловержца.

50 В самом начале на месков напал он и псов
 празднобродных;
 После постиг и народ, смертоносными прыща стрелами;
 Частые трупов костры непрестанно пылали по стану.

Девять дней на воинство божие стрелы летели;
В день же десятый Пелид на собрание созвал ахеян.
55 В мысли ему то вложила богиня державная Гера;
Скорбью терзалась она, погибающих видя ахеян.
Быстро сходилась народ, и когда воедино собрался,
↳ Первый на сонме восстав, говорил Ахиллес быстроногий:
«Должно, Атрид, как вижу, обратно исплававши море,
60 В дома свои возвратиться, тогда лишь от смерти спасемся.
Вдруг и война, и погибельный мор истребляет ахеян.
Но испытajem, Атрид, и вопросим жреца, иль пророка,
Или гадателя снов (и сны от Зевеса бывают):
Пусть нам поведают, чем раздражен Аполлон небожитель?
65 Он за обет несвершенный, за жертву ль стотельчую
гневен?
Или от агнцев и избранных коз благовонного тука
Требует бог, чтоб ахеян избавить от пагубной язвы?»

Так произнесши, воссел Ахиллес; и мгновенно от сонма
Калхас восстал Фесторид, верховный птицегадатель.
Мудрый, ведал он все, что минуло, что есть и что будет
И ахейн суда по морям проводил к Илиону
Даром предвиденья, свыше ему вдохновенным от Феба.
Он, благомыслия полный, речь говорил и вещал им:
«Царь Ахиллес! возвестить повелел ты, любимец Зевеса,
Праведный гнев Аполлона, далеко разящего бога?
Я возвещу; но и ты согласишься, поклянешься мне, что верно
Сам ты меня защитить и словами готов и руками.
Я опасаюсь, прогневаю мужа, который верховный
Царь аргивян и которому все покорны ахейцы.
Слишком могуществен царь, на мужа подвластного
гневный:
Вспыхнувший гнев он на первую пору хотя и смиряет,
Но сокрытую злобу, доколе ее не исполнит,
В сердце хранит. Рассуди ж и ответствуй, заступник ли ты
мне?»

85 Быстро ему отвечая, вещал Ахиллес благородный:
«Верь и дерзай, возвести нам оракул, какой бы он ни был!
Фебом клянуся я, Зевса любимцем, которому, Калхас,
Молишься ты, открывая Данаям вещания бога:

Нет, пред судами никто, покуда живу я и вижу,
Рук на тебя дерзновенных, клянуся, никто не подымет
90 В стране ахейн; хотя бы назвал самого он Атрида,
Властию ныне верховной гордящегося в рати ахейской».

Рек он; и сердцем дерзнул, и вещал им пророк
непорочный:
«Нет, не за должный обет, не за жертву стотельчую гневен
Феб, но за Хриса жреца: обесчестил его Агамемнон,
95 Дщери не выдал ему и моление и выкуп отринул.
Феб за него покарал, и бедами еще покарает,
И от пагубной язвы разящей руки не удержит
Прежде, доколе к отцу не отпустят, без платы, свободной
Дщери его черноокой и в Хрису святой не представят
100 Жертвы стотельчей; тогда лишь мы бога на милость
преклоним».

Слово скончавши, воссел Фесторид; и от сонма
воздвигся
Мощный герой, пространно-властительный царь
Агамемнон,
Гневом волнуем; ужасной в груди его мрачное сердце
Злобой исполнилось; очи его засветились, как пламень,
105 Калхасу первому, смотря свирепу, вещал Агамемнон:
«Бед предвещатель, приятного ты никогда не сказал мне!
Радостно, верно, тебе человекам беды лишь пророчить;
Доброго слова еще не измолвил ты нам, не исполнил,
Се, и теперь ты для нас как глагол проповедуешь бога,
110 Будто народу беды дальномечущий Феб устрояет,
Мстя, что блестящих даров за свободу принять Хрисеиды
Я не хотел; но в душе я желал черноокую деву
В дом мой ввести; предпочел бы ее и самой Клитемнестре,
Девкою взятой в супруги; ее Хрисеида не хуже
115 Прелестью вида, приятством своим, и умом, и делами!
Но соглашаюсь, ее возвращаю, коль требует польза:
Лучше хочу я спасение видеть, чем гибель народа.
Вы ж мне в сей день замените награду; да в стане
аргивском
Я без награды один не останусь: позорно б то было;
120 Вы же то видите все; от меня отходит награда».

Первый ему отвечал Пелейон, Ахиллес быстроногий:
«Славою гордый Атрид, беспредельно корыстолюбивый!
Где для тебя обрести добродушным ахеям награду?
Мы не имеем нигде сохраняемых общих сокровищ.

- 125 Что в городах разоренных мы добыли, все разделили;
Снова ж, что было дано, отбирать у народа — позорно!
Лучше свою возврати, в угождение богу. Но после
Втрое и вчетверо мы, аргивяне, тебе то заплатим,
Если дарует Зевес крепкостенную Троя разрушить».
- 130 Быстро к нему обратясь, вещал Агамемнон могучий:
«Сколько ни доблестен ты, Ахиллес, бессмертным
подобный,
Хитро не умствуй: меня ни провесть, ни склонить не
успеешь.
Хочешь, чтоб сам обладал ты наградой, а я чтоб,
лишенный,
Молча сидел? и советуешь мне ты, чтоб деву я выдал?..
- 135 Пусть же меня удовольствуют новою мздою ахейцы,
Столько ж приятно сердцу, достоинством равною первой.
Если ж откажут, предстану я сам и из кущи исторгну
Или твою, иль Аякову мзду, или мзду Одиссея;
Сам я исторгну, и горе тому, пред кого я предстану!
- 140 Но об этом беседовать можем еще мы и после.
Ныне черный корабль на священное море ниспустим,
Сильных гребцов изберем, на корабль гекатомбу³ поставим
И сведем Хрисеиду, румяноланитую деву.
В нем да воссядет начальником муж от ахейан советных,
- 145 Идомей, Одиссей Лаертид иль Аякс Теламонид
Или ты сам, Пелейон, из мужей в ополченьи старейший!
Шествуй и к нам Аполлона умилостивь жертвой
священной!»
- Грозно взглянув на него, отвечал Ахиллес быstroногий:
«Царь, облеченный бесстыдством, коварный душою
мздолюбец!
- 150 Кто из ахейан захочет твои повеления слушать?
Кто иль поход совершит, иль с враждебными храбро
сразится?
Я за себя ли пришел, чтоб троян, укротителей коней,
Здесь воевать? Предо мною ни в чем не виновны трояне:
Муж их ни коней моих, ни тельцов никогда не похитил;
- 155 В счастливой Фтии⁴ моей, многолюдной, плодами
обильной,
Нив никогда не топтал; беспредельные нас разделяют
Горы, покрытые лесом, и шумные волны морские.
Нет, за тебя мы пришли, веселим мы тебя, на троянах
Чести ища Менелаю, тебе, человек псообразный!
- 160 Ты же, бесстыдный, считаешь, ничем то и все презираешь,

Ты угрожаешь и мне, что мою ты награду похитишь,
Подвигов тягостных мзду, драгоценнейший дар мне
ахеян?..

- Но с тобой никогда не имею награды я равной,
Если троянский цветущий ахеяне град разгромляют.
165 Нет, не смотря, что тягчайшее бремя томительной брани
Руки мои поднимают, всегда, как раздел наступает,
Дар богатейший тебе, а я и с малым, приятным
В стан не ропща возвращаюсь, когда истомлен
ратоборством.
Ныне во Фтию иду: для меня несравненно приятней
170 В дом возвратиться на быстрых судах; посрамленный
тобою,
Я не намерен тебе умножать здесь добыч и сокровищ».

Быстро воскликнул к нему повелитель мужей

Агамемнон:

- «Что же, беги, если бегства ты жаждешь! Тебя не прошу я
Ради меня оставаться; останутся здесь и другие;
175 Честь мне окажут они, а особенно Зевс промыслитель.
Ты ненавистнейший мне меж царями, питомцами Зевса!
Только тебе и приятны вражда, да раздоры да битвы.
Храбростью ты знаменит, но она дарование бога.
В дом возвратясь, с кораблями беги и с дружиной своею;
180 Властвуй своими фессальцами! Я о тебе не забочусь;
Гнев твой вменяю в ничто, а напротив, грожу тебе так я:
Требует бог Аполлон, чтоб я возвратил Хрисеиду —
Я возвращу, — и в моем корабле и с моею дружиной
Деву пошлю; но к тебе я приду, и из кущи твоей
Брисеиду
185 Сам увлеку я награду твою, чтобы ясно ты понял,
Сколько я властью выше тебя, и чтоб каждый
страшился
Равным себя не считать и дерзко верстаться со мною!»

- Рек он, — и горько Пелиду то стало: могучее сердце
В персях героя власатых меж двух волновалось мыслей:
190 Или, не медля исторгнувши меч из влагалища острый,
Встречных рассыпать ему и убить властелина Атрида,
Или свирепство смирить, обуздав огорченную душу.
В миг, как подобными думами разум и душу волнуя,
Страшный свой меч из ножен извлекал он, — явилась
Афина,
195 С неба слетев; ниспослала ее златотронная Гера,
Сердцем любя и храня обоих бранноносцев; Афина

- Став за хребтом, ухватила за русые кудри Пелида,
Только ему лишь явленная, прочим незримая в сонме.
Он ужаснулся и, вспять обратясь, познал несомненно
200 Дочь громовержцев: страшным огнем ее очи горели.
К ней обращенный лицом, устремил он крылатые речи:
«Что ты, о дочь Эгиоха, сюда низошла от Олимпа?
Или желала ты видеть царя Агамемнона буйство?
Но реку я тебе, и реченное скоро свершится:
205 Скоро сей смертный своею гордынею душу погубит!»

Сыну Пелея рекла светлоокая дочь Эгиоха:
«Бурный твой гнев укротить я, когда ты бессмертным
покорен,

- С неба сошла; ниспослала меня златотронная Гера;
Вас обоих равномерно и любит она, и спасает,
210 Кончи раздор, Пелейон, и, довольствуя гневное сердце,
Злыми словами язви, но рукою меча не касайся.
Я предрекаю, и оное скоро исполнено будет:
Скоро трижды тебе знаменитыми столько ж дарами
Здесь за обиду заплатят: смирися и нам повинуйся».

- 215 К ней обращаясь вновь, говорил Ахиллес Быстроногий:
«Должно, о Зевсова дочь, соблюдать повеленья ваши.
Как мой не пламенен гнев, но покорность полезнее будет:
Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют».

- Рек, и на сребренном черене стиснул могучую руку
220 И огромный свой меч в ножны опустил, покорясь
Слову Паллады; Зевсова дочь вознеслася к Олимпу
В дом Эгиоха отца, небожителей к светлому сонму.
Но Пелид быстроногий суровыми снова словами
К сыну Атрея вещал и отнюдь не обуздывал гнева:
225 «Грузный вином, со взорами песыми, с сердцем елени!
Ты никогда ни в сраженье открыто стать перед войском
Ни пойти на засаду с храбрейшими рати мужами
Сердцем твоим не дерзнул: для тебя то кажется смертью.
Лучше и легче стократ по широкому стану ахеян
230 Грабить дары у того, кто тебе прекословить посмеет.
Царь пожиратель народа! Зане над презренными царь
ты, —

- Или, Атрид, ты нанес бы обиду, последнюю в жизни!
Но тебе говорю, и великою клятвой клянуся,
Скипетром сим я клянуся, который ни листьев, ни ветвей
235 Вновь не испустит, однажды оставив свой корень
на холмах,

- Вновь не прозябнет; на нем изощренная медь обнажила
 Листья и кору; и ныне который ахейские мужи
 Носят в руках судии, уставов Зевесовых стражи, —
 Скиптр сей тебе пред ахейцами будет великою клятвой:
- 240 Время придет, как данаев сыны пожелают Пелида
 Все до последнего; ты ж, и крушася, бессилен им будешь
 Помощь подать, как толпы их от Гектора мужеубийцы,
 Свергнутся в прах; и душой ты своей истерзаешься, бешен
 Сам на себя, что ахейца храбрейшего так обесславил».
- 245 Так произнес, и на землю стремительно скипетр он
 бросил,
 Вкруг золотыми гвоздями блестящий, и сел меж царями.
 Против Атрид Агамемнон свирепствовал сидя; и Нестор
 Сладкоречивый¹ восстал; громкогласный² вития пилосский:
 Речи из уст его вещей, сладчайшие меда, лилися.
- 250 Два поколенья уже современных ему человекам
 Скрылись, которые некогда с ним возрастали и жили
 В Пилосе³ пышном: над третьим уж племенем царствовал
 старец.
- Он, благомыслия полный, советует им и вещает:
 «Боги! великая скорбь на ахейскую землю приходит!
- 255 О! возликует Приам и Приамовы гордые чада,
 Все обитатели Трои безмерно восхитятся духом,
 Если услышат, что вы воздвигаете горькую распрю, —
 Вы меж данаями первые в сонмах и первые в битвах!
 Но покоритесь, могучие! оба меня вы моложе.
- 260 Я уже древле видал знаменитейших вас бранноносцев;
 С ними в беседы вступал, и они не гнушались мною.
 Нет, подобных мужей не видал я и видеть не буду,
 Воев, каков Перифой и Дриас, предводитель народов,
 Грозный Эксаций, Кеней, Полифем, небожителям равный,
- 265 И рожденный Эгеем Тесей, бессмертным подобный!
 Се человеки могучие, слава сынов земнородных!
 Были могучи они, с могучими в битвы вступали,
 С лютыми чадами гор⁴, и сражали их боем ужасным.
 Был я, однако, и с оными в дружестве, бросивши Пилос,
- 270 Дальнюю Апии⁵ землю: меня они вызвали сами.
 Там я, по силам моим, подвизался, но с ними стяжаться
 Кто бы дерзнул от живущих теперь человекам наземных?
 Но и они мой совет принимали и слушали речи.
 Будьте и вы послушны: слушать советы полезно.
- 275 Ты, Агамемнон, как ни могуч, не лишай Ахиллеса
 Девы: ему как награду ее даровали ахейцы.
 Ты, Ахиллес, воздержись горделиво с царем препираться:

Чести подобной отныне еще не стяжал ни единый
Царь скиптоносец, которого Зевс возвеличивал славой,
280 Мужеством ты знаменит, родила тебя мать-богиня;
Но сильнейший здесь он, повелитель народов несчетных.
Сердце смири, Агамемнон; я, старец, тебя умоляю,
Гнев отложи на Пелида героя, который сильнейший
Всем нам, ахейцам, оплот в истребительной брани
троянской».

285 Быстро ему отвечал повелитель мужей, Агамемнон:
«Так, справедливо ты все и разумно, о старец, вещаешь;
Но человек сей, ты видишь, хочет здесь всех превзойти,
Хочет начальствовать всеми, господствовать в рати над
всеми,
Хочет указывать всем, но не я покориться намерен.
290 Или, что храбрым его сотворили бессмертные боги.
Тем позволяют ему говорить мне в лицо оскорбления?»

Гневно его перервав, отвечал Ахиллес благородный:
«Робким, ничтожным меня справедливо бы все называли,
Если б во всем, что ни скажешь, тебе угодил я,
безмолвный,
295 Требуй того от других, напыщенный властительством; мне
же
Ты не приказывай: слушать тебя не намерен я боле!
Слово иное скажу, и его сохрани ты на сердце:
В битву с оружием в руках никогда за плененную деву
Я не вступлю, ни с тобой и ни с кем; отымайте, что дали!
300 Что ж до корыстей других, в корабле моем черном
хранимых,
Противу воли моей ничего ты из них не похитишь!
Или, приди и отдавай, пускай и другие увидят:
Черная кровь из тебя вкруг копья моего заструится!»

Так воеводы, жестоко друг с другом словами сражаясь,
305 Встали от мест и разрушили сонм пред судами ахейан.
Царь Ахиллес к мирмидонским своим кораблям
быстролетным
Гневный отшел, и при нем Менетид с мирмидонской
дружиной.
Царь Агамемнон легкий корабль ниспустил на пучину.
Двадцать избрал гребцов, поставив на нем гекатомбу,
310 Дар Аполлону, и сам Хрисеиду, прекрасную деву,
Взвел на корабль: повелителем стал Одиссей многоумный,
<...>

Песнь вторая

[Терсит]

- 185 <...> Сам Одиссей Лаертид, на пути Агамемнона встретив,
Взял от владыки отцовский вовеки не гибнувший скипетр;
С оным скиптром пошел к кораблям аргивян беднобронных;
Там, властелина или знаменитого мужа встречая,
К каждому он подходил и удерживал кроткою речью:
- 10 «Муж знаменитый! тебе ли, как робкому, страху вдаваться?
Сядь, успокойся и сам, успокой и других меж народа;
Ясно еще ты не знаешь намерений думы царевой;
Ныне испытывал он, и немедля накажет ахеян:
В сонме не все мы слышали, что говорил Агамемнон;
- 195 Если он гневен, жестоко, быть может, поступит с народом.
Тягостен гнев царя, питомца Крониона Зевса;
Честь скиптроносца от Зевса, и любит его промыслитель».
- Если ж кого-либо шумного он находил меж народа,
Скиптром его поражал и обуздывал грозною речью:
- 200 «Смолкни, несчастный, воссядь и других совещания
слушай,
Боле почтенных, как ты! Невоинственный муж и
бессильный,
Значащим ты никогда не бывал ни в боях, ни в советах.
Всем не господствовать, всем здесь не царствовать над
аргивянам!
- Нет в многовластии блага; да будет единый властитель,
205 Царь нам да будет единый, которому Зевс прозорливый
Скиптр даровал и законы: да царствует он над другими».

- Так он господствуя, рать подчинял; и на площадь
собраний
Бросился паки народ от своих кораблей и от кущей
С воплем, подобно как волны немолчношумящего моря,
- 210 В брег разбиваясь огромный, гремят, — и ответствует
понт им.
- Все успокоились, тихо в местах учрежденных сидели;
Только Терсит меж безмолвными каркал один,
празднословный;
В мыслях вращая всегда непристойные многие речи,
Вечно искал он царей оскорблять, презирая пристойность,
- 215 Все позволяя себе, что казалось смешно для народа.
Муж безобразнейший, он меж данаев пришел к Илиону:
Был косоглаз, хромоног; совершенно горбатые сзади
Плечи на персях сходились; глава у него подымалась

- Вверх острием и была лишь редким усеяна пухом.
 220 Враг Одиссея и злейший еще ненавистник Пелида,
 Их он всегда порицал, но теперь скиптроносца Атрида
 С криком пронзительным он поносил; на него аргивяне
 Гневались страшно; уж восставал негодующих ропот;
 Он же, усиля свой крик, порицал Агамемнона, буйный;
 225 «Что, Агамемнон, ты сетуешь, чем ты еще недоволен?
 Кущи твои преисполнены меди, и множество пленниц
 В куцах твоих, которых тебе аргивяне избранных
 Первому в рати даем, когда города разоряем.
 Жаждешь ли злата еще, чтоб его кто-нибудь из троянских
 230 Конников славных принес для тебя, в искупление сына,
 Коего в узах я бы привел, иль другой аргивянин?
 Хочешь ли новой жены, чтоб любовию с ней наслаждаться,
 В сень одному заключившись? Нет, недостойное дело,
 Бывши главою народа, в беды вовлекать нас, ахеян!
 235 Слабое, робкое племя, ахеянки мы, не ахейцы!
 В дома свои отплывем; а его мы оставим под Троей,
 Здесь насыщаться чужими наградами: пусть он узнает,
 Служим ли помощью в брани и мы для него, иль
 не служим.
 Он Ахиллеса, его несравненно храбрейшего мужа,
 240 Днесь обесчестил: похитил награду и властвует ею!
 Мало в душе Ахиллесовой злобы; он слишком беспечен;
 Или, Атрид, ты нанес бы обиду, последнюю в жизни!»

- Так говорил, оскорбляя Атрида, владыку народов,
Буйный Терсит; но внезапно к нему Одиссей устремился.
 245 Гневно воззрел на него и воскликнул голосом грозным:
 «Смолкни, безумноречивый, хотя громогласный вития!
 Смолкни, Терсит, и не смей ты один скиптроносцев
 порочить.
 Смертного боле презренного, нежели ты, я уверен,
 Нет меж ахеян, с сынами Атрея под Трою пришедших.
 250 Имени наших царей не вращай ты в устах, велереча!
 Их не дерзай порицать, ни речей уловлять о возврате!
 Знает ли кто достоверно, чем окончится дело?
 Счастливо или несчастливо мы возвратимся, ахейцы?
 Ты, безрассудный, Атрида, вождя и владыку народов
 255 Сидя, злословишь, что слишком ему аргивяне герои
 Много дают, и обиды царю произносишь на сонме!
 Но тебе говорю я, и слово исполнено будет,
 Если еще я тебя безрассудным, как ныне, увижу,
 Пусть Одиссея главы на плечах могучих не будет,
 260 Пусть я от одного дня не зовуся отцом Телемаха,

Если схвативши тебя, не сорву я твоих одеяний,
Хлены с ramen и хитона, и даже что стыд покрывает,
И, навзрыд вопиющим, тебя к кораблям не пошлю я
Вон из родного сонма, повторно избитого мною».

- 265 Рек и скиптром его по хребту и плечам он ударил.
Сжался Терсит, из очей его брызнули крупные слезы;
Вдруг по хребту полоса, под тяжестью скиптра золотого,
Вздулась багровая; сел он, от страха дрожа: и от боли
Вид безобразный наморщив, слезы отер на ланитах.
270 Все, как ни были смутны, от сердца над ним рассмеялись;
Так говорили иные, взирая один на другого:
«Истинно, множество славных дел Одиссей совершает,
К благу всегда и совет начиная, и брань учреждая.
Ныне ж герой Лазртид совершил знаменитейший подвиг:
275 Ныне ругателя буйного он обуздал велеречью!
Верно, вперед не отважит его дерзновенное сердце
Зевсу любезных царей оскорблять поносительной речью!»
Так говорила толпа <...>

Песнь шестая

[Свидание Гектора с Андромахой]

- 370 Скоро достигнул герой своего богозданного дома;
Но в дому не нашел Андромахи лилейнораменной;
С сыном она и с одною кормилицей пышноодежной
Вышед, стояла на башне, печально стеная и плача.
Гектор, в дому у себя не нашед непорочной супруги,
375 Стал на пороге и так говорил прислужницам женам:
«Жены-прислужницы, вы мне скорее поведайте правду:
Где Андромаха супруга, куда удалилась из дому?
Вышла ль к золовкам своим, иль к невесткам
пышноодежным,
Или ко храму Афины поборницы, где и другие
380 Жены Троян благородные грозную молят богиню?»
- И ему отвечала усердная ключница дома:
«Гектор, когда повелел ты, тебе я поведаю правду.
Нет, не к золовкам своим, не к невесткам пошла
Андромаха,
Или ко храму Афины поборницы, где и другие
385 Жены Троян благородные грозную молят богиню, —
К башне пошла илионской великой: встревожилась вестью,

Будто троян утесняет могучая сила ахейн;
И к стене городской, торопливая, ринулась бегом,
Словно умом исступленная; с ней и кормилица с сыном».

Так отвечала, — и Гектор стремительно из дому вышел
Прежней дорогой назад, по красивоустроенным стогнам.
Он приближался уже, протекая обширную Трою,
К Скейским воротам (через них был выход из города
в поле);

Там Андромаха супруга, бегущая встречу предстала,
395 Отрасль богатого дома, прекрасная дочь Этиона;
Сей Этион обитал при подошвах лесистого Плака,
В Фивах Плакийских, мужей киликийн властитель
державный,

Оного дочь сочеталася с Гектором меднодоспешным.
Там предстала супруга: за нею одна из прислужниц
400 Сына у персей держала, бессловного вовсе, младенца,
Плод их единый, прелестный, подобный звезде лучезарной.
Гектор его назвал Скамандрием, граждане Трои —
Астианаксом⁸: единый бо Гектор защитой был Трои.
Тихо отец улыбнулся, безмолвно взирая на сына.

405 Подле него Андромаха стояла, лиющая слезы;
Руку пожала ему и такие слова говорила:
«Муж удивительный, губит тебя твоя храбрость! ни сына
Ты не жалеешь, младенца, ни бедной матери; скоро
Буду вдовой я, несчастная! скоро тебя аргивяне,
410 Вместе нападши, убьют! А тобою покинутой, Гектор,
Лучше мне в землю сойти: никакой мне не будет отрады,
Если, постигнутый роком, меня ты оставишь: удел мой —
Горести! Нет у меня ни отца, ни матери нежной!
Старца отца моего умертвил Ахиллес быстроногий,

415 В день, как и град разорил киликийских народов
цветущий,

Фивы высоковоротные. Сам он убил Этиона,
Но не смел обнажить: утратился нечестия сердцем;
Старца он предал сожжению вместе с оружием пышным.
Создал над прахом могилу, и окрест могилы той улымы
420 Нимфы холмов насадили, Зевеса великого дщери.
Братья мои однокровные — семь оставалось их в доме —
Все и в единый день переселились в обитель Аида:
Всех злополучных избил Ахиллес, быстроногий ристатель,
В стаде застигнув тяжелых тельцов и овец белорунных.
425 Матерь мою, при долинах дубравного Плака царицу,
Пленницей в стан свой привлек он с другими добычами
брани,

- Но даровал ей свободу, приняв неисчислимый выкуп;
 Феба ж и мать мою поразила в отеческом доме!
 Гектор, ты все мне теперь — и отец, и любезная мать;
- 430 Ты и брат мой единственный, ты и супруг мой прекрасный!
 Сжался же ты надо мною и с нами останься на башне,
 Сына не сделай ты сирым, супруги не сделай вдовою,
 Воинство наше поставь у смоковницы: там наипаче
 Город приступен врагам и восход на твердыню удобен:
- 435 Трижды туда приступая, на град покушались герои,
 Оба Аякса могучие, Идомений знаменитый,
 Оба Атрея сыны и Тидид, дерзновеннейший воин.
 Верно, о том им сказал прорицатель какой-либо мудрый,
 Или, быть может, самих устремляло их вешнее сердце».
- 440 Ей отвечал знаменитый, шеломом блистающий Гектор:
 «Все и меня то, супруга, не меньше тревожит, но
страшный
 Стыд мне пред каждым троянцем и длинноодежной
троянкой,
 Если, как робкий, останусь я здесь, удаляясь от боя.
 Сердце мне то запретит; научился быть я бесстрашным,
- 445 Храбро всегда, меж троянами первыми, биться на битвах,
 Славы доброй отцу и себе самому добывая:
 Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью, и сердцем,
 Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
 С нею погибнет Приам и народ копьеносца Приама.
- 450 Но не столько меня сокрушает грядущее горе
 Трои, Приама родителя, матери дряхлой, Гекубы,
 Горе тех братьев возлюбленных, юношей многих
и храбрых,
 Кои полягут во прах под руками врагов разъяренных,
 Сколько твое, о супруга! тебя меднолатный ахеец,
- 455 Слезы лиющую, в плен повлечет и похитит свободу!
 И, невольница, в Аргосе будешь ты ткать чужеземке,
 Воду носить от ключей Мессеяса иль Гипперей,
 С ропотом горьким в душе; но заставит жестокая нужда!
 Льющую слезы тебя кто-нибудь там увидит и скажет:
- 460 Гектора это жена, превышавшего храбростью в битвах
 Всех конеборцев троян, как сражались вкруг Илиона!
 Скажет — и в сердце твоём пробудится новая горечь:
 Вспомнишь ты мужа, который тебя защитил бы
от рабства!
 Но да погибну и буду засыпан я перстью земною
- 465 Прежде, чем план твой увижу и жалобный вопль твой
услышу!»

Рек — и сына обнять устремился блистательный

Гектор;

Но младенец назад, пышноризой кормилицы к лону
С криком припал, утрашася любезного отчего вида,
Яркою медью испуган и гребнем косматовласатым,
470 Видя ужасно его закачавшимся сверху шелома.
Сладко любезный родитель и нежная мать улыбнулись.
Шлем с головы немедля снимает божественный Гектор,
Наземь кладет его, пышноблестящий, и, на руки взявши
Милого сына, целует, качает его и, поднявши,
475 Так говорит, умоляя и Зевса, и прочих бессмертных:
«Зевс и бессмертные боги! о, сотворите, да будет
Сей мой возлюбленный сын, как и я, знаменит среди

граждан;

Так же и силою крепок, и в Трое да царствует мощно,
Пусть о нем некогда скажут, из боя идущего видя:
480 «Он и отца превосходит! И пусть он с кровавой корыстью
Входит, врагов сокрушитель, и радует матери сердце!»

Рек и супруге возлюбленной на руки он полагает
Милого сына; дитя к благовонному лону прижала
Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супруг умилился душевно,
485 Обнял ее и, рукою ласкающей, так говорил ей:
«Добрая! Сердце себе не круши неумеренной скорбью.
Против судьбы человек меня не пошлет к Аидесу;
Но судьбы, как я мню, не избег ни один земнородный
Муж, ни отважный, ни робкий, как скоро на свет он
родился.

490 Шествуй, любезная, в дом, озаботься своими делами;
Тканьем, пряжей займися, приказывай женам домашним
Дело свое исправлять; а война — мужей озаботит
Всех, наиболее ж меня, в Илионе священном рожденных».

Речи окончивши, поднял с земли бронеблещущий

Гектор

495 Гривистый шлем; и пошла Андромаха безмолвная к дому,
Часто назад озираясь, слезы ручьем проливая.
Скоро достигла она устроением славного дома
Гектора мужегубителя; в оном служительниц многих
Собранных вместе, нашла и к плечу их всех возбудила:
500 Ими заживо Гектор был в своем доме оплакан.
Нет, они помышляли, ему из погибельной брани
В дом не прийти, не избежать от рук и свирепства данаев

〈...〉

Песнь восемнадцатая

[Щит Ахилла]

(Бог Гефест по просьбе Фетиды изготавливает оружие для Ахилла)

- Так произнесши, оставил ее и к мехам приступил он,
Все на огонь обратил их и действовать дал повеленье.
470 Разом в отверстия горнильные двадцать мехов задышали.
Разным из дул их дыша раздувающим пламень дыханьем.
Или порывным, служа поспешавшему, или спокойным,
Смотря на волю творца и на нужду творимого дела.
Сам он в огонь распыхавшийся медь некрушимую
ввергнул,
475 Олово бросил, серебро, драгоценное золото; и после
Тяжкую наковальню насадил на столп, а в десницу
Молот огромнейший взял, и клещи захватил он другою,
И в начале работал он щит и огромный и крепкий,
Весь украшая изящно; кругом его вывел он обод
480 Белый, блестящий, тройной и приделал ремень
серебристый.
Щит из пяти составил листов и на круге обширном
Множество дивного бог по замыслам творческим сделал,
Там представил он землю, представил и небо, и море,
Солнце, в пути неистомное, полный серебряный месяц,
485 Все прекрасные звезды, какими венчается небо:
Видны в их сонме Плеяды, Гиады и мощь Ориона,
Арктос, сынами земными еще колесницей зовомый;
Там он всегда обращается, вечно блюдет Ориона
И единый чуждается мыться в волнах Океана.
- 490 Там же два града представил он ясеноречивых народов:
В первом, прекрасно устроенном, браки и пиршества зрелись.
Там невест из чертогов, светильников ярких при блеске,
Брачных песней при кликах, по стогнам градским
провожают.
Юноши хорами в плясках кружатся; меж них раздаются
495 Лир и свирелей веселые звуки; почтенные жены
Смотрят на них и дивуются, стоя на крыльцах воротных.
Далее много народа толпится на торжище; шумный
Спор там поднялся; спорили два человека о пене,
Мзде за убийство, и клялся один, объявляя народу,
500 Будто он все заплатил, а другой отрекался в приеме.
Оба решились, представив свидетелей, тяжбу их кончить.

Граждане вокруг их кричат, своему доброхотствуя каждый;
Вестники шумный их крик укрощают, а старцы градские,
Молча на тесаных камнях сидят средь священного круга,
505 Скипетры в руки приемлют от вестников звонкоголосых,
С ними встают, и один за другим свой суд произносят.
В круге, пред ними, лежат два таланта чистого злата,
Мзда для того, кто из них справедливее право докажет.

Город другой облежали две сильные рати народов,
510 Страшно сверкая оружием. Рати двояко грозили:
Или разрушить, иль граждане с ними должны разделиться
Всеми богатствами, сколько цветущий их град заключает.
Те не склонялись еще и готовились к тайной засаде.
Стену стеречь по забралам супруг поставив любезных,
515 Юных сынов и мужей, которых постигнула старость,
Сами выходят; вождями их идут Арей и Паллада,
Оба златые, одетые оба златою одеждой;
Вид их прекрасен, в доспехах величествен, сущие боги!
Всем отличны они; человеки далеко их ниже.
520 К месту пришедшие, где им казалось удобной засада,
К берегу речному, где был водопой табунов разнородных,
Там заседают они, прикрываясь блестящею медью.
Два соглядатая их, отделясь, впереди заседают.
Смотрят кругом, не узрят ли овец и волков подходящих.
525 Скоро стада показались; два пастуха за стадами,
Тешась цевницею звонкой, идут, не предвидя коварства.
Быстро, увидевши их, нападают засевшие мужи,
Грабят и гонят рогатых волов и овец сереброрунных;
Целое стадо угнали и пастырей стада убили.
530 В стане, как скоро слышали крик и тревогу при стаде,
Вои, на площади стражей стоящие, быстро на коней
Бурных вскочили, на крик поскакали и вмиг принеслися.
Строем становятся, битвою бьются по берегу речному,
Колют друг друга, метая стремительно медные копыя.
535 Рыщут и Злоба, и Смута, и страшная Смерть между нами:
Держит она то пронзенного, то непронзенного ловит,
Или убитого за ногу тело волочит по сече;
Риза на персях его обогрвлена кровью людскою.
В битве, как люди живые, они нападают и бьются
540 И один пред другим увлекают кровавые трупы.

Сделал на нем и широкое поле, тучную пашню,
Рыхлый, три раза распаханый пар; на нем землепашцы
Гонят яремных волов, и назад и вперед обращаясь,
И всегда, как обратно к концу приближаются нивы,

- 545 Каждому в руки им кубок вина, веселящего сердце,
Муж подает; и они, по своим полосам обращаясь,
Вновь поспешают дойти до конца глубокообразного пара.
Нива, хотя и золотая, чернеется сзади орущих,
Вспаханной ниве подобясь: такое он диво представил.
- 550 Далее выделал поле с высокими нивами; жатву
Ждали наемники, острыми в дланях серпами сверкая,
Здесь полосой непрерывною падают горстни густые;
Там перевязчики их в снопы перевязлами вяжут.
Три перевязчика ходят за жнущими; сзади их дети,
- 555 Горстая быстро колосья, одни за другими в охапах
Вяжущим их подают. Властелин между ними, безмолвно,
С палицей в длани, стоит на бразде и душой веселится.
Вестники одаль, под тению дуба, трапезу готовят;
В жертву заклавши вола, вокруг него суетятся; а жены
- 560 Белую сеют муку для сладостной вечери жнущим.

Сделал на нем отягченный гроздием сад виноградный,
Весь золотой, лишь одни виноградные кисти чернелись;
И стоял он на серебряных, рядом вонзенных подпорах.
Около саду и ров темно-синий и белую стену

- 565 Вывел из олова; к саду одна пролежала тропина,
Коей носильщики ходят, когда виноград собирают.
Там и девицы и юноши, с детской веселостью сердца,
Сладостный плод носили в прекрасно плетеных корзинах,
В круге их отрок прекрасный по звонкорочущей лире
- 570 Сладко бряцал, припевая прекрасно под струны
Голосом тонким; они же вокруг его, пляшучи стройно,
С пеньем, и с криком, и с топотом ног хороводом несутся.

Там же и стадо представил волов, воздымающих роги:
Их он из золота одних, а других из олова сделал.

- 575 С ревом волы, из оград вырываясь, мчатся на паству,
К шумной реке, к камышу густому по влажному берегу.
Следом за стадом и пастыри идут, четыре, золотые,
И за ними следуют девять псов быстроногих.
Два густогривые льва на передних волов нападают;
- 580 Тяжко мычащего ловят быка; и ужасно ревет он,
Львами влекомый; и псы на защиту и юноши мчатся;
Львы повалили его и, сорвавши огромную кожу,
Черную кровь и утробу глотают; напрасно трудятся
Пастыри львов испугать, быстроногих псов подстрекая.
- 585 Псы их не слушают; львов трепеща, не берут их зубами:
Близко подступая, залают на них и назад убегают.

Далее — сделал роскошную паству Гефест знаменитый:
В тихой долине прелестной несчетных овец сереброрунных
Стоила, под кровлей хлева, и смиренные пастырей кущи.

- 590 Там же Гефест знаменитый извил хоровод разнообразный,
Оному равный, как древле в широкоустроенном Кноссе
Выделал хитрый Дедал Ариадне прекрасноволосой.
Юноши тут и цветущие девы, желанные многим,
Пляшут, в хор круговидный любезно сплетая руками.
- 595 Девы в одежды льняные и легкие, отроки в ризы
Светло одеты и их чистотой, как елеем, сияют.
Тех — венки из цветов прелестные всех украшают,
Сих — золотые ножи, на ремнях чрез плечо серебристых.
Пляшут они, и ногами искусными то закружатся,
- 600 Столь же легко, как в стану колесо под рукою испытной,
Если скудельник его испытует, легко ли кружится;
То разовьются и пляшут рядами, одни за другими.
Купа селян окружает пленительный хор и сердечно
Им восхищается; два среди круга их головоходы,
- 605 Пение в лад начиная, чудесно вертятся в середине.

Там и ужасную силу представил реки Океана,
Коим под верхним он ободом щит окружил велелепный.

- Так изукрашенно выделав щит и огромный и крепкий,
Сделал Гефест и броню, светлее, чем огненный пламень;
- 610 Сделал и тяжкий шелом, Пелейона главе соразмерный,
Пышный, кругом изукрашенный, гребнем златым
повершенный;
- После из олова гибкого сделал ему и поножи.
И когда все доспехи сковал Олимпийский художник,
Взяв, пред Пелидовой матерью их положил он на землю.
- 615 И, как ястреб, она с осребренного снегом Олимпа
Бросилась, мча от Гефеста блестящие сына доспехи.

Песнь двадцать четвертая

[Приам у Ахилла]

- Так, возгласивши, к Олимпу великому быстро вознеся
Гермес. Приам, с колесницы стремительно прянув на землю,
- 470 Там оставляет Идея, дабы он стоял, охраняя
Коней и месков; а сам устремляется прямо в обитель,
Где Ахиллес находился божественный. Там Пелейона
Старец увидел; друзья в отдалении сидели; но двое,
Отрасль Ароя Алким и смиритель коней Автомедон,

- 475 Близко стоя, служили; недавно он вечерю кончил,
Пищи вкусив и питья, и пред ним еще стол оставался.
Старец, никем не примеченный, входит в покой и, Пелиду
В ноги упав, обымает колена и руки целует, —
Страшные руки, детей у него погубившие многих!
- 480 Так, если муж, преступлением тяжким покрытый в отчизне,
Мужа убивший, бежит и к другому народу приходит,
К сильному в дом, — с изумлением все на пришельца
взирают, —
- Так изумился Пелид, боговидного старца увидев;
Так изумилися все, и один на другого смотрели,
- 485 Старец же речи такие вещал, умоляя героя:
«Вспомни отца своего, Ахиллес, бессмертным подобный,
Старца, такого ж, как я, на пороге старости скорбной!
Может быть, в самый сей миг и его, окруживши, соседи
Ратью теснят, и некому старца от горя избавить.
- 490 Но, по крайней он мере, что жив ты, и зная, и слыша,
Сердце тобой веселит и вседневно льстится надеждой
Милого сына узреть, возвратившегося в дом из-под Трои.
Я же, несчастнейший смертный, сынов возрастил
бранноносных
- В Трое святой, и из них ни единого мне не осталось!
- 495 Я пятьдесят их имел при нашествии рати ахейской:
Их девятнадцать братьев от матери было единой;
Прочих родили другие любезные жены в чертогах;
Многим Арей истребитель сломил им несчастным колена.
Сын оставался один, защищал он и град наш, и граждан;
- 500 Ты умертвил и его, за отчизну сражавшегося храбро,
Гектора! Я для него прихожу к кораблям мирмидонским;
Выкупить тело его приношу драгоценный я выкуп.
Храбрый! Почти ты богов! над моим злополучием сжался,
Вспомнив Пелея отца: несравненно я жалче Пелея!
- 505 Я испытую, чего на земле не испытывал смертный:
Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!»

- Так говоря, возбудил об отце в нем плачевные думы;
За руку старца он взял, от себя отклонил его тихо.
Оба они вспоминая: Приам — знаменитого сына,
- 510 Горестно плакал, у ног Ахиллесовых в прахе простертый;
Царь Ахиллес, то отца вспоминая, то друга Патрокла,
Плакал, и горестный стон их кругом раздавался по дому.
Но, когда насладился, Пелид благородный слезами
И желание плакать от сердца его отступило, —
- 515 Быстро восстал он и за руку старца простертого поднял,
Тронут глубоко и белой главой, и брадой его белой;

- Начал к нему говорить, устремляя крылатые речи,
«Ах, злополучный! много ты горестей сердцем изведal!
Как ты решился, один, при судах мирмидонских явиться
520 Мужу пред очи, который сынов у тебя знаменитых
Многих повергнул? В груди твоей, старец, железное сердце!
Но успокойся, воссядь, Дарданион; и как мы ни грустны,
Скроем в сердца и заставим безмолствовать горести наши.
Сердца крушительный плач ни к чему человеку не служит:
525 Боги судили всесильные нам, человекам несчастным,
Жить на земле в огорчениях; боги одни беспечальны.
Две глубокие урны лежат перед прагом Зевеса,
Полны даров: счастливых одна и несчастных другая.
Смертный, которому их посылает, смесивши, Кронион,
530 В жизни своей перемененно и горесть находит и радость;
Тот же, кому он несчастных пошлет, — поношению предан;
Нужда, грызущая сердце, везде по земле его гонит;
Бродит несчастный, отринут бессмертными, смерными
презрен,

- Так и Пелея — дарами осыпали светлыми боги
535 С юности нежной; украшенный выше сынов земнородных
Счастьем, богатством, владыка могучий мужей
мирмидонских,
Смертный, супругой богиню приял от руки он бессмертных.
Бог и ему ниспослал злополучие: он не имеет
В доме своем поколения, сына, наследника царства.
540 Сын у Пелея один, кратковечный; но я и доньше
Старца его не покою; а здесь, от отчизны далеко,
Здесь я в Троаде сию и тебя, и твоих огорчаю.
Сам ты, о, старец, мы слышали, здесь благоденствовал
прежде,
Сколько народов вмещали обитель Макарова, Лесбос,
545 Фригия, край плодоносный, а здесь — Геллеспонт
бесконечный!
Ты среди всех, говорят, и богатством блистал, и сынами.
Но, как беду на тебя ниспослали небесные боги,
Около Трои твоей неумолкная брань и убийство.
Будь терпелив и печалью себя не круши непрерывной:
550 Ты ничего не успеешь, о сыне печалюся; плачем
Мертвого ты не подымеешь, но горе свое лишь умножишь!»

- Сыну Пелея отвечивал старец Приам боговидный:
«Нет, не сяду я, Зевсов любимец, доколе мой Гектор
В куще лежит, погребенью не преданный! Дай же скорее,
555 Дай сим очам его видеть! а сам ты прими искупление:

Мы принесли драгоценное. О, насладись им и счастлив
В край возвратися родимый, когда ты еще позволяешь
Старцу мне бедному жить и солнца сияние видеть!»

- Грозно взглянув на него, говорит Ахиллес быстроногий:
560 «Старец, не гневай меня! Разумею и сам я, что должно
Сына тебе возвратить: от Зевса мне весть приносила
Мать моя среброногая, нимфа морская Фетида.
Чувствую, что и тебя (от меня ты, Приам, не сокроешь)
Сильная бога рука провела к кораблям мирмидонским;
565 Нет, не осмелился б смертный, и младостью пылкой
цветущий,
В стан наш вступить: ни от стражей недремлющих он бы
не скрылся,
Ни засовов легко б на воротах моих не отдвинул.
Смолкни ж, и более мне не волнуй ты болящего сердца;
Или страшись, да тебя, не взирая, что ты и молителъ,
570 К куще моей я не брошу и Зевсов закон не нарушу».

- Так говорил; устранился Приам и, покорный, умолкнул.
Сын же Пелеев, как лев, из обители бросился к двери;
Но не один: за царем устремилися два из клеветов,
Сильный Алким и герой Автомедон, которых меж друзей
575 Более всех Пелейон почитал по Патрокле умершем.
Быстро они от ярма отрешили и коней и месков,
В кущу ввели и глашатая старцева; там посадивши
Мужа на стуле, поспешно с красивого царского воза
Собрали весь многоценный за голову Гектора выкуп;
580 Две лишь оставили ризы и тонкий хитон хитротканый,
С мыслью, чтоб тело покрытое в дом отпустить от Пелида.
Он же, вызвав рабынь, повелел и омыть, и мастьми
Тело намазать, но тайно, чтоб сына Приам не увидел:
Он опасался, чтоб гневом не вспыхнул отец огорченный,
585 Сына узрев, и чтоб сам он тогда не подвинулся духом
Старца убить и нарушить священные Зевса заветы.
Тело рабыни омыли, умаслили мастью душистой,
В новый одели хитон и покрыли прекрасною ризой;
Сам Ахиллес и поднял, и на одр положил Приамида, —
590 Но друзья совокупно на блещущий воз положили.
Он же тогда возопил, именуя любезного друга:
«Храбрый Патрокл! Не ропщи на меня ты, ежели
слышишь
В мрачном Аиде, что я знаменитого Гектора тело
Выдал отцу: не презренными он заплатил мне дарами;
595 В жертву тебе и от них принесу я достойную долю».

- Так произнес — и под сень возвратился Пелид
 благородный;
 Сел на изящно украшенных креслах, оставленных
 прежде,
 Против Приама стоявших, и слово к нему обратил он:
 «Сын твой тебе возвращен, как желал ты, божественный
 старец;
- 600 Убран лежит на одре. С восходом Зари возвращаясь,
 Сам ты увидишь его; но теперь мы о пище вспомним.
 Пищи забыть не могла и несчастная мать Ниоба,
 Мать, которая разом двенадцать детей потеряла,
 Милых шесть дочерей и шесть сыновей расцветающих.
- 605 Юношей Феб поразил из блестящего лука стрелами,
 Мстящий Ниобе, а дев — Артемида, гордая луком.
 Мать их дерзала равняться с румяноланитною Летой;
 Лета двоих, говорила, а я многочисленных матерь!
 Двое сии у гордившейся матери всех погубили.
- 610 Девять дней валялись трупы; и не было мужа
 Гробу предать их: в камень людей превратил
 громовержец.
 Мертвых в десятый день погребли милосердные боги.
 Плачем по ним истомая, и мать вспомняла о пище.
 Ныне та мать на скалах, на пустынных горах Сипилийских,
- 615 Где, повествуют, богини покоиться любят в пещерах,
 Нимфы, которые часто у вод Ахелоевых пляшут, —
 Там, от богов превращенная в камень, страдает Ниоба.
 Так, божественный старец, и мы помыслим о пище.
 Время тебе остается оплакать любезного сына,
- 620 В Трою привезши; там для тебя многослезен он будет».

- Рек и, стремительно встав, Ахиллес белоруною овцу
 Сам закалат; друзья, обнажив и опрытав, как должно,
 В мелкие части искусно дробят, прободают рожнами,
 Ловко пекут на огне и готовые части снимают.
- 625 Хлеб между тем принеся, поставил на стол Автомедон
 В пышных корзинах; но брашно делил Ахиллес
 благородный.
 Оба к предложенным яствам питательным руки простерли.
 И когда питием и пищей насытили сердце,
 Долго Приам Дарданид удивлялся царю Ахиллесу,
 630 Виду его и величеству: бога, казалось, он видит.
 Царь Ахиллес удивлялся равно Дарданиду Приаму,
 Смотря на образ почтенный и слушая старцевы речи.
 Оба они наслаждались, один на другого взирая <...>

(Пер. Н. И. Гнедича)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Хриса — порт в Троаде, Килла — город в Мисии, центры культа Аполлона; Тенедос — остров и город у побережья Трои. ²Сминфей — эпитет Аполлона (букв. мышинный, отражение тотемизма). ³Гекатомба — жертвоприношение ста животных (быков, овец, и т. п.). ⁴Фтия — город и местность в Фессалии, владения Пелея и Ахилла. ⁵Пилос — город на западном побережье Мессении, владение Нестора. ⁶Лютые чада гор — кентавры. ⁷Земля Апии — Пелопоннес. ⁸Астианакс — владыка города.

ОДИССЕЯ

Песнь первая

- Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасеньи заботясь
5 Жизни своей и возврате в отчизну спутников; тщетны
Были, однако, заботы, не спас он спутников: сами
Гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы,
Съевши быков Гелиоса, над нами ходящего бога —
День возврата у них он похитил. Скажи же об этом
10 Что-нибудь нам, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.
Все уж другие, погибели верной избегшие, были
Дома, избегнув и брани и моря; его лишь, разлукой
С милой женой и отчизной крушимого, в гроте глубоко
Светлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной
15 Силой держала, напрасно желая, чтоб был ей супругом.
Но когда, наконец, обращеньем времен приведен был
Год, в который ему возвратиться назначили боги
В дом свой, в Итаку (но где и в объятиях верных друзей
он
Всё не избег от тревог), преисполнились жалостью боги
20 Все; Посидон лишь единый упорствовал гнать Одиссея,
Богopodobного мужа, пока не достиг он отчизны.
Но в то время он был в отдаленной стране эфиопов
(Крайних людей, поселенных двояко: одни, где нисходит
Бог светоносный¹, другие, где всходит), чтоб там от народа
25 Пишную тучных быков и баранов принять гекатомбу.
Там он, сидя на пиру, веселился; другие же боги
Тою порою в чертогах Зевесовых собраны были.
С ними людей и бессмертных отец начинает беседу;
В мыслях его был Эгист беспорочный (его же Атридов

- 30 Сын, знаменитый Орест, умертил); и о нем помышляя,
Слово к собранью богов обращает Зевес олимпиец:
— Странно, как смертные люди за все нас, богов,
обвиняют!
- Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто
Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?
- 35 Так и Эгист: не судьбе ль вопреки он супругу Атрида
Взял, умертвивши его самого при возврате в отчизну?
Гибель он верную ведал: от нас был к нему остроокий
Эрмий, губитель Аргуса, ниспослан, чтоб он на убийство
Мужа не смел посягнуть и от брака с женой воздержался.
- 40 «Месть за Атрида свершится рукою Ореста, когда он
В дом свой вступить, возмужав, как наследник, захочет», —
так было.
- Сказано Эрмием — тщетно! не тронул Эгистова сердца
Бог благосклонный советом, и разом за все заплатил он.
Тут светлоокая Зевсова дочь Афинейя Паллада
- 45 Зевсу сказала: «Отец наш, Кронион, верховный владыка,
Правда твоя, заслужил он погибель, и так да погибнет
Каждый подобный злодей! Но теперь сокрушает мне
сердце
- Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный; давно он
Страждет, в разлуке с своими, на острове, волнообъятом
- 50 Пуле широкого моря, лесистом, где властвует нимфа,
Дочь кознодея Атланта, которому ведомы моря
Все глубины, и который один подпирает громаду
Длинноогромных столбов, раздвигающих небо и землю.
Силой Атлантова дочь Одиссея, лиющего слезы,
- 55 Держит, волшебством коварно-ласкательных слов об Итаке
Память надеясь в нем истребить. Но, напрасно желая
Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий,
Смерти единой он молит. Ужель не войдет состраданье
В сердце твое, олимпиец? Тебя ль не довольно дарами
- 60 Чтил он в троянской земле, посреди кораблей там
ахейских
Жертвы тебе совершая? За что ж ты разгневан, Кронион?»
- Ей возражая, отвечивал туч собиратель Кронион:
Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Я позабыл Одиссея, бессмертным подобного мужа,
- 65 Столь отличенного в сонме людей и умом и усердным
Жертв приношеньем богам, беспредельного неба
владыкам?
- Нет! Посейдон, обволнитель земли, с ним упорно враждует,
Все негодуя за то, что циклоп Полифем богоравный
Им ослеплен: из циклов сильнейшим, Феоозою нимфой,

- 70 Дочерью Форка, владыки пустынно-соленого моря,
 Был он рожден от нее с Посейдоном союза в глубоком
 Гроде. Хотя колебатель земли Посейдон Одиссея
 Смерти предать и не властен, но, по морю всюду гоняя,
 Все от Итаки его он отводит. Размыслим же вместе,
- 75 Как бы отчизну ему возратить. Посейдон отказаться
 Должен от гнева: один со всеми бессмертными в споре,
 Вечным богам вопреки, без успеха он злобствовать будет.
- Тут светлоокая Зевсова дочь Афинейя Паллада
 Зевсу сказала: «Отец наш Кронион, верховный владыка!
- 80 Если угодно блаженным богам, чтоб увидеть отчизну
 Мог Одиссей хитроумный, то Эрмий аргусоубийца,
 Воли богов совершитель, пусть будет на остров Огигский²
 К нимфе краснокудрявой ниспослан от нас возвестить ей
- Наш приговор неизменный, что срок наступил возвратиться
- 85 В землю свою Одиссею, в бедах постоянному. Я же
 Прямо в Итаку пойду возбудить в Одиссеевом сыне
 Гнев и отважностью сердце его преисполнить, чтоб созвал
 Он на совет густовласых ахейя и в дом Одиссеев
 Вход запретил женихам, у него беспощадно губящим
- 90 Мелкий скот и быков криворогих и медленноходных.
 Спарту и Пилос песчаный потом посетит он, чтоб сведать,
 Нет ли там слухов о милом отце и его возвращеньи,
 Также, чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава.
- Кончив, она привязала к ногам золотые подошвы,
- 95 Амвросиальные³, всюду ее над водой и над твердым
 Лоном земли беспредельные легким носящие ветром;
 После взяла боевое копье, заостренное медью,
 Твердое, тяжкоогромное, им же во гневе сражает
 Силы героев она, громоносного бога⁴ рожденье. <...>

Песнь пятая

Эос, покинувши рано Тифона прекрасного ложе,
 На небо вышла сиять для блаженных богов и для
 смертных.

- Боги тогда собрались на великий совет; председал им
 В тучах гремющий Зевес, всемогущую властью первый.
- 5 Стала Афина рассказывать им о бедах Одиссея,
 В сердце тревожася долгой неволей его у Калипсо:
 — Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
 Кротким, благим и приветливым быть уж теперь ни единый
 Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца
 изгнавши,

- 10 Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело, —
Если могли вы забыть Одиссея, который был добрым,
Мудрым царем и народ свой любил, как отец благодушный;
Брошенный бурей на остров, он горе великое терпит
В светлом жилище могучей богини Калипсо, насильно
15 Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Ныне ж враги и младого хотят умертвить Телемаха,
В море внезапно напав на него: о родителе сведать
20 Поплыл он в Пилос божественный, в царственный град

Лакедемон.

- Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
— Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит
Некогда всех их, домой возвратясь, Одиссей? Телемака ж
25 Ты проводи осторожно сама — то, конечно, ты можешь;
Пусть невредимо он в милую землю отцов возвратится;
Пусть и они, не свершив злодеянья, придут в Итаку.

Так отвечав, обратился он к Эрмию, милому сыну:

«Эрмий, наш вестник заботливый, нимфе

прекраснокудрявой

- 30 Ныне лети объявить от богов, что отчизну увидеть
Срок наступил Одиссею, в бедах постоянному; путь свой
Он совершит без участия свыше, без помощи смертных;
Морем, на крепком плоту, повстречавши опасного много,
В день двадцатый достигнет он берега Схерии тучной,
35 Где обитают родные богам феакийцы; и будет
Ими ему, как бессмертному богу, оказана почесть:
В милую землю отцов с кораблем их отплыв, он в подарок
Меди и злата и разных одежд драгоценных получит
Много, столь много, что даже из Трои подобной добычи
40 Он не привез бы, когда б беспрепятственно мог

возвратиться.

Так напоследок по воле судьбы он возлюбленных ближних,
Землю отцов и богатоукрашенный дом свой увидит».

Кончил. И медлить не стал благовестник, аргусоубийца.

- К светлым ногам привязавши свои золотые подошвы,
45 Амвросиальные, всюду его над водой и над твердым
Лоном земли беспредельныя легким носящие ветром,
Взял он и жезл свой, по воле его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у спящих.
В путь устремился с жезлом многосильный убийца

Аргуса. <...>

[Гермес передает Калипсо повеление богов. Одиссей строит плот и отплывает на нем. На восемнадцатый день благополучного плавания Одиссея Посейдон, возвращаясь от эфиопов, замечает его и поднимает бурю на море.]

- 295 <...> Разом и Эвр, и полуденный Нот, и Зефир, и могучий,
Светлым рожденный Эфиром, Борей взволновали пучину.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце.
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
«Горе мне! что претерпеть наконец мне назначило небо!
- 300 С трепетом вижу теперь, что богиня богинь не ошиблась,
Мне предсказав, что, пока не достигну отчизны, я в море
Встречу напасти великие: все исполняется ныне.
Страшными тучами вокруг обложил беспредельное небо
Зевс, и взбуровил он море, и бурю воздвиг, отовсюду
- 305 Ветры противные скликав. Погибель моя наступила.
О! троекратно, стократно счастливы данаи, в пространной
Трое нашедшие смерть, угождая Атридам! И лучше б
Было, когда б я погиб и судьбу неизбежную встретил
В день тот, как множество медноокованных копий трояне
- 310 Бросили разом в меня над бездыханным телом Пелида;
С честью б я был погребен и была б от ахейн мне слава;
Ныне ж судьба мне бесславно-печальную смерть
посылает...»
- В это мгновенье большая волна поднялась и
расшиблась
Вся над его головою; стремительно плот закружился;
- 315 Схваченный, с палубы в море упал он стремглав,
упустивши
Руль из руки; повалилася мачта, сломясь под тяжелым
Ветров противных, слетевшихся друг против друга, ударом;
В море далеко снесло и развившийся парус и райну.
Долго его глубина поглощала, и сил не имел он
- 320 Выбиться кверху, давимый напором волны и стесненный
Платьем, богиней Калипсою данным ему на прощанье.
Вынырнул он напоследок, из уст извергая морскую
Горькую воду, с его бороды и кудрей избыльным
Током бежавшую; в этой тревоге, однако, он вспомнил
- 325 Плот свой, за ним по волнам погнался, за него ухватился,
Взлез на него и на палубе сел, избежав потопленья;
Плот же бросали туда и сюда взгроможденные волны:
Словно как шумный осенний Борей по широкой равнине
Носит повсюду иссохший, скатавшийся густо репейник,

- 330 По морю так беззащитное судно повсюду носили
Ветры; то быстро Борею его перебрасывал Нот, то
шумящий
Эвр, им играя, его предавал произволу Зефира.
Но Одиссея увидела Кадмова дочь Левкотей,
Некогда смертная дева, приветноречивая Ино,
- 335 После богиня, бессмертия честь восприявшая в море.
Стало ей жаль Одиссея, свирепой гонимого бурей.
С моря нырком легкокрылым она поднялась, взлетела
Легким полетом на твердосколоченный плот и сказала:
«Бедный! за что Посейдон колебатель земли, так ужасно
- 340 В сердце разгневан своим и с тобой так упорно враждует?
Вовсе, однако, тебя не погубит он, сколь бы ни тщился.
Сам на себя положишься теперь (ты, я вижу, разумен);
Скинувши эту одежду, свой плот уступи произволу
Ветров и, бросившись в волны, руками работая смело,
- 345 Вплывь до земли феакиян достигни: там встретишь
спасенье.
Дам покрывало тебе чудотворное; им ты оденешь
Грудь, и тогда не страшися ни бед, ни в волнах
потопленья.
Но лишь окончишь свой путь и к земле прикоснешься
рукою,
- Сняв покрывало, немедля его в многоводное море
350 Брось от земли далеко и, глаза отвратив, удалися.
Кончив, богиня ему подала с головы покрывало.
После, спорхнув на шумящее море, она улетела
Быстрокрылатым нырком, и ее глубина поглотила.
Начал тогда про себя размышлять Одиссей богоравный;
- 355 Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
— Горе! не новую ль хитрость замыслив, желает богиня
Гибель навлечь на меня, мне советуя плот мой оставить.
Нет, я того не исполню; не близок еще, я заметил,
Берег земли, где, сказала она, мне спасение будет.
- 360 Ждать я намерен по тех пор, покуда еще неврединно
Судно мое, и шипами надежными связаны брусья;
С бурей сражаясь, по тех пор с него не сойду я.
Но, как скоро волненье могучее плот мой разрушит,
Брошусь в плывь; я иного теперь не придумаю средства.
- 365 Тою порою, как он колебался рассудком и сердцем,
Поднял из бездны волну Посейдон, потрясающий землю,
Страшную, тяжкую, гороогромную; сильно он грянул
Ею в него: как от быстрого вихря сухая солома,
Кучей лежавшая, вся разлетается, вдруг разорвавшись,
- 370 Так от волны разорвалися брусья. Один, Одиссеем

Пойманный, был им, как конь, убежавший на волю,
оседлан.

Сняв на прощанье богиней Калипсою данное платье,
Грудь он немедля свою покрывалом одел чудотворным.
Руки простерши и плыть изготоясь, потом он отважно
375 Кинулся в волны. Могучий земли колебатель при этом
Виде лазурнокудрявой тряхнул головой и воскликнул:
«По морю бурному плавай теперь на свободе, покуда
Люди, любезные Зевсу, тебя благосклонно не примут;
Будет с тебя! Не останешься, думаю, мной недоволен».

380 Так он сказавши, погнал длинногривых коней и
умчался

В Эгию, где обитал в светлозданных, высоких чертогах.
Добрая мысль пробудилась тогда в благосклонной

Палладе:

Ветрам другим заградивши дорогу, она повелела
Им, успокоясь, умолкнуть; позволила только Борею
385 Бурно свирепствовать: волны ж сама укрощала, чтоб в
землю

Веслолюбивых, угодных богам феакиян достигнуть
Мог Одиссей благородный, и смерти, и Парк избежавши.

Так он два дня и две ночи носим был повсюду

шумящим

Морем, и гибель не раз неизбежной казалась; когда же
390 С третьим явилася днем лучезарнокудрявая Эос,
Вдруг успокоилась буря, и на море все просветлело
В тихом безветрии. Поднятый кверху волной и взглянувши
Быстро вперед, невдали пред собою увидел он землю.
Столь несказанною радостью детям бывает спасенье
395 Жизни отца, пораженного тяжким недугом, все силы
В нем истребившем (понеже злой демон к нему
прикоснулся),

После ж на радость им всем исцеленного волей

бессмертных, —

Столь Одиссей был обрадован берега и леса явленьем.
Поплыл быстрее он, ступить торопясь на твердую землю.
400 Но, от нее на таком расстоянии, в каком человеческий
Внятен нам голос, он шум бурунов меж скалами слышал;
Волны кипели и выли, свирепо на берег высокий
С моря бросаясь, и весь он был облит соленою пеной;
Не было пристани там, ни залива, ни мелкого места;
405 Вкруть берега подымались; торчали утесы и рифы.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце;
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
«Горе! На что мне дозволил увидеть нежданную землю

- Зевс? И зачем до нее, пересиливши море, достиг я?
- 410 К острову с моря, я вижу, везде невозможен мне доступ;
Острые рифы повсюду; кругом расшибаясь плещут
Волны, и гладкой стеной воздвигается берег высокий;
Море ж вблизи глубоко, и нет места, где было б возможно
Твердой ногой опереться, чтоб гибели верной избежать.
- 415 Если пристать попытаюсь, то буду могучей волною
Схвачен и брошен на камни зубчатые, тщетно истратив
Силы; а если кругом поплыву, чтоб узнать, не найдется ль
Где-нибудь берег отлогий иль пристань, страшуся, чтоб
снова
- Бурей морскою я не был похищен, чтоб рыбообильным
420 Морем меня, вопиющего жалобно, вдаль не умчало,
Или, чтоб демон враждебный какого из чуд, Амфитритой
В море питаемых, мне на погибель не выслал из бездны:
Знаю, как злобствует против меня Посейдон земледержец».
Тою порой, как рассудком и сердцем он так колебался,
- 425 Быстрой волною помчало его на утесистый берег;
Тело б его изорвалось, и кости б его сокрушились,
Если б он вовремя светлой богиней Афиной наставлен
Не был руками за ближний схватиться утес; и к нему,
прицепившись
- Ждал он, со стоном на камне вися, чтоб волна пробежала
430 Мимо; она пробежала, но вдруг, отразясь, на возврате
Сшибла с утеса его и отбросила в темное море.
Если полипа из ложа ветвистого силою вырвешь,
Множество крупинок камня к его прилепляется ножкам:
К резкому так прилепилась утесу лоскутьми кожа
- 435 Рук Одиссеевых; вдруг поглощенный волною великой,
В бездне соленой, судьбе вопреки, неизбежно б погиб он,
Если б отважности в душу его не вложила Афина.
Вынырнув вбок из волны, устремившейся прыгнуть на
камни,
- Поплыл он в сторону, взором преследуя землю и тщася
440 Где-нибудь берег отлогий иль мелкое место приметить.
Вдруг он увидел себя перед устьем реки светловодной.
Самым удобным то место ему показалось: там острых
Не было камней, там всюду от ветров являлась защита.
К мощному богу реки он тогда обратился с молитвой:
- 445 «Кто бы ты ни был, могучий, к тебе, столь желанному,
ныне
- Я прибегаю, спасаясь от гроз Посейдонова моря.
Вечные боги всегда благосклонно внимают молитвам
Бедного странника, кто бы он ни был, когда он подобен
Мне, твой поток и колена объявшему, много великих

- 450 Бед претерпевшему; сжался, могучий, подай мне защиту".
 Так он молился. И бог, укротив свой поток, успокоил
 Волны и, на море тишь наведя, отворил Одиссею
 Устье реки. Но под ним подкосились колена; повисли
 Руки могучие: в море его изнурилося сердце;
- 455 Вспухло все тело его; извергая и ртом и ноздрями
 Воду морскую, он пал, наконец, бездыханный, безгласный,
 Память утратив, на землю; бесчувствие им овладело.
 Но напоследок, когда возвратились и память и чувство,
 С груди своей покрывало, богинею данное, снявши,
- 460 Бросил его он в широкую, с морем слиянную реку.
 Быстро помчалась ткань по теченью назад, и богиня
 В руки ее приняла. Одиссей, от реки отошедши,
 Скрылся в тростник и на землю, ее лобызая, простерся.
 Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
- 465 — Горе мне! что претерпеть я еще предназначен от неба!
 Если на бреге потока бессонную ночь проведу я,
 Утренний иней и хладный туман, от воды восходящий,
 Вовсе меня, уж последних лишенного сил, уничтожит;
 Воздух пронзительным холодом веет с реки перед утром.
- 470 Если же там на пригорке под кровом сенистого леса
 В чаще кустов я засну, то, конечно, не буду проникнут
 Хладом ночным, отдохну, и меня исцелит миротворный
 Сон; но страшусь, не достаться б в добычу зверям
 плотоядным.
- Так размышлял он; ему, наконец, показалось удобней
- 475 Выбрать последнее; в лес он пошел, от реки недалёко
 Росший на холме открытом. Он там две сплетенные крепко
 Выбрал оливы; одна плодоносна была, а другая
 Дикая; в сень их проникнуть не мог ни холодный,
 Сыростью дышащий ветер, ни Гелиос, знойно блестящий;
- 480 Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода, так густо
 Были они сплетены. Одиссей, угнездившись под ними,
 Лег, наперед для себя приготовив своими руками
 Мягкое ложе из листьев опалых, которых такая
- 485 Груда была, что и двое и трое могли бы удобно
 В зимнюю бурю, как сильно б она ни шумела, там
 скрыться.
- Груды увидя, обрадован был Одиссей несказанно.
 Бросясь в нее, он совсем закопался в слежавшихся
 листьях.
- Как под золой головню неугасшую пахарь скрывает
 В поле далеко от места жилого, чтоб пламени семя
 490 В ней сохраниться могло безопасно от злого пожара,
 Так Одиссей, под листьями зарывшись, грелся, и очи

Сладкой дремотой Афина смежила ему, чтоб скорее
В нем оживить изнуренные силы. И крепко заснул он.

Песнь шестая

[*Одиссей и Навсикая*]

(Афина является во сне Навсикае, дочери феакийского царя Алкиноя, и побуждает ее отправиться на берег моря стирать белье, обещая ей скорое замужество.)

- 50 <...> Эос тогда златотронная, встав, разбудила младую
Светлоубранную деву. И, сну своему удивляясь,
Тотчас она, чтоб родителей, мать и отца, о видении
Чудном своем известить, к ним пошла в их покои. Царица
Близ очага там сидела в кругу приближенных служанок,
Нити пурпурные тонко суча; а в дверях отворенных
Встретился ей и отец; на совет он владык многоумных
55 Шел, приглашенный туда от знатнейших мужей
феакийских.
С видом приветным к отцу подошел, Навсикая сказала:
«Милый, вели колесницу большую на быстрых колесах
Дать мне, чтоб я, в ней уклад все богатые платья,
Много скопилось нечистых, отправилась на реку мыть
60 их. <...>
<...> Так говорила она; о желанном же браке ей было
Стыдно отцу помянуть; догадался он сам и сказал ей:
— Дочка, ни в мулах тебе и ни в чем нет отказа. Поди же;
Дам повеленье рабам заложить колесницу большую,
70 Быстроколесную; будет при ней для поклажи и короб. <...>
85 <...> К устью реки многоводной достигли они напоследок.
Были устроены там водоемы: вода в них обильно
Светлой струею лилася, нечистое все омывая.
К месту прибыв, отвязали от дышла они утомленных
Мулов и их по зеленому берегу потока пустили
90 Сочно-медвяной травой питаться; потом с колесницы
Сняли все платья и в полные их водоемы ногами
Крепко втоптали, проворным усердием споря друг с
другом.
Начали платья они полоскать и потом, дочиста их
Вымыв, по взморью на мелко-блестящем хряще, наносимом
95 На берег плоский морскою волною, их все разостлали.

- Кончив, они искупались в реке и, натершись елеем,
 Весело сели на мягкой траве у реки за обед свой,
 Влажные платья оставив сушить лучезарному солнцу.
 Пищей насытив себя, и подруг, и служанок, царица
 100 Вызвала в мяч их играть, головные сложив покрывала;
 Песню же стала сама белокурая петь Навзикая.
 Так светлоносная, ловлей в горах веселясь, Артемиды
 Многовершинный Тайгет⁵ и крутой Эримант⁶ обегает,
 Смерть нанося кабанам и лесным легконогим оленям;
 105 С нею, прекрасные дочери Зевса эгидодержавца,
 Бегают нимфы полей — и любитесь ими Латоны;
 Всех превышает она головой, и легко между ними,
 Сколь ни прекрасны они, распознать в ней богиню Олимпа.
 Так красотой девичьей подруг затмевала царица.
 110 Стали они, наконец, собираться домой; в колесницу
 Мулов опять заложили и в короб уклали одежды.
 Тут светлоокая дева Паллада придумала средство,
 Как пробудить Одиссея, чтоб, с ним повстречавшись,
 царица
 В город людей феакийских ему указала дорогу:
 115 Бросила мяч Навзикая в подружек, но, в них не попавши,
 Он, отраженный Афиною, в волны шумящие прынул;
 Громко они закричали; их крик пробудил Одиссея.
 Он поднялся и, колеблясь рассудком и сердцем,
 воскликнул:
 — Горю! К какому народу зашел я? Быть может, здесь
 область
 120 Диких, не знающих правды, людей? Иль, может быть,
 встречаю
 Смертных приветливых, богобоязненных, гостеприимных?
 Кажется, девичий громкий вблизи мне послышался голос.
 Или здесь нимфы, владелицы гор крутоглавых, душистых,
 Влажных лугов и истоков речных потаенных, играют;
 125 Или достиг, наконец, я жилища людей говорящих,
 Встанем же; должно мне все самому испытать и разведать.
 С сими словами из чащи кустов Одиссей осторожно
 Выполз; потом жилистой рукою покрытых листьями
 Свежих ветвей наломал, чтоб одеть обнаженное тело.
 130 Вышел он — так, на горах обитающий, силою гордый,
 В ветер и дождь на добычу выходит, сверкая глазами,
 Лев; на быков и овец он бросается в поле, хватая
 Диких оленей в лесу и нередко, тревожимый голодом,
 Мелкий скот похищать подбегает к пастушьим загонам.
 135 Так Одиссей вознамерился к девам прекраснокудрявым
 Наг подойти, приневолен к тому непреклонной нуждою.

- Был он ужасен, покрытый морскою засохшею тиной;
 В трепете все разбежались врозь по высокому берегу.
 Но Алкиноева дочь не покинула места. Афина
- 140 Бодрость вселила ей в сердце и в нем уничтожила робость.
 Стала она перед ним; Одиссей же не знал, что приличней:
 Оба ль колена обнять у прекраснокудрявых девы?
 Или, в почтительном став отдалении, молить умиленным
 Словом ее, чтоб одежду дала и приют указала?
- 145 Так размышляя, нашел, наконец, он, что было приличней
 Словом молить умиленным, в почтительном став отдалении
 (Тронув колена ее, он прогневал бы чистую деву).
 С словом приятноласкательным он обратился к царевне:
 «Руки, богиня иль смертная дева, к тебе простираю.
- 150 Если одна из богинь ты, владычиц пространного неба,
 То с Артемидою только, великою дочерью Зевса,
 Можешь сходна быть лица красотою и станом высоким;
 Если ж одна ты из смертных, под властью судьбины
- живущих,
- То несказанно блаженны отец твой и мать, и блаженны
- 155 Братья твои, с наслаждением видя, как ты перед ними
 В доме семейном столь мирно цветешь, иль свои восхищая
 Очи тобою, когда в хороводах ты весело пляшешь.
 Но из блаженных блаженнейшим будет тот смертный,
- который
- В дом свой тебя уведет, одаренную веном богатым.
- 160 Нет! Ничего столь прекрасного между людей земнородных
 Взоры мои не встречали донныне; смотрю с изумленьем.
 В Делосе только я — там, где алтарь Аполлонов
- воздвигнут —
- Юную, стройно-высокую пальму однажды заметил
 (В храм же зашел, окруженный толпою спутников
- верных,
- 165 Я по пути, на котором столь много мне встретилось
- бедствий).
- Юную пальму заметив, я в сердце своем изумлен был
 Долго: подобного ей благородного древа нигде не видал я.
 Так и тебе я дивлюсь! Но дивясь тебе, не дерзаю
 Тронуть коленей твоих; несказанной бедой я постигнут.
- 170 Только вчера, на двадцатый мне день удалось избежать
 Моря: столь долго игрищем был я губительной бури,
 Гнавшей меня от Оигии острова. Ныне ж сюда я
 Демоном брошен для новых напастей — еще не конец им;
 Верно не мало еще претерпеть мне назначили боги.
- 175 Сжался, царевна; тебя, испытавши превратностей много,
 Первую здесь я молитвою встретил; никто из живущих

- В этой земле не знаком мне; скажи, где дорога
В город, и дай мне прикрыть обнаженное тело хоть лоскут
Грубой обертки, в которой сюда привезла ты одежды.
- 180 О! Да исполнят бессмертные боги твои все желанья,
Давши супруга по сердцу тебе с избытком в доме,
С миром в семье! Несказанное там водворяется счастье,
Где однодушно живут, сохраняя домашний порядок,
Муж и жена, благомысленным людям на радость,
недобрым
- 185 Людям на зависть и горе, себе на великую славу».
Дочь Алкиноя, отвечая, так Одиссею сказала:
— Странник, конечно, твой род знаменит: ты, я вижу,
разумен,
Дий же и низким и рода высокого людям с Олимпа
Счастье дает без разбора по воле своей прихотливой;
- 190 Что ниспослал он тебе, то прими с терпеливым смиреньем.
Если ж достигнуть ты мог и земли и обитателей наших,
То ни в одежде от нас и ни в чем, для молящего, много
Бед претерпевшего странника нужном, не встретишь
отказа.
- Град наш тебе укажу, назову и людей, в нем живущих.
- 195 В граде живет и земель здесь владеет народ феакиян;
Я Алкиноя, царя благодушного, дочь; Алкиноя ж
Ныне державным владыкой своим признают феакийцы.
Тут обратилась царевна к подругам своим и служанкам:
«Стойте! Куда разбежались вы, усташась иноземца?
- 200 Он человек не зломысленный; нет вам причины
страшиться;
Не было прежде, вы знаете, нет и теперь и не может
Быть и вперед на земле никого, кто б на вас, феакиян,
Злое замыслил: нас боги бессмертные любят; живем мы
Здесь, от народов других в стороне, на последних пределах
205 Шумного моря, и редко нас кто из людей посещает.
Ныне же встретился нам злополучный, бездомный
скиталец:
Помощь ему оказать мы должны — к нам Зевес посылает
Нищих и странников; дар и убогий Зевесу угоден.
- 210 Прежде ж его искупайте, от ветров защитное место
Выбрав в потоке. — Сказала. Сошлись ободренные девы.
В месте, от ветров защитном, его посадив, как велела
Им Навзикая, прекраснокудрявая дочь Алкиноя,
Мантию с тонким хитоном они близ него положили.
- 215 После, принеся фиал золотой с благовонным елеем,
Стали его приглашать к омовению в светлом потоке.
Но Одиссей благородный отрекся и так отвечал им:

- «Девы прекрасные, станьте поодаль; без помощи вашей
Смою с себя я соленую тину, и сам наелею
220 Тело; давно уж елей благовонный к нему не касался.
Но перед вами купаться не стану я в светлом потоке;
Стыдно себя обнажать мне при вас, густовласые девы».
Так он сказал; и они, удаляся, о том известили
Царскую дочь. Одиссей же, в поток погрузившись, тину,
225 Грязно облекшую плечи и спину ему и густые
Кудри его облепившую, смыл освежительной влагой;
Чисто омывшись, он светлое тело умаслил елеем;
После украсился данным младою царевною платьем.
Дочь светлоокая Зевса Афина тогда Одиссея
230 Станом возвысила, сделала телом полней и густыми
Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила;
Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
Девой Палладой и богом Гефестом наставленный в трудном
Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;
235 Так красотою главу облекла Одиссею богиня.
Берегом моря пошел он и сел на песке, озаренный
Силой и прелестью мужества. Царская дочь изумилась.
Слово потом обратила она к густовласым подругам:
— Слушайте то, что скажу вам теперь, белорукие девы;
240 Думаю я, что не всеми богами Олимпа гонимый
Этот скиталец в страну феакиян божественных прибыл;
Прежде и мне человеком простым он казался; теперь же
Вижу, что свой он богам, беспредельного неба владыкам.
О! Когда бы подобный супруг мне нашелся, который,
245 Здесь поселившись, у нас навсегда захотел бы остаться!
Вы ж чужеземцу еды и питья принесите, подруги.
Так говорила царевна. Ее повинуюся воле,
Девы немедля еды и питья принесли Одиссею. <...>

Песнь девятая

[Одиссей рассказывает Алкиною о своих странствиях]

- <...> Ему отвечая, сказал Одиссей богоравный:
— Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей
феакийских,
Сладко вниманье свое нам склонять к песнопевцу, который,
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким
подобен. <...>
Прежде, однако, вам имя свое назову, чтоб могли вы
Знать обо мне, чтоб, покуда еще мной не встречен
последний

День, и в далекой стране я считался вам гостем любезным.

- 20 Я Одиссей, сын Лаэрти, везде изобретением многих
Хитростей славных и громкой молвой до небес
вознесенный.

В солнечносветлой Итаке живу я, Там Нерион, всюду
Видимый с моря, подымлет вершину лесистую; много
Там и других островов, недалеких один от другого. <...>
Я же не ведаю края прекраснее милой Итаки.

- 30 Тщетно Калипсо, богиня богинь, в заключении долгом
Силой держала меня, убеждая, чтоб был ей супругом;
Тщетно меня чародейка, владычицы Эи, Цирцея
В доме держала своим, убеждая, чтоб был ей супругом —
Хитрая лесть их в груди у меня не опутала сердце;
35 Сладостней нет ничего нам отчизны и сродников наших,
Даже когда б и роскошно в богатой обители жили
Мы на чужой стороне, далеко от родителей милых.
Если, однако, велишь, то о странствии трудном, какое
Зевс учредил мне, от Трои плывущему, все
расскажу я... <...>

[Киклоп]

<...> Далее поплыли мы, сокрушенные сердцем, и в землю
Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды

циклопов. <...>

- 170 <...> Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос;
Верных товарищей я на совет пригласил и сказал им:
— Все вы, товарищи верные, здесь без меня оставайтесь;
Я же с моим кораблем и моими людьми удалясь,
Сведать о том попытаюсь, какой там народ обитает...
175 Дикий ли, нравом свирепый, не знающий правды,
Или приветливый, богобоязненный, гостеприимный?
К берегу близкому скоро пристав с кораблем, мы открыли
В крайнем, у самого моря стоявшем утесе пещеру,
Густо одетую лавром, пространную, где собирался
Мелкий во множестве скот; там высокой стеной из
огромных,
185 Грубо набросанных камней, был двор обведен, и стояли
Частым забором вокруг черноглавые дубы и сосны.
Муж великанского роста в пещере той жил; одиноко
Пас он баранов и коз и ни с кем из других не водился;
Был нелюдим он, свиреп, никакого не ведал закона;
190 Видом и ростом чудовищным в страх приводя, он несходен
Был с человеком, вкушающим хлеб, и казался лесистой,
Дикой вершиной горы, над другими воздвигшийся грозно.
Спутникам верным моим повелел я остаться на бреге

- Близ корабля и его сторожить неусыпно; с собой же
195 Взявши двенадцать надежных и самых отважных,
пошел я. <...>
Шагом поспешным к пещере приблизились мы, но его
в ней
Не было; коз и баранов он пас на лугу недалеко.
Начали всё мы в пещере пространной осматривать; много
Было сыров в тростниковых корзинах: в отдельных
закутах
Заперты были козлята, барашки, по возрастам разным в
порядке
Там размещенные: старшие — с старшими,
средние — подле
Средних и с младшими — младшие; ведра и чаши
Были до самых краев налиты простоквашей густою.
Спутники стали меня убеждать, чтоб, запасшись сырами,
225 Боле я в страшной пещере не медлил, чтоб все мы скорее,
Взявши в закутах отборных козлят и барашков, с
добычей
Нашей на быстрый корабль убежали и в море пустились;
Я, на беду, отказался полезный совет их исполнить;
Видеть его мне хотелось в надежде, что, нас угостивши,
230 Даст нам подарок, — но встретиться с ним не на радость
нам было.
Яркий огонь разложив, совершили мы жертву; добывши
Сыру потом и насытив свой голод, остались в пещере
Ждать, чтоб со стадом в нее возвратился хозяин. И скоро
С ношею дров, для варенья вечерняя пищи, явился
235 Он и со стуком на землю дрова перед входом пещеры
Бросил; объятые страхом мы спрятались в угол; пригнавши
Стадо откормленных коз и волнистых баранов к пещере,
Маток в нее он впустил, а самцов, и козлов, и баранов,
Прежде от них отделив, на дворе перед входом оставил.
240 Кончив, чтоб вход заградить, несказанно великий с
земли он
Камень, который и двадцать два воза четырехколесных
С места б не сдвинули, поднял: подобен скале необъятной
Был он; его подхвативши и вход им пещеры задвинув,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
245 Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосунка. Половину отлив молока в плетеницы,
В них он оставил его, чтоб оно огустело для сыра;
Все ж молоко остальное разлил по сосудам, чтоб после
Пить по утрам иль за ужином, с пажити стадо пригнавши.
250 Кончив с заботливым спехом работу свою, наконец он

- Яркий огонь разложил, нас увидел и грубо сказал нам:
 — Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?
 Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
 Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчась,
 255 Жизнью играя своей и беды приключая народам? (<...>
 <...> С неописанной злостью циклоп отвечал мне:
 — Видно, что ты издалека, иль вовсе безумен, пришелец,
 Если мог вздумать, что я побоюсь иль уважу бессмертных.
 275 Нам, циклопам, нет нужды ни в боге Зевесе, ни в прочих
 Ваших блаженных богах; мы породой их всех знаменитей;
 Страх громовержца Зевеса разгневать меня не принудит
 Вас пощадить; поступлю я, как мне самому то угодно.
 Ты же теперь мне скажи, где корабль, на котором
 пришли вы
 280 К нам? Далеко ли иль близко отсюда стоит он? То ведать
 Должен я». Так искушая, он хитро спросил. Остерегшись,
 Хитрыми сам я словами отвечал злому циклопу:
 — Бог Посейдон, колебатель земли, мой корабль
 уничтожил,
 Бросив его недалеко от здешнего берега на камни
 285 Мыса крутого, и бурное море обломки умчало.
 Мне ж, и со мною немногим, от смерти спастись удалось». —
 Так я сказал и, ответа не дав никакого, он быстро
 Прянул, как бешеный зверь, и огромные вытянув руки,
 Разом меж нами двоих как щенят подхватил и ударил
 290 Оземь; их череп разбился; обрызгало мозгом пещеру.
 Он же, обоих рассекши на части, из них свой ужасный
 Ужин состряпал и жадно, как лев, разъяряемый голодом,
 Съел их, ни кости, ни мяса куска, ни утроб не оставив.
 Мы, святотатного дела свидетели, руки со стоном
 295 К Дию отцу подымали; наш ум помутился от скорби.
 Чрево наполнив свое человеческим мясом и свежим,
 Страшную пищу запив молоком, людоед беззаботно
 Между козлов и баранов на голой земле растянулся.
 Тут подошел я к нему с дерзновенным намереньем сердца.
 300 Острый свой меч обнаживши, чудовищу мстящую медью
 Тело в том месте пронзить, где под грудью находится
 печень.
 Меч мой уж был занесен; но иное на мысли пришло мне:
 С ним неизбежно и нас бы постигнула гибель:
 Все совокупно мы были б не в силах от входа пещеры
 305 Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть.
 С трепетом сердца мы ждали явления божественной Эос.
 Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос
 Встал он, огонь разложил и доить принялся по порядку

- 310 Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
 Клял сосуна; оконча с заботливым спехом работу,
 Снова из нас он похитил двоих на ужасную пищу.
 Съев их, он выгнал шумящее стадо из темной пещеры.
 Мощной рукой оттолкнувши утес приворотный, им двери
 Снова он запер, как легкою кровлей колчан запирают.
 315 С свистом погнал он на горное пастбище тучное стадо.
 Я ж в заключеньи оставленный, начал выдумывать
 средство,
 Как бы врагу отомстить, и молил о защите Палладу.
 Вот что, размыслив, нашел, наконец, я удобным и верным:
 В козье закуске стояла дубина циклопова, свежий
 320 Ствол им обрубленной маслины дикой; его он, очистив,
 Согнуть поставил в закуту, чтоб после гулять с ним;
 подобен
 Нам показался он мачте, какая на многовесельном,
 С грузом товаров моря обтекающем судне бывает;
 Был он, конечно, как мачта, длинной, толщиной и весом.
 325 Взявши тот ствол и мечом от него отрубивши три локтя,
 Выгладить чисто отрубков велел я товарищам; скоро
 Выглажен был он; своею рукою его заострил я;
 После, обжегши на угольях острый конец, мы поспешно
 Кол, приготовленный к делу, зарыли в навозе, который
 330 Кучей огромной набросан был в смрадной пещере циклопа.
 Кончив, своих пригласил я спутников жеребий кинуть,
 Кто между ними колом обожженным поможет пронзить
 мне
 Глаз людоеду, как скоро глубокому сну он предастся.
 Жребий дал четверых мне и самых надежных, которых
 335 Сам бы я выбрал, и к ним я пристал, не по жребию пятый.
 Вечером, жирное стадо гоня, людоед возвратился<...>
 Снова двоих он из нас подхватил и по-прежнему съел их.
 345 Тут подошел я отважно и речь обратил к людоеду,
 Полную чашу вина золотого ему предлагая:
 «Выпей, циклоп, золотого вина, человечьим насытись
 Мясом; узнаешь, какой драгоценный напиток на нашем
 Был корабле; для тебя я его сохранил, уповая
 350 Милость в тебе обрести; но свирепствуешь ты нестерпимо.
 Кто же вперед, беспощадный, тебя посетит из живущих
 Многих людей, о твоих беззаконных поступках услышав?»
 Так говорил я; взяв чашу, ее осушил он, и вкусным
 Крепкий напиток ему показался; другой попросил он
 355 Чаши: «Налей мне, — сказал он, — еще и свое назови мне
 Имя, чтоб мог приготовить тебе я приличный подарок.
 Есть и у нас, у циклопов, роскошных кистей винограда

- Полные лозы, и сам их Кронион дождем оплодждает;
 Твой же напиток — амврозия чистая с нектаром сладким».
- 360 Так он сказал, и другую я чашу вином искрометным
 Налил. Еще попросил он, и третью безумцу я подал.
 Стало шуметь огневое вино в голове людоеда.
 Я обратился к нему с обольстительно-сладкою речью:
 «Славное имя мое ты, циклоп, любопытствуешь сведать,
 365 С тем, чтоб, меня угостив, и обычный мне сделать
 подарок?
 Я называюсь *Никто*; мне такое название дали
 Мать и отец и товарищи так все меня величают».
 С злобной насмешкою мне отвечал людоед зверонравный:
 «Знай же, *Никто*, мой любезный, что будешь ты самый
 последний
 370 Съеден, когда я разделаюсь с прочими, — вот мой подарок.
 Тут повалился он навзничь, совсем опьянелый; и набок
 Свисла могучая шея, и всепобеждающей силой
 Сон овладел им; вино и куски человеческого мяса
 Выбросил он из разинутой пасти, не в меру напившись.
- 375 Кол свой достав, мы его острием на огонь положили;
 Тотчас зардел он; тогда я, товарищей выбранных кликнув,
 Их ободрил, чтоб со мною решительны были в опасном
 Деле. Уже начинал положенный на уголья кол наш
 Пламя давать, разгоревшись, хотя и сырой был; поспешно
 380 Вынул его из огня я; товарищи смело с обоих
 Стали боков — божество в них, конечно, вложило
 отважность;
 Кол обхвативши они и его острием раскаленным
 Втиснули спящему в глаз; и, с конца приподнявши, его я
 Начал вертеть, как вертит буравом корабельный строитель
- 385 Толстую доску пронзая; другие ж ему помогают, ремнями
 Острый бурав обращая, и, в доску вгрызаясь, визжит он.
 Так мы его с двух боков обхвативши руками, проворно
 Кол свой вертели в пронзенном глазу: облился он горячей
 Кровью; истлели ресницы, шершавые вспыхнули брови;
 390 Яблоко лопнуло; выбрызнул глаз, на огне зашипевши.
- 391 Так расторопный ковач, изготовив топор иль секиру,
 В воду металл (на огне раскаливши его, чтоб двойную
 Крепость имел) погружает, и звонко шипит он в холодной
 Влаге; так глаз зашипел, острием раскаленным
 пронзенный.
- 395 Дико завыл людоед — застонала от воя пещера.
 В страхе мы кинулись прочь; с несказанной свирепостью
 вырвав
 Кол из пронзенного глаза, облитый кипучею кровью,

- Сильной рукой от себя он его отшвырнул; в испуге
 Начал он криком циклопов сзывать, обитавших в глубоких
 400 Гротах окрест и на горных, лобзаемых ветром, вершинах.
 Громкие вопли услышав, отсюда сбежались циклопы;
 Вход обступили пещеры они и спросили: зачем ты
 Созвал нас всех, Полифем? Что случилось? На что ты
 Сладкий наш сон и спокойствие ночи божественной
 прервал?
- 405 Коз ли твоих и баранов кто дерзко похитил? Иль сам ты
 Гибнешь? Но кто же тебя здесь обманом иль силою
 губит?»
- Им отвечал он из темной пещеры, отчаянно диким
 Ревом: Никто! Но своей я оплошностью гибну; *Никто* бы
 Силой не мог повредить мне». В сердцах закричали
 циклопы:
- 410 Если никто, для чего же один так ревешь ты? Но если
 Болен, то воля на это Зевеса, ее не избежнешь.
 В помощь отца своего призови Посейдона-владыку.
 Так говорили они, удаляясь. Во мне же смеялось
 Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти удалось.
- 415 Охая тяжело, с кряхтением и стоном ошарив руками
 Стены, циклоп отодвинул от входа скалу, перед нею
 Сел и огромные вытянул руки, надеясь, что в стаде,
 Мимо его проходящем, нас всех переловит; конечно,
 Думал свирепый глупец, что и я был, как он, без рассудка.
- 420 Я ж осторожным умом вымышлял и обдумывал средство,
 Как бы себя и товарищей бодрых избавить от верной
 Гибели; многие хитрости, разные способы тщетно
 Мыслям моим представлялись, а бедствие было уж близко.
 Вот что, по думанье долгом, удобнейшим мне показалось:
- 425 Были бараны большие, покрытые длинною шерстью,
 Жирные, мощные, в стаде; руно их как шелк волновалось.
 Я потихоньку сплетенными крепкими лыками, вырвав
 Их из рогожи, служившей постелею злему циклопу,
 По три барана связал; человек был подвязан под каждым
- 430 Средним, другими двумя по бокам защищенный, на
 каждых
 Трех был один из товарищей наших; а сам я?... Дебелый,
 Рослый, с роскошною шерстью был в стаде баран;
 обхвативши
 Мягкую спину его, я повис на руках под шершавым
 Брюхом; а руки (в руно несказанно-густое впусив их)
- 435 Длинною шерстью обзил и на ней терпеливо держался.
 С трепетом сердца мы ждали явления божественной Эос.
 Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос:

- К выходу все побежали самцы, и козлы и бараны;
Матки ж, еще недоенные, жалко бляели в закутах,
440 Брызжа из длинных сосцов молоком; господин их, от боли
Охая, щупал руками у всех, пробегающих мимо,
Пышные спины; но, глупый, он был угадать неспособен,
Что у иных под волнистой скрывалось грудью; последний
Шел мой баран; и медлительным шагом он шел,
отягченный
- 445 Длинною шерстью и мной, размышлявшем в то время о
многом.
Спину ощупав его, с ним циклоп разговаривать начал:
Ты ль, мой прекрасный любимец? Зачем же пещеру
последний
Ныне покинул? Ты прежде ленив и медлителен не был.
Первый всегда, величаво ступая, на луг выходил ты
450 Сладкоцветущей травкою питаться; ты в полдень к потоку
Первый бежал; и у всех впереди возвращался в пещеру
Вечером. Ныне ж идешь ты последний; знать, чувствуешь
сам ты,
Бедный, что око мое за тобой уж не смотрит; лишен я
Светлого зрения гнусным бродягою; здесь он вином мне
455 Ум отуманил; его называют *Никто*; но еще он
Власти моей не избегнул! Когда бы, мой друг, говорить ты
Мог, ты сказал бы, где спрятался враг ненавистный; я
череп
Вмиг раздробил бы ему и разбрызгал бы мозг по пещере,
Оземь ударив его и на части раздернув; отомстил бы
460 Я за обиду, какую *Никто*, злоковарный разбойник,
Здесь мне нанес». Так сказав, он барана пустил на свободу.
Я ж, недалеко от входа пещеры и внешней ограды
Первый став на ноги, путников всех отвязал, и немедля
С ними все стадо козлов тонконогих и жирных баранов
465 Собрал; обходами многими их мы погнали на взморье
К нашему судну. И сладко товарищам было нас встретить,
Гибели верной избегших; хотели о милых погибших
Плакать они; но, мигнув им глазами, чтоб плач удержали,
Стадо козлов и баранов взвести на корабль наш немедля
470 Я повелел; отойти мне от берега в море хотелось.
Люди мои собрались и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды;
Но, на такое отплыв расстояние, в каком человеческий
Явственно голос доходит до нас, закричал я циклопу:
475 — Слушай, циклоп беспощадный, вперед беззащитных
гостей ты
В гроте глубоком своем не губи и не ешь; святотатным

Делом всегда на себя навлекаем мы верную гибель;
Ты, злочестивец, дерзнул иноземцев, твой дом посетивших,
Зверски сожрать — наказали тебя и Зевес и другие
Боги блаженные. Так я сказал; он, ужасно взбешенный,
Тяжкой утес от вершины горы отломил и с размаха
На голос кинул; утес, пролетевши над судном, в пучину
Рухнул так близко к нему, что его черноострого носа
Чуть не расшиб; всколыхнулося море от падшей

громады. <...>

Я продолжал раздражать оскорбительной речью циклопа:
— Если, циклоп, у тебя из людей земнородных кто
спросит,

Как истреблен твой единственный глаз, ты на это
ответствуешь:

Царь Одиссей, городов сокрушитель, героя Лаэрта
Сын, знаменитый властитель Итаки, мне выколол глаз мой.
Так я сказал. Заревел он от злости и громко воскликнул;
— Горю! Пророчество древнее ныне сбылось надо
мною. <...>

Песнь двенадцатая

<...> Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно
 Плыли; корабль наш бежал, повинуюсь кормилу и ветру.
 Я ж, обратясь к спутникам, так им сказал, сокрушенный:
 — Должно не мне одному, и не двум лишь, товарищи,
 вести
 155 То, что нам всем благосклонно богиня богинь предсказала:
 Всё вам открою, чтоб, зная свой жребий, могли вы
 бесстрашно
 Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей избегнуть.
 Прежде всего от волшебного пенья Сирен и от луга
 Их цветоносного нам уклониться велела богиня;
 160 Мне же их голос услышать позволила; прежде, однако,
 К мачте меня корабельной веревкой надежною плотно
 Вы привяжите, чтоб был я совсем неподвижен; когда же
 Стану просить иль приказывать строго, чтоб сняли с
 меня вы
 Узы, — двойными скрутите мне узами руки и ноги“.
 165 Так говорил я, лишь нужное людям моим открывая.
 Тою порой крепкозданный корабль наш, плывя,
 приближался
 К острову страшных Сирен, провожаемый легким попутным

- Ветром; но вдруг успокоился ветер и тишь воцарилась
На море: демон уладил пучины зыбучее лоно.
- 170 Вставши, товарищи парус ненужный свернули, сцепили
С мачты его, уложили на палубе, снова на лавки
Сели и гладкими веслами вспенили тихие воды.
Я же, немедля медвяного воску укруг изрубивши
В мелкие части мечом, раздавил на могучей ладони
- 175 Воск; и мгновенно он сделался мягким; его благосклонно
Гелиос, бог-жизнедатель, лучом разогрел теплоносным.
Уши товарищам воском тогда заклеил я; меня же
Плотной веревкой они по рукам и ногам привязали
К мачте так крепко, чтобы нельзя мне ничем шевельнуться.
- 180 Снова под сильными веслами вспенилась темная влага.
Но в расстоянье, в каком призывающий голос бывает
Внятен, сирены увидели мимо плывущий корабль наш.
С берегом он их поравнялся; они звонкогласно запели:
К нам, Одиссей богоравный, великая слава ахеян,
185 К нам с кораблем подойди; сладкопеньем сирен насладися;
Здесь ни один не проходит с своим кораблем мореходец,
Сердцеусладного пенья на нашем лугу не послушав;
Кто же нас слышал, тот в дом возвращается, многое сведав,
Знаем мы все, что случилось в троянской земле, и какая
190 Участь по воле бессмертных постигла троян и ахеян;
Знаем мы все, что на лоне земли многодарной творится.

Так нас они сладкопеньем пленительным звали.

Влекомый

Сердцем их слушать, товарищам подал я знак, чтоб

немедля

- Узы мои разрешили; они же удвоенной силой
- 195 Начали гресть; а ко мне подошед, Перимед с Еврилохом
Узами новыми крепче мне руки и ноги стянули.
Но когда удалился корабль наш, и более слышать
Мы не могли уж ни гласа, ни пенья Сирен бедоносных,
Верные спутники вынули воск размягченный, которым
- 200 Уши я им заклеил, и меня отвязали от мачты.
Остров Сирен потеряли мы из виду. Вдруг я увидел
Дым и волненья великого шум повсеместный услышал,
Выпали весла из рук у гребцов уstraшенных; повиснув
Праздно, они по волнам, колыхавшим их, бились; а судно
Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшие к
бегу.
- Я же его обежал, чтоб людей ободрить оробелых;
Каждому сделав приветствие, ласково всем им сказал я:
— Спутники, в бедствиях мы не безопытны; всё мы

сносили

- 210 Твердо; теперь же беда предстоит не страшнее постигшей
 Нас, заключенных в пещере свирепую силой циклопа.
 Мужеством, хитрым умом и советом разумным тогда я
 Всех вас избавил; о том не забыли вы, думаю; будьте ж
 Смелы и ныне, исполнив покорно все то, что велю вам.
 Силу удвойте, гребцы, и дружнее по влаге зыбучей
 215 Острыми веслами бейте; быть может, Зевс покровитель
 Нам от гибели близкой уйти неврединно поможет.
 Ты же внимание, кормщик, удвой; на тебя попечение
 Главное я возлагаю — ты правишь кормой корабельной:
 В сторону должен ты судно отвести от волненья и дыма,
 220 Видимых близко, держися на этот утес, чтоб не сбиться
 В бок по стремленью — иначе корабль несомненно
 погибнет.
 Так я сказал; все исполнилось точно и скоро; о Скилле ж
 Я помянуть не хотел: неизбежно чудовище было;
 Весла б они побросали от страха, и гресть переставши,
 225 Праздно б столпились внутри корабля в ожиданьи
 напасти.
 Сам же я, вовсе забыв повеление строгой Цирцеи,
 Мне запретившей оружие брать для напрасного боя,
 Славные латы на плечи накинул и, два медноострых
 В руки схвативши копья, подошел к корабельному носу
 230 В мыслях, что прежде туда из глубокого жадная Скилла
 Бросится лога и там ей попавшихся первых похитит.
 Тщетно искал я очами ее, утомил лишь напрасно
 Очи, стараясь проникнуть в глубокое недро утеса.
 В страхе великом тогда проходили мы тесным
 проливом;
 235 Скилла грозила с одной стороны, а с другой пожирала
 Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались
 Воды из чрева ее, как в котле, на огне раскаленном,
 С свистом кипели они, клокоча и буровясь; и пена
 Вихрем взлетала на обе вершины утесов; когда же
 240 Волны соленого моря обратно глотала Харибда,
 Внутренность вся открывалась ее: перед зевом ужасно
 Волны сшибались, а в недре утробы открыто кипели
 Тина и черный песок. Мы, объятые ужасом бледным,
 В трепете очи свои на грозящую гибель вперяли.
 245 Тою порой с корабля шестерых, отличавшихся бодрой
 Силой, товарищей, разом схватя их, похитила Скилла;
 Взор на корабль и на схваченных вдруг обративши, успел я
 Только их руки и ноги вверх над своей головою
 Мельком приметить: они в высоте призывающим гласом
 250 Имя мое прокричали с последнею скорбию сердца.

- Так рыболов с каменистого берега длинносогбенной
Удой кидающий в воду коварную рыбам приманку,
Рогом быка лугового их ловит, потом, из воды их
Вывхватив, на берег жалко трепещущих быстро бросает:
255 Так трепетали они в высоте, унесенные жадною Скиллой.
Там перед входом пещеры она сожрала их, кричащих
Громко и руки ко мне простирающих в лютom терзанье.
Страшное тут я очами узрел и страшней ничего мне
Зреть никогда в продолжение странствий моих не
случилось <...>

Песнь двадцать вторая

[Расправа с женихами]

- Рубище сбросив поспешно с себя, Одиссей хитроумный
Прянул, держа свой колчан со стрелами и лук, на высокий
Двери порог; из колчана он острые высыпал стрелы
На пол у ног, и потом, к женихам обратясь, воскликнул:
5 «Этот мне опыт, друзья женихи, удалось окончить;
Новую цель я, в какую никто не стрелял до сего дня,
Выбрал теперь; и в нее угодить Аполлон мне поможет.
Так говоря, он прицелился горькой стрелой в Антиноя.
Взяв со стола золотую, с двумя рукоятями чашу,
10 Пить из нее Антиной уж готов был вино; беззаботно
Полную чашу к устам подносил он; и мысли о смерти
Не было в нем. И никто из гостей многочисленных пира
Вздумать не мог, чтоб один человек на толпу их замыслил
Дерзко ударить и разом предать их губительной Кере.
15 Выстрелил, грудью подавшись вперед, Одиссей, и пронзила
Горло стрела; острое смертоносное вышло в затылок;
На бок упал Антиной; покатила по полу чаша,
Выпав из рук; и горячим ключом из ноздрей засвистала
Черная кровь; забрыкавши ногами, толкнул от себя он
Стол и его опрокинул; вся пища (горячее мясо,
20 Хлеб и другое), смешавшись, свалилась на пол. Ужасный
Подняли крик женихи, Антиноя узрев умерщвленным.
Всею толпою со стульев вскочили они и, глазами
Бегаючи по стенам обнаженным искали оружий —
25 Не было там ни щита, ни копья, заостренного медью,
Гневными начали все упрекать Одиссея словами:
«Выстрел твой будет бедою тебе, чужеземец; последний
Сделал ты выстрел теперь; ты погиб неизбежно; убил ты
Мужа, из всех, обитающих в волнообъятой Итаке,
30 Самого знатного; будешь за то ястребами расклеван.
Мнили они, что случайно стрелой чужеземца товарищ

Их умерщвлен был. Безумцы! Они в слепоте не видали
Сети, которою близкая всех их опутала гибель».

Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей

богоравный:

- 35 «А! Вы, собаки! Вам чудилось всем, что домой уж из Трои
Я не приду никогда, что вольны беспощадно вы грабить
Дом мой, насильствуя гнусно моих в нем служанок,

тревожа

- Душу моей благородной жены сватовством ненавистным,
Правду святую богов позабыв, не страшася ни гнева
40 Их, ни от смертных людей за дела незаконные мести!
В сеть неизбежной гибели все, наконец, вы попали.
Так он сказал им. И были все ужасом схвачены бледным;
Все, озираясь, глазами искали дороги для бегства.
Тут Евримах, сын Полибиев, бросил крылатое слово:
45 — Если ты подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом
свой,

Праведны все обвиненья твои. Беззаконного много
В доме твоём и в твоих областях совершилось; но здесь он,
Главный виновник всего, Антиной, пораженный тобою,
Мертвый лежит. Он один, зломышлений всегдашних

зачинщик,

- 50 Нас поджигал: не о браке одном он с твоей Пенелопой
Думал; иное, чего не позволил Кронион, тайлось
В сердце его: похищение власти царя; Телемаха,
Власти державной наследника, смерти предать замышлял
он.

- Ныне судьбой он постигнут; а ты, Одиссей, пощади нас
55 Подданных; после назначишь нам цену, какую захочешь
Сам, за вино, за еду и за всё, что истрачено нами;
То, что здесь стóят откормленных двадцать быков, даст
охотно

Медью и золотом каждый из нас, чтоб склонить на пощаду
Гнев твой; теперь же твой праведен гнев; на него мы не
ропщем.

- 60 Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный;
«Нет, Евримах, — и хотя бы вы с вашим сполна все
богатства

Ваших отцов принесли мне, прибавя к ним много

чужого, —

Руки мои вас губить не уймутся до тех пор, покуда
Кровию вашей обиды моей дочиста не омою.

- 65 Выбор теперь вам один; иль со мной, защищаясь, бейтесь,
Или бегите отсюда, спасаясь от Кер и от смерти —
Знайте, однако, что Керы вас всех на пути переловят».

Так говорил он; у них задрожали колена и сердца.
Тут Евримах, обратясь к женихам уstraшенным,

воскликнул:

- 70 «Этот свирепый безжалостных рук не уймет, завладевши
Луком могучим и полным стрелами колчаном; до тех пор
Будет с порога высокого стрелы пускать он, покуда
Всех не положит нас мертвых. Друзья, не дадимся ж без
боя

В руки ему; обнажите мечи и столами закройтесь

- 75 Против налета убийственных стрел; всей толпою наперши,
Можем мы, сбивши с порога его и из притолок двери
Вытеснив, выбежать из дома, броситься в город и в помощь
Скликать людей; расстреляет он скоро ужасные стрелы.
Так он сказав, из ножен, ободрившийся выхватил меч
свой,

- 80 Медный, с обеих сторон заостренный, и с криком ужасным
Прянул вперед. Но навстречу ему Одиссей богоравный
Выстрелил; грудь близ сосца проколола и, в печень

вонзившись,

Крепко засела в ней злая стрела. Из руки ослабевшей

Выронил меч он, за стол уцепиться хотел и, споткнувшись,

- 85 Вместе упал со столом; вся еда со стола и двудонный
Кубок свалились наземь; он об пол стучал головою,
Болью проникнутый; ноги от судорог бились; ударом
Пяток он стул опрокинул; его наконец потемнели

Очи, тогда Амфином благородный, вскочив, устремился

- 90 В бой, уповая, что против него Одиссей не замедлит
Выйти, сошедши с порога, свой меч обнажил он; но сзади
Бросил копье Телемак, заостренное медью; вонзилось
Между плечами и грудь прокололо оно; застонавши,
Треснулся об пол лицом Амфином. Телемак же проворно

- 95 Прочь отскочил; он копья не хотел из убитого вырвать,
Сердцем тревожась, чтоб, в это мгновение, с боку нападши,
Кто из ахейян его, занятого копья исторженьем,
Острым мечом не пронзил неожиданно; свой совершивши
Смертный удар, под защиту отца поспешил он укрыться.

<...>

Очи водил вокруг себя Одиссей, чтоб узнать, не

остался ль

Кто неубитый, случайно избегший могущества Керы?

Мертвые все, он увидел, в крови и в пыли неподвижно

Кучей лежали они на полу там, как рыбы, которых,

- 385 На берег вытащив их из глубокозеленого моря
Неводом мелкопетлистым, рыбак высыпает на землю;
Там на песке раскаленном их, влаги соленой лишенных,

Гелиос пламенный душит, и все до одной умирают.
Мертвые так там один на другом неподвижно лежали.

〈...〉

Песнь двадцать третья

[Свидание Одиссея и Пенелопы]

С сими словами она по ступеням пошла, размышляя,
Что ей приличнее, издали ль с ним говорить, иль,
приблизясь,

Голову, руки и плечи его целовать? Перешедши
Двери высокий порог и в палату вступив, Пенелопа
Села там против супруга, в сиянье огня, у противной
90 Светлой стены; на другом он конце у колонны, потупив
Очи, сидел, ожидая, какое разумное скажет
Слово супруга, его там своими глазами увидя.

Долго в молчанье сидела она; в ней тревожилось сердце;
То, на него подымая глаза, убеждалась, что вправду
95 Он перед ней: то противное мыслила, в рубище жалком
Видя его. Телемах напоследок воскликнул с досадой:
— Милая мать, что с тобой? Ты в своем ли уме? Для

чего же

Так в отдаленье угрюмо сидишь, не подходишь, не хочешь
Слова супругу сказать и его ни о чем не расспросишь?

100 В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих
Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лег

возвратился.

Ты же не видишь, не слышишь; ты сердцем бесчувственной
камня.

Сыну царица разумная так, отвечая, сказала:

105 «Сердце, дитя, у меня в несказанном волнении, слова
Я произнести не могу, никакой мне вопрос не приходит
В ум, и в лицо поглядеть я не смею ему; но, когда он
Подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой, мы
способ

110 Оба имеем надежный друг другу открыться; свои мы
Тайные, людям другим неизвестные, знаки имеем».
Кончила. Царь Одиссей, постоянный в бедах, улыбнулся;
К сыну потом обратясь, он бросил крылатое слово:
«Друг, не тревожь понапрасну ты мать, и свободную волю
Дай ей меня расспросить. Не замедлит она убедиться
115 В истине; я же в изорванном рубище; трудно в таком ей
Виде меня Одиссеем признать и почитать, как прилично.

〈...〉

- (...) Тою порой, Одиссея в купальне омыв, Евринома
 Тело его благовонным оливным елеем натерла.
- 155 Легкий надел он хитон и богатой облекся хламидой.
 Дочь же великая Зевса его красотой озарила,
 Станом возвысила, сделала телом полней и густыми
 Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила.
 Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
- 160 Девой Палладой и богом Гефестом наставленный в
 трудном
 Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;
 Так Одиссея украсила дочь светлоокая Зевса.
 Вышед из бани, лицом лучезарный, как бог, возвратился
 Он в пировую палату и сел на оставленном стуле
- 165 Против супруги; глаза на нее устремив, он сказал ей:
 «Ты непонятная! Боги, владыки Олимпа, не женским
 Нежноуступчивым сердцем, но жестким тебя одарили;
 В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
 Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих
- 170 Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лет,
 возвратился.
 Слушай же, друг Еврикля; постель приготовь одному мне;
 Лягу один я — когда в ней такое железное сердце».
 Но Одиссею разумная так отвечала царица:
 «Ты, непонятный! Не думай, чтоб я величалась, гордилась,
- 175 Или в чрезмерном была изумленьи. Живо я помню
 Образ, какой ты имел в корабле, покидая Итаку.
 Если ж того он желает, ему, Еврикля, постелю
 Ты приготовь; но не в спальне, построенной им; а в другую
 Горницу выставь большую кровать, на нее положивши
- 180 Мягких овчин, на овчины же полость с широким покровом.
 Так говорила она, испытанью подвергнуть желая
 Мужа. С досадою он, обратясь к Пенелопе, воскликнул:
 «Сердцу печальное слово теперь ты, царица, сказала:
 Кто же из спальни ту вынес кровать? Человеку своею
- 185 Силою сделать того невозможно без помощи свыше;
 Богу конечно легко передвинуть ее на другое
 Место, но между людьми и сильнейший, хотя б и рычаг он
 Взял, не шатнул бы ее; заключалась тайна в устройстве
 Этой кровати. И я, не иной кто, своими руками
- 190 Сделал ее. На дворе находилась маслина с темной
 Сению, пышногустая, с большую колонну в объеме;
 Маслину ту окружил я стенами из тесаных, плотно
 Слаженных камней; и, свод на стенах утвердивши высокий,
 Двери двусторонние сбил из досок и на петли навесил;

- 195 После у маслины ветви обсек и поблизости к корню
 Ствол отрубил топором, а отрубок у корня, отсюда
 Острою медью его по снуру обтесав, основаньем
 Сделал кровати, его пробуравил, и скобелю брусья
 Выгладил, в раму связал и к отрубам приладил, богато
- 200 Золотом их, серебром и слоновою костью украсив;
 Раму ж ремнями из кожи воловьей, обшив их пурпурной
 Тканью, стянул. Таковы все приметы кровати. Цела ли
 Эта кровать и на прежнем ли месте, не знаю; быть может
 Сняли ее, подпилив в основании масличный корень.
- 205 Так он сказал. У нее задрожали колена и сердце.
 Признаки все Одиссеевы ей он исчислил; заплакав
 Взрыд, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею
 Мужу и, милоя голову нежно целуя, сказала:
 «О! Не сердись на меня, Одиссей! Меж людьми ты всегда
был
- 210 Самый разумный и добрый. На скорбь осудили нас боги;
 Было богам неугодно, чтоб, сладкую молодость нашу
 Вместе вкусив, мы спокойно дошли до порога веселой
 Старости. Друг, не сердись на меня и не делай упреков
 Мне, что не тотчас, при виде твоём, я к тебе
- приласкалась;
- 215 Милое сердце мое, Одиссей, повергала в великий
 Трепет боязнь, чтоб меня не прельстил здесь какой
иноземный
- Муж увлекательным словом; у многих коварное сердце.
 Слуха Елена Аргивская, Зевсова дочь, не склонила б
 К лести пришельца и с ним не бежала б, любви покорясь,
- 220 В Трою, когда бы предвидеть могла, что ахейне ратью
 Придут туда и ее возвратят принужденно в отчизну.
 Демон враждебный Елену вовлек в непристойный
поступок;
- Собственным сердцем она не замыслила б гнусного дела,
 Страшного, всех нас в великое бедствие ввергшего дела.
- 225 Ты мне подробно теперь, Одиссей, описал все приметы
 Нашей кровати — о ней же никто из живущих не знает,
 Кроме тебя и меня и рабыни одной приближенной,
 Дочери Актора, данной родителям мне при замужестве;
 Дверь заповедной спальни она стерегла неусыпно.
- 230 Ты же мою, Одиссей, убедил непреклонную душу.
 Кончила. Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея.
 Плача, прикинул он к сердцу испытанной, верной супруги.
 В радость, увидевши берег, приходят пловцы, на обломке
 Судна, разбитого в море грозой Посейдона, носяся
- 235 В шуме бунтующих волн, воздымаемых силою бури;

- Мало из мутносоленной пучины на твердую землю.
 Их, утомленных, изъеденных острою влагой, выходит;
 Радостно землю объемлют они, избежав потопленья.
 Так веселилась она, возвращенным любуясь супругом,
 240 Рук белоснежных от шеи его оторвать не имея
 Силы. В слезах бы могла их застать златотронная Эос,
 Если б о том не подумала дочь светлоокая Зевса:
 Ночь на пределах небес удержала Афина; Деннице ж
 Златопрестольный из вод Океана коней легконогих,
 245 С нею летающих, Лампа и брата его Фазтона⁷
 (Их в колесницу в свою заложив) выводить запретила.
 <...>

(Пер. В. А. Жуковского)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бог светonosный — Гелиос. ² Огигия — мифический остров, на котором живет нимфа Калипсо. ³ амврозиальные — т. е. подобающие бессмертным богам («амбротос» — по-гречески бессмертный). ⁴ громоносного бога рождение — Афина, дочь Зевса. ⁵ Тайгет — лесистые горы в Пелопоннесе. ⁶ Эримант (Эриманф) — гора на границе Аркадии и Элиды. ⁷ Ламп, Фазгон — кони богини Эос.

Дидактический эпос

ГЕСИОД

(VIII—VII вв. до н. э.)

Дидактический (наставительный) эпос представлен в греческой литературе двумя поэмами, приписываемыми Гесиоду, — «Работы и дни» и «Теогония» («Происхождение богов»). Личность Гесиода известна лишь из его произведений (в поэме Гесиода впервые в истории европейской литературы упоминается имя автора и некоторые обстоятельства его жизни). Гесиод изображает себя сыном бедного крестьянина, переселившегося из М. Азии в Беотию. Поводом для написания его «Работ и дней» послужила тяжба с братом, отсудившим после смерти отца с помощью неправедных судей большую часть наследства Гесиода, а потом разорившимся и обращающимся к Гесиоду за помощью. Наставления брату Персу и составляют «сюжет» поэмы. Гесиод называет себя поэтом (рапсодом), получившим от самих муз поэтический дар («Теогония») — Эти скудные указания носят условный характер литературного приема оформления поэм и едва ли могут быть надежными биографическими свидетельствами. Тем не менее в поэме отчетливо видно мировоззрение труженика-земледельца, угнетаемого родовой знатью. Единственное спасение для человека, в непрерывно ухудшающейся жизни по Гесиоду, — это труд, приносящий благосостояние. Основная часть поэмы состоит из различных наставлений нравственного и практически-хозяйственного

характера, раскрывающих психологию крестьянина-труженика, а также из перечня «счастливых и несчастливых» дней, способствующих или препятствующих его делам. Важное место в поэме отведено нравственно-философским размышлениям, в частности о Справедливости (Дике), которой должна подчиняться человеческая жизнь.

Поэма «Теогония» представляет собой первую попытку систематизации греческой мифологии. Автор пытается осмыслить происхождение и устройство мира, история которого представлена как ряд браков между богами.

Поэмы в книге приведены по изданию: Эллинские поэты/пер. В. В. Вересаева. М., 1963.

РАБОТЫ И ДНИ

Вас, пиерийские Музы, дающие песнями славу,
Я призываю, — воспойте родителя нашего Зевса!
Слава ль кого посетит, неизвестность ли, честь иль
бесчестье —
Все происходит по воле великого Зевса-владыки.
Силу бессильному дать и в ничтожество сильного
ввергнуть,
Счастье отнять у счастливого, безвестного вдруг
возвеличить,
Выпрямить сгорбленный стан или спину надменному
сгорбить,
Очень легко громовержцу Кронида, живущему в вышних.
Глазом и ухом внимай мне, во всем соблюдай
справедливость,
Я же, о Перс, говорить тебе чистую правду желаю.

20 Знай же, что две существуют различных Эриды на свете,
А не одна лишь всего. С одобреньем отнесся б разумный
К первой. Другая достойна упреков. И духом различны:
Эта — свирепые войны и злую вражду вызывает,
Грозная. Люди не любят ее. Лишь по воле бессмертных
Чтут они против желанья тяжелую эту Эриду.
Первая раньше второй рождена многосумрачной ночью;
Между корнями земли поместил ее кормчий всевышний,
Зевс, в эфире живущий, и более сделал полезной:
Эта способна понудить к труду и ленивого даже;
Видит ленивец, что рядом другой близ него богатеет,
Станет и сам торопиться с насадками, с севом, с
устройством
Дома. Сосед соревнует соседу, который к богатству
Сердцем стремится. Вот эта Эрида для смертных полезна.

Зависть питает гончар к гончару и к плотнику плотник;
Нищему нищий, певцу же певец соревнуют усердно.

- Перс! Глубоко себе в душу сложи, что тебе говорю я:
Не поддавайся Эриде злорадно, душою от дела
Не отвращайся, беги словопрений судебных и тяжб.
30 Некогда времени тратить на всякие тяжбы и речи
Тем, у кого невелики в дому годовые запасы
Вызревших зерен Деметры, землей посылаемых людям,
Пусть, кто этим богат, затевает раздоры и тяжбы
Из-за чужого достатка. Тебе же совсем не пристало б
Сызнова так поступать: но давай-ка рассудим сейчас же
Спор наш с тобою по правде, чтоб было приятно Крониду.
Мы уж участок с тобой поделили, но много другого,
Силой забравши, унес ты и славись царей-дароядцев,
Спор наш с тобою вполне, как желалось тебе,
рассудивших <...>

- 42 Скрыли великие боги от смертных источники пищи:
Иначе каждый легко бы в течение дня наработал
Столько, что целый год, не трудясь, имел пропитанье.
Тотчас в дыму очага он повесил бы руль корабельный,
Стала б ненужной работа волов и выносливых мулов.
Но далеко Громовержец источники пищи ^{и, следовательно,} запрятал,
В гневе на то, что его обманул Прометей хитроумный.
Этого ради жестокой заботой людей поразил он...

* * *

- 50 Спрятал огонь. Но опять благороднейший сын Иапета
Выкрал его для людей у всемогущего Зевса-Крониды,
В нарфлекс порожний запрятав от Зевса, метателя молний.
В гневе к нему обратился Кронид, облаков собиратель:
«Сын Иапета, меж всеми искуснейший в замыслах хитрых!
Рад ты, что выкрал огонь и мой разум обманом опутал
На величайшее горе себе и людским поколениям!
Им за огонь ниспошлю я беду. И душой веселиться
Станут они на нее и возлюбят, что гибель несет им».

Так говоря, засмеялся родитель бессмертных и
смертных.

- 60 [Славному отдал приказ он Гефесту, как можно скорее
Землю с водою смешать, человеческий голос и силу
Внутрь заложить и обличье прелестное деви прекрасной,
Схожее с вечной богиней, придать изваянью. Афине
Он приказал обучить ее ткать превосходные ткани,

«А золотой Афродите — обвеять ей голову дивной
Прелестью, мучащей страстью, грызущую члены заботой.
Аргоубийце ж Гермесу, вожатаю, разум собачий
Внутрь ей вложить, приказал и двуличную, лживую душу.

Так он сказал. И Кронида-владыки послушались боги.

- 70 Зевсов приказ исполняя, подобие девы стыдливой
Тотчас слепил из земли знаменитый хромец обоногий.
Пояс надела, оправив одежды, богиня Афина.
Девы-Хариты с царицей Пейто золотым ожерельем
Нежную шею обвили. Прекрасноволосые Оры
Пышные кудри цветами весенними ей увенчали.

[Все украшенья на теле оправила дева Афина.]

- Аргоубийца ж, вожатай, вложил после этого в грудь ей
Льстивые речи, обманы и лживую, хитрую душу.
80 Женщину эту глашатай бессмертных Пандорою назвал,
Ибо из вечных богов, населяющих дома Олимпа,
Каждый свой дар приложил, хлебоядным мужам на
погибель.

Хитрый, губительный замысел тот приводя в

исполнение,

Славному Аргоубийце, бессмертных гонцу, свой подарок
К Эпиметею родитель велел отвести. И не вспомнил
Эпиметей, как ему Прометей говорил, чтобы дара
От олимпийского Зевса не брать никогда, но обратно
Тотчас его отправлять, чтобы людям беды не случилось.
Принял он дар и тогда лишь как зло получил, догадался.

- 90 В прежнее время людей племена на земле обитали,
Горестей тяжких не зная, не зная ни трудной работы,
Ни вредоносных болезней, погибель несущих для
смертных.

Снявши великую крышку с сосуда, их все распустила
Женщина эта и беды лихие наслала на смертных.
Только Надежда одна в середине за краем сосуда
В крепком осталась своем обиталище, — вместе с другими
Не улетела наружу: успела захлопнуть Пандора
Крышку сосуда, по воле эгидодержавного Зевса.

- 100 Тысячи ж бед улетевших меж нами блуждают повсюду
Ибо исполнена ими земля, исполнено море.
К людям болезни, которые днем, а которые ночью,
Горе неся и страданья, по собственной воле приходят
В полном молчании: не дал им голоса Зевс-промыслитель.
Замыслов Зевса, как видишь, избежать никак невозможно.
Если желаешь, тебе расскажу хорошо и разумно

Повесть другую теперь. И запомни ее хорошенько.
Создали прежде всего поколение людей золотое
110 Вечноживущие боги, владельцы жилищ олимпийских,
Был еще Крон-промыслитель в то время владыкою неба.
Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
А умирали, как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем неизвестен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебодарные земли. Они же,
120 Сколько хотелось трудились, спокойно собирая богатства, —
Стад обладатели многих, любезные сердцу блаженных.
После того как земля поколение это покрывала,
В благостных демонов все превратились они наземельных
Волей великого Зевса: людей на земле охраняют,
Зорко на правые наши дела и неправые смотрят.
Тьмою туманной одевшись, обходят всю землю, давая
Людям богатство. Такая им царская почесть досталась.

После того поколение другое, уж много похуже,
Из серебра сотворили великие боги Олимпа.
Было не схоже оно с золотым ни обличем, ни мыслью.
130 Сотню годов возрастал человек неразумным ребенком,
Дома близ матери доброй забавами детскими тешась.
А наконец возмужавши и зрелости полной достигнув,
Жили лишь малое время, на беды себя обрекая
Собственной глупостью: ибо от гордости дикой не в силах
Были они воздержаться, бессмертным служить не желали,
Не приносили и жертв на святых алтарях олимпийцам,
Как по обычаю людям положено. Их под землю
Зевс-громовержец сокрыл, негодуя, что почестей люди
Не воздавали блаженным богам, на Олимпе живущим.
140 После того как земля поколение и это покрывала,
Дали им люди название подземных смертных блаженных,
Хоть и на месте втором, но в почёте у смертных и эти.

Третье родитель Кронид поколение людей говорящих,
Медное создал, ни в чем с поколением несхожее прежним.
С копьями. Были те люди могучи и страшны. Любили
Грозное дело Ароя, насильщину. Хлеба не ели.
Крепче железа был дух их могучий. Никто приближаться
К ним не решался: великою силой они обладали,
И необорные руки росли на плечах многомошных.
150 Были из меди доспехи у них и из меди жилища,

Медью работы свершали: никто о железе не ведал.
Сила ужасная собственных рук принесла им погибель.
Все низошли безыменно: и, как ни страшны они были,
Черная смерть их взяла и лишила сияния солнца.

После того как земля поколение и это покрыла,
Снова еще поколение, четвертое, создал Кронион
На многодарной земле, справедливее прежних и лучше, —
Славных героев божественный род. Называют их люди

- 160 Полубогами: они на земле обитали пред нами.
Грозная их погубила война и ужасная битва.
В Кадмовой области славной они свою жизнь положили,
Из-за Эдиповых стад подвизаясь у Фив семивратных;
В Трое другие погибли, на черных судах переплывши
Ради прекрасноволосой Елены чрез бездны морские.
Многих в кровавых боях исполнение смерти покрыло;
Прочих к границам земли перенес громовержец Кронион,
Дав пропитание им и жилища отдельно от смертных.
- 170 Сердцем ни дум, ни заботы не зная, они безмятежно
Близ океанских пучин острова населяют блаженных.
Трижды в году хлебодарная почва героям счастливым
Сладостью равные меду плоды в изобилие приносит.

Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы, или позже родиться.
Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя,
И от несчастий, Заботы тяжелые боги дадут им.
[Все же ко всем этим бедам примешаны будут и блага.

- 180 Зевс поколение людей говорящих погубит и это
После того, как на свет они станут рождаться седыми.]
Дети — с отцами, с детьми — их отцы сговориться не
смогут.

Чуждыми станут товарищ товарищу, гостю — хозяин.
Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то.
Старых родителей скоро совсем почитать перестанут;
Будут их яро и зло поносить нечестивые дети
Тяжкою бранью, не зная возмездья богов; не захочет
Больше никто доставлять пропитанья родителям старым.
Правду заменит кулак. Города подпадут разграбленью.

- 190 И не возбудит ни в ком уваженья ни клятвохранитель,
Ни справедливый, ни добрый. Скорей наглецу и злодею
Станет почет воздаваться. Где сила, там будет и право.
Стыд пропадет. Человеку хорошему люди худые
Лживыми станут вредить показаньями, ложно кляняся.

Следом за каждым из смертных несчастных пойдет
неотвязно

Зависть злорадная и злоязычная, с ликом ужасным.
Скорбно с широкодорожной земли на Олимп многоглавый,
Крепко плащом белоснежным закутав прекрасное тело,
К вечным богам вознесутся тогда, отлетевши от смертных,
200 Совесть и Стыд. Лишь одни жесточайшие, тяжкие беды
Людям останутся в жизни. От зла избавленья не будет.

Басню теперь расскажу я царям, как они ни разумны.
Вот что однажды сказал соловью-пестроглазому ястреб,
Когти вонзивши в него и неся его в тучах высоких.
Жалко пищал соловей, пронзенный кривыми когтями,
Тот же властительно с речью такую к нему обратился:

«Что ты, несчастный, пищишь? Ведь намного тебя я
сильнее!

Как ты ни пой, а тебя унесу я, куда мне угодно,
И пообедать могу я тобой, и пустить на свободу.
210 Разума тот не имеет, кто мерится хочет с сильнейшим:
Не победит он его — к униженью лишь горе прибавит!»

Вот что стремительный ястреб сказал, длиннокрылая
птица.

Слушайся голоса правды, о Перс, и гордости бойся!
Гибельна гордость для малых людей. Да и тем, кто
повыше,

С нею прожить нелегко; тяжело она ляжет на плечи,
Только лишь горе случится. Другая дорога надежней:
«Праведен будь! Под конец посрамит гордеца непременно
Праведный. Поздно, уже пострадав, узнает это глупый.

Ибо тотчас за неправым решением Орк поспешает.
220 Правды же путь неизменен, куда бы ее ни старались
Неправосудьем своим своротить дароядные люди.
С плачем вослед им обходит она города и жилища,
Мраком туманным одевшись, и беды на тех посылает,
Кто ее гонит и суд над людьми сотворяет неправый.

Там же, где суд справедливый находит и житель туземный,
И чужестранец, где правды никто никогда не преступит, —
Там государство цветет, и в нем процветают народы;
Мир, воспитанью способствуя юношей, царствует в крае;
Войн им свирепых не шлет никогда Громовержец-владыка.

230 И никогда правосудных людей ни несчастье, ни голод
Не посещают. В пирах потребляют они, что добудут:
Пищу обильную почва приносит им; горные дубы
Желуди с веток дают и пчелиные соты из дупел.
Еле их овцы бредут, отягченные шерстью густою,
Жены детей им рожают, наружностью схожих с отцами.
Всякие блага у них в изобилие. И в море пускаться
Нужды им нет: получают плоды они с нив хлебодарных.

Кто же в надменности злой и в делах начестивых коснеет,
Тем воздаст по заслугам владыка Кронид дальнзоркий.

240 Целому городу часто в ответе бывать приходилось
За человека, который грешит и творит беззаконье.

Беды великие сводит им с неба владыка Кронион, —
Голод совместно с чумой. Исчезают со света народы.
Женщины больше детей не рожают, и гибнут дома их
Предначертаньем владыки богов, олимпийского Зевса.
Или же губит у них обильное войско, иль рушит
Стены города, либо им в море суда потопляет.

Сами цари, поразмыслите вы о возмездии этом.
Близко повсюду меж нас пребывают бессмертные боги
250 И наблюдают за теми людьми, кто своим кривосудьем,
Кару презревши богов, разоренье друг другу приносит.
Посланы Зевсом на землю-кормилицу три мириады
Стражей бессмертных. Людей земнородных они охраняют,
Правых и злых человеческих дел соглядатаи, бродят
По миру всюду они, облеченные мглою туманной.
Есть еще дева великая Дике, рожденная Зевсом,
Славная, чтимая всеми богами, жильцами Олимпа.
Если неправым деяньем ее оскорбят и обидят,
260 Подле родителя-Зевса немедля садится богиня
И о неправде людской сообщает ему. И страдает
Целый народ за несчастье царей, злоумышленно правду
Неправосудьем своим от прямого пути отклонивших.
И берегитесь, цари-дароядцы, чтоб так не случилось!
Правду блюдите в решениях и думать забудьте о кривде.
Зло на себя замышляет, кто зло на другого замыслил.
Злее всего от дурного совета советчик страдает.
Зевсово око все видит и всякую вещь примечает;
Хочет владыка, глядит, — и от взоров не скроется зорких,
Как правосудье блюдется внутри государства любого.

270 Нынче ж и сам справедливым я быть меж людей не желал
бы,
Да приказал бы и сыну; ну, как же тут быть справедливым,
Если чем кто неправее, тем легче управу находит?
Верю, однако, что Зевс не всегда же терпеть это будет.

Перс! Хорошенько запомни душою внимательной вот что:

Слушайся голоса правды и думать забудь о насилье.
Ибо такой для людей установлен закон Громовержцем:
Звери, крылатые птицы и рыбы, пощады не зная,
Пусть поедают друг друга: сердца их не ведают правды.
280 Людям же правду Кронид даровал — высочайшее благо.
Если кто, истину зная, правдиво дает показанья —
Счастье тому посылает Кронион широкоглядающий.
Кто ж в показаньях с намереньем лжет и неправо
клянется,
Тот, справедливость разя, самого себя ранит жестоко.
Жалким, ничтожным у мужа такого бывает потомство;
А доброклятенный муж и потомков оставит хороших.

С доброю целью тебе говорю я, о Перс безрассудный!
Зла натворить сколько хочешь — весьма немудреное дело.
Пусть не тяжелый ко злу, обитает оно недалеко.
Но добродетель от нас отделили бессмертные боги
290 Тягостным потом: крута, высока и длинна к ней дорога,
И трудновата вначале. Но если достигнешь вершины,
Легкою и ровною станет дорога, тяжелая прежде.<...>

Помни всегда о завете моем и усердно работай.
Перс, о потомок богов, — чтобы голод тебя ненавидел,
300 Чтобы Деметра в прекрасном венке неизменно любила
И наполняла амбары тебе всевозможным припасом.
Голод, тебе говорю я, всегдашний товарищ ленивца.

Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно
Жизнь проживает, подобно безжальному трутню, который,
Сам не трудясь, работой питается пчел хлопотливых.
Так полюби же дела свои вовремя делать и с рвением.
Будут ломиться тогда у тебя от запасов амбары.

Труд человеку стада добывает и всякий достаток,
Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее
310 Вечным богам, как и людям: бездельники всякому мерзки.

Нет никакого позора в работе: позорно безделье,
Если ты трудишься — скоро богатым, на зависть

ленивцам,

Станешь. А вслед за богатством идут добродетель

с почетом.

Хочешь бывалое счастье вернуть, так уж лучше работай,
Сердцем к чужому добру перестань безрассудно тянуться
И, как советую я, о своем пропитанье подумай.

Стыд нехороший повсюду сопутствует бедному мужу, —
Стыд, от которого людям так много вреда, но и пользы.
Стыд — удел бедняка, а взоры богатого смелы.

320 Лучше добром богоданным владеть, чем захваченным

силой.

Если богатство великое кто иль насильем добудет,
Или разбойным своим языком, — как бывает нередко
С теми людьми, у которых стремлением жадным к корысти
Ум отуманен и вытеснен стыд из сердца бесстыдством, —
Боги легко человека такого унижат, разрушат
Дом, — и лишь краткое время он тешиться будет
богатством.

То же случится и с тем, кто обидит просящих защиты
Иль чужестранцев, кто к брату на ложе взойдет, чтобы

тайно

330 Совокупиться с женою его, — что весьма непристойно! —

Кто легкомысленно против сирот погрешит малолетних,
Кто нехорошею бранью отца своего обругает, —
Старца, на грустном пороге стоящего старости тяжелой.
Истинно, вызовет гнев самого он Кронида, и кара
Тяжкая рано иль поздно постигнет его за нечестье!

Этого ты избегай безрассудной своею душою.

Жертвы бессмертным богам приноси, сообразно достатку,
Свято и чисто, сжигай перед ними блестящие бедра.
Кроме того возлиянья богам совершай и куренья,
Спать ли идешь, появление ль священного света

встречаешь,

340 Чтобы к тебе относились они с благосклонной душою,
Чтоб покупал ты участки других, а не твой бы — другие.

Друга зови на пирушку, врага обходи приглашеньем.
Тех, кто с тобою живет по соседству, зови непременно:
Если несчастье случится, — когда еще пояс подвывает
Свойственник твой! А сосед и без пояса явится тотчас.
Истая язва — сосед нехороший; хороший — находка....

Точно отмерив, бери у соседа займы: отдавая
350 Меряй такую же мерой, а можешь, — так даже и больше,
Чтобы наверно и впредь получить, коль нужда
приключится...

354 Только дающим давай; ничего не давай не дающим.
Всякий дающему даст, не дающему всякий откажет...

357 Тот, кто охотно дает, если даже дает он и много, —
Чувствует радость, давая, и сердцем своим веселится.
Если же кто своевольно берет, повинувшись бесстыдству, —
360 Пусть и немного он взял, — но печалит нам милое сердце.

Если и малое даже прикладывать к малому будешь
Скоро большим оно станет; прикладывай только почаще.
Жгучего голода тот избежит, кто копить приучился...
371 С братом и с тем, как бы в шутку, дела при свидетелях
делай.

Как подозрительность, так и доверчивость гибель приносит.
Женщин беги вертихвосток, манящих речей их не слушай.
Ум тебе женщина вскружит и живо амбары очистит.
Верит поистине вору nocturno, кто женщине верит!

Единородным да будет твой сын. Тогда сохранится
В целости отческий дом и умножится всяким богатством.
Пусть он умрет стариком, и опять одного лишь оставит.

⟨...⟩

695 В дом свой супругу вводи, как в возраст придешь
подходящий.

До тридцати не спеши, но и за тридцать долго не медли:
Лет тридцати ожениться — вот самое лучшее время.
Года четыре пусть зреет невеста, женитесь на пятом.
Девушку в жены бери — ей легче внушить благонравье.

700 Взять постарайся из тех, кто с тобою живет по соседству.
Все обгляди хорошо, чтоб не на смех соседям жениться.
Лучше хорошей жены ничего не бывает на свете,
Но ничего не бывает ужасней жены нехорошей,
Жадной сластены. Такая и самого сильного мужа
Высушит пуще огня и до времени в старость загонит. ⟨...⟩

715 Слыть нелюдимым не надо, не надо и быть хлебосолом;
Бойся считаться товарищем злых, ненавистником добрых.
⟨...⟩

719 Лучшим сокровищем люди считают язык неболтливый.
Меру в словах соблюдешь — и всякому будешь приятен;
Станешь злословить других — о себе еще хуже услышишь.
⟨...⟩

- 765 Тщательно Зевсовы дни по значенью и сам
различай ты
И обучай домочадцев. Тридцатое — день наилучший
Для обозренья свершенных работ, для дележки припасов.
Вот что различные дни у Кронида всемудрого значат.
Если в сужденьях народов об этом содержится правда.
- 770 Дни священные: день перед первым числом
и четвертый.
День седьмой, — в этот день родился Аполлон
златолирный, —
Также восьмой и девятый. Особенно ж в месяце два есть
Дня при растущей луне, превосходных для смертных
свершений,
День одиннадцатый и двенадцатый; оба счастливы
- 775 Для собиранья плодов и для стрижки овец густорунных.
Но между ними двоими — двенадцатый много счастливей.
<...>
- 780 Сев начинать на тринадцатый день опасайся всемерно;
Но для посадки растений тринадцатый день превосходен.
В среднем десятке шестое число для растений опасно,
Но хорошо для зачатия мальчика. Девочке вредно
Замуж идти в этот день, равно как и на свет рождаться.
- 785 Также и в первом десятке шестое число для рожденья
Девочек мало полезно; козлят вылегчать и баранов
В это число хорошо и поскотину строить для стада. <...>
- 805 В среднем десятке седьмого священные зерна Деметры
Вей на току округленном, душою отдавшись работе.
В этот же день лесорубы пусть рубят домовые бревна
И деревянные части для стройки судов быстроходных.
А за постройку саму приниматься четвертого надо...
Эти вот дни для людей земнородных — великая польза.
Прочие все — ничего не несущие дни, без значенья.
Каждый различное хвалит. Но толком лишь мало кто
знает.
- 825 То, словно мачеха, день, а другой раз — как мать,
человеку,
Тот меж людьми и блажен и богат, кто, все это усвоив,
Делает дело, вины за собой пред богами не зная,
Птиц вопрошает и всяких деяний бежит нечестивых.

ТЕОГОНИЯ

С Муз, геликонских богинь, мы песню свою начинаем.
На Геликоне¹ они обитают высоком, священном.

Нежной ногою ступая, обходят они в хороводе
Жертвенник Зевса-царя и фиалково-темный источник. <...>

* * *

<...> Песням прекрасным своим обучили они Гесиода
В те времена, как овец под священным он пас Геликоном.
Прежде всего обратились ко мне со словами такими
Дщери великого Зевса-царя, олимпийские Музы:

«Эй, пастухи полевые, — несчастные, брюхо сплошное!
Много умеем мы лжи рассказать за чистейшую правду.
Если, однако, хотим, то и правду рассказывать можем!»

30 Так мне сказали в рассказах искусные дочери Зевса.
Вырезав посох чудесный из пышнозеленого лавра,
Мне его дали, и дар мне божественных песен вдохнули,
Чтоб воспевал я в тех песнях, что было и что еще будет.
Племя блаженных богов величать мне они приказали,
Прежде ж и после всего — их самих воспевать
непрестанно...
Впрочем, ну как я могу говорить о скале или дубе?

С Муз песнопенье свое начинаем, которые пеньем
Радуют разум великий отцу своему на Олимпе,
Все излагая подробно, что было, что есть и что будет,
Хором согласно звучащим. Без устали сладкие звуки
40 Льют их уста. И смеются палаты родителя-Зевса
Тяжкогремящего, лишь зазвучат в них лилейные песни
Славных богинь. И ответно звучат им жилища блаженных
И олимпийские главы. Богини же гласом бессмертным
Прежде всего воспевают достойное почестей племя
Тех из богов, что Землей рождены от широкого Неба,
И благодавцев-богов, что от этих богов народились.
Зевса вторым после них, отца и бессмертных и смертных,
В самом начале и в самом конце воспевают богини, —
Сколь превосходнее всех он богов и могучее силой.
50 Племя затем воспевая людей и могучих Гигантов,
Радуют разум великий отцу своему на Олимпе
Дщери великого Зевса-царя, олимпийские Музы <...>
И Каллиопа, — меж всеми другими она выдается;
80 Шествует следом она за царями, достойными чести.
Если кого отличить пожелают Крониовы дщери,
Если увидят, что родом от Зевса вскормленных царей

он —

То орошают счастливцу язык многосладкой росой.
Речи приятные с уст его льются тогда. И народы

Все на такого глядят, как в суде он выносит решения,
С строгой согласные правдой. Разумным, решительным
словом
Даже великую ссору тотчас прекратить он умеет. (<...>
Вот сей божественный дар, что приносится Музами
людям.

Ибо от Муз и метателя стрел, Аполлона-владыки,
Все на земле и певцы происходят и лирники-мужи.
Все же цари от Кронида. Блажен человек, если Музы
Любят его: как приятен из уст его льющийся голос!
Если неожиданное горе внезапно душой овладеет,
Если кто сохнет, печалью терзаясь, то стоит ему лишь
100 Песню услышать слугителя Муз, песнопевца, о славных
Подвигах древних людей, о блаженных богатых
олимпийских,
И забывает он тотчас о горе своем; о заботах
Больше не помнит: совсем он от дара богинь изменился.

Радуйтесь, дочери Зевса, даруйте прелестную песню!
Славьте священное племя богов, существующих вечно, —
Тех, кто на свет родился от Земли и от звездного Неба,
Тех, кто от сумрачной Ночи, и тех, кого Море вскормило.
Все расскажите, — как боги, как наша земля зародилась,
Как беспредельное море явилось шумное, реки,
110 Звезды, несущие свет, и широкое небо над нами;
Кто из бессмертных подателей благ от чего зародился,
Как поделили богатства и почести между собою,
Как овладели впервые обильноложбинным Олимпом.
С самого это начала вы все расскажите мне, Музы,
И сообщите при этом, что прежде всего зародилось.

Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом
Щирокогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах
глубоких;
120 И, между вечными всеми богами прекраснейший, — Эрос.
Сладкоистомный — у всех он богов и людей земнородных
Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.
Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса.
Ночь же Эфир родила и сияющий день, иль Гемеру?
Их зачала она в чреве, с Эребом в любви сочетавшись.
Гея же прежде всего родила себе равное ширью
Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду
И чтобы прочным жилищем служил для богов
всеблаженных;

- 130 Нимф, обитающих в чащах нагорных лесов многотенных;
Также еще родила, ни к кому не всходявши на ложе,
Шумное море бесплодное, Понт. А потом, разделивши
Ложе с Ураном, на свет Океан породила глубокий,
Коя и Крия, еще — Гипериона и Иапета,
Фею и Рею, Фемиду великую и Мнемосину³,
Златовенчанную Фебу и милую видом Тефию.
После их всех родился, меж детей наиболее ужасный,
Крон хитроумный. Отца многомогущего он ненавидел. (...)

(Пер. В. Вересаева)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Геликон* — лесистая гора в Средней Греции (Беотии), место поклонения Апполону и Музам. ² *Гемера* — день; божество дня. ³ Перечисляются имена титанов, сыновей Урана и братьев и сестер Крона.

Гомеровские гимны

Так называемые «гомеровские гимны» составляют сборник из 33 произведений, условно называемых «гимнами». Эти произведения созданы в разное время, с VII в. до н. э. и кончая периодом поздней античности. Большинство из них представляют собой проэпии — краткие вступления перед декламацией эпического рассказа о деяниях того или иного бога, происходившей на праздниках, ему посвященных. Первые пять «гимнов», наиболее значительные по объему и ранние по времени создания, близко примыкают по своей стилистике к гомеровским поэмам (именно эта стилистическая близость и дала им наименование «гомеровских»). В антологии приводится «Гимн к Афродите», относящийся к VII—VI вв. до н. э. Он повествует о встрече богини Афродиты с троянским героем Анхизом. Гимны приведены по изданию: Эллинские поэты. М., 1963.

ГИМН К АФРОДИТЕ

Муза! Поведай певцу о делах многозлатной Киприды!
Сладкое в душах богов вожделенье она пробудила,
Власти своей племена подчинила людей земнородных,
В небе высоком летающих птиц и зверей всевозможных,
Скольким из них ни дает пропитанье земля или море.
Всем одинаково близко сердцам, что творит Киферея.
Только троих ни склонить, ни увлечь Афродита не в силах:
Дочери Зевса-владыки, сиятельноокой Афины, —

Мало лежит ее сердце к делам многозлатой Киприды.
Любит она только войны и грозное Ареса дело,
Схватки жестокие, битвы, заботы о подвигах славных.
Плотников, смертных мужей, обучила впервые богиня
Сооружать для боев колесницы, пестрящие медью.
Девушек с кожей нежной она обучила в чертогах
Славным работам, вложив понимание каждой в рассудок.
Также не в силах Киприда улыбкалюбивая страстью
Жаркой и грудь Артемиды зажечь златострельной и

шумной:

- Любит она только луки, охоту в горах за зверями,
Звяканье лир, хороводы, далеко звучащие клики,
20 Рощи, богатые тенью, и город мужей справедливых.
Дел Афродиты не любит и скромная дева-Гестия,
Перворожденная дочь хитроумного Крона-владыки,
Снова ж потом и последнерожденная, волею Зевса!
Феб-Апполон добивался ее, Посейдон-земледержец, —
Не пожелала она, но сурово обоих отвергла.
Клятвой она поклялася великой — и клятву сдержала,
До головы прикоснувшись эгидодержавного Зевса,
Что навсегда она в девах пребудет, честная богиня.
20 Дал ей отличие прекрасное Зевс в возмещение безбрачья:
Жертвенный тук принимая, среди дома она восседает;
С благоговеньем богине во всех поклоняются храмах,
Смертными читится она, как первейшая между богами.

- Этих троих ни склонить, ни увлечь Афродита не в силах.
Из остальных же избежать ее никому невозможно,
Будь то блаженные боги иль смерторожденные люди.
Зевс-молнелюбец и тот обольщаем бывал не однажды, —
Он, величайший из всех, величайшей чести причастный!
Разум глубокий вскружив, без труда и его Афродита —
Стоило лишь пожелать ей — сводила со смертной женою
40 И забывать заставляла о Гере, сестре и супруге,
Между бессмертных богинь выдающейся видом
прекрасным.

Славную Крон хитроумный и мать Рея родили.
Знающий вечные судьбы, властительный Зевс-молнелюбец
Сделал разумную Геру своею супругой почтенной.

Но и саму Афродиту зажег сладострастным желаньем
Ласк человеческих Зевс, чтоб как можно скорей оказалось,
Чтоб не смогла и она не взойти к человеку на ложе
И чтоб нельзя уже было хвалиться пред всеми богами
Сладко смеющейся, любящей смех Афродите прекрасной,

- 50 Как она с женами сводит земными богов всеблаженных,
И сыновей для бессмертных богов они смертных рождают,
Как и с мужами земными блаженных богинь она сводит.
- Зевс ей забросил к Анхизу желание сладкое в душу,
Пас в это время быков на горах он высоковершинных
Иды², богатой ключами, — осанкой бессмертным подобный.
И загорелось любовью улыбкалюбивой Киприды
Сердце. И, ужас будя, вожделенье ей в душу проникло.
Быстро примчавшись на Кипр, низошла она в храм свой
душистый
- В Пафосе³: есть у нее там алтарь благовонный и роща.
60 В храм Афродита вошла и закрыла блестящие двери.
Там искупали богиню Хариты и тело натерли
Маслом бессмертным, какое обычно для вечно живущих.
Чудной облекшись одеждой и все превосходно оправив,
Золотом тело украсив, покинула Кипр благовонный
И понеслась Афродита улыбкалюбивая в Трою,
На высоте, в облаках, свой стремительный путь совершая.
Быстро примчалась на Иду, зверей многоводную мать.
Прямо к жилищам пошла через гору. Виляя хвостами,
70 Серые волки вослед за богинею шли и медведи,
Огненноокие львы и до серн ненавистные барсы.
И веселилась душою при взгляде на них Афродита.
В грудь заронила она им желание страстное. Тотчас
По двое все разошлись по логом тенистым. Она же
Прямо к пастушьим куреням приблизилась, сделанным
прочно.
- Там-то Анхиза-героя нашла. В отдаленье от прочих,
Он в шалаше пребывал, от богов красоту получивший.
Вслед за стадами бродили по пастбищам густотравистым
Все остальные. От них вдалеке, он туда и обратно
80 По шалашу одиноко ходил, на кифаре играя.
Встала внезапно пред ним Афродита, Кронидова дочь,
Ростом и видом вполне уподобившись деве невинной,
Чтобы Анхиз не пугался, ее увидавши глазами.
Он же, увидев богиню, в уме размышлял и дивился
Виду и росту ее и блестящим ее одеяньям.
Пеплос⁴ надела она, лучезарный, как жаркое пламя,
Ярко блестели на теле витые запястья и пряжки,
И золотые висели на шее крутой ожерелья,
Разнообразные, видом прекрасные; словно блестящий
- 90 Месяц вкруг нежных грудей Афродиты светился чудесно.
Страсть овладела Анхизом. Он слово навстречу ей молвил:
«Здравствуй, владычица, в это жилище входящая, — кто бы

- Ты ни была из блаженных, — Лето, Артемида, Афина,
 Иль Афродита златая, иль славная родом Фемида!
 Или же ты мне явилась, одна из Харит, что бессмертных
 Сопровождают богов и бессмертными сами зовутся?
 Или ты нимфа — из тех, что источники рек населяют,
 Влажногустые луга и прескраснотенистые рощи?
 Или из тех, что на этой горе обитают прекрасной?
- 100 Я для тебя на холме, отовсюду открытом для взоров,
 Жертвенник пышный воздвигну и буду на нем постоянно
 Жертвы тебе приносить многоценные. Ты же, богиня,
 Будь благосклонна ко мне, возвеличь меж сограждан
 троянских,
 Даруй, как время настанет, цветущих потомков и сделай
 Так, чтоб, в народах блаженный, и сам хорошо я и долго
 Жил и на солнце глядел, и до старости дожил глубокой».
- Зевсова дочь Афродита немедля ему отвечала:
 «Славный Анхиз! Из мужей, на земле порожденных,
 славнейший!
- 110 Я не богиня. Напрасно меня приравнял ты к бессмертным.
 Смерти подвержена я. И жена родила меня, мать.
 Славноименный Отрей⁵ — мой отец, коли слышал о нем ты.
 Царствует он нераздельно над всей крепкостенной
 Фригией.
- Но языком хорошо я и нашим и вашим владею,
 Ибо меня вскормила троянка-кормилица дома,
 Девочкой малой принявши от матери многолюбимой.
 Вот почему хорошо языком я и вашим владею.
 Ныне же Аргоубийца с лозой золотою из хора
 Золотострельной и шумной похитил меня Артемиды.
 Много нас, нимф, веселилось и дев, для мужей
 вожделевных,
- 120 И неисчетные толпы венком хоровод окружали.
 Там-то меня и похитил Гермес с золотою лозою.
 Нес он меня через земли, лишенные меж, на которых
 Лишь плотоядные звери блуждают по логовам тенистым;
 Кажется мне, что ногами я даже земли не касалась.
 Он мне сказал, что на ложе Анхиза законной супругой
 Я призываюсь взойти и детей нарождать тебе славных.
 Все указавши и все объяснив, возвратился обратно
 Аргоубийца могучий в собрание прочих бессмертных.
- 130 Я же к тебе вот пришла: принуждает меня неизбежность.
 Именем Зевса тебя заклинаю! Родителей добрых
 Именем, ибо худые такого, как ты, не родили б!
 Девой невинной, любви не познавшей, меня отведи ты
 И покажи как отцу твоему, так и матери мудрой,

Также и близким, с тобой находящимся в родственных
связях,
Буду ли я подходящей невесткой для них иль не буду?
Быстрого вестника тотчас пошли к резвоконным
фригийцам,

- Пусть сообщит и отцу он, и матери, тяжко скорбящей.
Золота много они тебе вышлют и тканой одежды.
140 Ты же прими за невестой в приданое эти богатства.
Все это сделавши, свадебный пир снаряди богатейший,
Чтоб оценили его и бессмертные боги и люди».
Так говорила она и сладким желаньем наполнила душу.
Страсть овладела Анхизом; он слово сказал и промолвил:

- «Если ты смертная впрямь и жена родила тебя мать,
Если отец твой — Отрей знаменитый, как ты утверждаешь,
Если ты здесь по решению бессмертного Аргоубийцы
И навсегда суждено тебе быть мне законной женою, —
150 Мне помешать не сумеет в любви сочетаться с тобою
Тотчас, теперь же! Хотя б даже сам Аполлон-

дальновержец
Луком серебряным слал на меня многостонные стрелы!
Мне бы хотелось, о дева, богиням подобная видом,
Ложь с тобой разделивши, спуститься в жилище Аида!»

Руку он взял Афродиты улыбкалюбивой. Она же,
Светлый потупивши взор, повернулась и тихо скользнула
К постланой пышной постели. Там сложено было уж
раньше

- Ложь из мягких плащей для владыки и сверху покрыто
Шкурами тяжело рыкающих львов и косматых медведей,
160 Собственноручно в высоких горах умерщвленных Анхизом.
Рядом воссели они на прекрасно устроенном ложе.
Снял он ей прежде всего украшенья блестящие с тела —
Пряжки, застежки, витые запястья для рук, ожерелья.
Пояс потом распустил, и сиявшие светом одежды
С тела богини совлек и на стуле сложил

среброгвоздном.
И сочетался любовью, по божеской мысли и воле,
С вечной богинею смертный, и сам того точно не зная.

- В час же, когда пастухи на стоянку коров пригоняют
С тучными овцами к дому, с цветами усыпанных пастбищ,
170 Крепкий и сладостный сон излила на Анхиза богиня,
С ложа сама поднялась и прекрасное платье надела.

Все со вниманьем вкрут тела оправив, у самого входа
Остановилась богиня богинь, головой достигая
Притолки, сделанной прочно, и ярко сияли ланиты
Той красотою нетленной, какою славна Киферея.
И пробудила от сна, и такое промолвила слово:

«Встань поскорей, Дарданид! Что лежишь ты во сне
непробудном?
Встань и ответь себе точно, кажусь ли сейчас я подобной
Деве, какою сначала меня ты увидел глазами».

Так говорила. Ее он из сна очень быстро услышал.
И увидел он глаза и прекрасную шею Киприды,
И ужаснулся душою, и, в сторону взор обративши,
Снова закрылся плащом, и лицо несравненное спрятал,
И, умоляя богиню, слова окрыленные молвил:

«Сразу, как только тебя я, богиня, увидел глазами,
Понял я, кто ты, и понял, что ты мне неправду сказала.
Зевсом эгидодержавным, простершись, тебя заклинаю:
Не допусти, чтоб живой между смертных и жить оставался
Силы лишенным. Помилуй! Ведь силы навеки теряет
190 Тот человек, кто с бессмертной богиней ложе разделит!»
И отвечала ему Афродита, Кронидова дочь:
«Славный Анхиз! Из людей, на земле порожденных,
славнейший!

Духом не падай и в сердце своем не пугайся чрезмерно.
Ни от меня, ни от прочих блаженных богов ты не должен
Зол испытать никаких: олимпийцы к тебе благосклонны.
Милого сына родишь. Над троянцами он воцарится.
Станут рожать сыновья сыновей чередой непрерывной.
Имя же мальчику будет Эней⁶, потому что в ужасном
Горе была я, попавши в объятия смертного мужа.
200 Больше всего меж людей походили всегда на бессмертных
Люди из вашего рода осанкой и видом прекрасным.
Так златокудрого некогда Зевс Ганимеда похитил
Ради его красоты, чтобы вместе с бессмертными жил он
И чтобы в Зевсовом доме служил для богов виночерпцем, —
Чудо на вид и богами блаженными чтимый глубоко, —
Из золотого кратера пурпуровый черпая нектар.
Тросом же тяжкая скорбь овладела: не знал он, куда же
Сына его дорогого умчало божественным вихрем.
Целые дни непрерывно оплакивал он Ганимеда.
210 Сжалился Зевс над отцом и ему, в возмещение за сына,
Дал легконогих коней, на которых бессмертные ездят.

- Их ему дал он в подарок. Про сына ж, велением Зевса,
 Аргобийца, глашатай бессмертных, владыке поведал,
 Что нестареющим стал его сын и бессмертным, как боги.
 После того как услышал он Зевсово это известье,
 Трос горевать перестал, и душою внутри веселился,
 И, веселяся душой, разъезжал на конях ветроногих.
 Так и Тифона к себе увлекла златотронная Эос, —
 Тоже из вашего рода и видом подобного богу.
- 220 С просьбой прибегла она к чернотучему Зевсу-Крониду,
 Сделать бессмертным его, чтобы жил он во вечные веки.
 Зевс головою на это кивнул и исполнил желанье.
 Глупая! Вон из ума упустила владычица Эос
 Вымолить юность ему, избавленье от старости жалкой.
 Первое время, пока многомилою юностью цвел он,
 Рано рожденною он наслаждался Зарей златотронной,
 Близ океанских течений у граней земли обитая.
 С той же поры, как сединки в его волосах появились
 На голове благородной и на подбородке прекрасном,
- 230 Ложе его посещать перестала владычица Эос,
 Но за самим продолжала ходить и амвросией сладкой,
 Пищей кормила его, одевала в прекрасное платье.
 После ж того, как совсем его грозная старость настигла
 И ни единого члена не мог ни поднять он, ни двинуть, —
 Вот каковое решение представилось ей наилучшим:
 В спальню его положила, закрывши блестящие двери;
 Голос его непрерывно течет, но исчезла из тела
 Сила, которою были исполнены гибкие члены.
 Не пожелала бы я, чтоб, подобным владея бессмертьем,
- 240 Между блаженных бессмертных ты жил бесконечною
 жизнью.
- Если б, однако, с такою, как ныне, осанкой и видом
 Жить навсегда ты остался, моим именуясь супругом,
 Заволочить не могло бы рассудка мне ясного горе.
 Ныне же быстро тебя беспощадная старость охватит, —
 Старость, пред вами так скоро встающая, общая всем вам,
 Трудная, полная горя, которой и боги боятся.
 Ныне позор величайший и тяжкий на вечное время
 Из-за тебя между всеми бессмертными я заслужила:
 Раньше боялись боги моих уговоров и козней,
- 250 Силой которых сводила бессмертных богов на любовь я
 С смертными женами: всех покоряла я мыслью своею.
 Но никогда уже уст я отныне своих не раскрою
 Перед бессмертными чем похвалиться. Бедою ужасной,
 Невыразимой постигнута я, заблудился мой разум:
 Сына под поясом я зачала, сочетавшись со смертным!..

После того как впервые он солнца сиянье увидит,
Горные нимфы с грудями высокими вскормят младенца, —
Здесь обитают они, на горе божественной этой.
Род их — особый; они не бессмертны, но также не

смертны:

- 260 Долгое время живут, амвросийной питаются пищей
И в хороводах прекрасных участвуют вместе с богами.
Их в закоулках уютных пещер заключают в объятья
С лаской любовной Силены и Аргуса зоркий убийца.⁷
С ними, как только рождаются они, появляются на свет
Из многоплодной земли на высоких горах либо сосны,
Либо высокие дубы, прекрасные зеленью пышной.
Стройно стоят и высоко. Священную рощей бессмертных
Их называют. И люди рубить их железом не смеют.
Но наступает судьбою назначенный час умиранья —
- 270 И на корню засыхают деревья прекрасные, гибнет
И отмирает кора, опадают зеленые ветви.
В это же время и души тех нимф расстаются со светом.
Сына они моего у себя воспитают и вскормят.
После ж того, как впервые придет к нему милая юность,
Мальчика нимфы сюда же к тебе приведут и покажут.
- 278 Милый свой отпрыск впервые когда ты увидишь глазами,
Радость тобой овладеет: бессмертным он будет подобен,
- 280 Мальчика тотчас в открытый ветрам Илион отведешь ты.
Если ж какой-нибудь смертный о матери спросит,

привавшей

В страстных объятьях твоих многомилого сына под пояс,
То отвечай, — и навеки запомни мое приказанье, —
Что родила тебе сына того цветколикая нимфа, —
Из обитающих здесь вот, на этих горах многолесных.
Если же правду ты скажешь и хвастать начнешь

безрассудно,

Что сочетался в любви с Кифереей прекрасновенчанной, —
Зевс тебя в гнев низвергнет, обугливши молнией жгучей.
Все я сказала тебе. А ты поразмысли об этом:

- 290 Не проболтайся, сдержись — трепещи перед гневом
бессмертных!

Так Афродита сказала и в ветреном небе исчезла.
Радуйся много, богиня, прекрасного Кипра царица!
Песню начавши с тебя, приступаю к другому я гимну.

(Пер. В. Вересаева)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Крон проглатывал своих детей, боясь быть свергнутым ими, и только Зевс благодаря хитрости Реи был спасен, а выросши, сверг Крона и заставил его изрыгнуть проглоченных сыновей и дочерей. Таким образом Гестия, рожденная первой, оказывается извергнутой («рожденной») последней. ²Ида — а) гора около Трои; б) гора на о. Крите. ³Пафос — город на Кипре, где был храм Афродиты. ⁴Пеплос — одежда, покров; женское платье. ⁵Отрей — фригийский царь, союзник троянцев. ⁶Эней (греч.: Айнейас) рассматривается как имя, производимое от айнос — ужасный. ⁷ Имеется в виду Гермес.

Пародийный эпос

ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕК (БАТРАХОМИОМАХИЯ)

Знаменитая пародийная поэма, приписываемая в древности Гомеру. Автором ее считали также некоего Пигрета, жившего в начале V в. до н. э. На позднее время возникновения поэмы указывают и помещенные в ней строки, где говорится, что автор сочинил ее «с писчей доской на коленях» (ст. 3). В последнее время предлагаются и более поздние даты ее возникновения (I в. до н. э.), но они едва ли имеют основание. Во всяком случае на античном рельефе III в. до н. э. изображаются мышь и лягушка у ног Гомера (следовательно, к этому времени поэма уже существовала).

Поэма пародирует гомеровский героический эпос («Илиаду»), используя традиционные эпические формулы (например, ст. 152, 205), приемы изображения героев в «Илиаде» для описания поединков мышей и лягушек. Пародия распространяется даже на имена: царь лягушек Вздоломорда является сыном Грязевика (Грязного), по-гречески Пелея (ср. «Ахиллеса, Пелеева сына») и царевны Водной (ср. морская нимфа Фетида). В остро пародийной форме изображается и «божественный» план поэмы: боги вполне по-лукиановски снижены до уровня бытовых персонажей. Поэма служит убедительным свидетельством упадка героического эпоса. Первый перевод ее на русский язык («Омиров бой жаб и мышей») был напечатан в 1700 г. в Амстердаме и намного опередил русские переводы самих гомеровских поэм.

В антологии поэма приведена по изданию: Эллинические поэты. М., 1963.

К первой строке приступая, я Муз хоровод с Геликона
Сердце мое вдохновить умоляю на новую песню, —
С писчей доской на коленях ее сочинил я недавно, —
Песню о брани безмерной, неистовом деле Арея.

5 Я умоляю, да чуткие уши всех смертных услышат,
Как, на лягушек напавши с воинственной доблестью,

мыши

В подвигах уподоблялись землею рожденным гигантам.
Дело, согласно сказанья, начало имело такое.

Раз как-то мучимый жаждою, только что спасшись от
кошки,

- 10 Вытянув жадную мордочку, в ближнем болоте мышонок
Сладкой водой упивался, — его на беду вдруг увидел
Житель болота болтливый и с речью к нему обратился:

«Странник, ты кто? Из какого ты роду? И прибыл откуда?
Всю ты мне правду поведай, да лживым тебя не признаю.
Если окажешься дружбы достойным, сведу тебя в дом
свой

- И, как любезного гостя, дарами почту торовато.
Сам я прославленный царь Вздудоморда и здесь на болоте
Искони всепочитаемый вождь и владыка лягушек.
Родом же я от Грязного, который с царевною Водной
20 На берегах Эридана в любви сочетался счастливо.
Впрочем и ты, полагаю, из роду не вовсе простого:
Может быть царь скиптродержец и мощный в боях
предводитель.
Ну, не таи же, открой мне скорее свой род именитый».

Тут на расспросы лягушки мышонок пространно
ответил:

«Что ты о роде моем все пытаешь? Он всюду известен:
Людам, бессмертным богам и под небом витающим птицам.
Имя мое — Крохобор, я горжусь быть достойным

потомком

- Храброго духом отца Хлебогрыза и матери милой,
Ситолизуни, любезнейшей дочки царя Мясоеда.
30 А родился в шалаше я и пищей обильной взлелеял:
Смоквою нежною, сочным орехом и всяческой снедью.
Дружба же вряд ли меж нами возможна: мы слишком
не схожи.

Жизнь вся твоя на воде протекает, а мне вот на суше,
Пища привычна людей, и меня на дозоре не минет:
Ни из красивосплетенной корзины калач белоснежный,
Ни с чечевичной начинкой пирог с творогом

многослойный,

- Ни окровавленный окорок, ни с белым жиром печенка,
Ни простокваша, ни сыр молодой, ни парная сметана,
Ни пирожочки медовые, — их же вкушают и боги, —
40 Словом ничто из того, что к пирам повара припасают,
Вкусно приправами всякими пишу людей улащая.
Не убегал никогда я с опасного поля сраженья,
Первому следуя зову, я в первых рядах подвигаюсь.
Даже его не страшусь, человека с огромнейшим телом:

Смело на ложе взобравшись, цепляюсь за кончики пальцев
Или пята ухвачу, и хоть боль до людей не доходит,
Скованный сном человек моего не избегнет укуса.
Но, признаюсь, опасаясь и я двух чудовищ на свете:
Ястреба в небе и кошки — великое с ними мне горе, —
50 Также и скорбной ловушки, где рок затаился коварный.
Эти напасти — все страшные, напуганнейшая — кошка:
Даже к зарытым в норе норovit она ловко пробраться.
Редьки же грызть я не склонен, ни толстой капусты,
ни тыквы,
И не питаюсь ни луком зловоннейшим, ни сельдереем, —
Яства отменные, впрочем, для тех, кто живет у болота...»

На Крохобора слова Вздумоморда со смехом ответил:
«Что ты, о друг, все о брюхе толкуешь? Поверь мне,
немало

Есть и у нас, на воде и на суше, чему подивиться.
Жизнь нам, лягушкам, завидно-двойную назначил

Кронион:
60 Можем мы прыгать по суше, можем плясать под водою
И обитаем в жилищах, обеим стихиям открытых.
Если желаешь, ты можешь и сам в том легко убедиться:
На спину только мне прыгни, держись понадежней
усевшись,
А уже я тебя с радостью в самый свой дом переправлю.»

Так убеждал он и спину подставил, и тотчас мышонок,
Лапками мягкую шейку обняв, на лягушку взобрался.
Был он вначале доволен: поблизости виделась пристань,
Плыл на чужой он спине с наслаждением. Но как
внезапно

70 Буйной хлестнуло волною в него, проклиная затею,
Жалобно тут завопил он, стал волосы рвать и метаться,
Горестно лапки под брюхом ломать, а трусливое сердце
Билось неистово и порывалось на берег желанный.
От ледящего страха стенаньями глушь оглашая,
Правит меж тем он подвижным хвостом, как послушным
кормилом,
И умоляет богов привести его на берег целым.

Так, чем он более тонет, тем стонет безудержней,
громче,
И, наконец, исторгает из уст своих слово такое:
«Верно, не так увозил на хребте свою милую ношу
Вол, что по волнам провел до далекого Крита Европу,

- 80 Как, свою спину подставивши, в дом свой меня перевозит
Сей лягушонок, что мордой противною воду пятнает!»
Вдруг над равниною водной, высокою вытянув шею, —
Вот уж где ужас обоим, — явилася грозная гидра.

Гидру увидев, нырнул Вздумоморда, о том

и не вспомнив,

Гостя какого, коварный, на верную смерть обрекает.
Сам углубился в болото и гибели близкой избежал,
Мышь же, опоры лишившись, немедленно навзничь упала,
Лапками лагодя влагу и жалобный писк испуская.
Часто ее заливала волна, но, живучая, снова

- 90 Наверх она выплывала... Однако судьбы не избежешь...
Шерстка намокшая с большей все тяжестью книзу тянула,
И, уж волной заливаем, пред смертью промолвил

мышонок:

«Ты, Вздумоморда, не думай, что скроешь коварством
проступок:

Как со скалы потерпевшего в море кораблекрушение,
С тела меня ты низвергнул... В открытой борьбе или беге
Не превзошел бы меня ты на суше. Ты наглým обманом
В воду меня заманил... Но всевидящий бог покарает
(Грозного не избежишь ты возмездья от рати мышиной)!»

Так он сказал и свой дух на воде испустил.

Но случайно

- 100 Это узрел Блюдолиз, на крутом побережье сидевший.
С писком ужасным пустился он вестъ сообщить всем

мышатам.

Эти же, новость проведав, вспылали ужаснейшим гневом
И повелели глашатаям громко прокликать, чтоб утром
Прибыли все на собрание в палаты царя Хлебогрыза,
Старца отца Крохобора, которого труп по болоту
Выплывший жалко носился, не к берегу родному, однако,
Нет, уносился, несчастный, в открытого моря пучину.
Спешно, с зарей, все явились, и первым в собрание

поднялся,

Скорбью по сыну томимый, отец Хлебогрыз и промолвил:

«Други, хотя и один я теперь претерпел от лягушек,
Лютая может беда приключиться внезапно со всяким,
Жалкий, несчастный родитель, троих сыновей я лишился:
Первого сына сгубила, свирепо похитив из норки,
Нашему роду враждебная, неукротимая кошка.

Сына второго жестокие люди на смерть натолкнули,
С необычайным искусством из дерева хитрость устроив,
Эту-то пагубу нашу ловушкой они называют.
Третий же сын, был и мой он любимец и матери нежной...
Ах, и его погубил Вздудоморда, сманивши в пучину.
120 Но ополчимся, друзья, и грянем в поход на лягушек,
Тело, как должно, свое облачив в боевые доспехи».

Речью такую он всех убедил за оружие взяться.
Их возбуждал и Арей, постоянный войны подстрекатель,
Прежде всего облекли они ноги и гибкие бедра,
Ловко для этого стручья зеленых бобов приспособив, —
Их же в течение ночи немало они понагрызли.
А с камышей прибрежных сняв шкуру растерзанной
кошкой
Мыши, ее разодравши, искусно сготовили латы.
Вместо щита был блестящий кружочек светильни,
а иглы —

130 Всякою медью владеет Арей — им как копья служили.
Шлемом надежным для них оказалась скорлупка ореха.
Во всеоружье таком на войну ополчились мышата.

Живо узнали про это лягушки, и, вынырнув, тотчас
В место одно собрались, и совет о войне учредили.
Только пошли пересуды, откуда и кто неприятель,
Вражий внезапно явился, жезлом потрясая, глашатай —
Творогоеда бесстрашного сын, Горшколаз знаменитый.
Он, объявляя войну, к ним со словом таким обратился:
«Я от мышей к вам, лягушки, и послан я с вызовом
грозным:

140 Вооружайтесь поспешно, готовьтесь к войне и сражениям.
Ибо в воде увидали они Крохобора, в чьей смерти
Царь Вздудоморда повинен. Так будьте теперь все
в ответе.
Тот же из вас, кто храбрее, на бой пусть скорее дерзает.»

Так объявил им глашатай, и, грозное слово услышав,
Затрепетали сердца и у самых бесстрашных лягушек,
Но Вздудоморда, поднявшись, их речью такой успокоил:

«Други, не я убивал Крохобора и даже не видел,
Как он погиб: верно, сам утонул он, резвясь у болота,
В плаванье нам подражая. А эти гнуснейшие мыши
150 Вздумали ныне меня обвинять. Ну, тем лучше. Изыщем
Способ мы раз навсегда весь их род уничтожить коварный.

Вот что я вам предложу и что кажется мне наилучшим:
В броню себя заковавши, мы сомкнутым строем, все
рядом
Станем у края болота, на самом обрывистом месте,
Чтобы, когда устремятся на нас ненавистные мыши,
Каждый ближайшего мог супостата, за шлем ухвативши,
Вместе с оружием грозным низвергнуть в пучину болота.
Там уже, плавать бессильных, мы быстро их всех
перетопим,
Сами же мы, мышебойцы, трофей величавый воздвигнем.»

Речью такой убедил он лягушек облечься в доспехи:
Голени прежде всего они листьями мальцы покрыли,
Крепкие панцири соорудили из свеклы зеленой,
А для щитов подобрали искусно капустные листья.
Вместо копья был тростник у них длинный и
остроконечный,
Шлем же вполне заменяла улитки открытой ракушка.
Так на высоком побережье стояли, сомкнувшись, лягушки,
Копьями все потрясали, и каждый был полон отваги.

Зевс же богов и богинь всех на звездное небо
сзывает

И, показав им величье войны и воителей храбрых,
170 Мощных и многих, на битву огромные копья несущих,
Рати походной кентавров подобно иль гордых гигантов,
С радостным смехом спросил, не желает ли кто за лягушек
Иль за мышей воевать. А Афине промолвил особо:

«Дочка, быть может, прийти ты на помощь мышам
помышляешь,
Ибо под храмом твоим они пляшут всегда с наслаждением,
Жиром, тебе приносимым, и вкусною снедью питаюсь».
Так посмеялся Кронид, и ему отвечает Афина:

«Нет, мой отец, никогда я мышам на подмогу не стану,
Даже и в лютой беде их: от них претерпела я много:
180 Масло лампадное лижут и вечно венки мои портят,
И еще горшей обидою сердце мое уязвили:
Новенький плащ мой изгрызли, который сама я, трудясь,
Выткала тонким утком и основу пряла столь усердно,
Дыр понаделали множество, и за заплаты починщик
Плату великую просит, а это богам всего хуже.
Да и за нитки еще я должна, расплатиться же нечем.

Так вот с мышатами... Все ж и лягушкам помочь не желаю:
Не по душе мне их нрав переменчивый, да и недавно,
С битвы когда, утомленная, я на покой возвращалась,
190 Кваком своим оглушительным не дали спать мне лягушки,
Глаз из-за них не сомкнувши, я целую ночь протомилась.
И, когда петел запел, поднялась я с больной головою.
Да и зачем вообще помогать нам мышам иль лягушкам:
Острой стрелою поди и бессмертного могут поранить.
Бой у них ожесточенный, пощады и богу не будет.
Лучше, пожалуй, нам издали распрей чужой
наслаждаться».

Так говорила Афина. И с ней согласились другие.
Тотчас все боги, собравшись, пошли в безопасное место.

Временем тем комары в большие трубы к сраженью
200 Вражеским станам обоим знак протрубили, а с неба
Зевс загремел Громовержец, начало войны знаменуя.

Первым Квакун Сластолиза — тот в первых рядах
подвизался —

Метким копьем поражает в самую печень по чреву:
Навзничь упал он, и нежная шерстка его запылилась.
С грохотом страшным скатился, доспехи на нем зазвенели.
Этому вслед Норолаз поражает копьем Грязевого
Прямо в могучую грудь. Отлетела от мертвого тела
Живо душа, и упавшего черная смерть осеняет.
Острой стрелою тут в сердце Свекольник убил Горшколаза.
210 (В брюхо удар Хлебоеда на смерть Крикуна повергает:
Наземь упал он стремглав, и от тела душа отлетела.
Гибель героя увидев и мщеньем за друга пылая,
Камень огромный, на жернов похожий, схватил

Болотняник,
В шею метнул Норолазу; в глазах у того потемнело.
Тут уже жалость взяла Травоглода, и дротиком острым
Он упредил нападение врага. Но и сам поплатился:
Ловко копьем дальнолетным в него размахнулся Облиза,
Меток удар был, под самую печень копье угодило.
Он на Капустника, по побережью бежавшего, яро
220 Ринулся, но, не смутившись, тот сам обратил его в бегство.
В воду злосчастный упал и живой уж не выплыл, багровой
Кровью окрасил болото, и, вздутый, с кишками наружу,
Долго еще труп героя у берега горестно бился.)

Творогоед же от смерти и на берегу не сберегся.

- В ужас пришел Мясолюб, когда Жирообжору увидел:
 Бросивши щит, он проворно спасается бегством к болоту.
 Соня Болотный убил знаменитого Землеподкопа
 (А Водорад поразил беспощадно царя Лизопята),
 Тяжким булыжником череп ему раскроив. Размягченный
- 230 Из носу мозг его вытек, и кровью земля обогрилась.
 Соне Болотному смерть причинил Блюдолиз безупречный,
 Дротик свой бросив, и тьма ему взоры навеки покрыла.
 Это увидел Чесночник, и за ноги труп расторопно
 Крепкой рукою схвативши, в болото Болотного бросил.
 Тут за убитого друга герой Крохобор заступился,
- Ранил жестоко Чесночника в печень, под самое чрево.
 Тело простерлось бессильно, душа же в Аид отлетела.
 Болотолаз, то увидев, горсть грязи швырнул в Крохобора:
 Тина лицо облепила, он зрения чуть не лишился.
- 240 Гневом вспылал Крохобор и, могучей рукой ухвативши
 Камень из долу огромный, — земли многолетнее бремя, —
 В Болотолаза метнул его яростно. Вся раздробилась
 Правая голень его, и, подрубленный, пал он на землю.
 Тут и Пискун на него напустился и сильно ударил
 В чрево. Проникло в утробу копьё глубоко, и как только
 Крепкой рукою копьё извлек из брюха противник,
 Тотчас наружу за ним и все внутренности потянулись.
 Видя, что на побережье от смерти не убережешься,
 Еле плетясь и измученный страшно, сраженья покинув,
- 250 В ров Зерногрыз пробирался, чтоб гибели лютой избегнуть.
 В пятку копьём уязвив, поразил Хлебогрыз Вздудоморду
 (Позже, хоть раненный тяжко, он вынырнул вновь из
 болота),
 Видя, что дышащий трудно во прахе простерт
 Вздудоморда,
 К первым рядам устремившись, копьё в него Луковник
 бросил,
 Но уцелел крепкий щит, и копьё острое в нем застряло.
 Также и дивный Полынник, в сражениях равный Арею,
 Сбросить не смог с головы Вздудоморды тяжелого шлема,
 Хоть средь лягушек воинственных витязем первым
 считался:
- Слишком уж много врагов на него устремилось. Пред
 грозным
- 260 Натиском не устоял он и спешно в болоте укрылся.
 Был средь мышей еще юный, но храбростью всех
 превзошедший,
 Славный герой Блюдоцап, знаменитого сын Хлебоскреба.

Из дому вызвавши сына, отец его в бой посылает.
Этот же витязь, с угрозою весь истребить род лягушек,
Гордо вперед выступает, пылая с врагами сразиться.
Тотчас лягушки, объятые ужасом, в бегство пустились.
Силой владея великою, тут бы их всех погубил он,
Если бы зоркий Кронион, отец и бессмертных и смертных,
Гибнущих видя лягушек, к ним жалостью вдруг не
проникся

270 И, головой сокрушенно качая, богам не промолвил:

«Боги! Великое диво я вижу своими глазами.
Скоро, пожалуй, побьет и меня самого сей разбойник,
Что на болоте свирепствует. Впрочем, его успокоим.
Тотчас Афины пошлем или шумного в битвах Аррея:
Эти его, хоть отважного, живо от битвы отведать».

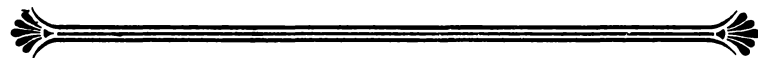
Кроноса сын так промолвил. Аррей же ему возражает:
«Ныне, Кронид, уж не мудрость Афины, ни сила Аррея
Лютую смерть отвратить не сумеют от жалких лягушек,
Разве на помощь им все мы направимся, да и оружие,
280 Коим когда-то сразил Капанея, могучего мужа,
Дерзостного Энкелада и дикое племя гигантов,
Ты и теперьпустишь в ход — пред этим и храбрый
смирится».

Только промолвил Аррей, громовою молнией грянул
Кроноса грозного сын, — и великий Олимп содрогнулся,
Знаменье страшное в ужас повергло мышей и лягушек,
Все же мышинное войско сражения не прекращало,
Крепко надеясь лягушачий род истребить совершенно,
Что и могло бы случиться, если б с Олимпа Кронион,
Сжалившись, в помощь лягушкам не выслал защитников
новых.

Вдруг появились создания странные: кривоклешневы,
В латы закованы, винтообразны, с походкой кривою,
Рот словно ножницы, кожа — как кости, а плечи лоснятся,
Станом искривлены, спины горбаты, глядят из-под груди,
Рук у них нет, зато восьмеро ног, и к тому двуголовые —
Раками их называют... И тотчас они начинают
Мышьи хвосты отгрызать, заодно уж и ноги и руки.
Струсил жалкие мыши, и, копья назад повернувши,
В бегство пустились постыдное... Солнце меж тем
закатилось,

И однодневной войне волей Зевса конец наступает.

(Пер. М. Альтмана)

Расцвет древнегреческой лирики совпадает с эпохой распада общинно-родовых отношений и возникновения классового общества. Этот процесс отмечен долгой и ожесточенной борьбой демоса и родовой аристократии, политическими междоусобицами, образованием рабовладельческих государств-полисов. Социальное расслоение рода сопровождалось разрушением и его территориального единства в результате интенсивного колонизационного движения. На смену традиционному общинно-родовому мировоззрению, нашедшему отражение в эпосе, приходит растущее самосознание личности, требующее адекватного художественного выражения, наиболее подходящей формой которого становится лирическая поэзия.

Греческая лирика как наследница песенно-фольклорных жанров тесно связана с музыкой, на что указывает уже сам термин «лирика» («исполнение в сопровождении лиры»). Основные виды лирики это элегия, ямб и мелика (собственно песенная лирика), в свою очередь делившаяся на монодийную (сольную) и хоровую. Лирических произведений сохранилось очень мало: в большинстве случаев мы располагаем лишь небольшими фрагментами, часто в одну-две строки, дошедшими благодаря цитированию их поздними авторами. Цельных стихотворений дошло до нас очень мало, в основном — это отдельные виды хоровой лирики.

Наиболее простыми видами лирики являются элегия и ямб, слабее, чем другие, связанные с музыкой. Формальный признак элегии — простейшая строфическая форма — элегический дистих, сочетание гексаметра и пентаметра. Содержание же ее могло быть весьма разнообразным. Древнейшие образцы элегии принадлежат поэтам Каллину (VII в. до н. э.) и Тиртею (VII в. до н. э.), первый из которых жил в М. Азии, а второй — в Спарте. Их стихи очень схожи по содержанию и во многом близки к эпосу. Это обращенные к согражданам патриотические призывы к воинской доблести и мужеству в борьбе с врагом. Этический идеал этих поэтов близок к традиционным нравственным представлениям создателей эпоса, но вместе с тем является и личным убеждением поэтов, что дает возможность рассматривать эту поэзию как лирическую.

В условиях острой социальной и политической борьбы в обществе элегия становится формой выражения политических и нравственных взглядов. Солон (VII—VI вв.), известный афинский политический деятель, один из легендарных «семи мудрецов», в форме элегии пропагандирует свои политические и нравственные взгляды, защищает проведенную им политическую реформу, заложившую основы афинской демократии, осуждает произвол и корыстолюбие знати. Для него важны морально-философские вопросы. В его размышлениях о Правде (Дике) много общего с мыслями Гесиода, но в его стихах звучит новый, неизвестный эпосу мотив — ответственность каждого человека за свое поведение перед народом. Впервые в греческой литературе появляется тема гражданской морали, которая станет ведущей в трагедии.

Памятником политически тенденциозной элегии является сборник

стихов Феогнида, жившего в VI в. до н. э. в городе Мегаре. Феогнид — аристократ, ненавидящий демос, делящий весь мир на «добрых» и «дурных», что на его языке имеет смысл социальный — аристократ и человек из народа. Лирика в его творчестве становится выражением не только субъективно-личных, но и социально определенных взглядов, орудием в общественной и политической борьбе. Политическая направленность лирики Феогнида не мешает сборнику его стихов носить достаточно пестрый по своему содержанию характер, включая наряду с острыми социально-направленными произведениями немало стихов традиционно-нравственного содержания.

В дошедших до нас отрывках из элегий Мимнерма, поэта, жившего в М. Азии в VII в. до н. э., общественная тема не затронута. Его стихи, прославляющие радость любви, пронизаны трагическим ощущением быстротечности человеческой жизни, страха перед надвигающейся старостью и смертью. Элегия Мимнерма стоит у истоков античной любовной элегии, получившей распространение в эллинистической и римской литературе.

Ямбическая поэзия генетически связана с земледельческой культовой поэзией, отличается острообличительным характером и субъективно-личным отношением к изображаемому. Величайшим ямбическим поэтом, которого можно признать родоначальником всей греческой лирики, был Архилох с острова Пароса. (VII в. до н. э.). Даже небольшие фрагменты его стихов дают представление о яркой индивидуальности, мощном темпераменте, поэтической одаренности и сложной судьбе поэта, почти всю жизнь проводящего на чужбине, в походах и битвах, познавшего ужасы войны, превратности морских странствий, нужду, предательство друзей. «Лирический герой» Архилоха, по-видимому близкий к личности самого поэта, типичен для бурной эпохи распада родовых отношений. Его мировоззрение во многом отличается от эпического, с которым Архилох даже порой полемизирует (см. фрагмент о «брошенном щите» и ср. взгляды Тиртея и Каллина). Еще в древности отмечали необузданную ярость и язвительность стихов Архилоха, о которой ходили легенды (например, о самоубийстве Ликамба и его дочерей, опозоренных его стихами). Социальное и человеческое одиночество архилохова героя, его индивидуализм, отражает социальные тенденции эпохи, ставившей человека вне родовых связей, но еще не включившей его в новые полисные связи. По силе и резкости обличения к Архилоху близок Гиппонакт, поэт VI в. до н. э. из малоазийского города Эфеса. От стихов Гиппонакта сохранились лишь отрывки. Гиппонакт считается создателем своеобразного стихотворного размера — холиямба, в котором ямб в последней стопе заменяется хореем. Менее личный характер носит ямбическая поэзия Семонида Аморгского (VII в. до н. э.). В одном из фрагментов поэт развивает общие моралистические рассуждения о несчастной доле человека, в другом дает сатирическое изображение различных женских характеров. Элегия и ямб при всем различии обращались к одним и тем же темам, а многие поэты (Архилох, Солон) были одновременно авторами и элегий и ямбов.

Мелическая поэзия (мелос) развивалась в формах хоровой и сольной мелики. Это была песенная поэзия, эмоционально-художественное воздействие которой определяется соединением слов, ритма стихов и мотива в пении. Располагая лишь текстом (античная музыка практически

неизвестна), мы не можем в полной мере оценить художественный облик греческого мелоса.

Различные жанры и виды мелоса были связаны с определенными областями и диалектами. Сольный (монодийный) мелос преимущественно развивался в эолийских областях, в частности, на о. Лесбос. На рубеже VII—VI вв. там жили два поэта, имена которых прославились во всей Греции — Алкей и Сапфо. Поэзия Алкея неотрывна от политической борьбы, в которой поэт принимал живейшее участие. Из сохранившихся фрагментов вырисовывается облик темпераментного, неутомимого борца, человека страстного, грубоватого, любящего жизнь. Его стихи — это прежде всего политическая лирика («Песни борьбы»). Известно изображение им охваченного гражданскими смутами города в виде терпящего бедствие корабля. Но поэту доступны и картины природы, прославления радости жизни.

Алкей создал ряд сложных стихотворных размеров, из которых наиболее известна «алкеева строфа», получившая широкое распространение в позднейшей поэзии.

Современницей Алкея была Сапфо, которую философ Платон назвал «десятой музой». В ее стихах не слышно откликов бурных событий эпохи. Ее поэзия ограничена миром личных чувств, а основная тема ее стихов — любовь. Песни Сапфо обращены к друзьям и ученицам, образующим своеобразный кружок («дом муз») — культовое объединение, посвященное богине Афродите, во главе которого поэтесса стояла. Ощущение прекрасного, восхищение красотой мира пронизывает все творчество Сапфо. Открытие в поэзии мира человеческих чувств, мира прекрасно — в этом величайшее значение песен Сапфо. На Сапфо сильное влияние оказал фольклор, особенно заметно это в ее свадебных песнях-эпитафиях. Подобно Алкею Сапфо создает собственную строфическую форму — «сапфическую строфу».

Типичными для этой эпохи были странствующие поэты, переезжавшие из города в город и живущие часто при дворах правителей. К их числу принадлежат Ивик и Анакреонт. Ивик (VI в. до н. э.) происходил из южноиталийского города Регия, вел жизнь странствующего поэта. Сохранилась легенда о его гибели от рук разбойников, ставшая достоянием новой поэзии (Ф. Шиллер «Ивиковы журавли», переведенные В. А. Жуковским). Сохранившиеся фрагменты его поэзии говорят об Ивике как о замечательном поэте, воспевавшем любовь и красоту. Те же темы господствуют и в поэзии Анакреонта, по словам Энгельса, «классического поэта древности, воспевавшего любовь»¹. Анакреонт (VI в. до н. э.) родился на о. Теосе в М. Азии, жил при дворах правителей на о. Самосе, в Афинах, в Фессалии. Подлинных фрагментов стихов Анакреонта крайне малочисленны. Дошедшие до нас строки рисуют образ уже состарившегося, но сохраняющего жизнелюбие и не желающего расставаться с радостями жизни поэта. В новое время он известен главным образом по сборнику эллинистических и позднеантичных подражаний, породившему целое направление в европейской поэзии — анакреонтику, которой в русской поэзии отдали дань Ломоносов, Державин, Батюшков, Пушкин и другие поэты.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 79.

Хоровая мелика ведет свое происхождение от культовой поэзии, от гимнов в честь богов — покровителей племени или города. Центром хоровой мелики были дорические области Греции. Поэтому во всей хоровой мелике, где бы она ни создавалась, использовался лишь дорийский диалект. Существовало много видов хоровой мелики: гимн, посвященный богу Аполлону, назывался пзаном, богу Дионису — дифирамбом. Когда объектом прославления стали не только боги, но и люди, появились новые жанры: энкомий — хвалебная песнь, эпиникий — песнь в честь победителя на гимнастических состязаниях, парфений — песнь, исполняемая хором девушек, гипорхема — песнь, сопровождающаяся танцем. Известны имена многих поэтов, создававших произведения хоровой лирики: Терпандр, Арион, Алкман, Симонид Кеосский, Стесихор. От творчества многих из них (создатель хоровой лирики Терпандр, дифирамба — Арион) не сохранилось ни единой строки, от стихов других (Алкман, Стесихор) дошли лишь небольшие фрагменты.

Особую известность приобрел поэт Пиндар (ок. 518—ок. 440 г. до н. э.) Он происходил из Беотии, путешествовал по различным областям Греции, Африки (Кирена), Сицилии. Творческое наследие его очень велико, причем значительная часть, в отличие от творчества других лирических поэтов, сохранилась. Это четыре книги эпиникиев, посвященных победителям на Олимпийских, Истмийских, Пифийских и Немейских играх. Победа на этих состязаниях приносила славу не только самому победителю, но и его роду, и его городу. В эпиникиях, посвященных обычно представителям знатных родов, главное место занимают мифологические мотивы, связанные с родом победителя, а также наставления и рассуждения морально-философского характера. Миф не рассказывается целиком, а упоминаются только те эпизоды, которые нужны поэту для раскрытия его нравственной идеи. Пиндар уделяет в своих песнях большое внимание дидактике: прославляя героев, он говорит о той «доблести», которая привела к победе, «доблести», которая присуща человеку от рождения и которой нельзя научиться. Создаваемый им эстетический и этический идеал человека, прекрасного и в нравственном и в физическом отношении оказал немалое влияние на формирование этико-эстетического идеала человека в классическую эпоху греческой культуры. Оды Пиндара очень сложны по своей метрической структуре. Размер меняется от строки к строке, подчиняясь движению мелодии. Ода строится по строфическому принципу, причем одна строфическая форма повторяется дважды (строфа и антистрофа), за которыми следует эпод (припев). Так же сложна и идейно образная сторона его лирики. Поэт переходит от одного образа к другому, от одной мысли к другой, развивающихся не в логической, а в ассоциативной последовательности. Стиль Пиндара — торжественный и величественно мощный, изобилующий метафорами. Пиндарический стиль стал синонимом всякого торжественно-одического стиля.

Хоровая лирика в силу указанных сложностей практически не поддается метрически адекватному переводу. Поэтому, чтобы дать возможность читателю лучше понять идейно-образную сторону лирики Пиндара, в антологии помещен перевод М. Л. Гаспарова, выполненный «свободным стихом».

Единственным образцом жанра дифирамба являются сравнительно поздние и уже чисто литературные, испытывшие на себе влияние траге-

дии, дифирамбы Вакхилида (ок. 505 — ок. 450 г. до н. э.), племянника и соперника Пиндара. Один из сохранившихся его дифирамбов приводится в антологии.

Переводы греческой лирики:

Античная лирика. М., 1968 (Библиотека всемирной литературы)

Эллинские поэты. Пер. В. Вересаева. М., 1963.

Парнас. Антология античной лирики. М., 1980.

Пиндар, Вакхилид. Оды, фрагменты. М., 1980.

Литература о греческой лирике:

Ярхо В. Н., Полонская К. П. Античная лирика. М., 1967.

Гаспаров М. Л. Древнегреческая хоровая лирика. Гаспаров М. Л. Поэзия Пиндара. Обе статьи в кн.: Пиндар. Вакхилид. Оды, фрагменты. М., 1980.

В антологии стихи приведены по изданиям: Античная лирика. М., 1968. Эллинские поэты. М., 1963; Пиндар. Вакхилид. Фрагменты. М., 1980.

Элегия и ямб

КАЛЛИН

* * *

Скоро ль воспрянете вы? Когда ваше сердце забьется

Бранной отвагой? Ужель, о нерадивые, вам,

Даже соседей не стыдно? Вы мыслите, будто под сенью

Мира живете, страна ж грозной объята войной¹.

.....

Требуется слава и честь, чтоб каждый за родину бился,

Бился с врагом за детей, за молодую жену.

Смерть ведь придет тогда, когда мойры прийти ей назначат.

Пусть же, поднявши копье, каждый на битву спешит,

Крепким щитом прикрывая свое многомогущее сердце

В час, когда волей судьбы дело до боя дойдет.

(Пер. Г. Церетели)

ПРИМЕЧАНИЕ

Речь, возможно, идет о вторжении киммерийцев в М. Азию.

ТИРТЕЙ

* * *

Доля прекрасная — пасть в передних рядах ополченья,

Родину-мать от врагов обороняя в бою;

Край же покинуть родной, тебя вскормивший, и хлеба
У незнакомых просить — наигорчайший удел.
Горе тому, кто бродить обречен по дорогам чужбины
С милой женою, детьми и престарелым отцом.
Впавший в нужду человек покрыл свое имя позором, —
Кто ему дверь отопрет, кто же приветит его?
Всюду несутся за ним восклицанья хулы и презренья,
Как бы ни был именит, как бы красой ни сиял.
Если скиталец такой нигде не находит приюта,
Не возбуждает ни в ком жалости к доле своей,
Биться отважно должны мы за милую нашу отчизну
И за семейный очаг, смерти в бою не страшась.
Юноши, стойко держитесь, друг с другом тесно сомкнувшись,
Мысль о бегстве душе будет отныне чужда.
Мужеством сердце свое наполнив, о ранах и смерти,
Подстерегающих вас, не помышляйте в бою.
Не покидайте своих товарищей, старших годами,
Духом отважных, но сил прежних лишенных, — увь!
Разве не стыд, не позор, чтобы, предан врагам молодежью,
Первым в передних рядах воин лежал пожилкой,
Весь обнаженный, и прах подметал седой бородою,
Срам окровавленный свой слабой прикрывши рукой?
Право же, зрелища нет на свете ужасней, чем это;
И у кого из людей слез не исторгнет оно?
Тем же, чьи юны года, чьи цветут, словно розы, ланиты,
Все в украшенье, все впрок. Ежели юноша жив,
Смотрят мужи на него с восхищеньем, а жены с любовью;
Если он пал — от него мертвого глаз не отвести.

(Пер. О. Румера)

* * *

Так как потомки вы все необорного в битвах Геракла¹,
Будьте бодры, еще Зевс не отвратился от нас!
Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланниц кончины —
Милыми, как нам милы солнца златые лучи!
Опытны все вы в делах многослезного бога Ароя,
Ведомы вам хорошо ужасы тяжкой войны,
Юноши, вы и бегущих видали мужей и гонящих;
Зрелищем тем и другим вдоволь насытились вы!
Воины те, что дерзают, смыкаясь плотно рядами,
В бой рукопашный вступать между передних бойцов,
В меньшем числе погибают, а сзади стоящих спасают;

Труса презренного честь гибнет мгновенно навек:
Нет никого, кто бы мог до конца рассказать все мученья,
Что достаются в удел трусу, стяжавшему стыд!
Трудно решиться ведь честному воину с тылу ударить
Мужа, бегущего вспять с поля кровавой резни;
Срамом покрыт и стыдом мертвец, во прахе лежащий,
Сзади пронзенный насквозь в спину копья острием!
Пусть же, широко шагнув и ногами в землю упершись,
Каждый на месте стоит, крепко губу закусив,
Бедро и голени снизу и грудь свою вместе с плечами
Выпуклым кругом щита, крепкого медью, прикрыв;
Правой рукою пусть он потрясает могучую пику,
Грозный шелома султан над головой всколебав;
Пусть среди подвигов ратных он учится мощному делу
И не стоит со щитом одолеть летающих стрел;
Пусть он идет в рукопашную схватку и длинною пикой
Или тяжелым мечом насмерть врага поразит!
Ногу приставив к ноге и щит свой о щит опирая,
Грозный султан — о султан, шлем — о товарища шлем,
Плотно сомкнувшись грудь с грудью, пусть каждый дерется с
врагами.

Стиснув рукою копьё или меча рукоять!
Вы же, гимниты², иль здесь, или там, под щиты припадая,
Вдруг осыпайте врагов градом огромных камней
Или мечите в них легкие копья под крепкой защитой
Воинов тех, что идут во всеоружии в бой!

(Пер. В. Латышева)

о о о

Я не считаю достойным ни памяти доброй, ни чести
Мужа за ног быстроту или за силу в борьбе,
Если б он даже был равен киклопам и ростом и силой,
Или фракийский Борей в беге им был превзойден,
Если б он даже лицом был прелестней красавца Тифона³,
Или богатством своим Мида⁴ с Киниром⁵ затмил,
Если б он был величавей Танталова сына Пелопа,⁶
Или Адрастов⁷ язык сладкоречивей имел,
Если б он славу любую стяжал, кроме воинской славы, —
Ибо не будет вовек доблестным мужем в войне
Тот, чьи очи не стерпят кровавого зрелища сечи,
Кто не рванется вперед в бой рукопашный с врагом:
Эта лишь доблесть и этот лишь подвиг для юного мужа
Лучше, прекраснее всех смертными чтимых наград.
Общее благо согражданам всем и отчизне любимой

Муж приносит, когда между передних бойцов,
Крепости полный, стоит, забывая о бегстве постыдном,
Жизнь и стойкий свой дух битве вверяя в борьбе,
Бодрость соседа в строю возбуждая отважною речью:
Вот какой муж на войне доблестью славен всегда!
Грозные вражьи фаланги он в бегстве тотчас обращает,
Быстро смиряет один бурную сечи волну!
Если он жизни лишится, в передних рядах пораженный,
Город, народ и отца доброю славой покрыв,
Спереди множество ран на груди могучей зияют:
Панцирь и выпуклый щит всюду пробиты копьем, —
Плачут по нем одинаково юные люди и старцы,
Город родной удручен тяжкою скорбью по нем,
Славится всюду могила его средь народа, и дети,
Дети детей и весь род славой покрыты навек.
Добрая слава и имя его никогда не погибнут:
В царстве Аида живя, будет бессмертен тот муж,
Коего сгубит ужасный Арей среди подвигов ратных,
В жарком бою за детей и за родную страну.
Если ж удастся ему избежать усыпляющей смерти
И, врагов победив, ратную славу стяжать,
Старый и юный его уважают, и, радостей жизни
Полную чашу испив, в мрачный Аид он идет.
Славится он среди граждан, старея; никто не дерзает
Чести иль праву его сколько-нибудь повредить.
Юноши, сверстники, старцы повсюду в собраниях народа
Друг перед другом спешат место ему уступить.
Этой-то доблести ратной высоких пределов достигнуть
Всякий душою стремись, не избегая войны!

(Пер. В. Латышева)

о о о

Вперед, о сыны отцов, граждан
Мужами прославленной Спарты!
Щит левой рукойставляйте,
Копьем потрясайте отважно
И жизни своей не щадите:
Ведь то не в обычаях Спарты.

(Пер. В. Латышева)

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Потомками Геракла считали себя древние правители Спарты.
² *Гимнеты* — легковооруженные воины. ³ *Тифон* — сын троянского царя Лаомедонта, возлюбленный богини утренней зари Эос. ⁴ *Мид* — Мидас мифический царь Фригии, славившийся своим богатством. ⁵ *Кинир* — царь острова Кипра, любимец Аполлона. ⁶ *Пелон* — внук Зевса, мифический правитель Пелопоннеса. ⁷ *Адраст* — мифический царь Аргоса.

СОЛОН

БЛАГОЗАКОНИЕ

Наша страна не погибнет вовеки по воле Зевеса
И по решению других присно-блаженных богов.
Ибо хранитель такой, как благая Афина Паллада,
Гордая грозным отцом, длани простерла над ней.
Но, уступая корысти, объятые силой безумья,
Граждане сами не прочь город великий сгубить.
Кривдой полны и владыки народа, и им уготован
Жребий печальный: испьют чашу несчастий до дна,
Им не привычно спесивость обуздывать, и отдаваясь
Мирной усладе пиров, их в тишине проводить, —
Нет, под покровом деяний постыдных они богатеют
И не щадя ничего, будь это храмов казна
Или народа добро, предаются, как тати, хищенью, —
Правды священной закон в пренебреженье у них!
Но, и молчанье храня, знает Правда, что́ есть и что́ было:
Пусть хоть и поздно, за грех все-таки взыщет она!
Будет тот час для народа всего неизбежною раной,
К горькому рабству в полон быстро народ попадет!
Рабство ж пробудит от дремы и брань и раздор межусобный:
Юности радостный цвет будет войной унесен...
Благозаконье же всюду являет порядок и стройность,
В силах оно наложить цепь на неправых людей,
Сгладить неровности, наглость унизить, ослабить кичливость,
Злого обмана цветы высушить вплоть до корней,
Выправить дел кривизну, и чрезмерную гордость умерить,
И разномыслия делам вместе со злобной враждой
Быстрый конец положить навсегда, и тогда начинается
Всюду, где люди живут, разум с порядком царить.

(Пер. Г. Церетели)

СЕДМИЦЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Маленький мальчик, еще неразумный и слабый, теряет,
Чуть ему минет семь лет, первые зубы свои;
Если же бог доведет до конца седмицу вторую,
Отрок являет уже признаки зрелости нам.
В третью у юноши быстро завьется, при росте всех членов,
Нежный пушок бороды, кожи меняется цвет.
Всякий в седмице четвертой уже достигает расцвета
Силы телесной, и в ней доблести явствует знак.

В пятую — время подумать о браке желанном мужчине,
Чтобы свой род продолжать в ряде цветущих детей.
Ум человека в шестую седмицу вполне созревает
И не стремится уже к неисполнимым делам.
Разум и речь в семь седмиц уже в полном бывает расцвете,
Также и в восемь — расцвет длится четырнадцать лет.
Мощен еще человек и в девятой, однако слабеют
Для веледоблестных дел слово и разум его.
Если ж десятое бог доведет до конца семилетье,
Ранним не будет тогда смертный конец для людей.

(Пер. В. Латышева)

К МИМНЕРМУ

Нет, хоть теперь убедись, исключи это слово из песни
И не гневись, что тебя лучше я выразил мысль,
Лигиастид! Пожелай, изменив свою злую молитву,
Лет восьмидесяти смерти предела достичь.¹
.
Также без слез да не будет кончина моя: умирая,
Стоны друзьям и тоску я бы оставить желал.

(Пер. Ф. Зелинского)

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См. стихотворение Мимнерма Колофонского, в котором он выражает желание дожить до шестидесяти лет.

МИМНЕРМ

1.

Без золотой Афродиты какая нам жизнь или радость?
Я бы хотел умереть, раз перестанут манить
Тайные встречи меня, и объятья, и страстное ложе.
Сладок лишь юности цвет и для мужей и для жен.
После ж того, как наступит тяжелая старость, в которой
Даже прекраснейший муж гадок становится всем,
Дух человека терзать начинают лихие заботы,
Не наслаждается он, глядя на солнца лучи,
Мальчикам он ненавистен и в женах презрение будит.
Вот сколь тяжелою бог старость для нас сотворил!

2.

В пору обильной цветами весны распускаются быстро
 В свете горячих лучей листья на ветках деревьев.
 Словно те листья, недолго мы тешимся юности цветом,
 Не понимая еще, что нам на пользу и вред.
 Час роковой настает, и являются черные Керы
 К людям: у первой в руках — старости тяжкий удел,
 Смерти удел — у другой. Сохраняется очень недолго
 Сладостный юности плод: солнце взошло — и увял.
 После ж того как пленительный этот окончится возраст,
 Стоит ли жить? Для чего? Лучше тотчас умереть!
 Беды несчастные душу нещадно терзать начинают:
 У одного его дом гибнет, идет нищета.
 Страстно другому детей бы хотелось иметь, и, однако,
 Старцем бездетным с земли грустно он сходит в Аид.
 Душегубительной третий болезнью страдает. И в мире
 Нет человека, кого б Зевс от беды сохранил.

3.

Если бы в мире прожить мне без тяжких забот и страданий
 Лет шестьдесят, — а потом смерть бы послала судьба! —

(Пер. В. Вересаева)

ФЕОГНИД

Кири! Пусть будет печать на этих моих сочиненьях.
 Их не сумеет никто тайно присвоить себе
 Или жалкой подделкой хорошее слово испортить.
 Скажет любой человек: «Вот Феогнида стихи.
 Родом он из Мегары.» Меж всеми смертными славный,
 Жителям города всем нравиться я не могу.
 Этому ты не дивись, о сын Полипая. Ведь даже
 Зевс угождает не всем засухой или дождем!

(Пер. С. Анта)

С умыслом добрым тебя обучу я тому, что и сам я,
 Кири, от хороших людей малым ребенком узнал.
 Будь благомыслен, достоинств, почета себе и богатства
 Не добивайся кривым или позорным путем.
 Вот что заметь хорошенько себе: не завязывай дружбы
 С злыми людьми, но всегда ближе к хорошим держись,
 С этими пищу дели и питье, и сиди только с ними,

И одобренья ищи тех, кто душою велик.
От благородных и сам благородные вещи узнаешь,
С злыми погубишь и тот разум, что есть у тебя.
Помни же это и с добрыми знайся, — когда-нибудь сам ты
Скажешь: «Советы друзьям были не плохи его!»

(Пер. В. Вересаева)

Город беременен наш, но боюсь я, чтоб им порожденный,
Муж дерзновенный не стал грозных восстаний вождем.
Благоразумны пока еще граждане эти, но очень
Близки к тому их вожди, чтобы в разнузданность впасть.
Люди хорошие, Кирн, никогда государств не губили,
То негодяи, простор наглости давши своей,
Дух развращают народа и судьями самых бесчестных
Делают, лишь бы самим пользу и власть получить.
Пусть еще в полной пока тишине наш покоится город, —
Верь мне, недолго она в городе может царить,
Где нехорошие люди к тому начинают стремиться,
Чтоб из народных страстей пользу себе извлекать.
Ибо, отсюда — восстанья, гражданские войны, убийства, —
Также монархи, — от них обереги нас, судьба!

(Пер. В. Вересаева)

Город наш все еще город, о Кирн, но уж люди другие.
Кто ни законов досель, ни правосудья не знал,
Кто одевал себе тело изношенным мехом козлиным
И за стеной городской пасся, как дикий олень, —
Сделался знатным отныне. А люди, что знатными были,
Низкими стали. Ну, кто б все это вытерпеть мог? <...>

(Пер. В. Вересаева)

Кирн, не завязывай искренней дружбы ни с кем из тех граждан,
Сколько бы выгод тебе этот союз ни сулил.
Всячески всем на словах им старайся представиться другом,
Важных же дел никаких не начинай ни с одним.
Ибо, начавши, узнаешь ты душу людей этих жалких,
Как ненадежны они в деле бывают любом.
По сердцу им только ложь да обманы, да хитрые козни,
Как для людей, что не ждут больше спасенья себе.

(Пер. В. Вересаева)

Что мне в любви на словах, если в сердце и в мыслях иное!
Любишь ли, друг мой, меня? Верно ли сердце твое?

Или люби меня с чистой душою, иль, честно отрекшись,
Стань мне врагом и вражду выкажи прямо свою.
Кто ж, при одном языке, два сердца имеет, товарищ
Страшный, о Кири, мой! Таких лучше врагами иметь...
Самое трудное в мире, о Кири мой, узнать человека
Лживого. Больше всего здесь осторожность нужна.

(Пер. В. Вересаева)

Знает ли кто из людей, устремляясь к задуманной цели,
Что достижение даст, благо иль тяжкое зло?
Часто мы думаем зло сотворить, — и добро совершаем;
Думаем сделать добро, — зло причиняем взамен.
И никогда не сбывается то, чего смертный желает,
Жалко-беспомощен он, силы ничтожны его.
Тщетно мы, люди, гадаем и ждем. Ничего мы не знаем.
Все совершается так, как порешит божество...

(Пер. В. Вересаева)

Разное горе у разных людей. Но на скольких ни смотрит
Солнце, счастливого нет между людей никого...

(Пер. В. Вересаева)

Всюду, о Кири, по земле и по шири бескрайнего моря,
Нужно из тяжелой искать бедности выхода нам.
Лучше, мой Кири, дорогой умереть бедняку, чем в страданиях
Жизнь на земле проводить, в тяжелой томясь нищете.

(Пер. В. Вересаева)

Кири! Выбираем себе лошадей мы, ослов и баранов
Доброй породы, следим, чтобы давали приплод
Лучшие пары. А замуж ничуть не колеблется лучший
Низкую женщину брать, только б с деньгами была!
Женщина также охотно выходит за низкого мужа,
Был бы богат! Для нее это важнее всего.
Деньги в почете всеобщем. Богатство смешало породы.
Знатные, низкие — все женятся между собой.
Полипаид, не дивись же тому, что порода сограждан
Все ухудщается: кровь перемешалась в ней.
Знает и сам, что из рода плохого она, и, однако,
Льстясь на богатство ее, в дом ее вводит к себе, —

Низкую знатный. К тому принуждаются люди могучей
Необходимостью: дух всем умирят она.

(Пер. В. Вересаева)

Нет у изгнанника милых друзей и товарищей верных.
Это в изгнание больней даже, чем ссылка сама...

Дал я крылья тебе, и на них высоко и свободно
Ты полетишь над землей и над простором морей,
Будешь присутствовать ты на пирах и на празднествах пышных,
Славное имя твоё будет у всех на устах.
Милые юноши в пышных нарядах красиво и звонко
Будут под звуки тебя маленьких флейт воспевать,
Ясно звучащих. Когда же сойдёшь ты в жилище Аида,
В мрачные недра земли, полные стонов и слез, —
Слава твоё не исчезнет, о Кирн, и по смерти, но вечно
В памяти будет людской имя храниться твоё.
Ты по Элладу по всей пронесёшься, бесплодное море,
Полное рыб, перейдёшь, все острова посетишь.
И не на спинах коней ты поедёшь, — фиалковенчаных
Муз сладкогласных дары всюду тебя понесут.
Всем, кому дороги песни, кому они дороги будут,
Будёшь знаком ты, пока солнце стоит и земля...

(Пер. В. Вересаева)

Бедность проклятая! Что ты так цепко ко мне привязалась?
Что же к другим не идёшь? Что так взлюбила меня?
Ну же, иди, посети и жилище другого, и вечно
С нами делить перестань эту несчастную жизнь!..

(Пер. В. Вересаева)

Лучшая доля для смертных — на свет никогда не родиться
И никогда не видеть яркого солнца лучей.
Если ж родился, войти поскорее в ворота Аида
И глубоко под землей в темной могиле лежать...

(Пер. В. Вересаева)

Вовремя, Зевс-Олимпиец, мою исполни молитву
Вместо несчастий, молю, дай мне отведать добра.
Если конца не найду своим тяжёлым заботам,
Пусть я погибну, но пусть горем за горе воздам,
Было бы это по праву, Но вот не приходит расплата
С теми, кто деньги мои силой похитить посмел

Я же подобен собаке, поток переплывшей в ущелье,
Сбросил я в бурную хлябь все достоянье свое.
Пить бы их черную кровь! И пусть божество бы смотрело
Доброе, то, что моим чаяньям сбыться дало...

(Пер. С. Анта)

К гибели, к воронам все наше дело идет! Но пред нами
Кирн, из блаженных богов здесь не виновен никто:
В бедствия нас из великого счастья повергли — насилие,
Низкая жадность людей, гордость надменная их...

(Пер. В. Вересаева)

Крепко пятою топчи простодушный народ, беспощадно
Острою палкой коли, тяжким ярмом придави!
Верно, народа с подобной любовью к тиранам ни разу
Не доводилось еще солнцу видать на земле...

(Пер. В. Вересаева)

⟨...⟩ Гибнет богатство мое у меня на глазах, и молчу я,
Бедностью скован, хотя вовсе не хуже других
Знаю, ради чего понеслись мы в открытое море,
В черную канули ночь, крылья ветрил опустив.
Волны с обеих сторон захлестывают, но отчерпать
Воду они не хотят. Право, спастись нелегко!
Этого им еще мало. Они отстранили от дела
Доброго кормчего, тот править умел кораблем.
Силой деньги берут, загублен всякий порядок,
Больше теперь ни в чем равного нет дележа,
Грузчики встали у власти, негодные выше достойных.
Очень боюсь, что корабль ринут в пучину валы.
Вот какую загадку я гражданам задал достойным,
Может и низкий понять, если достанет ума.

(Пер. С. Анта)

АРХИЛОХ *

1.

Я — служитель царя Эниалия¹, мощного бога.
Также и сладостный дар Муз хорошо мне знаком.

* Нумерация фрагментов дана по книге «Эллинские поэты». Расположение фрагментов принадлежит составителям антологии.

2.

В остром копье у меня замещен мой хлеб. И в копье же —
Из-под Исмара² вино. Пью, опершись о копье.

5.

Носит теперь горделиво саец³ мой щит безупречный:
Волей-неволей пришлось бросить его мне в кустах.
Сам я кончины зато избежал. И пускай пропадает
Щит мой. Не хуже ничуть новый могу я добыть.

11.

Мы настигли и убили счетом ровно семерых:
Целых тысяча нас было...

12.

Воистину, для всех ведь одинаков он,
Великий Арес...

15.

Главк, до поры лишь, покуда сражается, дорог наемник.

61.

Кто падет, тому ни славы, ни почета больше нет
От сограждан. Благодарность мы питаем лишь к живым, —
Мы, живые. Доля павших, — хуже доли не найти.

63.

Если мой друг Эсимид, нарекания черни бояться
Радостей в жизни едва ль много изведает ты.

77.

В этом мастер я большой
Злом оплачивать ужасным, тем, кто зло мне причинит.

26.

...Бурной носимый волной.
Пускай близ Салмидесса⁴ ночью темною
Взяли б фракийцы его
Чубатые, — у них он настрадался бы
Рабскую пищу едя!
Пусть взяли бы его, заоченевшего,
Голого в травах морских,
А он зубами, как собака, ляскал бы,
Лежа без сил на песке

Ничком, среди прибоя волн бушующих.

Рад бы я был, если б так
Обидчик, клятвы растоптавший, мне предстал, —
Он, мой товарищ быллой!

46.

Что в голову забрал ты, батюшка Ликамб,
Кто разума лишил тебя?
Умен ты был когда-то. Нынче ж в городе
Ты служишь всем посмешищем.

47.

И клятву ты великую
Забыл, и соль, и трапезу...

31.

Своей прекрасной розе с веткой миртовой
Она так радовалась. Тенью волосы
На плечи ниспадали ей и на спину.

32.

...Старик влюбился бы
В ту грудь, в те миррой пахнущие волосы.

35.

Сладко-истомная страсть,
товарищ, овладела мной.

36.

От страсти обезжизневший,
Жалкий, лежу я, и волей богов несказанные муки
Насквозь пронзают кости мне.

37.

Это-то страстная жажда любовная, переполнив сердце,
В глазах великий мрак распространила,
Нежные чувства в груди уничтоживши.

50.

Скорбью стнящей крушась, ни единый из граждан, ни город
Не пожелает, Перикл, в мире улады искать.
Лучших людей поглотила волна многошумного моря,
И от рыданий, от слез наша раздулася грудь.
Но и от зол неизбывных богами нам послано средство:

Стойкость могучая, друг, вот этот божеский дар.
То одного, то другого судьба поражает: сегодня
С нами несчастье, и мы стонем в кровавой беде,
Завтра в другого ударит. По-женски не падайте духом,
Бодро, как можно скорей, перетерпите беду.

53.

Я ничего не поправлю слезами, а хуже не будет,
Если не стану бежать сладких утех и пиров.

69.

Настроения у смертных, друг мой Главк, Лептинов сын,
Таковы, какие в душу в этот день вселит им Зевс.
И, как сложатся условия, таковы и мысли их.

56.

Все человеку, Перикл, Судьба посылает и случай.
Можно ждать чего угодно, можно веровать всему,
Ничему нельзя дивиться, раз уж Зевс, отец богов,
В полдень ночь послал на землю, заградивши свет лучей
У сияющего солнца⁵. Жалкий страх на всех напал.
Все должны отныне люди вероятным признавать
И возможным. Удивляться вам не нужно и тогда,
Если даже зверь с дельфином поменяется жильем
И милее суши станет моря звучная волна
Зверю, жившему доселе на верхах скалистых гор.

22.

Сердце, сердце! Грозным строем встали беды пред тобой.
Ободришь и встретить их грудью, и ударим на врагов!
Пусть везде кругом засады, — твердо стой, не трепещи.
Победишь, — своей победы напоказ не выставляй,
Победят, — не огорчайся, запершись в доме, не плачь.
В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй
Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт.

(Перевод В. Вересаева)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эниалий-Арес, бог войны. ² Исмар — город и река во Фракии.
⁴ Савец — саййцы — фракийское племя. ⁴ Салмидесс — город во Фракии
на берегу Черного моря. ⁵ Речь идет о солнечном затмении, которое
произошло либо 14 марта 711 г. до н. э., либо 6 апреля 648 г. до н. э.
Последняя дата более вероятна.

ГИППОНАКТ

«Кандавл по-меонийски¹, по-людски — Гермий —
Так звал он: — Майи сын, цепной своры
Начальник, друг ночных воров, спаси, милый!»

(Пер. Вяч. Иванова)

* * *

Гермес Килленский², Майи сын, Гермес, милый!
Услышь поэта! Весь в дырах мой плащ, дрогну.
Дай одежонку Гиппократу, дай обуви!
Насыпь червонцев шестьдесят в мошну — веских!

(Пер. Вяч. Иванова)

* * *

Ты не дал мне хламиды шерстяной, теплой
В подарок перед стужей, ни сапог прочных;
И, полуголый, мерзну я зимой лютый.

(Пер. Вяч. Иванова)

* * *

Богатства бог, чье имя Плутос, — знать, слеп он!
Под кров певца ни разу не зашел в гости
И не сказал мне: «Гиппонакт, пока тридцать
Мин серебра тебе я дам; потом — больше».
Ни разу так он не зашел в мой дом: трус он.

(Пер. Вяч. Иванова)

* * *

Я злу отдам усталую от мук душу,
Коль не пришьлешь ты мне ячменных круп меру,
Молю не медлить. Я ж из круп сварю кашу.
Одно лекарство от несчастья мне: каша!

(Пер. Вяч. Иванова)

* * *

Два дня всего бывают милы нам жены:
В день свадьбы, а потом в день выноса тела.

(Пер. Г. Церетели)

¹ *Меония* — старое название Лидии (М. Азия.) *Кандавл* — мифический лидийский герой, образ которого слился с образом Гермеса, считавшегося покровителем людей, занимающихся любыми промыслами, доставляющими богатство, в том числе и воровством. ² Нимфа гор Майя родила Гермеса на горе Киллене, в Аркадии.

СЕМОНИД АМОРГСКИЙ

Внимай, дитя¹, над всем — один властитель: Зевс.
 Как хочет, так вершит гремящий в небесах.
 Не смертным разум дан. Наш быстротечен день,
 Как день цветка, и мы в неведение живем:
 Чей час приблизил бог, как жизнь он пресечет.
 Но легковерная надежда всех живит,
 Напрасно преданных несбыточной мечте.
 Один считает дни: «Вот, вот...», другой — года.
 «Едва минует год, — мнит каждый, — и ко мне
 Богатства притекут и прочие дары».
 Но вот один в когтях у старости — конец!
 А цель — все впереди. Других сразил недуг,
 Иных в бою Арей-воитель сокрушил:
 Их шлет уже Аид в предвечный мрак земли.
 Тех — море унесло... Как гнал их ураган
 И грозные валы багрово-мрачных вод!
 Погибли. А могли спокойно жить они.
 Тот затянул петлю. О, горькая судьба!
 По доброй воле, сам, отвергнул солнца свет.
 Все беды налицо, — но Керам нет числа,
 И смертных горести ни выразить, ни счесть.
 Но если бы они послушались меня,
 Мы б не любили зла и горя не несли б,
 Порывом яростным влекомые в беде.

(Пер. Я. Голосовкера)

* * *

Различно женщин нрав сложил вначале Зевс:²
 Одну из хрюшки он щетинистой слепил, —
 Все в доме у такой валяется в грязи,
 Разбросано кругом, — что где, не разберешь.
 Сама ж — немытая, в замасленном плаще,
 В навозе дни сидит, нагуливая жир.

Другую из лисы коварной создал бог —
 Все в толк берет она, сметлива хоть куда,

Равно к добру и злу ей ведомы пути,
И часто то бранит, то хвалит ту же вещь,
То да, то нет. Порыв меняется что час.

Иной передала собака верткий нрав.
Проныра — ей бы все разведать, разузнать,
Повсюду нос сует, снует по всем углам,
Знай лает, хоть кругом не видно ни души.
И не унять ее: пусть муж угрозы шлет,
Пусть зубы вышибет булыжником в сердцах,
Пусть кротко, ласково упрасивает он —
Она и у чужих в гостях свое несет.
Попробуй одолеть ее крикливый нрав!

Иную, вылепив из комьев земляных,
Убогою Олимп поднес мужчине в дар,
Что зло и что добро — не по ее уму.
И не поймет! Куда! Одно лишь знает — есть.
И если зиму Зевс суровую послал,
Дрожит, а к очагу стул пододвинуть лень.

Ту из волны морской. Двоится ум ее:
Сегодня — радостна, смеется, весела.
Хвалу ей воздает, увидев в доме, гость:
«Нет на земле жены прекраснее ее,
Нет добродетельней, нет лучше средь людей...»
А завтра — мочи нет; противно и взглянуть.
Приблизиться нельзя: беснуется она,
Не зная удержу, как пес среди детей,
Ко всем неласкова, ни сердца, ни души,
Равно — враги пред ней иль лучшие друзья.
Так море иногда затихнет в летний день:
Спокойно, ласково, отрада морякам —
Порой же, грозное, бушует и ревет,
Вздымая тяжкие, ударные валы.
Похожа на него подобная жена
Порывов сменою, стихийных, словно Понт.

Иной дал нрав осел, облезлый от плетей;
Под брань из-под кнута, с большим трудом она
Берется за дела — кой-как исполнить долг.
Пока же ест в углу подальше от людей —
И ночью ест и днем, не свят ей и очаг,
А вместе с тем, гляди, для дел любовных к ней
Приятелю-дружку любому вход открыт.

Иную сотворил из ласки — жалкий род!
У этой ни красы, ни прелести следа,
Ни обаяния — ничем не привлечет.
А к ложу похоти — неистовый порыв,
Хоть мужу своему мерзка до тошноты.
Да вороватостью соседям вред чинит
И жертвы иногда не в храм несет, а в рот.

Иная род ведет от пышного коня:
Заботы, черный труд — ей это не под стать,
Коснуться мельницы, взять в руки решето,
Куда там! — труд велик из дому выместь сор.
К печи подсесть — ни-ни! От копоти бежит.
Насильно мил ей муж. Привычку завела
Купаться дважды в день и трижды, коль досуг,
А умещениям — ни меры, ни числа.
Распустит локонов гривастую волну,
Цветами обовьет и ходит целый день.
Пожалуй, зрелище прекрасное жена,
Как эта для иных; для мужа — суций бич!
Конечно, если он не царь или богач,
Чтоб тешиться такой ненужной мишурой.

Иную сотворил из обезьяны Зевс:
Вот худшее из зол, что дал он в дар мужам:
Лицом уродлива. Подобная жена
Идет по городу — посмешище для всех.
И шея коротка; едва-едва ползет;
Беззадая, как жердь. Увы, бедняга муж!
Что за красотку он обвить руками рад!
На выдумки ж хитра, уверткам счету нет.
Мартышка чистая! Насмешки ж — нипочем.
Добра не делает, пожалуй, никому.
Но занята одной лишь думой день-деньской:
Какую пакость бы похуже учинить.

Иную — из пчелы. Такая — счастья дар.
Пред ней одной уста злословия молчат:
Растет и множится достаток от нее;
В любви супружеской идет к закату дней,
Потомство славное и сильное родив.
Средь прочих жен она прекрасней, выше всех,
Пленяя прелестью божественной своей,
И не охотница сидеть в кругу подруг,
За непристойными беседами следя.

Вот лучшая из жен, которых даровал
Мужчинам Зевс-отец на благо, вот их цвет.
А прочие — увы! — по промыслу его
И были бедствием, и будут для мужей.
Да, это зло из зол, что женщиной зовут,
Дал Зевс, и если есть чуть пользы от нее —
Хозяин от жены без меры терпит зло.
И дня не проведет спокойно, без тревог,
Кто с женщиной судьбу свою соединил,
И голод вытолкнет не скоро за порог;
А голод — лютый враг, сожитель — демон злой.
Чуть муж для праздника повеселиться рад —
Во славу божию иль там почитать кого, —
Жена, найдя предлог, подымет брань и крик.
Верь, у кого жена, тому не к дому гость.
Заезжего с пути радушие не ждет,
И та, что с виду всех невинней и скромней,
Как раз окажется зловреднее других.
Чуть зазевался муж... а уж соседи здесь:
Злорадствуют над тем, как слеп он и как прост,
Свою-то хвалит всяк — похвал не перечсть,
Чужую, не скупясь, поносит и бранит.
Хоть участь общая, — о том не знаем мы;
Ведь это зло из зол зиждитель создал, Зевс,
Нерасторжимые он узы наложил
С тех пор, когда одни сошли в подземный мрак
В борьбе за женщину — герои и вожди.

(Пер. Я. Голосовкера)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Внимай дитя...* — Ямбические варианты поучений, имевших распространение в современной Семониду поэзии (ср. элегии Феогнида, Мимнерма, Солона). ² *Различно женщин нрав...* — Характер стихов Семонида отразил типичный для Греции VII—VI вв. до н. э. взгляд на женщину, что закреплено даже в законах Солона. В Афинах и Спарте были особые должностные лица — гинеконы, — которые следили за поведением женщин.

Мелика

АЛКЕЙ

К САПФО¹

Сапфо фиалкокудрая, чистая,
С улыбкой нежной! Очень мне хочется
Сказать тебе кой-что тихонько,
Только не смею: мне стыд мешает.

(Пер. В. Вересаева)

* * *

И звенят и гремят
Вдоль проездных дорог
За каймою цветов
многоголосые
Хоры птиц на дубах
с близких лагун и гор;
Там вода с высоты
льется студеная,
Голубеющих лоз —
всходов кормилица.
По побережью камыш
в шапках зеленых спит.
Чу! Кукушка с холма
гулко-болтливая
Все кукует: весна.
Ласточка птенчиков
Под карнизами крыш
кормит по улицам,
Хлопотливо мелькнет
в трепете быстрых крыл,
Чуть послышится ей
тонкое теньканье.

(Пер. Я. Голосовкера)

* * *

Всех сил бессмертных юный тот бог страшной,
Кого — богиня в легких сандалиях —
От златокудрого Зефира
Радуга нам родила, Ирида.

(Пер. Вяч. Иванова)

* * *

Пойми, кто может, буйную дурь ветров!
Валы катятся — этот отсюда, тот
Оттуда... В их мятежной свалке

Носимся мы с кораблем смоленным,
Едва противясь натиску злобных волн.
Уж захлестнула палубу сплошь вода:

Уже просвечивает парус,
Весь продырявлен. Ослабли скрепы.

(Пер. Вяч. Иванова)

* * *

Под взметом ветра новый взъярился вал.
Навис угрозой тяжких трудов и бед.
Натерпимся, когда на судно

Бурно обрушится пенный гребень.
Дружной за дело! И возведем оплот,
Как медной броней, борт опояшем мы,
Противоборствуя пучине,
В гавань надежную бег направим.

Да не поддастся слабости круг борцов!
Друзья, грядет к нам буря великая.
О, вспомните борьбу былую,

Каждый пусть ныне стяжает славу.
Не посраим же трусостью предков прах,
В земле под нами здесь успокоенных:
Они воздвигли этот город

На благоденствие нам, потомкам.
Но есть иные — люди, не властные
В своих желаньях. Темным страстям служа,
Их опозоренные руки

Предали город рукам таким же.

(Пер. Я. Голосовкера)

* * *

Медью воинской весь блеснит,
Весь оружием убран дом —

Арею в честь!

Тут шелома как жар горят,
И колышутся белые

На них хвосты.

Там медяные поножи
На гвоздях поразвешаны;

Кольчуги там.
Вот и панцири из холста;
Вот и полные, круглые
Лежат щиты.
Есть булаты халкидские,
Есть и пояс и перевязь;
Готово все!
Ничего не забыто здесь;
Не забудем и мы, друзья,
За что взялись!

(Пер. Вяч. Иванова)

* * *

Всенародным судом
Отдали
Родину бедную,
Злополучный наш град
В руки — кому ж?
Родины пасынку!
Стал тираном Питтак,²
Города враг,
Родины выродок.

(Пер. Вяч. Иванова)

Дождит отец Зевс с неба ненастного,
И ветер дует стужею севера;
И стынут струйки дождевые,
И замерзают ручьи под вьюгой.
Как быть зимой нам? Слушай: огонь зажги,
Да, не жалея, в кубки глубокие
Лей хмель отрадный, да теплее
По уши в мягкую шерсть укройся.

(Пер. Вяч. Иванова)

* * *

Сохнет други гортань, —
Дайте вина!
Звездный ярится Пес³.
Пекла летнего жар
Тяжек и лют;
Жаждет, горит земля.
Не цикада — певец!
Ей нипочем

Этот палящий зной:
Все звенит да звенит
В чаще ветвей
Стрекотом жестких крыл.
Все гремит, — а в лугах
Злою звездой
Никнет сожженный цвет.
Вот пора: помирай!
Бесятся псы,
Женщины бесятся!
Муж — без сил: иссушил
Чресла и мозг
Пламенный Сириус.

(Пер. Вяч. Иванова)

* * *

Помнят в Спарте Аристодема¹
Крылатое слово; в силе слово то.
Царь сказал: «Человек — богатство».
Нет бедному славы, чести — нищему.

(Пер. Вяч. Иванова)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ответ Сапфо на эти стихи см. стр.120. ² *Питтак* — политический противник Алкея; тиран Митилены. ³ *Пес или Сириус* — самая яркая звезда, появляется в самое жаркое время года. ⁴ *Аристодем* — легендарный царь Лаконии.

САПФО

ГИМН АФРОДИТЕ

Радужно-престольная Афродита,
Зевса дочь бессмертная, кознодейка!
Сердца не круши мне тоской-кручиной!
Сжался, богиня!
Ринься с высей горных, — как прежде было:
Голос мой ты слышала издали;
Я звала — ко мне ты сошла, покинув
Отчее небо!
Стала на червонную колесницу;
Словно вихрь, несла ее быстрым лётom,
Крепкокрылая, над землею темной

Стая голубок.

Так примчалась ты, предстояла взорам,
Улыбалась мне несказанным ликом...
«Сапфо! — слышу. — Вот я! О чем ты молишь?

Чем ты болеешь?

Что тебя печалит и что безумит?
Все скажи! Любовью ль томится сердце?
Кто ж он, твой обидчик? Кого склоню я

Милой под иго?

Неотлучен станет беглец недавний;
Кто не принял дара, придет с дарами;
Кто не любит ныне, полюбит вскоре —

И безответно...»

О, явись опять — по молитве тайной
Вызволить из новой напасти сердце!
Стань, вооружась в ратоборстве нежном
Мне наподмогу!

(Пер. Вяч. Иванова)

* * *

Богу равным кажется мне по счастью
Человек, который так близко-близко
Пред тобой сидит, твой звучащий нежно
Слушает голос

И прелестный смех. У меня при этом
Перестало сразу бы сердце биться:
Лишь тебя увижу, — уж я не в силах
Вымолвить слова.

Но немеет тотчас язык, под кожей
Быстро легкий жар пробегает, смотрят,
Ничего не видя, глаза, в ушах же —
Звон непрерывный.

Пóтом жарким я обливаюсь, дрожью
Члены все охвачены, зеленее
Становлюсь травы, и вот-вот как будто
С жизнью прощусь я.

Но терпи, терпи: чересчур далёко
Все зашло...

(Пер. В. Вересаева)

* * *

Близ луны прекрасной тускнеют звезды,
Покрывалом лик лучезарный кроют,

Чтоб она одна всей земле светила
Полною славой.

(Пер. Вяч. Иванова)

* * *

Сверху низвергаясь, ручей прохладный
Шлет сквозь ветви яблонь свое журчанье,
И с дрожащих листьев кругом глубокий
Сон истекает.

(Пер. В. Вересаева)

МОЛЕНИЕ К ГЕРЕ

Предо мной во сне ты предстала, Гера,
Вижу образ твой, благодати полный,
Взор, который встарь наяву Атридам
Дивно открылся.

Подвиг завершив роковой Ароя
И причалив к нам от стремнин Скамандра,
Им отплыть домой удалось не прежде
В Аргос родимый,

Чем тебя мольбой, и владыку Зевса,
И Тионы сына склонить сумели.
Так и я тебя умоляю: дай мне
Вновь, как бывало,

Чистое мое и святое дело
С девственницами Митилен продолжить,
Песням их научить и красивым пляскам
В дни твоих празднеств.

Если помогли вы царям Атридам
Корабли поднять, — заступись, богиня,
Дай отплыть и мне. О, услышь моленье
Жаркое Сапфо!

(Пер. Я. Голосовкера)

Приди, Киприда,
В чаши золотые, рукою щедрой

Пировой гостям разливая нектар,
Смешанный тонко.

(Пер. В. Вересаева)

ПЕЩЕРА НИМФ

Вы сюда к пещере, критяне, мчитесь,
К яблонево́й роще, к свя́щенным нимфам,
Где над алтарями клубится о́блак
Смол благово́нных,

Где звенит в прохладе ветвей серебристых
Гулкий ключ, где розы нависли сенью
И с дрожащих листьев струится сонно
Томная дрема.

Нам на луговине цветущей — стадо.
Веет ароматами трав весенних,
Сладостным дыханьем аниса, льется
Вздых медуницы.

Ты любила там пировать, Киприда,
В золотые кубки рукою нежной
Разливая нектар — богов напитков
Благоуханный.

(Пер. Я. Голосовкера)

К АНАКТОРИИ

Конница — одним, а другим — пехота,
Стройных кораблей вереницы — третьим...
А по мне — на черной земле всех краше
Только любимый.
Очевидна тем, кто имеет очи,
Правда слов моих. Уж на что Елена
Нагляделась встарь на красавцев... Кто же
Душу пленил ей?
Муж, губитель злой благолепия Трои,
Позабыла все, что ей было мило:
И дитя и мать — обуяна страстью,
Властно влекущей.
Женщина податлива, если клонит
Ветер в голове ее ум нестойкий,

И далеким ей даже близкий станет,
Анактория.
Я же о тебе, о далекой, помню.
Легкий шаг, лица твоего сиянье
Мне милей, чем гром колесниц лидийских
В блеске доспехов.
Знаю, не дано полноте желаний
Сбыться на земле, но и долей дружбы
От былой любви — утоленье сердцу
Лучше забвенья.

(Пер. Я. Голосовкера)

* * *

Издалече, из отчих Сард
К нам стремится она мысль в тоске желаний.
Что таить?
В дни, как вместе мы жили, ты
Ей богиней была одна!
Песнь твою возлюбила Аригнота.
Ныне там,
В нежном сонме лидийских жен,
Как Селена, она взошла —
Звезд вечерних царицей розоперстой.
В час, когда
День угас, не одна ль струит
На соленое море блеск,
На цветистую степь луна сиянье?
Весь в росе,
Благовонный дымится луг;
Розы пышно раскрылись; льют
Сладкий запах анис и медуница.
Ей же нет
Бедной, мира! Всю ночь она
В доме бродит... Аттиды нет!
И томит ее плен разлуки сирой.
Громко нас
Кличет... Чуткая ловит ночь
И доносит из-за моря,
С плеском воды, непонятных жалоб отзвук.

(Пер. Вяч. Иванова)

* * *

Эрос вновь меня мучит истомчивый —
Горько-сладостный, необоримый змей.

(Пер. В. Вересаева)

* * *

Я роскошь люблю;
блеск, красота,
словно сияние солнца,
Чаруют меня...

(Пер. В. Вересаева)

* * *

Эй, потолок поднимайте, —
О Гименей!
Выше, плотники, выше!
О Гименей!
Входит жених, подобный Арю,
Выше самых высоких мужей!

(Пер. В. Вересаева)

* * *

Яблочко, сладкий налив, разругянилось там, на высокой
Ветке, — на самой высокой, всех выше оно. Не видали
Знать, на верхушке его? Аль видали, да взять — не достали.

(Пер. Вяч. Иванова)

* * *

К АЛКЕЮ

Будь цель прекрасна и высока твоя,
Не будь позорным, что ты сказать хотел, —
Стыдясь, ты глаз не опустил бы,
Прямо сказал бы ты все, что хочешь.

(Пер. В. Вересаева)

АНАКРЕОНТ

Ты, с кем Эрос властительный,
Афродита багряная,
Черноокие нимфы

Сообща забавляются
На вершинах высоких гор, —
На коленях молю тебя:
Появись и прими мою
Благосклонно молитву.
Будь хорошим советником
Клеобулу! Любовь мою
Не презри, о великий царь,
Дионис многославный!

(Пер. В. Вересаева)

* * *

Бросил шар свой пурпуровый
Златовласый Эрот в меня
И зовет позабавиться
С девой пестрообутой.
Но, смеясь презрительно
Над седой головой моей,
Лесбиянка прекрасная
На другого глазееет.

(Пер. В. Вересаева)

* * *

| Поредели, побелели¹
Кудри, честь главы моей,
Зубы в деснах ослабели,
И потух огонь очей.
Сладкой жизни мне немного
Провожать осталось дней:
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей.
Не воскреснем из-под спуда,
Всяк навеки там забыт:
Вход туда для всех открыт —
Нет исхода уж оттуда.

(Пер. А. Пушкина)

* * *

Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра,
Что ты мчишься, удаляя?
И тебе пришла пора;

Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.

(Пер. А. Пушкина)

* * *

² Люблю, и словно не люблю,
И без ума, и в разуме.

(Пер. В. Вересаева)

* * *

⁴ Что же сухо в чаше дно?
Наливай мне, мальчик резвый,
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно:
Нет, за чашею я пою
Иль беседую невинно.

(Пер. А. Пушкина)

* * *

На пиру за полной чашей
Мне несносен гость бесчинный:
Охмеленный, затевает
Он и спор, и бой кровавый.
Мил мне скромный собеседник,
Кто, дары царицы Книда²
С даром муз соединяя,
На пиру беспечно весел.

(Пер. М. Михайлова)

* * *

ПИРУЮЩИМ

Мил мне не тот, кто, пируя, за полную чашею речи
Только о тяжбах ведет да о прискорбной войне;
Мил мне, кто, Муз и Киприды благие дары сочетая,
Правилом ставит себе быть веселее в пиру.

(Пер. Л. Блуменау)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В подлинниках стихотворений Анакреонта: «Поредели, побелели...», «Кобылица молодая...» рифм нет. ² *Книд* — мыс и город в Кари, главный город дорического Гексаполя — «Шестиграда» — со знаменитым храмом Афродиты, в котором находилась статуя богини работы Праксителя — Афродита Книдская.

ИВИК

Только весною цветут цветы
Яблонь кидонских¹, речной струей
Щедро питаемых, так, где сад
Дев необорванный. Лишь весною же
И плодоносные почки набухшие
На виноградных лозах распускаются.
Мне же никогда не дает вздохнуть
Эрос... Летит от Киприды он, —
Темный, вселяющий ужас всем, —
Словно сверкающий молнией
Северный ветер фракийский,
и душу
Мощно до самого дна колышет
Жгучим безумием...

(Пер. В. Вересаева)

* * *

Эрос влажномерцающим взглядом очей своих черных глядит
из-под век на меня
И чарами разными в сети Киприды
Крепкие вновь меня ввергает.
Дрожу и боюсь я прихода его.
Так на бегах отличившийся конь неохотно под старость
С колесницами быстрыми на состязанье идет.

(Пер. В. Вересаева)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кидония* — город на северо-западном побережье Крита, ставший во 2-й половине VI в. до н. э. колонией Самоса. Ивик некоторое время жил при дворе самосского тирана Поликрата.

Хоровая лирика

АЛКМАН

* * *

Спят вершины высокие гор и бездн провалы,
Спят утесы и ущелья,
Змеи, сколько их черная всех земля ни кормит,
Густые рои пчел, звери гор высоких
И чудище в багровой глубине морской.
Сладко спит и племя
Быстролетающих птиц.

(Пер. В. Вересаева)

* * *

Звонкоголосые, нежно поющие девы, не в силах
Ноги носить меня в пляске... О, если бы я красноперым
Был зимородком, богами любимым, — тогда бы бесстрашно
Я с гальционами вместе носился над пенной волною!

(Пер. Г. Церетели)

ПИНДАР

I. ОЛИМПИЙСКАЯ ОДА

Гиерону Сиракузскому и коню его Ференику на победу в скачке

Год 476

1 строфа

Лучше всего на свете —
Вода;
Но золото,
Как огонь, пылающий в ночи,
Затмевает гордыню любых богатств.
Сердце мое,
Ты хочешь воспеть наши игры?
Не ищи в полдневном пустынном эфире
Звезд светлей, чем блещущее солнце,
Не ищи состязаний, достойней песни,
Чем Олимпийский бег.
Лишь отсюда многоголосый гимн

Разлетается от мудрых умов,
Чтобы славить Кронида
У блаженного очага Гиерона¹ —

1 антистрофа

Гиерона, который владеет
Скиптром правосудия в стадообильной Сицилии,
Гиерона, у которого в житнице —
Наливные колосья всех добродетелей,
Гиерона, который блещет
Славословием песнопений
Среди нашего веселья на его гостеприимном пиру.
Сними же с гвоздя
Дорийскую лиру,
Если в душу скользнула сладкою заботою
Радость о Писе² и о Ференике,
Который, мчась при Алфее,
Не касаем бичом,
Причастил победе своего господина —
Царя Сиракуз,
Любителя конеборств.

1 эпод

Слава Гиерона сияет
В этом славном мужами поселенье лидийского Пелопа-
Пелопа, которого полюбил держатель земли Посидон,
Когда Клото воздвигла его из чистой купели
С плечом, блиставшим слоновьей костью.

...Но нет, это сказки:
Ведь так часто людская молва
Переходит за грани истины;
И сказания, испещренные вымыслами,
Вводят в обман.

2 строфа

Ведь Харита,
Подательница всего, что нам мило,
Столько уж раз
Представляла нам неверное верным!
Нет: бегущие дни — надежнейшие свидетели:
Человек о богат
Должен говорить только доброе,
И на нем не будет вины.
Пелоп, сын Тантала!

Я скажу о тебе иное, чем предки:
Я скажу, что некогда твой отец,
Созывая богов на милый Сипил,

Благозаконно
Воздавал им пиром за пир, —
И когда-то сверкающий трезубцем бог³
Схватил тебя и унес,

2 антистрофа

Ибо страсть придавила его сердце.
На своих золотых конях
Он вознес тебя к Зевсу в небесный широкославный чертог,
Где такая же страсть поселила потом Ганимеда.
Ты исчез,
И люди искали, но не нашли тебя для матери;
А завистник — сосед
Стал, таясь, рассказывать людям,
Как в воду, кипящую на огне,
Острым изрубленное ножом,
Пало тело твое,
Как делили его за столом на куски и ели.

2 эпод

Нет!
Я не смею назвать людоедами богов!
Слишком часто кара настигала богохульников.
Если олимпийцы чтили когда-нибудь смертного —
Это был Тантал;
Но не мог он переварить своего великого счастья —
За великую гордыню понес он от высшего Отца
Величайшую казнь:
Исполинский камень, нависший над лбом.
Он рвется его свалить,
Он забыл блаженный покой,

3 строфа

В безысходной жизни он окутан мучением,
Четвертым к трем⁴ —
Потому что он похитил у вечноживущих
Для сверстных себе застольников
Нектар и амвросию
В которых было бессмертье.
Неправ,
Кто надеется, человек, укрыться от вedomа бога!
Оттого-то

И вернули его сына бессмертные
К кратковременной доле жителя земли.

А когда расцвели его годы,
Когда первый пух отемнил его щеки,
Он задумался о брачной добыче,

3 антистрофа

О славной Гипподамии, дочери писейского отца⁵.
Выйдя к берегу серого моря,
Он один в ночи
Воззвал к богу, носителю трезубца,
К богу, чей гулок прибой, —
И бог предстал пред лицом его.
Сказал Пелоп:
«Если в милых дарах Киприды
Ведома тебе сладость, —
О Посидон!
Удержи медное копье Эномая,
Устреми меня в Элиду на необгонимой колеснице,
Осени меня силой!
Тринадцать мужей, тринадцать женихов
Погубил он, отлагая свадьбу дочери:

3 эпод

Велика опасность, и не для робкого она мужа, —
Но кто и обречен умереть,
Тот станет ли в темном углу праздно варить бесславную
старость,
Отрешась от всего, что прекрасно?
Испытание это — по мне,
А желанная победа моя — от тебя!»
Он сказал —
И слова его не были праздными.
Для славы его
Дал ему бог золотую колесницу и коней с неутомимыми
крыльями

4 строфа

Он поверг Эномаеву мощь,
Он возлег с его дочерью,
И она родила ему шесть сыновей,
Шесть владык, блистающих доблестью.

А теперь,
Почитаемый ярью кровавых возлияний,
Он почит у Алфейского брода,
И несчетные странники стекаются к его могиле
Помолиться у алтаря.
Но слева его,
Слава Пелопы
Далеко озирает весь мир с Олимпийских ристалищ,
Где быстрота состязается с быстротой
И отважная сила ищет своего предела;
И там победитель
До самой смерти
Вкушает медвяное блаженство

4 антистрофа

Выигранной борьбы, —
 День дню передает его счастье,
 А это — высшее, что есть у мужей.
 А мой удел —
 Конным напевом, золийским ладом
 Венчать героя.
 Я знаю:
 Никого из ныне живущих,
 Столько искушенного в прекрасном, столь
 превосходного в могуществе,
 Не прославим мы складками наших песен.
 Некий бог, пекущийся о твоих помышлениях
 Бдит и над твоим призванием,
 Гиерон.
 Если он не оставит тебя —

4 эпод

Я верю, что я вновь еще сладостней прослаблю
Стремительную твою колесницу,
Проложив колею блистательной хвалы
По склонам издали видного Крония:
Самую крепкую стрелу свою
Муза еще не сработала для меня.

Разным людям — разное величие;
Высочайшее из величий — венчает царей;
О, не стреми свои взоры еще выше!
Будь твоей долей —
Ныне попирашь вершины;
А мой —

Обретаться рядом с победоносными,
Первому во всем искусстве перед эллинами.

ПИФИЙСКАЯ ОДА

Мегаклу Афинскому¹ <...> на победу в колесничном беге

Год 486

строфа

Державные Афины —
Лучший зачин
Воздвигаемым песнопениям
Конному роду могучих Алкмеонидов.
Какое отечество, который дом
Назову я виднее в эллинской молве?

антистрофа

Город городу говорит о них
О сынах Эрехфея, для тебя, о Аполлон,
Дивную воздвигших обитель у божественного Пифона².
Влекут меня пять истмийских побед³
И та, олимпийская, отменная перед Зевсом,
И эти две, что при Кирре⁴, —

эпод

Твои и твоих отцов победы, Мегакл!
В радость мне новое благо твое,
В горечь мне — зависть, награда лучших дел;
Воистину говорят:
Счастье, которое долго в цвету.
И добром и злом лежит на ошастливленных.

(Пер. М. Гаспарова)

ПРИМЕЧАНИЯ

Олимпийская ода

¹ Гиерон — тиран Сиракузский V в. до н. э. ² Писа — город в Элиде на реке Алфей, близ которого происходили Олимпийские игры. ³ «Сверкающий трезубцем бог» — Посидон. ⁴ «Четвертым к трем» — неясное место (М. Гаспаров), возможно, четыре преступника в Аиде — Сизиф, Титий, Иксион, Тантал. ⁵ «Дочь писейского отца» — Гипподамия, дочь Эномая, побежденного Пелопом в колесничном беге.

Пифийская ода

¹ Мегакл — афинский аристократ, принадлежал к знатному роду Алкмеонидов. ² Пифон — Дельфы (пифийские игры). ³ Истмийская победа — т. е. на Истмийских играх (Коринф). ⁴ Кирра — пристань в Дельфах.

ВАКХИЛИД

ФЕСЕЙ

[песнь 18, для афинян]

Х о р

1 строфа

— Царь святых Афин,
Повелитель привольно живущих ионян,
Отчего военную песнь
Прозвенела ныне медная труба?
Враг ли облег
Нашу землю предводимым воинством?
Коварный ли вор
10 Расхищает наши паствы на зло пастырям?
Или что иное тяготит тебя?
Говори! Как никто из смертных,
Ты владеешь подмогой юношеских сил,
О сын Пандиона и Креусы¹

Э г е й

2 строфа

— Вестник к нам приспел,
Долгий пеший путь отмерив от Истма;
Несказанные сказывает дела
Могучего мужа.
20 Он убил всесильного Синида,²
Мощью первого меж смертными,
Отпрыска Посидона Литейского³;
Жадного кабана сразил он средь Кроммионских чаш
И Скирона укротил неумного;
Керкион уже не вызывает на кулачный бой,
И Прокопт, напав на сильнейшего,
Уронил тяжкий молот Полипемона.
Я тревожусь, что будет далее?

3 строфа

— Кто же он? Откуда он?
 И какое, по словам, при нем оружие?
 Во враждебном ли доспехе он
 Многое ведет за собою воинство?
 Или же один со служителями
 Он шагает, как странник, в чужие края,
 Доблестный, сильный, смелый,
 40 Одолевший силу стольких мощных мужей?
 Верно, движет им бог,
 Правой мздой карающий неправых, —
 Ибо трудно вершить подвиг за подвигом,
 Не изведав беды:
 Все имеет конец в нескором времени.

Э г е й

4 строфа

— Два мужа при нем, больше нет никого,
 Свисает меч с блистающих плеч,
 Рукоять у него — слоновая кость,
 Два точеных дрота — в его руках,
 50 Лаконская шапка — на рыжих волосах
 Багряный хитон обвивает стан,
 А поверх — фессалийский шерстистый плащ;
 Глаза горят лемносским огнем¹,
 Сверкают красными искрами;
 Он — отрок в первом юношеском цвету,
 Но утехи Ареса знакомы ему —
 Битвенный стук меди о медь;
 А держит он путь
 В сияющие блеском Афины.

(Пер. М. Гаспарова)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сын Пандиона и Креусы — Тесей (Фесей). ² Перечисляются победы Тесея: Синид, Скирон, Керкион, Проконт, (Прокруст), сын, Полипемона — разбойники, побежденные Тесеем. ³ Литейский — прозвище Посидона в Фессалии. ⁴ Лемносский огонь — на о. Лемносе помещали кузницу бога огня Гефеста.

ИО
[Песнь 19, для афинян]

1 строфа

Тысяча есть путей
Для бессмертных песен,
Если дар у певца —
От пиерийских муз,
Если синеглазые
Хариты, подательницы победных венков,
Облекли его песнь
Приветом.
Вытки же новую ткань
10 Для милых блаженных Афин,
Славная забота Кеоса!
Лучший ждет тебя путь,
Ибо избранный дар
Получил ты в удел от Каллиопы.

Как же сбылось, что, покинув конный Аргос,
Золотая выбежала телица
По заботе ширококосильного вышнего Зевса, —
Инахова дочь, с перстами, как розы?

1 антистрофа

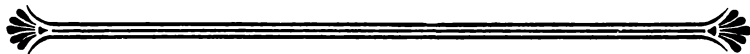
Разве не Аргусу,
20 Всюду зоркому несмыкаемыми очами,
Повелела Гера,
Высшая владычица в золотых одеждах,
Бессонно, неутомимо
Стеречь ту телицу с высокими рогами?
Даже Майин сын
Не мог от него укрыться
Ни в лучистый день, ни в святую ночь.
Но [в прямой ли борьбе]
30 Быстроногий вестник Зевса
Страшное одолел порождение
Мощной саменами Земли,
Копьем уметивши в Аргуса,
Или [смежил он веки]
От неустанного бдения...
Или Пиериды [сладкою своею песнею]
Навеяли ему забвение о вверенном, —

- А мне вернейший путь —
Тот, что прямее к цели:
Когда, гонимая оводом,
40 Достигла она пестроцветного Нила,
Понесла она в чреве своем
Эпафа,
Родила она его властвовать
Над народом в льняных одеждах²,
Цветущего великими почестями,
Зачинателя многолюднейшего племени,
От которого пошел и Кадм, Агеноров сын,
В семивратных Фивах
Породивший Семелу
50 А она родила Диониса,
Вдохновителя вакхических плясок,
Владыку увенчанных хороводов...

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Имеется в виду сам Вакхилид, родившийся на о. Кеосе. ² *Народ в льняных одеждах* — египтяне.

ДРАМА

Трагедия

Драматические представления в Греции были связаны с культом земледельческого бога Диониса, из обрядов которого они возникли. Когда этот культ становится в Афинах общегосударственным (конец VI в. до н. э.), важное общественное значение приобретает театр. Представления устраивались только во время празднеств в честь Диониса (Большие Дионисии и Малые Дионисии — Сельские, поздние Ленеи). На этих представлениях присутствовали все граждане, а сами представления происходили как состязания между тремя поэтами, каждый из которых ставил три трагедии и одну сатировскую драму (пьесу, в которой хор обязательно состоял из сатиров — фантастических козлообразных существ, спутников Диониса). Все участники состязания получали награду, но только первая награда означала победу.

С этого времени и в течение всего V—IV вв. до н. э. драма в двух ее жанровых разновидностях — трагедия и комедия — становится ведущим родом словесности. Трагедия своим главным источником имела хоровую лирику, в частности дифирамб (Аристотель. Поэтика, гл. IV). Он возникает с появлением актера, выделяющегося из хора. Драматический элемент усиливается, когда появляется второй актер. Создается возможность изображения конфликта противоположных сил, составляющего основу драмы, т. е. действия. Впервые второй актер был введен Эсхилом, за которым закрепилось имя «отца трагедии».

ЭСХИЛ

(525—456 г. до н. э.)

Эсхил родился в предместье Афин Элевсине и происходил из аристократического рода. Время его жизни совпадает с событиями, сыгравшими огромную роль в истории греческого общества — свержением тирании Писистратидов и реформами Клисфена, окончательно завершившими формирование афинского демократического государства, наконец, с греко-персидскими войнами, непосредственным участником которых он был, сражаясь в трех важнейших битвах — при Марафоне, Саламине, Платеях.

Все творчество Эсхила порождено этой эпохой. Центральной его темой становится утверждение идеи афинской рабовладельческой демократии, идеи государственности, победы государства и его нравственных норм над родовым строем и родовой моралью. Эсхилом было написано более 90 трагедий, из которых сохранилось только семь, среди них единственная полная трилогия «Орестея». Его ранние трагедии («Молящие», «Персы») еще носят характер своеобразных ораторий, драматиче-

ский элемент в них развит слабо и главенствующее место принадлежит хору. Однако, по свидетельству Аристотеля, именно Эсхил «уменьшил партии хора» (Поэтика, IV). В более поздних трагедиях («Семеро против Фив») впервые появляется индивидуализированный образ героя, в ранних трагедиях оставшийся весьма схематичным. В этих пьесах нашли выражение идеи патриотизма, защиты родины, сознание превосходства афинской демократии над персидской деспотией (трагедия «Персы» является единственной греческой трагедией, написанной на исторический, а не мифологический сюжет).

Всемирной известностью пользуется трагедия Эсхила «Прикованный Прометей» с ее протестом против насилия и тирании, верой в творческие силы человека, в прогресс человеческой культуры. Ее главный герой был, по словам Маркса, самый благородный святой и мученик в философском календаре¹. Образы этой трагедии, несмотря на их обобщенно-статический характер, уже носят индивидуальные черты. Трилогия «Орестея» («Агамемнон», «Хозфоры», «Эвмениды»), завершающая творческий путь Эсхила, является самым глубоким по своему философскому содержанию и самым художественно совершенным творением Эсхила. В совокупности трех трагедий, связанных сюжетом одного мифа, наиболее полно раскрывается основная тема его творчества — торжество афинской государственности, воплощающей, по его убеждению идею мировой справедливости. Поэта волнует проблема вины и возмездия, личной и родовой ответственности человека за свои поступки, проблема взаимоотношения воли человека и объективных сил внешнего мира, мыслящихся им как воплощение управляющей миром божественной воли. Утверждая в трилогии идею торжества справедливого возмездия, Эсхил в последней трагедии («Эвмениды») прославляет Афинское государство, представляемое им носителем справедливости. В трилогии торжествует новая полисная мораль, побеждающая родовую с ее принципом родовой мести. Энгельс назвал Эсхила ярко выраженным тенденциозным поэтом², а Маркс считал его и Шекспира двумя величайшими драматическими тенями, «которых породило человечество»³. Трагедии Эсхила отражали актуальнейшие проблемы политической и духовной жизни Афин первой половины V в. до н. э. Их стиль отличается торжественностью, сохраняя еще (особенно в ранних трагедиях) черты архаической скованности, от которой поэт только начинает освобождаться в своих последних произведениях («Орестея»).

Переводы трагедий Эсхила:

Эсхил. Трагедии/Пер. А. Пиотровского. М., 1937.

Эсхил. Трагедии/Пер. С. Апта. М., 1971.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 40. С. 154.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 333.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. М., 1983. Т. 2. С. 533.

Литература:

Ярхо В. Н. Эсхил. М., 1958.

Ярхо В. Н. Драматургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии. М., 1978.

В антологии тексты печатаются по изданиям: Эсхил. Трагедии, М., 1971; Греческая трагедия. М., 1950.

ПЕРСЫ¹

Действующие лица:

Хор персидских старейшин

Атосса.

Гонец.

Тень Дария.

Ксеркс. — *Голос*

Парод

Площадь перед дворцом в Сузах. Видна гробница Дария.

Х о р

Все персидское войско в Элладу ушло.

А мы, старики, на страже стоим

Дворцов золотых, домов дорогих

Родимого края. Сам царь велел,

Сын Дария, Ксеркс,

Старейшим, испытанным слугам своим

Беречь эту землю свято.

Но вѣщей тревогой душа смущена,

Недоброе чует. Вернется ль домой

10 С победой царь, вернется ли рать,

Блиставшая силой?

Весь Азии цвет в чужой стороне

Воюет. О муже плачет жена.

А войско не шлет ни пеших гонцов,

Ни конных в столицу персов.

Отовсюду — из Суз, Экбатан², от ворот

Башен древних киссийских³ —

И в строю корабельном, и в конном строю,

И в рядах пехотинцев, потоком сплошным,

20 Уходили бойцы на битву.

Их вели в поход Амистр, Артафрен,

Мегабат и Астасп⁴ — четыре царя

При царе величайшем,

- Персов славных вожди, начальники войск,
Стрелки-силачи на быстрых конях,
Суровы на вид, в бою горячи,
Непреклонны душой, отваги полны
И грозной удалью славны.
Затем Атембар, верхом на коне,
30 Масист и лучник меткий Имей,
Славный боец, затем Фарандак
И конник Состан за ними.
Других послал плодоносный Нил,
Могучий поток. Пошел Сусискан,
Пошел египтянин Пегастагон,
Пошел священного Мемфиса⁵ царь,
Великий Арсам, и Ариомард,
Владыка и вождь вековечных Фив,
И гребцы, что в болотах Дельты⁶ живут,
40 Несметной пошли толпою.
За ними — лидийцы⁷, изнеженный люд,
У них под пятою весь материк.
А лидийскую рать в поход повели
Митрогат и Арктей, вожди и цари.
И от Сард⁸ золотых по воле владык
Колесницы с бойцами помчались вдаль,
То четверки коней, то шестерки коней,
Поглядишь — и замрешь от страха.
И Тмола⁹, священной горы, сыны
50 На Элладу ярмо пожелали надеть —
Мардон, Тарибид, копьеметная рать
Мисийцев. И сам Вавилон золотой,
Отовсюду войско свое собрав,
Послал на войну — и в пешем строю
Стрелков, и суда, одно за другим.
Так Азия вся по зову царя
Взялась за оружие, и с места снялась,
И в Грецию двинулась грозно.
Так мощь и красу Персидской земли
60 Война унесла.
Вся Азия-мать о тех, кто ушел,
Тоскует в слезах, тревогой томясь.
Родители, жены считают дни.
И тянется, тянется время.

Строфа I

Вторглось войско царя в страну соседей,
Что на том берегу пролива Геллы¹⁰

70 Афамантиды, канатом плоты связав,
 Морю взвалив на шею
 Тяжким ярмом крепкозданный мост.

Антистрофа 1

 Гонит войско по суше и по водам,
 Полон ярости, Азии владыка,
 Людом усеянной. Верит в своих вождей,
80 Сильных, суровых, стойких,
 Отпрыск Данаи¹¹, равный богам,

Строфа 2

 Он глядит иссиня-черным
 Взглядом хищного дракона,
 С ассирийской колесницы
 Кораблями и бойцами
 Управляя, и навстречу
 Копьям вражьи стрелы шлет.

Антистрофа 2

 Нет преграды, чтоб сдержала
 Натиск полчищ многолюдных,
90 Нет плотины, чтобы в бурю
 Перед морем устояла.
 Непреклонно войско персов,
 Одолеть его нельзя.

Строфа 3

 Но какой способен смертный
 Разгадать коварство бога?
 Кто из нас легко и просто
 Убежит из западни?

Антистрофа 3

 Бог заманивает в сети
 Человека хитрой лаской,
100 И уже не в силах смертный
 Из сетей судьбы уйти.

Строфа 4

 Так богами решено и судьбою,
 Так издревле заповедано персам:
 Воевать, сметая стены,
 Упиваясь конной сечей,
 Занимая с налета города.

Антистрофа 4

- 110 И привык народ глядеть без боязни
 На седую, разъяренную ветром
 Даль морскую, научился
 Плесть причальные канаты,
 Наводить над пучинами мосты.

Строфа 5

Потому-то черный страх
И щемит мне грудь, увы! —
Страх, что, войско потеряв свое,
Опустеют Сузы вдруг
И столица от боли завопит.

Антистрофа 5

- 120 И кисийцы воплю Суз
 Будут вторить, и — увы! —
 Толпы женщин, плача и крича,
 В клочья будут на себе
 Тонкотканное платье раздирать.

Строфа 6

- 130 Кто верхом, кто пешком
 За вождем пустился в путь,
 Роем пчел бросил дом весь народ,
 Чтоб, упряжкой одной
 Берег с берегом связав¹²,
 Перебраться за пролив, где мысы
 Двух земель разделены волнами.

Антистрофа 6

А в подушки пока
Жены персов слезы льют,
По мужьям дорогим истомясь,
Тихо плачут о тех,
Кто ушел на смертный бой
И оставил бедную супругу
Тосковать на ложе опустелом.

Эписодий первый

- Предводитель хора
140 Что ж, персы, пора! Мы сядем у стен
 Вот этих старинных

И ум напряжем: настала нужда
В нелегких и важных решениях.
Что с Ксерксом-царем? Где Дария сын,
Чей предок, Персей,
Название племени нашему дал?
Сразил ли врага натянутый лук,
Или вражье копье
Острием одержало победу?

Появляется А т о с с а в сопровождении п р и с л у ж н и ц.

- 150 Но вот, как сиянье очей божества,
Царица, царя великого мать,
Предстает нам. Скорее падите ниц
И все, как один, царицу свою
Приветственной речью почтите!

Х о р

О, привет тебе, царица персов, Дария жена,
Препоясанная низко Ксеркса мать, госпожа!
Ты была супругой бога, богу Персии ты мать,
Если счастья демон древний не оставил наших войск.

А т о с с а

- Потому-то я и вышла, дом покинув золотой
160 И покой, который спальней мне и Дарию служил.
И меня тревога гложет. Откровенно я, друзья,
Говорю: и мне не чужды опасения и страх.
Я боюсь, в пыли похода все богатства, что собрал
Дарий с помощью бессмертных, обратятся сами в пыль.
Потому двойной заботой несказанной я казнюсь:
Ведь богатство непочетно, если силы нет за ним,
Но и в силе мало славы, если в бедности живешь.
Да, у нас достаток полный, но за Око страх берет —
Оком дома и достатка я хозяина зову.
170 Вы теперь, о старцы-персы, слуги верные мои,
Помогите мне советом, рассудите, как тут быть.
Вся на вас моя надежда, ободренья жду от вас.

Х о р

О, поверь, царица, дважды не придется нас просить,
Чтобы словом или делом в меру сил своих тебе
Помогли мы: мы и вправду слуги добрые твои.

- Все время сны мне снятся по ночам с тех пор,
 Как сын мой, войско снарядив, отправился
 Опустошать и грабить Ионийский край.
 Но не было еще такого ясного
- 180 Сна, как минувшей ночью. Расскажу его.
 Мне две нарядных женщины привиделись: *ma*
 Одна в персидском платье, на другой убор
 Дорийский был, и обе эти нынешних
 И ростом, и чудесной красотой своей
 Превосходили, две единокровные
 Сестры. Одной в Элладе постоянно жить
 Назначил жребий, в варварской стране — другой.
 Узнав, — так мне приснилось, — что какие-то
 Пошли у них раздоры, сын, чтоб спорящих
- 190 Унять и успокоить, в колесницу впряг
 Обоих и надел обоим женщинам
 Ярмо на шею. Сбруе этой радуясь,
 Одна из них послушно удила взяла,
 Зато другая, взвившись, упряжь конскую
 Разорвала руками, вожжи сбросила
 И сразу же сломала пополам ярмо.
 Упал тут сын мой, и стоит, скорбя, над ним
 Его родитель Дарий. Увидав отца,
- 200 Ксеркс рвет одежды на себе неистово. |
 Вот это нынче ночью и приснилось мне.
 Затем я встала, руки родниковою
 Водой ополоснула и, неся в руках
 Лепешку, жертву отворотным демонам,
 Как требует обычай, к алтарю пришла.
 Гляжу: орел у жертвенника Фебова
 Спасенья ищет. Онемев от ужаса,
 Стою и вижу: ястреб на орла, свистя
 Крыльями, с лету падает и в голову
 Ему вонзает когти. И орел поник
- 210 И сдался. Если страшно было слушать вам,
 То каково мне видеть! Вы же знаете:
 Одержит сын победу — все в восторг придут,
 А не одержит — городу и спроса нет
 С царя: он остается, если жив, царем.

Х о р

Ни пугать тебя чрезмерно, ни чрезмерно ободрять,
 Матерь наша, мы не станем. Если знак недобрый ты
 Увидала, то несчастье отвратить моли богов

И проси себе, и сыну, и державе, и друзьям
Даровать одно лишь благо. Возлияние затем
220 Сотвори земле и мертвым и смиренно попроси,
Чтоб супруг твой Дарий — ночью ты увидела его —
Из глубин подземных сыну и тебе добро послал,
А недоброе упрятал в мраке черном дольних недр.
Вот тебе совет смиренный прозорливого ума.
Но надеяться мы будем на счастливую судьбу.

А т о с с а

Этой речью доброй, первый толкователь моего
Сновиденья, мне и дому ты услугу оказал.
Да свершится все ко благу! А богов, как ты велишь,
И любимых наших тени мы обрядами почтим,
230 В дом вернувшись. Но сначала я узнать хочу, друзья,
Где находятся Афины, далеко ли этот край?

Х о р

Далеко в стране заката, там, где меркнет Солнца бог.

А т о с с а

Почему же сын мой жаждет этот город захватить?

Х о р

Потому что вся Эллада подчинилась бы царю.

А т о с с а

Неужели так огромно войско города Афин?

Х о р

Это войско войску мидян¹³ причинило много бед.

А т о с с а

Чем еще тот город славен? Не богатством ли домов?

Х о р

Есть серебряная жила в том краю, великий клад.

А т о с с а

Эти люди мечут стрелы, напрягая тетиву?

Х о р

240 Нет, с копьем они предлинным в бой выходят и щитом

А т о с с а

Кто же вождь у них и пастырь, кто над войском господин?

Х о р

Никому они не служат, не подвластны никому.

А т о с с а

Как же сдерживают натиск иноземного врага?

Х о р

Так, что Дариеву даже погубить сумели рать.

А т о с с а

Речь твоя страшна для слуха тех, чьи дети в бой ушли.

Х о р

Скоро, впрочем, достоверно ты узнаешь обо всем:
По походе торопливой судя, перс идет сюда
И надежную несет нам весть — на радость иль беду.

В х о д и т г о н е ц .

Г о н е ц

250 О города всей Азии, о Персия,
Великого богатства средоточие,
Одним ударом наша жизнь счастливая
Разбита. Увядает цвет земли родной.
Хоть мне и горько горя быть глашатаем,
Я должен вам поведать правду страшную,
О персы: войско варваров погребло все.

Х о р

Строфа I

Новость ужасная! Горе, боль!
Плачьте, персы! Пусть реки слез
Будут ответом вашим.

Г о н е ц

260 Да, все там завершилось, все закончилось,
И я уже не верил, что вернусь домой.

Х о р

Антистрофа 1

Слишком он долог, мой долгий век,
Если мне, старику, пришлось
Горе узнать такое.

Г о н е ц

Все видел сам воочью. Не со слов чужих
Я расскажу вам, персы как стряслась беда.

Х о р

Строфа 2

270 Горе! Не В добрый час,
 Вооруженная до зубов,
 Двинулась Азия на Элладу,
 В землю страшную вторглась!

Г о н е ц

Телами тех, кто принял смерть плачевную,
Сейчас покрыто взморье Саламина сплошь.

Х о р

Антистрофа 2

Горе! По воле волн
Среди прибрежных скал, говоришь,
Мечутся трупы любимых наших,
Пеной белой одеты!

Г о н е ц

Что пользы было в стрелах? Нас таранили,
Все наше войско корабельный бой сгубил.

Х о р

Строфа 3

280 Плачьте, кричите горестно,
 Участь свою кляня!
 Достался персам злой удел,
 На гибель войско послали боги.

Г о н е ц

О Саламин, о имя ненавистное!
Как вспомню я Афины, так вопить готов.

Антистрофа 3

Будут Афины в памяти
Вечным проклятьем жить:
Так много в Персии теперь
Безмужних жен, матерей бездетных!

А т о с с а

- 290 Давно уже молчу я, оглушенная
Ударом этим. Слишком велика беда,
Чтобы промолвить слово иль задать вопрос.
Однако горе, что богами послано,
Должны сносить мы, люди. Все поведай нам,
Превозмогая стоны, совладав с собой.
Скажи, кто жив остался и о ком рыдать
Из полководцев? Кто из тех, что носят жезл,
Убитым пал в сраженье, оголив отряд?

Г о н е ц

Сам Ксеркс остался жив и видит солнца свет.

А т о с с а

- 300 Твои слова — как солнце дому нашему,
Как после мрака ночи — лучезарный день.

Г о н е ц

- Но Артембара — десять тысяч конников
Он вел — прибой качает у Силенских скал¹⁴.
И с корабля Дедак, начальник тысячи,
Слетел пушинкой, силе уступив копья.
И Тенагон отважный, житель Бактрии,
На острове Аянта ныне дом обрел.
Лилей, Арсам, Аргест расшибли головы
Себе о камни берега скалистого
310 Той островной, кормящей голубей земли.
Из египтян, в верховьях Нила выросших,
Арктей, Адей и третий щитоносный вождь.
Фарнух, — погибли все на корабле одном.
314 Погиб Маталл, что правил многотысячным
316 Хрисийским войском,¹⁵ — алой краской бороду
Свою густую залил, испуская дух.
318 Араб-магиец из Бактрии¹⁶,
315 Что тридцать тысяч чернокожих конников
319 В сраженье вел, навеки в том краю легли.

- 320 И Амфистрей, копейщик наш испытанный,
С Аместром, и Ариомард-смельчак (о нем
Заплачут в Сардах), и Сисам из Мизии,¹⁷
И вожь двух с половиной сот судов Тариб,
Лирнесец¹⁸ родом, — ах, какой красавец был! —
~~Все, бедные, погибли, всех настигла смерть.~~
И Сиенесе, храбрейший из отважнейших,
Вожь киликийцев — он один и то грозой
Был для врага великой, — смертью славных пал.
Вот скольких полководцев я назвал тебе.
- 330 Бед было много, а доклад мой короток.

А т о с с а

О, горе, горе! Я узнала худшее.
Позор нам, персам! Впору и рыдать и выть!
Но ты скажи мне, возвращаясь к прежнему,
Неужто кораблей такое множество
У греков было, что в сражение с персами
Они решились на морской таран идти?

Г о н е ц

- О нет, числом — в том нет сомнения — варвары
Сильнее были. Около трехсот всего
У греков оказалось кораблей, да к ним
340 Отборных десять. А у Ксеркса тысяча
Судов имелись — это не считая тех
Двухсот семи, особой быстроходности,
Что вел он тоже. Вот соотношение сил.
Нет, мы слабей в сражение этом не были,
Но бог какой-то наши погубил войска
346 Тем, что удачу разделил не поровну.

А т о с с а

- 348 Афинян город, значит, и поныне цел?

Г о н е ц

- 349 У них есть люди. Это щит надежнейший.

А т о с с а

- 347 Паллады крепость силою богов крепка.
350 Но как, скажи мне, разыгрался бой морской?
Кто завязал сражение — сами эллины
Иль сын мой, кораблей своих числом гордись?

- Всех этих бед началом, о владычица,
 Был некий демон, право, некий дух.
 Какой-то грек из воинства афинского
 Пришел и Ксерксу, сыну твоему, сказал.
 Что греки сразу, как наступит мрак ночной,
 Сидеть не станут больше, а рассыплются
 По кораблям и, правя кто куда, тайком
 360 Уйдут подальше, чтобы только жизнь спасти.
 Коварства грека так же, как и зависти
 Богов, не чуя, царь, едва тот кончил речь,
 Своим кораблеводам отдает приказ:
 Как только солнце землю перестанет жечь
 И мраком ночи небосвод покроется,
 Построить корабли тремя отрядами,
 Чтоб все пути отрезать отплывающим,
 Аянтов остров плотным окружив кольцом.
 А если вдруг избегнут греки гибели
 370 И тайный выход кораблям найдут своим,
 Начальникам заслона не сносить голов,
 Так приказал он, одержим гордынею,
 Еще не знал, что боги предрешили все.
 Приказу подчинились, как положено.
 Был приготовлен ужин, и к уключинам
 Приладить весла каждый поспешил гребец.
 Затем, когда последний солнца луч погас
 И ночь настала, все гребцы и воины
 С оружием, как один, на корабли взошли,
 380 И корабли, построясь, перекликнулись.
 И вот, держась порядка, что указан был,
 Уходит в море и в бессонном плаванье
 Несет исправно службу корабельный люд.
 И ночь минула. Но нигде не сделали
 Попытки греки тайно обойти заслон.
 Когда же землю снова белокожное
 Светило дня сияньем ярким залило,
 Раздался в стане греков шум ликующий,
 На песнь похожий. И ему ответили
 390 Гремящим отголоском скалы острова,
 И сразу страхом сбитых с толку варваров
 Прошибло. Не о бегстве греки думали,
 Торжественную песню запевая ту,
 А шли на битву с беззаветным мужеством,
 И рев трубы отвагой зажигал сердца.
 Соленую пучину дружно вспенили

- Согласные удары весел греческих,
И вскоре мы воочью увидали всех;
Шло впереди, прекрасным строем, правое
400 Крыло, а дальше горделиво следовал
Весь флот. И отовсюду одновременно
Раздался клич могучий: «Дети эллинов,
В бой за свободу родины! Детей и жен
Освободите, и родных богов дома,
И прадедов могилы! Бой за все идет!»
Персидской речи нашей многоустый гул
На клич ответил. Медлить тут нельзя было,
Корабль обитым медью носом тотчас же
В корабль ударил. Греки приступ начали,
410 Тараном финикийцу проломив корму,
И тут же друг на друга корабли пошли.
Сначала удавалось персам сдерживать
Напор. Когда же в узком месте множество
Судов скопилось, никому никто помочь
Не мог, и клювы направляли медные
Свои в своих же, весла и гребцов круша.
А греки кораблями, как задумали,
Нас окружили. Моря видно не было
Из-за обломков, из-за опрокинутых
420 Судов и бездыханных тел, и трупами
Покрыты были отмели и берег сплошь.
Найти спасенье в бегстве беспорядочном
Весь уцелевший варварский пытался флот.
Но греки персов, словно рыбаки тунцов,
Кто чем попало, досками, обломками
Судов и весел били. Крики ужаса
И вопли оглашали даль соленую,
Покуда око ночи не сокрыло нас.
Всех бед, ведаю я даже десять дней подряд
430 Рассказ печальный, мне не перечислить, нет.
Одно тебе скажу я: никогда еще
Не гибло за день столько на земле людей.

А т о с с а

Увы! На персов и на всех, кто варваром
На свет родился, море зла нахлынуло!

Г о н е ц

Но ты еще не знаешь половины бед.
Еще несчастье нам такое выпало,
Что вдвое тяжелее остальных потерь.

А т о с с а

- Какое горе может быть еще страшней?
Какая же такая, отвечай, беда
440 Случилась с войском, чтобы зло удвоилось?

Г о н е ц

Все персы, силой молодой блиставшие,
Отваги безупречной, рода знатного,
Вернейшие из верных слуг властителя,
Бесславной смертью пали — на позор себе.

А т о с с а

О, доля злая! Горе мне, друзья мои!
Какая же постигла их судьба, скажи.

Г о н е ц

- Есть возле Саламина остров маленький,¹⁹
К нему причалить трудно. Там по берегу
Крутому часто водит хороводы Пан.
450 Туда-то и послал их царь, чтоб, если враг,
С обломков кораблей спасаясь, к острову
Вплыв устремится, греков бить без промаха
И выбраться на сушу помогать своим.
Царь был плохим провидцем! В тот же день, когда
В морском бою победу грекам бог послал,
Они, в доспехах медных с кораблей сойдя,
Весь окружили остров, так что некуда
Податься было персам и не знали те,
Что делать. Камни градом в наступающих
460 Из рук летели, стрелы, с тетивы тугой
Слетая, убивали наповал бойцов.
Но вторглись греки все же дружным натиском
На этот остров — и пошли рубить, колоть,
Покуда всех не истребили дочиста.
Ксеркс зарыдал, увидев глубину беды:
Он на холме высоком возле берега
Сидел, откуда обозреть все войско мог.
И, разодрав одежды и протяжный стон
Издав, пехоте приказал он тотчас же
470 Пуститься в бегство. Вот тебе еще одна
Беда в придачу, чтобы снова слезы лить.

А т о с с а

О злобный демон, как ты посрамить сумел
Надежды персов! Горькую же месть нашел

Мой сын Афинам славным. Мало ль варваров
Уже и прежде марафонский бой сгубил?
Сын за убитых отомстить надеялся
И только тьму несчастий на себя навлек!
Но корабли, скажи мне, уцелевшие
Ты где оставил? Ясного ответа жду.

Г о н е ц

- 480 Предавшись воле ветра, беспорядочно
Бежали уцелевших кораблей вожди.
А остальное войско все в Беотии
Погибло, возле ключевой, живительной
Воды от жажды мучась. Мы ж, едва дыша,
Пришли в Фокею, пробрались, усталые,
В Дориду, дотянулись до Мелийского
Залива, где поля река Сперхей поит,
Оттуда мы, не евши, снова двинулись
Искать приюта в городах Фессалии,
- 490 В Ахейских землях. Большинство погибло там —
Одни от жажды, голод убивал других.
В край Магнесийский мы затем направились
И в землю македонян, и, аксийский брод
Пройдя и Больбы топи, в Эдониду мы,
К горе Пангею, вышли. Бог не вовремя
Послал мороз той ночью, и сковало льдом
Поток священный Стримон. И не чтившие
Богов дотоле тут с молитвой истовой
К земле и небу в страхе принялись взывать.
- 500 Молились долго. А когда закончило
Молитву войско, реку перешло по льду.
Кто перебрался прежде, чем рассыпал бог
Лучи дневные, тот из нас и спасся там.
Ведь вскоре солнца пламя светозарное
Палящим жаром хрупкий растопило мост.
Валились люди друг на друга. Счастливы
Те, что, не мучась долго, испустили дух.
А остальные, все, кто уцелел тогда,
Прошли с трудом великим через Фракию
- 510 И к очагам родимым возвращаются
Ничтожной горстью. Слезы лей, оплакивай,
Столица персов, юный цвет отечества!
Все это правда. Но еще о множестве
Бед умолчал я, что на нас обрушил бог.

Предводитель хора

О ненавистный демон, ты тяжелою
Весь наш народ персидский растоптал пятой.

А т о с с а

О, горе мне, несчастной! Войска нет уже.
О, сновиденье этой ночи вещее,
Как недвусмыслен был его недобрый смысл
520 И как неверно ваше толкованье сна!
И все же, слову подчиняясь вашему,
Сначала помолиться я пойду богам,
А помолившись, снова выйду из дому
И в дар земле и мертвым хлеба вынесу.
Я знаю, жертвой не исправить прошлого,
Но будущее может и отрадней стать.
А вы советом в этих обстоятельствах
Мне, как и прежде, добрым помогать должны.
И если сын мой раньше здесь появится,
530 Чем я, его утешьте и направьте в дом,
Чтоб новой болью старую не множил боль.

(Атосса с прислужницами и гонец уходят.)

Стасим первый

Х о р

Ты персов, о Зевс, огромную рать,
Что силой тверда и славой горда
Была, погубил,
Ты ночью беды, ты мраком тоски
Покрыл Экбатаны и Сузы.
И матери рвут дрожащей рукой
Одежды свои,
И льются потоком слезы на грудь
540 Измученных женщин.
И юные жены, мужей потеряв,
Горюют о тех, с кем ложе любви,
Отраду и счастье цветущих лет,
Делили, на мягких нежась коврах,
И плачут в тоске неизбывной.
Я тоже скорблю о павших бойцах,
О доле их горестной плачу.

Строфа I

Вся стонет Азия теперь,
Осиротевшая земля:

«Повел их за собою Ксеркс,
Их гибели виною Ксеркс,
Все это горе неразумный Ксеркс
Уготовил кораблям.
Почему, не зная бед,
Правил Дарий, древних Суз
Повелитель дорогой,
Славных лучников начальник?»

Антистрофа 1

560 С пехотой вместе моряки
На темногрудых шли судах,
На быстрокрылых шли судах,
Навстречу смерти — на судах,
Врагу навстречу, прямо на клинок
Ионийского меча.
Царь и тот, нам говорят,
Чудом спасся и бежал
По фракийским, полевым,
Стужей скованным дорогам.

Строфа 2

570 Бедные те, кто по воле злой
Рока погибли первыми там,
У берегов Кирхейских²⁰! Вопи,
Без удержу плачь, кричи, рыдай,
К небу вздымай пронзительный стон
Боли и скорби, тоску излей
Кликом протяжным, терзай сердца
Жалобным воем!

Антистрофа 2

Носит волною морскою тела,
Жадно немые чада причин
Трупы зубами рвут на куски!
Полон тоски опустевший дом,
Горем убиты мать и отец,
Сына-кормильца у стариков
Отняли. Вот и до них дошла
Страшная новость.

Строфа 3

Азия больше не будет
~~Жить по персидской указке.~~
Больше не будут народы
Дань приносить самодержцам,

В страхе не будут люди
Падать наземь. Не стало
Царской власти сегодня.

Антистрофа 3

Люди язык за зубами
Сразу держать перестанут:
Тот, кто свободен от ига,
Также и в речи свободен.
Остров Аянта, кровью
Залитый, стал могилой
Счастья гордого персов.

Эписодий второй

Из дворца выходит Атосса в сопровождении прислужниц,
которые несут жертвенные дары.

Атосса

- Кто побывал в несчастье, тем по опыту,
Друзья, известно, что когда накатятся
600 Несчастья валом, все уже пугает нас,
А если жизнь спокойна, то надеемся,
Что так, с попутным ветром, будем вечно жить.
И вот сегодня все в меня вселяет страх.
Глазам везде враждебность божья видится,
В ушах не песнь победы — громкий плач звенит.
Так потрясен ударом оробевший дух.
Я не в повозке, не в привычной роскоши
Сюда вернулась, нет, я из дворца пришла
Пешком, чтобы того, кем сын мой зачат был,
610 Почтить надгробный жертвой. Молоко несусь
Я от коровы беспорочной белое,
И мед прозрачный, пчел трудолюбивых дар,
И эту воду ключевую, чистую,
И этот благородный, неразбавленный,
Лозой, когда-то дикой, порожденный сок.
И золотые, спелые, душистые
Вечнозеленых масличных деревьев плоды,
И плетеницы из цветов, детей земли.
В честь этой жертвы мертвым вы теперь, друзья,
620 Пропойте песню и на помощь Дария
Тень призовите! Я же возлияние
Потороплюсь подземным сотворить богам.

Х о р

О царица, о Персии госпожа,
Ты дары в подземельный покой пошли,
Мы же будем, песню запев, просить,
Чтобы вожатые душ
В преисподней милость явили.
Божества священные дольних недр,
Гея и Гермес, и над теньями царь,
630 Отпустите дух из темных глубин.
Один только он способен помочь
Беде многослезной советом.

Строфа 1

Слышишь ли ты, равный богам,
Мертвый наш царь, стоны мои,
Варварские плачи?
Громко кричу, скорблю, зову,
Рыдаю, жалуясь, воплю,
Надрывно умоляю, вою.
Слышишь ли в преисподней?

Антистрофа 1

640 Гея и вы, прочие все
Мрака вожди, боги глубин!
Выпустите на свет
Гордую тень бога-царя,
Питомца Суз. Пусть выйдет он!
Еще не хоронили персы
Равных ему, владыке.

Строфа 2

Царь дорогой! Холм дорогой,
Где дорогое сокрыто сердце!
Аидоней²¹, на дневной на свет
650 Выведи ты, Аидоней,
Дария только из царства ночи!

Антистрофа 2

Он не губил в войнах людей,
Не посылал их навстречу смерти,
Он, богомудрым царем сльвя,
Был богомудр, ибо умел
Войском персидским разумно править.

Строфа 3

660 Баал²², о древний Баал, приди, приди,
 На этот курган поднимись высокий,
 Тиарой²³ блестящей своей сияя,
 Шагая в шафрановых эвмаридах²⁴,
 Царь незлобивый, Дарий-отец, явись!

Антистрофа 3

670 О новом горе услышать, о беде,
 Владыка владык, ты приди сегодня.
 Над нами стигийская ночь нависла:
 Вся юная наша погибла поросль.
 Царь незлобивый, Дарий-отец, явись!
 Царь, твоя смерть —
 Вечная рана для близких твоих.
 Если б державой поныне ты
 Правил, нам не пришлось бы
 Нынче рыдать от боли двойной.
 Ведь не плавают больше.
680 Корабли, корабли мои.

Появляется тень Д а р и я.

Т е н ь Д а р и я

Вернейшие из верных, юных лет моих
Товарищи седые! Что стряслось в стране?
Она в рыданиях бьется, и трещит земля.
Свою жену со страхом вижу около
Могилы, — благосклонно, впрочем, принял дар, —
А вы, столпившись у надгробья, плачете
И скорбно, заклинаньями и воплями,
Меня зовете. Выйти же на свет дневной
Не так-то просто: боги преисподние
690 Предпочитают брать, чем отдавать назад.
 Но я и там в почете, и поэтому
 Я вышел. Торопитесь же, чтоб не мешкать мне.
 Какая персов новая печаль гнетет?

Х о р

Строфа

 Страшно тебя мне увидеть,
 Страшно мне слово промолвить,
 Дрожу пред тобою, как прежде.

Тень Дария

Если, вняв твоим заклетьям, вышел я из царства мглы,
Ты без долгих отступлений, покороче обо всем
Расскажи, отбросив робость пред особою моей.

Хор

Антистрофа

700

Нет, не могу подчиниться
Нет, не могу я решиться
Сказать несказанное другу.

Тень Дария

Что ж, когда, как прежде, робость разум сковывает вам,
Ты, почтенная супруга, сопостельница моя,
Перестань рыдать и плакать и хоть слово мне скажи
Толком! Такова уж участь смертных — горести терпеть.
Ведь на суше и на море бед немало суждено
Испытать любому, если заживется на земле.

Атосса

О счастливейший из смертных, доброй взысканный
судьбой,

710

Если в дни, когда на солнце ты глядел, достоин был
Только зависти твой жребий, богоравный персов царь,
То и смерть твоя завидна: ты не дожил до беды.
Все случившееся, Дарий, краткой речью охвачу
И скажу не повинуюсь: мощи персов нет как нет.

Тень Дария

Что стряслось? Мятеж ли, мор ли государство погубил?

Атосса

Не мятеж, не мор. В Афинах наше войско полегло.

Тень Дария

Кто ж пошел туда войною из сынов моих, скажи.

Атосса

Ксеркс неистовый, чтоб целый материк опустошить.

Тень Дария

Он пустился в сухопутный иль морской поход, глупец?

Атосса

720

И в морской и в сухопутный. Он двумя путями шел.

Тень Дария

Как такая тьма пехоты переправиться смогла?

Атосса

Мост навел, чтоб через волны Геллы посуху пройти.

Тень Дария

Неужели умудрился Бóспор мощный запретить?

Атосса

Умудрился. Демон, видно, дело сделать пособил.

Тень Дария

И могуч же этот демон, если свел с ума царя!

Атосса

По исходу видно, сколько зла он может натворить.

Тень Дария

Что же с ними приключилось? Почему вы все в слезах?

Атосса

Принесло пехоте гибель поражение сил морских.

Тень Дария

Значит, вражеские копья истребили всех бойцов?

Атосса

730 Потому и стонут Сузы: город славный опустел.

Тень Дария

Жаль мне доблестного войска, ополченцев наших жаль.

Атосса

И несчастные бактрийцы полегли, все молодежь.

Тень Дария

О безумец, погубил он самый цвет союзных войск!

Атосса

Ксеркс, оставшись, как сказали, с небольшим числом
бойцов...

Тень Дария

Где и как пропал? Надежда, что спасется, есть иль нет?

А т о с с а

Он прошел, по счастью, к месту, две связавшему земли.

Т е н ь Д а р и я

И на этот, значит, вышел материк? Верна ли весть?

А т о с с а

Да, вполне, сомнений в этом никаких не может быть.

Т е н ь Д а р и я

- О, как быстро подтвердились предсказанья! Сына Зевс
740 Предреченною судьбою покарал. А я-то мнил,
Что еще нескоро боги волю выполнят свою.
Но того, кто сам стремится к яме, бог уж подтолкнет.
Зевс пред близкими моими распахнул колодец бед,
Сын же мой, того не видя, юной дерзостью блеснул:
Геллеспонта ток священный, божий Бóспора поток,
Он связать решил цепями, как строптивного раба,
И, ярмом оков железных преградив теченью путь,
Многочисленному войску путь широкий проложил.
В слепоте тщеславья, смертный, он с богами и самим
750 Посейдоном вздумал спорить! Не безумья ли недуг
Поразил его? Боюсь я, что трудов моих плоды,
Что богатства наши сможет первый встречный захватить.

А т о с с а

Ксеркс, оплошно вняв советам подстрекателей дурных,
Это сделал. Те твердили, что богатство сыновьям
Ты копьем добыл, а он, мол, только дома сидя храбр
И нисколько не умножил обретенного отцом.
И, упреки эти часто из недобрых слыша уст,
Он в конце концов решился с войском в Грецию идти.

Т е н ь Д а р и я

- Вот как оно свершилось, дело страшное!
760 О нем навек запомнят. Никогда еще
Такого разоренья в Сузах не было,
С тех пор, как Зевс-владыка ниспослал закон,
Чтоб всей земле стада растящей Азии
Всегда один лишь правил жезлоносный вождь.
Мид первым нашим был военачальником,
Затем на эту должность Мидов сын пришел,
Свое умевший сердце подчинять уму.
А третьим Кир, счастливейший из смертных был.

- Он мир, достигши власти, даровал друзьям.
770 Завоевал он Лидию и Фригию
И покорил насильем Ионийский край.
Умен был очень, боги с ним не ссорились,
И Кира сын четвертым нашим стал вождем.
А пятым правил Мардис, опозоривший
Престол свой древний и отчизну. Этого
Достойный Артафрен с друзьями верными
Хитро убили во дворце, как долг велел.
Шестым был Марафис, и Артафрен — седьмым.
780 И я, я тоже поприща желанного
Добился и в походы с войском хаживал,
Но бед подобных я не приносил стране.
А Ксеркс, мой юный сын, по легкомыслию,
Обычному у юных, мой завет забыл.
Кому-кому, а вам, мои ровесники,
Известно, что никто из нас, правителей,
Державы этой, стольких не наделал бед.

Предводитель хора

К какому же, владыка Дарий, речь свою
Ведешь итогу? Как народу Персии
Благополучней выйти из такой беды?

Тень Дария

- 790 Войной на греков не ходите в будущем,
Каким бы сильным войско наше ни было:
Сама земля их с ними заодно в бою.

Предводитель хора

Но как же может бой сама земля вести?

Тень Дария

Голодной смертью тьмы и тьмы врагов казня.

Предводитель хора

Бойцов отборных снарядим получше мы.

Тень Дария

Что пользы? Даже те бойцы, что в Греции
Сейчас остались, в отчий не вернутся край.

Предводитель хора

Как? Значит, из Европы не воротятся,
Не перейдут пролива Геллы варвары?

Тень Дария

- 800 Лишь горсть вернется. Божьим прорицаниям
Должны мы верить, судя по событиям:
Коль что-то подтвердилось, подтвердится все.
А это значит — воинство отборное,
Пустой надежде веря, там оставил сын.
Оно на той равнине, где Асоп течет,
Поилец добрый беотийских пажитей,
И где в расплату за мечты безбожные
И за гордыню горе ожидает тех,
- 810 Кто, в Грецию, явившись, позволял себе
Кумиры красть святые или храмы жечь.
До основанья алтари разрушены,
С подножий сбиты и разбиты статуи.
Так вот, не меньшим злом за это воздано
Теперь злодеям будет. Не исчерпана
Страданий чаша. Бед еще полным-полно.
И возлиянье совершат кровавое
Копьем дорийским греки под Платеями,
И цепь могил пребудет вплоть до третьего
Колена молчаливым назиданием:
- 820 Не заносись, мол, смертный, не к лицу тебе.
Вины колосья — вот плоды кичливости,
Расцветшей пышно. Горек урожай такой.
Возмездье это видя, вечно помните
Элладу и Афины. Своего добра
Не расточайте и, богатством собственным
Довольствуясь, не зарьтесь на чужой кусок.
Карает за гордыню карой грозною
Судья крутого нрава, беспощадный Зевс.
Так убедите сына — он нуждается
- 830 В совете дельном, в мудром поучении —
Заносчивостью дерзкой не гневить богов.
А ты, седая Ксеркса мать и милая
Моя подруга, в дом ступай и вынеси
Наряд пристойный сыну. Ведь лохмотьями
Висит на нем одежда разноцветная,
Которую он в клочья разодрал, скорбя.
Его речами успокой ты кроткими:
Тебя лишь, знаю, согласится выслушать,
А я спущусь под землю, удалюсь во мрак.
- 840 Прощайте, старцы! Даже среди горестей
Душе дарите радость каждодневную,
Ведь после смерти счастья и в богатстве нет.
- (Тень Дария удаляется.)

Предводитель хора

О, сколько горя выпало и выпадает
На нашу долю. Слушал и страдал душой.

А т о с с а

О боги, сколько на меня обрушилось
Несчастий! Но всего большее было мне
О том услышать, что позорным рубищем
Сын прикрывает нынче наготу свою.
Ну, что же, в дом направляюсь и, с одеждами
850 Нарядными вернувшись, встречу сына я.
Нам не пристало близких оставлять в беде.

(Уходит.)

Стасим второй

Х о р

Строфа 1

Жизнью счастливой, по добрым обычаям
Жили мы, свято законы державы чтя,
В дни, когда правил
Всеми любимый, во всех побеждавший боях,
Богopodobный старец, Дарий кроткий.

Антистрофа 1

Славой себя покрывали в походах мы,
Правопорядок повсюду, как башня, был
860 Нашим оплотом.
Без поражений, не зная ни бед, ни забот,
Домой мы приходили с поля битвы.
Взял он тьму городов, хоть ни разу царь

Строфа 2

Не ходил за Гáлис-реку,²⁵
Свой очаг не покидал.
Но и те, что живут у стримонских вод,
Сопредельники-соседи
Фракии равнинной,

Антистрофа 2

Как и те, что вдали от приморских мест
Крепостным укрыты валом,
Были Дарию верны.

И селенья у волн Геллы, и простор
Пропонтийского пролива,
И ворота Понта,

Строфа 3

880 И еще острова у рокочущих мысов
Нашего материка,
В рощах масличных Сámos, и Лёсбос, и Хítос,
Пáрос, Мíконос, Нáксос
И Андрос, лежащий
Близ Теносской земли²⁶

Антистрофа 3

890 И владелец островам открытого моря
Царь: Икар ему и Книд
Подчинялись, и Лемнос, и Родос, и в долах
Кипра Пафос и Солы
И родоначальник
Наших бед, Саламин.

Эпод

900 И в ионийском краю городами греков
Людными, пышными
Мудро правил наш царь Дарий. И тогда
Мощь бойцов разноплеменных,
Рать союзная была
В миг любой готова к бою.
А теперь боги все повернули так,
Что, морское сражение
Проиграв, проиграли войну мы.

Эксод

Появляется Ксеркс с небольшим числом воинов.

Ксеркс

910 Горе, горе мне! Как неожиданно пал
На меня удар, как жестока судьба!
Это демон злой сегодня казнит
Персидский народ. О, беда, беда!
Ослабев, едва на ногах держусь,
Боюсь я взглянуть старикам в глаза.
О Зевс, пусть бы рок унес и меня
В ту темную ночь,
Что убитых бойцов поглотила.

Предводитель хора

- Жаль тебя мне, о царь, войска доброго жаль,
Жаль славы былой персидских владык,
920 И лучших жаль,
Косою скошенных рока!
Рыдает страна о цвете страны.
Его убил ты, о Ксеркс, Аид
Персами наполнив. Ушли туда
Краса и мощь родной земли,
Тысячи туда молодых бойцов,
Лучников лихих, ушли навек.
Как жаль, как жаль отважных мне!
Азия моя — вымолвить боюсь —
930 Падет, падет на колени, господин!

Ксеркс

Строфа 1

Я, увы, страдалец горький,
Рожденный роду на беду
И отчизне родной!

Хор

Печальной песнью встречу тебя,
Услышишь ты стон, услышишь ты вопль,
Мариандинский слезный напев,²⁷
Пронзительный плач услышишь!

Ксеркс

Антистрофа 1

- 940 Да, начните песню скорби,
Кричите, плачьте, это мне
Демон яростный мстит.

Хор

Почтим же плачем города боль,
Своих дорогих, которые смерть
Встретили в море, горьких детей
Несчастной страны помянем!

Ксеркс

Строфа 2

- 950 Грек убил их в сраженье,
Грек, в бою корабельном

Одержавший победу
И на ниве прибрежной, ночной
Жатву смерти собравший.

Х о р

Голоси, кричи, обо всем спроси!
Где же друзей верных толпа?
Где же окольные твои?
Где, скажи, нам, Фарандак,
Где Суз, Датам и Пелагон,
960 Где Псаммискан и где Агбат,
Боец из Эктабаны?

К с е р к с

Антистрофа 2

Всех оставил. С тирийских
Кораблей на твердыни
Саламинских утесов
Их швыряло. Их волны несли
На скалистые мысы.

Х о р

О беда, беда! Где Фанух, скажи,
Доблестный где Ариомард,
Где Севалк, отважный вождь,
Благородный где Лилей?
Где Мёмфис, Тарибид, Масистр?
Где Артембар и где Гистехм?
Ответь мне и на это.

К с е р к с

Строфа 3

О, горе, горе!
На древние глядя Афины,
Город проклятий,
Бедные, все, как один,
Игралищем волн полегли на взморье.

Х о р

Неужто и Альписта
980 Что верным оком был твоим,
Под чьим началом шли в поход
Десятки тысяч персов, сына
Батáноха, отпрыска Мегабата,

Из рода Сизамова, там ты оставил,
И Парфа с Эбаром оставил там?
О, участь жалкая! Персам гордым
Горе за горем приносишь, царь.

К с е р к с

Антистрофа 3

990 Во мне ты будишь
Тоску по товарищам добрым.
Больно мне, больно,
Сердце рыдает мое,
Тоской неумной казнится сердце.

Х о р

И о других мы плачем:
О Ксанфе, за которым шли
Мардийцы тысячами в бой,
О Диаиксе, об Арсаме
С Анхаром храбрейшим, что персов конных
Водили в сраженья. Где Толм, неустанный
В копейной страде, Кегдадат, Литимн?
1000 За колесницей, тебя принесшей,
Царь, я не вижу друзей твоих.

К с е р к с

Строфа 4

Смерть унесла полководцев и вождей.

Х о р

Смерть, и бесславная.

К с е р к с

Горе мое, горе мое!

Х о р

Горе! Нежданной бедой
Нас наказала судьба
Перст я увидел богини Аты.

К с е р к с

Антистрофа 4

Страшный удар — и на долгие века!

Х о р

Страшный, сомненья нет.

К с е р к с

1010 Новая боль, новая боль!

Х о р

Мы на погибель свою
С греками в море сошлись:
Не было счастья в сражение персам.

К с е р к с

Строфа 5

Не было. Бойско громадное в прах разбито.

Х о р

Мало того, и держава погибла персов.

К с е р к с

Вот все, что осталось от мощи моей, гляди.

Х о р

Гляжу, гляжу.

К с е р к с

1020 Только этот колчан еще...

Х о р

Это все, что сберег ты?

К с е р к с

У меня сохранился.

Х о р

Небогатый остаток.

К с е р к с

А бойцов растерял я.

Х о р

Греческий народ не из робких.

К с е р к с

Антистрофа 5

Смел он и храбр. Я позора не ждал такого.

Х о р

Вспомнил о том, как твои корабли бежали?

К с е р к с

1030 От боли одежду я рвал на себе, вопя.

Х о р

Беда, беда!

К с е р к с

Это хуже беды любой.

Х о р

Вдвое хуже и втрое.

К с е р к с

А врагам — ликование!

Х о р

Потеряли мы силу.

К с е р к с

Нет окольных со мною.

Х о р

Море поглотило их бедных.

К с е р к с

Строфа 6

Кричи, кричи от боли и домой ступай!

Х о р

Какой удар, какая боль!

К с е р к с

1040 На вопли воплем отвечай!

Х о р

Вот горю горьких горький дар!

К с е р к с

Со мною вместе плач пропой!

Х о р

Я плачу, я кричу,
Я бремя тяжкое беды
Несу с великой болью.

К с е р к с

Антистрофа 6

Бей в грудь себя и плачь, плачь обо мне навзрыд!

Х о р

И плачу я, и слезы лью!

К с е р к с

На вопли воплем отвечай!

Х о р

Я повинуюсь, господин!

К с е р к с

Кричи же громче, голоси!

Х о р

Я плачу, я кричу,
Я колочу руками в грудь,
Вопя и причитая.

К с е р к с

Строфа 7

Под плач мисийский ударяй сильнее в грудь!

Х о р

Горе нам, горе!

К с е р к с

Рви на себе серебряную бороду!

Х о р

Я рву, я рву, я плачу громко!

К с е р к с

Кричи протяжней!

Х о р

Да, кричу я!

К с е р к с

Антистрофа 7

Руками рви одежду на груди своей!

Х о р

Горе нам, горе!

К с е р к с

Рви на себе, скорбя о войске, волосы!

Х о р

Я рву, я рву, я плачу громко!

К с е р к с

Пусть льются слезы!

Х о р

Слезы льются!

К с е р к с

Эпод

На вопли воплем отвечай!

Х о р

Кричу, воплю!

К с е р к с

Казнясь, домой теперь иди!

Х о р

Иду, казнясь!

К с е р к с

О, Персия наша!

Х о р

Ты плачешь сегодня!

К с е р к с

1070 Плачет горько столица!

Х о р

Плачет родина горько!

К с е р к с

Скорбным шествием — по домам!

. Х о р .

К с е р к с

О, Персия наша!

Х о р

Ты плачешь сегодня!

К с е р к с

Память о тех, кто пал в битве морской, горька!

Х о р

Я за тобою, царь, с плачем иду вослед.

(Пер. С. Анта)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пьеса поставлена в 472 г. до н. э. и является единственным образцом античной трагедии, написанной на исторический сюжет. В ней говорится о поражении персидского войска в Саламинском морском сражении 480 г. до н. э. и отступлении армии царя Ксеркса из Греции. Действие трагедии происходит в столице Персии Сузах, среди действующих лиц — Ксеркс, его мать Атосса и тень царя Дария, отца Ксеркса (Прием появления тени умершего впервые в мировом театре был применен Эсхилом в этой пьесе). ² *Экбатаны* — древний персидский город. ³ *Киссийские башни* — стены Суз, расположенных в области Киссия. ⁴ Здесь и далее перечисляются имена персидских полководцев, историчность личности каждого из которых установить невозможно. Этот перечень имен и народов должны создать впечатление мощи персидского войска. ⁵ *Мемфис*, *Фивы* — города в Египте. ⁶ *Дельта* — дельта Нила. ⁷ *Лидия* — страна в М. Азии. ⁸ *Сарды* — столица Лидии. ⁹ *Тмол* — гора в Лидии. ¹⁰ *Пролив Геллы Афамантиды* — Геллеспонт (см. Атамант/Афамант). ¹¹ *Отпрыск Данаи* — Даная, мать Персея (см. словарь), считавшегося прародителем персов. ¹² Имеется в виду понтонный мост через Геллеспонт, построенный Ксерксом, по которому он перевел свое войско в Грецию. ¹³ *Мидяне* — зд. персы. ¹⁴ *Силенские скалы* расположены на о. Саламине, т. е. «острове Аянта» (Аякса) Теламонида, царя Саламина. ¹⁵ *Хрисийское (войско)* — Хриса, город в Троеде (М. Азия). ¹⁶ *Бактрия* — область на сев.-востоке Персидского царства (в современной Ср. Азии). ¹⁷ *Мисия (Мизия)* — область в северо-зап. части М. Азии. ¹⁸ *Лернессеу* — житель города Лернесса в Троеде. ¹⁹ Речь идет об острове Пситталее, высадкой греческих воинов на который руководил известный политический деятель Аристид. Подробное описание этого сражения свидетельствует о желании Эсхила подчеркнуть заслуги

Аристиды, политического противника Фемистокла, роль которого в этом сражении замалчивается Эсхилом. В рассказе вестника об отступлении персидского войска (с. 150) следует подробное перечисление географических пунктов этого похода. (Беотия, Фокея, Дорида, Фессалия и др. *Аксийский брод* находится на реке Аксий в Македонии; *Больба* — озеро в Халкидии; *Стримон* — река в Македонии). ²⁰*Кирхейские берега* — берег о-ва Саламин, названный здесь по имени сына Посейдона Кирхея, местного саламинского героя. ²¹*Аидоней* — Аид. ²²*Баал* — финикийский бог. ²³*Тиара* — шапка. ²⁴*Эвмарида* — персидская обувь. ²⁵*Галис* — река в Лидии. ²⁶Здесь и далее перечисляются острова Эгейского моря. ²⁷*Мариандинский напев* — *Марианды* — одна из народностей М. Азии.

АГАМЕМНОН¹

Действующие лица

Дозорный.
Хор аргосских старцев.
Клитемнестра.
Вестник.
Агамемнон.
Кассандра.
Эгист.

Пролог

Царский дворец в Аргосе. На плоской крыше его лежит Дозорный.

Дозорный

10 Молю богов от службы этой тягостной
Меня избавить. Год уже в дозоре я,
Лежу на крыше, словно верный пес цепной.
Познал я звезд полночные собрания,
Владык лучистых неба, приносящих нам
Чредою неизменной стужу зимнюю
И летний зной. Погаснут и опять взойдут.
А я все жду условленного светоча,
Столба огня, который возвестит, взыграв,
Что пала Троя. Так велела женщина
С неженскими надеждами, с душой мужской.
Жестка, тонка, росой ночной пропитана
Моя подстилка, сны ее не жалуют.
Какой тут сон? Товарищ мне — не сон, а страх,
Что ненароком накрепко глаза мои
Сомкнет дремота. Песни завожу с тоски,
Вполголоса, чтоб не уснуть нечаянно,
И плачу я тогда. О доме плачу я:
В нем нет порядков добрых, как в былые дни.

- 20 О, если б моему труду бессонному
Благой конец пришел. Блесни же, зарево!

Вдалеке вспыхивает костер.

- О свет в ночи, хвала тебе, сулящему
Сиянье дня и хороводы в Аргосе!
Ведь это праздник истинный — такая весть!
Огоны! Огоны!
Спешу сказать супруге Агамемнона,
Чтоб с ложа встала, чтобы криком радостным
Весь огласила дом и этот свет благой
Благодарила. Ибо вестник огненный
- 30 Уведомляет ясно: Илион погиб —
И сам я первый в пляс пушусь на празднике,
Ведь для господ я трижды по шести очков
Своим дозором неусыпным выиграл.
Ах, только бы своей рукой коснуться мне
Руки царя, вернувшегося в дом родной.
Молчу об остальном. Пятою тяжкою
Стал бык мне на язык. Когда б вот этот дом
Заговорил, то все б сказал. Мои ж слова
Несведущим темны, понятны сведущим.

Дозорный уходит во дворец. На оркестре появляется хор
аргосских старцев.

Парод

Предводитель хора

- 40 Десять лет уже скоро, как тяжба идет,
Как Приама Атриды позвали на суд —
Двупрестольная, Зевсом спяренная мощь —
Менелай с Агамемноном братом.
И, ведомое ими, в чужие края
От родных берегов, от Аргосской земли
Ополчение на тысяче шло кораблей,
И зывали Атриды к Аресу.
- 50 Так же коршуны плачут, птенцов потеряв,
Над гнездом опустелым кружатся в тоске,
Беспокойными веслами крыльев гребут,
И кричат, и лететь не хотят от гнезда.
Все погибло у них,
Не растить им детенышей милых.
Но услышит пронзительный, жалобный крик
Апполон, или Пан, или Зевс в вышине,

- Пожалеет небесных соседей своих
И Эриний пошлет,
И карают Эринии вора.
- 60 Так Парису, неверному гостю, на казнь
Зевс Атридов послал, чтобы спор начался
За жену многомужною, чтобы рука
Уставала колоть, чтоб колено к земле
Припадало, чтоб данайцы с троянцами в ратной страде,
В жесточайшей войне
Из-за женщины мерились силой.
Что вершится, свершиться тому суждено:
Ни соленые слезы, ни жертвенный дым,
- 70 Ни вино возлияний — ничто никогда
Не погасит священного гнева.
Старики, мы в далекий поход не пошли,
Нас оставили дома: обуза в бою —
Одрыхлевшее тело. Как дети слабы,
Мы бредем, опираясь на посох.
Мы младенцам бессильным подобны. У тех
Не успел еще сок забродить молодой,
Не успел еще в сердце вселиться Арес,
Не успели окрепнуть суставы.
- 80 А на ветхих дубах облетела листва,
И, как призрак трехногий, слабей, чем дитя,
Ковыляет старик по дороге.

Из дворца выходит Клитемнестра со свитой.
Процессия направляется к жертвенникам.

- О царица, скажи,
Тиндареева дочь, Клитемнестра, ответь,
Что случилось, какую узнала ты весть,
Почему ты велишь обойти алтари
Всех богов-градодержцев, и вышних богов,
И подземных богов,
И домовых богов, и богов площадей?
- 90 Объясни, Расскажи, госпожа, почему
Алтари запылали дарами?
Пламя к небу вздымается, льется елей,
Погребов Агамемнона дар дорогой,
Разгорается ярче священный огонь,
И под звуки бесхитростных, чистых молитв
Улетают дымы благовоний.
О царица, скажи нам, что можно сказать
И что должно сказать.
Исцели от печали, заботы рассей.

100 Но тревожные думы снедают меня,
То с огнем алтарей расцветает в груди
Золотая надежда и гонит тоску,
Неуемно грызущее сердце.

Клитемнестра продолжает обход жертвенников.

Хор

Строфа 1

Петь я сегодня хочу о напутственном знамени,
войску
Славный поход посулившем². Нам боги на старости
лет

Песенный даруют дар и слова могучую силу.
Двух сопрестольных царей,³
110 Юной Эллады вождей многомогущих,
Тевкрам на муки, с копьем и мечом,
Вещие птицы послали.
В небе цари кораблей увидали крылатых царей⁴:
Черный орел впереди, позади белоснежный орел
Выплыли разом над кровлей дворца одесную,
Логово заячье сверху приметили, камнем
Рухнули вниз, у зайчихи беременной
Клювами чрево вспороли, сожрали приплод.
120 Лейся, печальный напев, но благу да будет победа!

Антистрофа 1

В хватке орлов-зайцеедов провидец, искусный в
гаданье,⁵
Воинский пыл полководцев, Атридов обоих, узнал,
Понял он знаменья смысл и мудрое слово
промолвил:

«Время такое придет,
Рухнет поверженный город Приама.
Все, что в троянских ларях береглось,
130 Взыщет без жалости Мойра.

Только б никто из богов, населяющих горный
Олимп,
В гнев порвать не решился огромного войска узду,
Трою стянувшую тугу. Ведь псам небодержца
крылатым
Зевсова дочь, Артемида святая, враждебна.
Ей отвратительна тризна кровавая,

Мерзостен ей плодоносного лона палач.
Лейся, печальный напев, но благу да будет
победа!

Эпод

- «О заступница диких чад!
Сосунков-детенышей львицы грозной,
Всякой твари лесной молодое племя
Ты хранишь, прекрасная. Но молю,
150 Если знаменье доброе, то исполни,
Если нет — оберни ты его удачей.
Я Пеана и Феба зову:
Не послала бы встречного ветра данайцам богиня,
Не сковала бы бурей суда,
Не взалкала бы вдруг необычной, неслыханной
жертвы,⁶
160 Той, что распря меж ближних родит и жену
отдаляет от мужа.
Злая в доме хозяйка — материнская месть.
До поры в темноте притаится, но дом не покинет».
Так по полету орлов прорицатель Калхант
Царскому дому и радость и горе предрек,
Пусть же пророчеству в лад
Льется печальная песнь, но благу да будет
победа!

Строфа 2

- 170 Кто бы ни был ты, великий бог,
Если по сердцу тебе
Имя Зевса, «Зевс» зовись.
Нет на свете ничего,
Что сравнилось бы с тобой.
Ты один лишь от напрасной боли
Душу мне освободишь.

Антистрофа 2

- Непомерной силою кичась,
Прежде бог царил другой.
180 Он давно уже позабыт,
И преемника его
Победитель одолел.
Славить Зевса песнею победной —
то значит мудрым быть.

Строфа 3

Через муки, через боль
Зевс ведет людей к уму,
К разумению ведет.
Неотступно память о страданье
190 По ночам, во сне, щемит сердца,
Поневоле мудрости уча.
Небеса не знают состраданья
Сила — милосердие богов.

Антистрофа 3

Ничего не возразил
Предсказателю Атрид,
Кораблей ахейских вождь,
Не ропща, печальный жребий принял.
А отплыть ахейцам не давал
200 Встречный ветер. Голод стал томить
Воинство, засевшее в Авлиде,
У стены дыбящихся валов.

Строфа 4

Потянули ветры от Стримона,
Голодом, досугом, беспокойством
Изводя людей.
С якорей суда срывала буря,
Что ни день, то новая помеха
Изошел тоскою цвет аргосский.
И тогда Калхант вождям назвал
210 Страшный выход, бури злой страшной,
Артемиды тягостную волю.
Смыслу вещаний гадателя вняв,
Разом вонзили Атриды-цари
Посохи тяжкие в землю, и слез
Не удержали братья.

Антистрофа 4

И сказал такое слово старший:
«Нелегко судьбе не покориться,
Нелегко и дочь,
Детище свое, отраду дома,
220 Зарубить отцу, девичьей кровью
Обагрив над жертвенником руки.
Как мне быть, как избежать беды?
Вправе ль я покинуть корабли

И в беде соратников оставить?
Ветер утихнет от жертвы такой,
Юная кровь, окропивши алтарь,
Силы в усталое войско вошьет.
Да совершится — к благу!»

Строфа 5

230 Ярму судьбы подставляя выю,
Ожесточаясь решением диким,
Беспечным замыслом и безбожным,
Не ведал робости Агамемнон.
Увы, от первого преступления
Родится дерзость у человека.
Он решился дочь убить,
Чтоб отплыли корабли,
Чтоб скорей начать войну
Из-за женщины неверной.

Антистрофа 5

240 Ни воплями, ни мольбой дочерней,
Ни молодой красотой нежной
Вождей военных не тронет дева.
Отец молитву свершил и слугам
Велел схватить ее, в плащ закутать,
Как козочку, на алтарь повергнуть,
Наклонить лицом вперед
И, чтоб дома своего
В этот миг не прокляла,
Рот зажать ей, да покрепче!

Строфа 6

250 Уздою накрепко стянут рот.
Ручьем шафрановым покрывало
Струится наземь. А стрелы глаз,
Как на картине, с немой мольбой,
Она метнула в убийц, как будто
Напоминала о днях былых,
Когда в родимом своем дому,
На пышностольных мужских пирах,
Под третью чашу, чиста, мила,
Отцу заздравную песню пела.

Антистрофа 6

260 Что было после — я не видал.
Но исполняются неуклонно

Слова Калханта. За званье мы
Ценой страданий должны платить.
Когда случится беда, горюйте,
Зачем заранее горевать?
Рассвет разгонит ночную тень.
Так пусть ко благу свершится то,
Чего желает, молясь богам,
Царица, оплот земли Апийской.

Из дворца выходит Клитемнестра с
прислужницами. Процессия направляется к
жертвенникам.

Эписодий первый

Предводитель хора

- 270 О Клитемнестра, пред твоим могуществом
Склоняюсь я. Когда на троне мужа нет,
Супруге царской воздаются почести.
Благая ль весть, или надежда светлая
Причиною священным возлияниям —
Узнать я рад, а скроешь — что ж, тебе видней.

Клитемнестра

Пусть, как в поговорке, доброй вестницей
Заря родится, ночи благодатной дочь!
Такой никто не смел и чаять радости:
Аргосцы взяли наконец Приамов град.

Предводитель хора

- 280 Что говоришь ты? Слышу — и не верится.

Клитемнестра

Ахейцы взяли Трою — ясно сказано.

Предводитель хора

Ликует сердце, слезы так и катятся.

Клитемнестра

Что ж, эти слезы — верности свидетельство.

Предводитель хора

Правдиво ли, надежно ли известие?

Клитемнестра

Надежно, если бог не обманул меня.

Предводитель хора
Быть может, сновиденю ты поверила?

Клитемнестра
Я ни во что не ставлю разум дремлющий.

Предводитель хора
Не наяву ли слух пустой смутил тебя?

Клитемнестра
Ты не с ребенком говоришь доверчивым.

Предводитель хора
290 Давно ли войско овладело городом?

Клитемнестра
Он пал в ту ночь, что эту родила зарю.

Предводитель хора
Какой же вестник мчался так стремительно?

Клитемнестра
Гефест, пославший с Иды⁷ вестовой огонь.
Огонь огню, костер костру, известие
Передавал. Ответил Иде пламенем
На Лемносе утес Гермейский. Острову
297 Гора Афон, Зевесов дом, ответила.
312 Не мешкая, послали ввысь дозорные
313 Огонь бегущий. Языками жаркими
298 Он рвался к небесам, он ясным сполохом
Морскую красил гладь, он солнцу новому
300 Подобен был, когда его веселый блеск
Со скал Макиста сторожа заметили.
Макист не медлил в праздном нерадении,
Дремать не стал, урок свой честно выполнил.
И вот уже мессапским караульщикам
На берегу Эврипа видно зарево.
Спешат и эти передать известие:
Сухой сгребают вереск, поджигают стог,
Как лунный блеск, лучи костра летучие,
Не угасая, мчатся над равниною
310 Реки Асоп, чтоб кручи Киферонские
Проснулись, и преемный запылал огонь.
314 И свет летит над озером Горгоныным

- К высотам Эгипланкта и опять велит
Устав исполнить, поскорей костер зажечь.
Багряной бородою исполинскою
Взмывает пламя над гористым берегом
Саронских вод, затем, летя как молния,
320 Воспламеняет силой светозарною
Утес Арахны рядом с нашим городом,
И вот в Атридов дом, сюда врывается
Слепящий луч костру на Иде внук родной!
Так для меня в соревнованье факельном
Сменялись бегуны. Победу выиграть
Двум удалось: последнему и первому.
Теперь ты знаешь знаки и свидетельства:
Из Трои, от супруга, получила весть.

Предводитель хора

- Сейчас молитву я начну, о женщина,
330 Но дай еще послушать, подивиться дай
Речам твоим подольше. Говори еще!

Клитемнестра

- Сегодня Трою заняли ахеяне.
Нестройный там сейчас, наверно, гул стоит.
Смешай в одном сосуде масло с уксусом —
Недружные, разъединятся жидкости.
И не сольется с кличем победителей
Вопль побежденных: это две судьбы кричат.
Одни простерлись в горе, охватив тела
Мужей и братьев, старики родители
Припали к детям, граждане свободные
340 Рабами ныне стали, схоронив родных.
Зато другие, после всех превратностей
Ночного боя, бросились, голодные,
К еде какой придется, кто куда, бегом:
Здесь ряд и строй забыты и потеряны.
Уже в домах троянских завоеванных
Живут ахейцы — не придется мокнуть им
И мерзнуть на ветру. Всю ночь, счастливые,
Проспят без охранения не боясь врага.
Да, коль богов поверженного города,
350 И храмы, и святыни пожелают чтить,
Победа их не станет поражением.
Но худо, если на разбой кошунственный
Решится войско, жадностью сраженное:
Оно еще до родины доплыть должно.

Когда богов не прогневят обидою,
То, может быть, и одолеют воины
Обратный путь. Но бедствия нежданные
Разбужденное горе мертвецов родит.
360 И потому запомни волю женщины:
Пусть дело полной кончится удачею!
Тогда и веселиться буду вправе я.

Предводитель хора

Как умный муж, о женщина, ты речь ведешь.
Теперь, когда надежные свидетельства
Слова твои скрепили, я хвалить начну
Благих богов за их награду щедрую.

(Клитемнестра уходит во дворец.)

Стасим первый

Предводитель хора

О властительный Зевс, о желанная ночь,
Величайшей добытчица славы!
Ты на башни троянские бросила сеть,
370 И уйти никому из нее не дано:
Ни великим, ни малым тенет не порвать,
От всесильной беды,
От злосчастного рабства не скрыться.
Зевс — хранитель гостей, перед тобой трепещу,
Это ты в Александра направил свой лук,
Но до срока спускать не хотел тетиву.
Чтоб в широкое небо, в надзвездный простор
Не взлетела стрела понапрасну.

Хор

Строфа 1

380 Не промахнется разящий Зевс,
Узнаешь сразу его десницу.
Верховный выполнен приговор.
О нет, не разрешают боги
Высокомерно топтать святыню.
Не оскорбляй богов хулой!
Тем, кто гордынею обуян,
Кто спеси полон, кто в дом добро,
О всякой мере позабыв, несет —
Тем страшен Арес, покровитель мщенья.
Богатств несметных не нужно нам —

390 Нужды бы не знать и сберечь без бед
Достаток скромный, покой душевный.
 Никаким изобильем
 Не откупится смертный,
 Если правду великую
 Попирает ногами.

Антистрофа 1

 Советчик пагубный — злая страсть,
 Дитя недоброе ослепленья,
 Ее не скроешь, не исцелишь,
400 Она горит пятном позорным.
 С монеты медной хождение, время
 Стирают блеск. Еще черней
 Чекан преступной души нагой.
 Как мальчик глупый, злодей и вор
 За птицей счастья бежит вотще.
 Он город свой вечным клеймит проклятьем,
 Его молитве не внемлет бог,
 А тех, кто дружить не страшится с ним,
 Карают Правда рукою твердой.
 Так Парис появился
410 Гостем в доме Атридов
 И, закон преступив, жену
 У хозяина выкрал.

Строфа 2

 Согражданам оставила красавица
 Щитов бряцанье, копий стук да корабли морские,
 А Трое гибель понесла в приданое.
 Походкой легкой выйдя из ворот,
 Умчалась прочь преступница. Вопили,
 Предсказывали беды домочадцы:
420 Увы, увы, о дом, о дом царей,
 О бедное поруганное ложе!
 Не проронив упрека, обесславленный
 В молчанье горестном сидит супруг.
 И кажется, что домом призрак правит,
 Скорбящий о беглянке.
 Изваяний прекрасных
 Вид ему ненавистен.
 Если скрылась услада глаз,
 Что дары Афродиты?

Антистрофа 2

Виденья сна, обманчивые, лстивые,
430 Соблазны сладкие сулят, тоской томят напрасной,
Рука спешит к пленительному призраку,
Но тщетно: легкий улетает сон,
И милый облик, спутник сна крылатый,
Испуганною птицей улетает.
Такое горе во дворец вошло.
Другое горе, злее и больнее,
Пришло в дома Эллады. Здесь по воинам,
Поднявшимся в далекий путь морской,
Творили плач. И подступала к сердцу
440 Печальная забота:
Провожаешь кормильца,
А домой возвратится
Только серого пепла горсть.
В погребальном сосуде.

Строфа 3

Арес-меняла всегда весы
С собою носит, затеяв бой.
Берет он трупы, взамен дает
Не золотой песок, а золу
450 С пожарищ Трои — любимых пепел.
Забравши мужа, он шлет жене
Легкую урну с тяжелым грузом.
Над пеплом плачут навзрыд, хваля
Бойца усопшего: этот был
Искусным воином, тот погиб
Прекрасной смертью. Но кто-нибудь
Прибавит шепотом, про себя:
«Погиб-то он за жену чужую».
И глухо злость на Атридов зреет.
А других схоронили
460 Возле стен Илиона.
Их земля ненавистная
Приняла, ненавида.

Антистрофа 3

Молва недобрая горожан —
Проклятье грешнику и позор.
Забота гложет, грызет меня:
Какую новость готовит ночь?
С убийцы глаз не спускают боги.
Эриний черных приходит сонм,

470 И тот, кто счастья не по заслугам
Вкусил однажды, — повержен в прах.
Унижен, сломлен, подавлен, смят.
Безвестность жалкая — вот удел
Того, кто славы чрезмерный груз
Поднять отважился высоко.
На гребнях гор, на крутых вершинах
Гуляют грозные громы Зевса.
Мне бы — верную долю,
Городов не рушить,
Но зато и не ведать бы
480 Ни неволи, ни плена.

Эписодий второй

Предводитель хора

Промчались по городу
Счастливые вести!
Кто знает, поверить ли,
Не шутят ли боги.

Второй старец

Кто столь доверчив иль обижен разумом,
Чтоб загореться, увидав огонь?
Надежда вспыхнет и погаснет.
А в сердце остается боль.

Предводитель хора

Где властвует женщина,
490 Там часто желанья важней, чем дела.

Второй старец

Порывиста, нетерпелива женская
Слепая страсть. Недолго и живут
Посеянные женщинами слухи.

Предводитель хора

Сейчас узнаем, правду ли поведали
Костры сторожевые лученосные,
Иль радостный их свет, как сновидение,
Обманчивой услугою глаза смутил.
Вот вестник, осененный ветвью масличной,
Идет от моря. Плотной пеленою пыль,
500 Гляди, его покрыла. Это верный знак.
Теперь не дым, не пламя бессловесное

Лесистых круч, а внятная людская речь
Нас укрепит в великой нашей радости
Иль, может быть, напротив... Но молчу о том.
Пусть наше счастье счастьем увенчается.
А кто иного пожелает городу,
Тот за свое безумье пусть заплатит сам.

Входит вестник с масличным венком на голове.

Вестник

- Земля моя родная, камни Аргоса!
Я на десятый год опять пришел сюда.
510 Надежд погибло много, но одна сбылась.
Не чаял я, что суждено на родине
Мне умереть и в землю лечь Аргосскую.
Привет вам, и земля моя, и солнца свет,
И Зевс, страны владыка, и Пифийский бог.
О Феб, ты в нас уже не сыплешь стрелами:
Довольно у Скамандра пролилось крови.
Так стань же вновь защитником, спасителем,
Бог Аполлон! И всех других богов зову
Отеческих, и своего заступника
520 Гермеса, бога вестников любимого,
И вас, герои, войско в бой пославшие, —
Благоволите всех, кто уцелел, принять!
Привет и вам царей покои, милые,
Почетные скамьи, святые статуи,
Сверкающим восходом обагренные, —
И вы царя примите после долгих лет.
Неся вам свет средь ночи, он идет сюда,
Владыка Агамемнон, повелитель наш.
Так встретьте же всеобщим ликованием
530 Того, кто Трою опрокинул заступом
Карающего Зевса и с землей сравнял.
Ни алтарей, ни храмов, ни посевов нет
В краю опустошенном — только прах и дым.
Такой бедой согнувши выю города,
Он к вам идет, и нет сегодня смертного,
Который мог бы потягаться славою
Со старшим из Атридов. Полной мерою
Пришлось платить Парису за дела свои.
Вор, запятнавший отчий город кражею,
Из рук добычу выпустил и гибели
540 Дом Приамидов древний царский род, предав,
Двойное наказание за разбой понес.

Предводитель хора

Будь счастлив, вестник воинства ахейского!

Вестник

Я счастлив. Мне теперь и умереть не жаль.

Предводитель хора

Тебя тоска по родине измучила?

Вестник

Так извела, что плачу я от радости.

Предводитель хора

Болезнь вам, значит, сладостная выпала.

Вестник

Не понимаю. Растолкуй слова свои.

Предводитель хора

Пойми: вы тосковали по тоскующим.

Вестник

550 О нас, ты говоришь, скорбела родина?

Предводитель хора

Да, мы рыдали часто, изведясь душой.

Вестник

О чем же так печалилось отечество?

Предводитель хора

Чтоб не накликать горя, я молчать привык.

Вестник

Кого боялся ты? Царей же не было!

Предводитель хора

Скажу, как ты: теперь я умереть готов.

Вестник

Да, дожили до счастья. Но за долгий срок
Что ни случится: то удача выпадает,
То огорченье. Боги лишь бессмертные
Способны без страданий весь свой век прожить.

560 Рассказывать о наших злоключениях,

- Как спали без постелей, как без крова мы
 Скитались в море — целый день бы стон стоял.
 Еще не то пришлось на суше вытерпеть.
 Палатки наши возле самых стен врага
 Разбиты были. Шли дожди, и сыростью
 С лугов тянуло. Шкурою звериною
 Ерошился одежды отсыревшей ворс.
 А что за зимы были — птицы падали,
 Когда дышала стужей Ида снежная.
 570 А летняя жара, а сном полуденным
 Забывшееся море, а безветрие, —
 Но что теперь вздыхать? Ведь миновало все.
 Да, миновало. Больше нигде уже
 Убитые не встанут из могил своих.
 Зачем же вновь перечислять скончавшихся,
 И вновь старинной болью тех, кто жив, казнить.
 Нет, мы теперь прощаемся с несчастьями.
 А что до тех, кто уцелел в сражении,
 То горе их возмещено удачею,
 580 И вправе мы под этим солнцем блещущим
 Земле и морю гордые сказать слова:
 «Сломивши Трою, воинство аргосское
 Добычей сей святилища украсило
 Чтоб данно славной эллинских богов почитать».
 И пусть потомки почитают город наш
 И полководцев наших, Зевса вечного
 Благодаря. Вот все, что я сказать хотел.

Предводитель хора

- Не спору, ты рассказом победил меня.
 Хорошему учиться — и старик не стар.
 590 Но первой подобает эти новости
 Узнать царице. С ней и я порадуюсь.

Из дворца выходит Клитемнестра.

Клитемнестра

Уже тогда от счастья закричала я,
 Когда, придя в ночи, глашатай огненный
 Сказал, что Илион снесен с лица земли.
 Смеялись надо мной: «Костру поверила.
 А подлинно ли Троя обратилась в прах?
 Легко же, право, сердце тает женское!»
 Смотрели на меня, как на безумную.
 А я обряд свой правила уверенно,

- 600 И город наполняло ликование
Звонкоголосых женщин, и в святылищах
Не угасало пламя благовонное.
Какой же новой вестью удивишь меня?
Узнаю все от самого царя теперь.
Потороплюсь, чтоб встретить, как хотелось бы,
Властителя-супруга. Что для женщины
Милей, чем день, когда с войны, здоров и цел,
Приходит муж и перед ним распахнуты
Ворота дома? Вестник, ты скажи царю,
610 Чтоб поспешил к тоскующему городу.
Увидит он, что предана по-прежнему
Ему жена — собака в доме верная:
Врагу страшна и ласкова с хозяином.
И в остальном я та же. Ни одна печать
Никем за годы долгие не сорвана.
Измены грех, позор молвы мне ведомы
Не больше, чем искусство закалять мечи!
Такою славой, коль она заслужена,
Похвастать вправе честная жена всегда.

(Клитемнестра уходит во дворец.)

Предводитель хора

- 620 Сама тебя наставила. Поистине
Ты передашь владыке слово ясное.
А мне скажи, глашатай, уцелел иль нет
И возратился ль с воинами вашими
Царь Менелай, любимый вождь земли родной?

Вестник

Нельзя приятной ложью отвечать друзьям:
Обрадуешь обманом, да ненадолго.

Предводитель хора

Приятное пускай сойдется с истинным.
А если не сойдется — ложь откроется.

Вестник

- 630 Царь без вести пропал, и корабля его
Ахейцы не нашли. Вот правда суцая.

Предводитель хора

Один он вышел в море, на глазах у всех,
Или корабль из строя буря вырвала?

Вестник

Ты метко в цель попал — не хуже лучника:
Коротким словом боль объял огромную.

Предводитель хора

А жив он или нет — не приводилось ли
Вам узнавать, встречаясь с мореходами?

Вестник

Кто это знает? Кто бы нам ответить мог?
Никто! Одно лишь Солнце жизнотворное.

Предводитель хора

Ты говоришь о буре. Это гнев богов.
640 Но как беда случилась? И конец каков?

Вестник

Не отравлять бы новостью печальною
Счастливый день: богов различных розно чтут.
Когда приносит хмурый вестник городу
Тоску и горе о разбитом воинстве,
Когда весь город общею бедой сражен,
А каждый дом еще своя, не общая
Сиротства рана свежей болью мучает
И вся в крови двойная плеть Аресова —
650 Тогда и вестник, бедами навьюченный,
Эриниям хвалебный пусть поет пенан.
Но мне, победы радостной глашатаю,
Желанному гонцу в счастливом городе,
Пристало ль мне, смешав дурное с радостным,
О буре, гневе божьем, здесь рассказ вести?
Итак, сдружились и вступили в заговор
Огонь и море, недруги извечные,
И порешили, что погубят в плаванье
Ахейцев ночью. И бедой бушующей
Дохнула зыбь. Фракийский ветер на корабль
660 Корабль понес. Рога бурунов бешено
Борта бодали. Вихрем и дождем хлеща,
Суда в пучину бесноватый пастырь гнал.
Когда наутро солнце вспыхнуло,
Глядим окрест — кишит вода Эгейская
Телами мертвых и судов обломками.
А нас и наш корабль неповрежденными
Как будто кто украсть решил у гибели —
Должно быть, бог, не смертный, у кормила встал!

Судьба благая нашим судном правила
670 И не дала на днище проломить волнам,
Ни бросить нас на берег крепкокаменный.
Потом, уйдя от гибельных валов морских,
Не веря счастьем, дню не веря светлему,
Мы новую в сердцах своих растили боль —
О войске бедном, о бойцах потерянных.
Ведь и они, наверно, если выжили,
Нас называют мертвыми. Вот так и мы
Оплакиваем всех, кто в эту ночь пропал.
На лучшее надеюсь. Верить надобно,
680 Что среди первых Менелай воротится.
Да, если хоть единый солнца луч живым
Его под небом видит, если Зевс решил
Его старинный род сберечь, то и надежда есть.
Что возвратится царь в свое отечество.
Теперь всю правду знаешь. Я ведь все сказал.

(Вестник удаляется.)

Стасим второй

Х о р

Строфа 1

Кто же именем таким
Если не провидец богомудрый?
Только вещие уста
690 Возбудительницу войн
Так наречь могли — Елена^а:
Это имя значит «Плен».
Людам плен, и кораблям
И столице горький плен
Уготовила она,
Отстранив небрежно тонкотканый
Полог ложа брачного и в море
Выйдя с богом западного ветра.
Ловчие пустились по следам,
700 Но ладья, раздор и кровь суля,
Улетела в устье Симоента.

Антистрофа 1

Илиону брачный пир
Страшной тризной обернул
Гневный мститель Зевс-гостеприимец.

Не забыл он отплатить
За поруганный очаг,
За веселый шум на свадьбе,
Где невесту величал
710 Новых родственников хор,
Где Гимену громкий гимн
Запевали свояки.
Ах, теперь не свадебною песней —
Воплем горя, плачем поминальным
Зашумел седой Приамов город.
Там Париса горького клянут
И скорбят о тех, кто кровь и жизнь
За злосчастный брак Париса отдал.

Строфа 2

Жил когда-то один пастух,
Он принес к себе львенка в дом.
720 И зверек на овчине рос,
Брат молочный ягнятам робким.
По началу детеныш был
Кроток, ласков. И млад и стар
Забавлялись, играя с ним,
Как дитя, на руках носили.
Есть захочет — хвостом вильнет
И в глаза поглядит умильно.

Антистрофа 2

Но подросши, отцовский нрав
Показал прирученный зверь.
730 В благодарность за корм и кров
Он в крови утопил овчарню.
Лев подачки уже не ждет,
И убийством запятнан дом,
И не могут от льва спастись
Беззащитные домочадцы.
Это бог палача взрастил,
Чтобы дом покарать постылый.

Строфа 3

Вот так же она в Илион пришла:
Моря затихшего безмятежней,
740 Сокровищ краше, мила, скромна,
Очам плененным — сладкая рана,
Сердцу — цветок любви томящий.
Как обманула, как изменила,

Какой бедой обратила брак!
На слезы и скорбь дочерям Приама,
По воле Зевса-гостеприимца,
В облике молодой невесты
Вошла Эриния злая в Трою.

Антистрофа 3

750 Давно среди смертных живет молва,
Будто бедою чревато счастье
И умереть не дано ему,
Пока невзгодой не разродится.
Я же один — иного мнения:
Я говорю: от дурного дела
Плодится множество дел дурных,
И все с изначальной виною схожи.
А в доме честном и справедливом,
Чуждом злодейству и обману,
Родится радость — дитя святое.

Строфа 4

760 Вина старинная родит
Людскую новую вино.
Однажды наступит срок,
И страшный грех, неодолимый демон,
Из лона материнского выходит.
Черным-черно чудовищное чадо,
Похож на мать преступный плод вины.

• Антистрофа 4

770 А правда светит и в домах,
Где стены черный дым коптит.
Она лишь с тем, кто сердцем чист.
Она бежит от золотого трона,
Грязь увидавши на руках владыки,
Она смеется над богатством чванным,
И все послушно замыслам ее.

На оркестру въезжает Агамемнон на колеснице.
С ним — Кассандра.

Эпизодий третий

Предводитель хора

Вот и ты, государь, ты троянских твердынь
Победитель Атрид!

- Как назвать мне тебя, как тебя мне почитать,
Чтоб не быть мне скупым, чтобы льстивым не быть
В словословье своем
Если смертный личину лицу предпочтет,
780 Он перед правдой святой провинится.
Видя друга в печали, стонать и вздыхать
Может всякий. Да всякое ль сердце кольнет
Непритворная боль состраданья?
Точно так же не всякий удаче чужой
Улыбается с чистой душою.
Но овец своих знает хороший пастух,
И легко различает испытанный глаз,
Где вино неподдельное дружеских чувств,
Где вода подслащенная лести.
790 Я не скрою, готова заморский поход
За Еленой, сочувствия в сердце моем
Ты не встретил. Я мнил: у кормила стоит
Неумелый правитель. Казалось тогда,
Что людей, уходящих на верную смерть,
Ты пустыми надеждами тешишь...
Но тому, кто с успехом закончил свой труд,
От души благодарен я, рад от души,
Государь мой. А время покажет тебе,
Кто здесь городу преданный, честный слуга.
800 Кто слуга нерадивый, лукавый.

А г а м е м н о н

- Привет свой первый посылаю Аргосу
И вам, о боги родины, помощники
В пути возвратном и в достойном мщении
Земле Приама. Не со слов ответчика
И не со слов истца или свидетелей
Судили Трою боги, в урну гибели
Метнув шары: ведь в урну милосердия
Сама Надежда не дала шарам упасть.
Теперь лишь дым укажет место города.
810 Там жив лишь ветер смерти. Чад богатств бывших
Курится там над пеплом умирающим.
За это вечно мы благодарить должны
Богов бессмертных. Страшную, поистине,
Сплели мы сеть. Столица из-за женщины
Аргосским зверем в пыль обращена и прах.
Когда Плеяды гаснут, в час полуночный
Рожденный конским червом щитоносец-лев
С разбегу прыгнул через стену крепости

- И царской кровью жажду утолить сполна:
820 Вот что вначале надобно богам сказать.
Теперь тебе отвечу. Мне запомнились
Твои слова, и в мыслях мы союзники.
Согласен я. Немногим людям свойственно
Друзей счастливых чтить и не завидовать.
Ведь для того, кого судьба обидела,
Удача друга — это мука новая.
Своя забота душу ест что ржавчина,
А тут еще чужой успех оплакивай.
Да, я скажу по праву — научила жизнь.
830 Что преданность и дружба так же призрачны
Как отражение в зеркале обманчивом.
Лишь Одиссей, хоть не своею волею
Пошел в поход, был верен, честно воз тянул.
Вот говорю о нем, а сам не ведаю,
В живых ли он... А что, друзья, касается
Гражданских и священных дел, то вместе мы
Обсудим их в собрание. Позаботимся,
Чтобы успех наш длителен и прочен был.
А где лечение нужно, постараемся
840 То прижиганьем, то железом режущим,
Как врач разумный, вовремя болезнь пресечь.
И первым делом воздадим богам хвалу:
Они нас охраняли, привели они.
Пуškai и здесь победа нам сопутствует.

Из дворца выходит К л и т е м н е с т р а .

К л и т е м н е с т р а

- О граждане, о цвет старейшин Аргоса!
Не стыдно о тоске своей супружеской
Мне говорить пред вами: годы катятся,
А с ними увядает и застенчивость.
Скажу не то, что от других услышала,
850 Но то, что на беду самой узнать пришлось,
Пока мой муж под Троей бился, за морем!
Большое зло — когда без мужа женщина
Одна в стенах покинутых останется.
За вестью весть, одна другой ужаснее,
Теснясь, толпясь, несутся к ней без устали
И дому горе накликают, каркая.
Когда бы муж мой столько ран воистину,
Сражаясь, принял, сколько сочтено с молвой,
Он весь бы в дырах был, как сеть рыбацкая.
860 И если б всякий раз, как мертвым назван был,

- Он умирал, то Герион трехтуловый
Перед нами был бы новый, три полотнища
Пошло б ему на саван: тело каждое
Отдельно умирает у чудовища.
Из-за таких-то слухов — злых, пугающих,
Меня не раз насильно во дворце твоём
Из петли вынимали полумертвую
И потому не здесь, как подобало бы,
Залог надежной обоюдной верности,
870 Наш сын Орест. О царь, ты не дивись, прошу.
Его воспитывает друг наш преданный,
Фокеец Строфий. С двух сторон беду старик
Мне предвещал: тебя под Илионом смерть,
О царь, подстерегала; здесь же заговор
Народ умыслить мог. Ведь так уж водится,
Что людям бить сподручнее лежащего.
Вот в чем причина. Не ищи в ней хитрости.
Не плачу я. Соленых слез источники
Иссякли, до последней капли высохли,
880 И тусклы стали от недосыпания
Мои глаза, когда, тоской снедаема,
Я по ночам рыдала и костра ждала.
Чуть слышное жужжанье комариное
Меня уже будило, и короткий сон
Казался долгим, столько снилось ужасов.
886 Все позади теперь, и на душе легко.
893 Конец страданий — лучшая из радостей.
887 Наш царь для нас — что пес для стада робкого,
Для корабля канат, для кровли — крепкий столп,
Что для отца родного сын единственный,
890 Для морехода — берег завидневшийся,
Для зябнувших — сиянье дня весеннего,
Для путника в жару — вода студеная!
894 Я полагаю, что вполне заслужена
895 Хвала такая. Зависть прочь! Немало нам
Страдать пришлось. Итак, о повелитель мой,
Сойди же с колесницы, но на землю ты
Ногой, поправшей Трои, не ступай, прошу!
Что медлите, рабыни? Вам приказано
900 Устлать коврами путь. Так поспешите же
Царю дорогу проложить пурпурную!
Пусть Справедливость в дом такой введет его,
Какого и не чаял. Остальное все
Устроят боги, неусыпный труд свершит.

Агамемнон

Дочь Леды, дома царского охранница!
Твои слова под стать разлуке длительной:
Ты говорила долго. Но приятнее
Хвалы почетный дар из рук чужих принять.
Не услаждай речами: я не женщина.

- 910 Не нужно предо мной, как перед варваром,
С отверстым ртом сгибаться в три погибели,
Не нужно, всем на зависть, стлать мне под ноги
Ковры. К лицу богам такие почести,
А я ведь человек, и мне по пурпуру
Нельзя шагать без страха и сомненья.
Пусть не как бога чтут меня — как воина.
Не пышные подстилки пестротканые —
Молва меня прославит. Да, умеренность —
Вот лучший дар богов, и тот, кто кончит жизнь
920 В благополучье, тот блажен поистине,
Так я сказал, и слову буду верен я.

Клитемнестра

Ах, не противься моему желанию.

Агамемнон

Я не нарушу слова, так и знай, жена.

Клитемнестра

Уж не обет ли в страхе ты богам принес?

Агамемнон

Что говорил, то говорил обдуманно.

Клитемнестра

А как бы поступил Приам, по-твоему?

Агамемнон

Он по ковру паверно бы прошествовал.

Клитемнестра

Так не страшись людского осуждения.

Агамемнон

Молва народа — это сила грозная.

Клитемнестра

- 930 Лишь тем, кто жалок, люди не завидуют.

А г а м е м н о н

Не женское занятие — словопрение.

К л и т е м н е с т р а

Кто счастлив, тот позволит победить себя.

А г а м е м н о н

Неужто спор наш для тебя сражение?

К л и т е м н е с т р а

Уступчив будешь — выйдешь победителем.

А г а м е м н о н

Ну, что ж, коль так желаешь, отвяжите мне
Скорее обувь, ног моих прислужницу,
И пусть не смотрят на меня завистливо
Всевышние, когда я по ковру пойду:
Мне совестно ногами в землю втоптывать
940 В убыток дому эту дорогую ткань.
Но хватит об одном. Ты с чужестранкою
Будь добрей. На кроткого правителя
И боги благосклонно с высоты глядят.
Никто не хочет рабское нести ярмо.
А пленница моя — подарок воинства,
Сокровище сокровищ — вслед за мной пошла.
Итак, тебе я повинуюсь, женщина:
По пурпуру шагаю, чтобы в дом войти.

К л и т е м н е с т р а

Не бойся, нужды нет. Кто осушить бы смог
950 Просторы моря, вечно нам родящие
Красу холстов, багрянок драгоценный сок⁹?
Хвала богам, достанет в доме золота
И на ковры. Здесь незнакомы с бедностью.
Я б не жалела для подстилок пурпура,
Когда бы бог велел мне чрез оракула
Так расплатиться за твое спасение.
Остался б корень, а листва появится
И даст нам тепь в дни Сириуса жаркие¹⁰.
960 Когда ты к очагу пришел родимому,
Среди зимы весною вдруг повеяло,
А если в зной, когда вином незрелые
Зевс наполняет гроздья, муж воротится,
То свежестью, прохладой так и дышит дом.

О Зевс, вершитель Зевс, внимли мольбе моей
И все, что ты свершить задумал, — выполни.

(Клитемнестра с Агамемноном уходит во дворец.)

Стасим третий

Х о р

Строфа 1

Ах, откуда этот страх
В сердце бедное запал?
Предвещанья грозные откуда?
Почему напевом неотвязным
970 Темные пророчества звучат?
Почему не в силах я
Отогнать, как сон дурной,
Этот ужас, почему отвага
Вдруг покинула престол души?
Ведь давно канаты кормовые
Кораблей, ушедших в Илион,
О песок ударились Авлиды!

Антистрофа 1

Сам я видел, как домой
Наши воины пришли.
980 Почему же радость отдается
Песнею безлирною Эриний,
Почему в слезах душа моя?
Пусть унынье и тоска
Страх и боль родят в груди,
Пусть неложны предвещанья сердца,
Скачущего, словно колесо,
В ожиданье горестных свершений —
Я молю о том, чтоб не сбылись
Дум тревожных страшные посулы.

Строфа 2

990 Здоровье и хворость рядом живут,
Соседи они. Болезнь всегда
Самых цветущих согнуть грозит,
Но лечат лекарства недуги тела
Бывает и так, что счастья корабль
Судьба на камень подводный кинет.
Но искусный мореход

1000 Часть добра метнет за борт,
Чтобы легче стал корабль,
Чтобы с мели соскользнул, —
И опять над хлябью волн
Уцелевший реет парус.
Даже голод — полбеда:
Отвращает голод Зевс
Тучной нивы щедрыми дарами.

Антистрофа 2

1010 Но если черная кровь струей
На землю хлынула из груди,
Нет никого, кто бы к жизни вновь
Сумел мертвеца заклинаньем вызвать.
Один заклинатель¹¹ такой давно
Наказан Зевсом, другим в науку
Так богами решено:
Доля подданных царя
Царской доле не равна.
А не то поток забот
Сердце б выхлестнуло враз
И язык опередило,
Не стонало бы во тьме,
Не искало бы вотще
Облегченья боли непомерной.

Эписодий четвертый

К л и т е м н е с т р а выходит из дворца.

К л и т е м н е с т р а

1020 И ты — с тобой, Кассандра, говорю — войди
Сюда без гнева, раз уж суждено тебе
Жить в этом доме и в числе рабынь
Здесь Домодержца Зевса окроплять алтарь.
Сойди же с колесницы без надменности.
Ведь говорят, что сын Алкмены некогда,
И тот был продан и на рабских жил хлебах.
Да, если уж судьба такая выпадет,
Куда милее дом, богатый издавна:
Кто завладел богатством неожиданно —
Жесток с рабами, нетерпим и мелочен.
1030 У нас не так, мы добрые хозяева.

Предводитель хора

Она тебе сказала слово ясное.
Что делаты! Ты в сетях судьбы запуталась.
Коль можешь, покорись, коль нет — послушайся.

Клитемнестра

Нет, если внятн ей не щебет варварский,
А наш язык, сумей проникновенные
Найти слова, чтоб речь ей сердце тронула.

Предводитель хора

Послушайся. Ты видишь: госпожа добра.
Спустися же с колесницы, во дворец войди.

Клитемнестра

Здесь, у дверей, нельзя мне медлить долее.
1040 Я тороплюсь. Уже пред алтарем стоит
Овца и ждет ножа. Никак не чаяли,
Что до такой дожить придется радости.
Коль во дворец пойдешь, иди, не мешкая,
А если речь тебе невразумительна,
Пусть знаками с тобою говорит старик.

Предводитель хора

Не обойтись без толмача искусного,
Дикарка — что зверек, силками пойманный.

Клитемнестра

Безумие вошло в нее и бешенство:
Недавно лишь страна ее захвачена,
1050 И прежде чем кровавый гнев не выкипит,
К узде неволи не привыкнет пленница.
Довольно. Просьбой больше не унижусь я.

(Уходит во дворец.)

Предводитель хора

А я тебя жалею, я не гневаюсь.
Сойди же с колесницы, уступи судьбе.
Иди, иди, ярма отведай рабского.

Кассандра

Строфа 1

О горе мне, о горе мне!
Аполлон, Аполлон!

Предводитель хора

Зачем кричишь, зачем зовешь ты Локсия?
К нему не с плачем — с песней обращаются.

Кассандра

Антистрофа 1

1060 О горе мне, о горе мне!
 Аполлон, Аполлон!

Предводитель хора

Опять вопит, опять зовет несчастная
Того, кто не заботится о плачущих.

Кассандра

Строфа 2

Аполлон, Аполлон!
Страж путей, погубитель мой!
Второй твоей стрелою ты сразил меня.

Предводитель хора

Наверно, о своих пророчит горестях:
И в рабстве не изменит богоданный дар.

Кассандра

Антистрофа 2

1070 Аполлон, Аполлон!
 Страж путей, погубитель мой!
 Куда меня завел ты, к чьим стенам привел?

Предводитель хора

Здесь — дом Атридов. Коль сама не ведаешь,
Куда пришла, не стану я обманывать.

Кассандра

Строфа 3

О стены богомерзкие, свидетели
Ужасных дел! Жилище палачей!
Здесь кровью детской вся земля пропитана.

Предводитель хора

Собачий нюх у пленницы, поистине:
На верный след напала, кровь почуяла.

К а с с а н д р а

Антистрофа 3

1080 Немудрено почуять — столько признаков!
Вот слышу я младенцев бедных плач,
Детей несчастных, съеденных родителем!

П р е д в о д и т е л ь х о р а

О чужестранка, ты слывешь провидицей,
Но прошлое не нужно и предсказывать.

К а с с а н д р а

Строфа 4

О горе! Что задумала жена?
Какое преступленье, грех какой,
Еще какую новую беду
Она готовит в доме?
1090 Ах, ниоткуда помощь не придет,
Защита не приспееет!

П р е д в о д и т е л ь х о р а

Мне невдомек последнее пророчество,
А первое — весь город говорит о нем.

К а с с а н д р а

Антистрофа 4

Проклятая! Неужто ты сейчас
Того, кто ложе брачное с тобой
Делил, омоешь в бане и... но я
Промолвить не осмелюсь.
Недолго ждать конца. Руке рука
Протягивает что-то.

П р е д в о д и т е л ь х о р а

Не понимаю. Говорит загадками.
1100 В потемках предсказанья как путь найти?

К а с с а н д р а

Строфа 5

Увы! Беда, беда!
Что увидала я!
Не сети ли супруга распростерла,
Помощница Аидовых собак,
Эричий грозных? Пусть они толпой

Заголосят о каре неизбежной
За новое закланье!

Предводитель хора

Строфа

1110 Зачем зовешь Эриний в дом? Зачем тебе
 Нужна их песнь? Как безотраднa речь твоя!
 К испуганному сердцу кровь прихлынула.
 Вот так, зари померкнувшим лучом,
 И угасает жизнь,
 Когда нельзя сдержать
 Напор струи багровой.

К а с с а н д р а

Антистрофа 5

1120 Смотрите! Началось!
 Гоните от быка
 Корову прочь! Капканом покрывала
 Она его поймала. Черный рог
 Бодает грудь его. В купальный чан
 Он падает. Воды не пожалела,
 Омыла гостя в бане.

Предводитель хора

Антистрофа

 Не похвалюсь, не мастер я разгадывать
 Пророчества. Но чую здесь недоброе.
 Да и когда от ясновидцев слышали
 Благие вести? Только скорбь и боль
 Оракулы сулят,
 Внушая людям страх
 Пред мудростью пророка.

К а с с а н д р а

Строфа 6

1130 О горькая судьба,
 Удел многострадальный!
 И я в котел беды
 Свою печаль влила.
 Зачем сюда привел меня, несчастную?
 Чтоб смерть меня постигла здесь? Зачем еще?

Х о р

Строфа 1

Словно безумная, в божьем наитии,
Плачет она о себе и поет
Песню нестройную. Так соловей рыжеватый,
Рощ иступленный певец.
1140 Итиса, Итиса кличет и вечной тоски
Стоном насытить не может.

К а с с а н д р а

Антистрофа 6

О доля соловья,
Звонкоголосой птицы!
О сладкая судьба
Пернатого певца!
Ему дано весь век беду выплакивать,
А мне — удар меча двуострого принять.

Х о р

Антистрофа 1

Где обрела ты на муку напрасную
Вещего слова божественный дар?
1150 С воплями бреда сливается песня пророка,
Стройная песня судьбы.
Где ты нашла для напева такого лады
Новым грозящие горем?

К а с с а н д р а

Строфа 7

О гибель дорогих, Париса брачный пир!
О мой Скамандр, земли родной река!
Меня когда-то берега твои,
Несчастную вскормили.
Но видно, скоро над Кокитом сумрачным,
1160 Над Ахеронтом буду я предсказывать.

Х о р

Строфа 2

Теперь ты ясно, слишком ясно вдруг
Заговорила. Понял бы тебя

Пожалуй, и младенец. Жалом острым
Впился в меня злосчастной девы стон.
Полно тревоги сердце.

К а с с а н д р а

Антистрофа 7

О город, город мой, повергнутый во прах!
Обильными дарами алтарям
Несчастный мой отец спасти хотел
Троянские твердыни,
1170 Но тщетно! Город наш изведal худшее,
А я комком кровавым упаду сейчас.

Х о р

Антистрофа 2

Согласна с прежней речью эта речь.
Какой же демон давит грудь твою
Неодолимым грузом и о смерти,
О жалкой доле заставляет петь?
Что впереди — не знаю.

К а с с а н д р а

Так пусть же под фатой, как новобрачная,
Не прячется теперь мое пророчество.
В часы восхода гонит ветер на море
1180 Волну к востоку, к солнцу. Так и вещей вихрь
Пускай выносит ныне за бедой беду
На свет. Не буду говорить загадками.
Я побегу по следу зла давнишнего,
А вы — вы подтвердите правоту мою.
Не покидает этих стен согласное,
Но тягостное пенье; страшный хор поет.
Упившись кровью, буйствуют и бесятся
Засевшие в дому оравой пьяною
Эринии. Не выгонишь таких гостей.
1190 Они все тянут песнь — об изначальном зле,
Свершенном в доме, а в припеве вновь клянут
Того, кто ложе брата осквернить посмел.
Что же, промахнулась или бью без промаха?
Болтаю, как гадалка, лгу, как нищенка?
Так поклянись, что ничего не ведаешь
О давних преступлениях, учиненных здесь.

Предводитель хора

Какою клятвой ни клянись, не сделаешь
Несчастней наших благом. Но дивлюсь тебе:
Ты выросла в чужом, заморском городе,
1200 А говоришь о здешнем, будто здесь жила.

Кассандра

Мне Аполлон — гадатель повелел вещать.

Предводитель хора

Он пожелал тебя, земную девушку?

Кассандра

Ах, прежде я стыдилась говорить о том.

Предводитель хора

О да, кичиться свойственно счастливому.

Кассандра

Меня он домогался, он любви хотел.

Предводитель хора

И что ж, ты отдалась его объятиям?

Кассандра

Пообещав, я обманула Локсия.

Предводитель хора

Уже владея даром ясновиденья?

Кассандра

Уже я беды предрекла согражданам.

Предводитель хора

1210 Но как же гнева Локсия избегла ты?

Кассандра

С тех пор мне никогда ни в чем не верили.

Предводитель хора

Я верю. Речь твоя мне вещей кажется.

Кассандра

Опять, опять

Меня кружит пророчества безумный вихрь
И мучит боль предчувствий. О беда, беда!

- Глядите! Тенью бледною сидят вот здесь,
У дома, дети, кровными убитые.
И кажется, в ручонках сжали мальчики
Свое же мясо — потроха, кишки свои.
- 1220 А их отец — о горестное пиршество! —
Растерзанные внутренности в рот сует.
За это мстить задумал некий лев. Да, лев!
Но лев трусливый, праздностью изнеженный
В постели. Он-то и воздаст хозяину,
Ах, моему хозяину — ведь я раба!
Не знает покоритель илионских стен,
Вождь кораблей какое зло умыслила
Та, что подобно суке, с визгом радостным,
Его встречала мерзкий распустив язык.
- 1230 Что за отвага! Убивает женщина
Мужчину. Но каким же мне чудовищем
Ее назвать? Змеей хвостоголовою?
Иль Скиллой, стражем скал и моряков бичом?
Иль жрицею Аида, что родных своих,
И тех щадить не станет? Как, бесстыжая,
Она вскричала! — так в бою боец кричит.
А всем казалось: мужа видеть счастлива.
Не верьте мне иль верьте — все равно теперь.
Что будет — будет. Слишком вещей скоро ты
- 1240 Меня свидетель скорбный назовешь и сам.

Предводитель хора

Да, пир Фиеста, съевшего детей своих,
Узнал я и дрожу от изумления,
Услышав правду — чистую без вымысла,
Но после сбился с колен, запутался.

Кассандра

Так знай: ты смерть увидишь Агамемнона.

Предводитель хора

Язык свой обуздай, молчи, несчастная!

Кассандра

Не отвратишь того, о чем сказала я.

Предводитель хора

Да, коль свершится. Но пускай не сбудется.

К а с с а н д р а

Ты молишься, а там убить готовятся.

П р е д в о д и т е л ь х о р а

1250 Да кто ж пойдет на это злодеяние?

К а с с а н д р а

Видать, и впрямь не понял ты пророчества.

П р е д в о д и т е л ь х о р а

Да, я не понял, кто убьет и как убьет.

К а с с а н д р а

Я слишком ясно говорю, по-гречески.

П р е д в о д и т е л ь х о р а

И Пифия — по-гречески. Да как понять?

К а с с а н д р а

Ой, ой, какой огонь! Вот подступает вновь.

О Аполлон Ликийский! Горе, горе мне!

От львицы от двуногой, той, что с волком спит,

Покуда на охоте благородный лев,

Погибну я. И для меня найдет она

1260 Глоток в смертельной чаше — плату горькую.

Она на мужа точит меч и молится:

Пусть жизнь отдаст за то, что в дом привел меня.

К чему, к чему же я ношу, не на смех ли,

Венок и жезл — вещуньи знаки жалкие?

Нет, растопчу их, прежде чем сама умру.

В прах побрякушки! Я за вами следом — в прах!

Сам Аполлон с меня убор провидицы

Срывает, увидав, каким посмешищем

1270 Стал мой наряд, пока враги и недруги

Согласным хором надо мною тешились.

Меня бранили, называли нищенкой,

Кликушею голодной — все я вынесла.

И вот сегодня наконец пророчицу

Сюда на муку смертную привел пророк.

Передо мною не отцовский жертвенник,

А плаха. На нее прольется кровь моя.

Но уж за гибель нашу боги взыщут мзду!

Еще придет он, тот, кто отомстит за нас:

1280 Сын мать убьет и за отца расплатится.

Скиталец, из страны родимой изгнанный,

Он явится, кровавый замыкая круг!

- Так боги поклялись. Взывает к мстителю
Поверженный отец, и сын услышит зов.
О чем я плачу? Ах, о чем я слезы лью?
Ведь я же худший день родного города
Уже пережила. Сегодня вижу я,
Как губят боги погубивших город мой.
Довольно, решено. Теперь на смерть иду.
- 1290 О двери дома, о врата Аидовы!
Молю лишь об одном: чтоб метко пал удар,
Чтоб сразу же, как хлынет кровь, без судорог,
Смогла навеки я закрыть глаза свои.

Предводитель хора

О женщина несчастная и мудрая,
Ты говорила долго. Но скажи, зачем
Свою судьбу предвидя, агнцем жертвенным
Отважно ты и смело к алтарю идешь?

Кассандра

Иного нет пути. Так что же медлить мне?

Предводитель хора

Последние мгновенья ценят смертные.

Кассандра

- 1300 Мой день пришел. В увертках мало прибыли.

Предводитель хора

Так знай же: ты отважна и в страдании.

Кассандра

- 1304 О мой отец! О доблести детей твоих!

Предводитель хора

- 1303 Да, людям легче умирать со славою.

Кассандра

- 1302 Но слов таких не говорят счастливому.

Предводитель хора

- 1305 Что там такое? Почему ты пятишься?

Кассандра

Ой, ой!

Предводитель хора

Чего ты стонешь? Страх какой привиделся?

К а с с а н д р а

Дохнули стены кровью человеческой.

П р е д в о д и т е л ь х о р а

Да нет же. Это дух от жертв заколотых.

К а с с а н д р а

1310 Как из могилы на меня повеяло.

П р е д в о д и т е л ь х о р а

Я слышу запах ладана сирийского.

К а с с а н д р а

Я в дом войду, рыдая о своей судьбе
И Агамемнона. Вот жизнь и кончилась.
Увы, друзья!
Как вспугнутая птица над кустарником,
Я заметалась. Вы об этом вспомните,
Когда за гибель женщины, за смерть мою,
Жена заплатит, а за гибель мужа — муж.
Такого дара гостя ваша требует.

П р е д в о д и т е л ь х о р а

1320 Мне жаль тебя, несчастная пророчица.

К а с с а н д р а

Еще лишь слово. Это по себе самой
Плач поминальный. Я молю последний свет
Всевидящего солнца, чтоб врагов моих,
Моих убийц, такая же постигла смерть,
Как и меня, рабыню беззащитную.

(Уходит во дворец.)

П р е д в о д и т е л ь х о р а

О доля смертных! С линиями легкими
Рисунка схоже счастье: лишь явись беда —
Оно исчезнет, как под влажной губкою.
Не об одной Кассандре, обо всех тужу.
1330 Не насытится счастьем никто из людей,
И никто не поднимет пред домом своим
Заградительный перст, чтобы счастьем сказать:
«Не входи, неумное. Хватит».
Вот глядите, бессмертные дали царю,
Сокрушив Илион, возвратиться домой,

Насладиться почетом и славой.

Но теперь, если должен он кровь искупить,

Если должен за тех, кто убит, умереть,

Если смертью за давнюю платится смерть,

1340 Кто назвать бы осмелился счастье свое

Неизменным, природным, надежным?

Г о л о с А г а м е м н о н а

(из дворца)

О! Я сражен ударом в доме собственном!

П р е д в о д и т е л ь х о р а

Тише! Кто-то стонет тяжело, кто-то насмерть поражен!

Г о л о с А г а м е м н о н а

Еще один удар! О, горе, горе мне!

П р е д в о д и т е л ь х о р а

Снова царь кричит. Наверно, злодеянье свершено.

Так давайте же обсудим, как нам действовать верней.

В т о р о й с т а р е ц

Я думаю, что нужно клич по городу

Пустить и горожан сюда, к дворцу, созвать.

Т р е т ь и й с т а р е ц

По-моему, ворваться в дом немедленно

1350 Покуда меч не высох, уличить убийц.

Ч е т в е р т ы й с т а р е ц

И я сторонник действий. Это мнение

Я разделяю. Больше ждать нам некогда.

П я т ы й с т а р е ц

Все ясно здесь. Начало не сулит добра.

Над городом нависло самовластие.

Ш е с т о й с т а р е ц

Мы только тратим время. А преступникам

Медлительность смешна. Они не мешкают.

С е д ь м о й с т а р е ц

Не знаю, что мне вам и посоветовать.

Коль действуешь, подумать прежде надобно.

Восьмой старец

Я тоже не решил еще. Не взять мне в толк,
1360 Как можно речью воскресить умершего.

Девятый старец

Неужто мы, за собственную жизнь дрожа,
Согнемся перед тем, кто осквернил дворец?

Десятый старец

Нет, мы не стерпим. Лучше сложим головы.
Достойней смерть, чем иго самовластия.

Одиннадцатый старец

Нет доказательств. Только стоны слышали.
Но разве это значит, что погиб наш царь?

Двенадцатый старец

Сначала б разузнать, а уж потом — шуметь.
Ведь знанье и догадка — вещи разные.

Предводитель хора

Вот это мнение самое разумное.
1370 Об участи Атрида мы узнать должны.

Двери дворца отворяются. Видны тела Агамемнона
и Кассандры. Из Дворца выходит Клитемнестра.

Клитемнестра

Не стыдно мне сказать совсем обратное
Тому, что прежде говорить должна была.
Иначе и нельзя, когда прикинувшись
Врагу первейшим другом, сеть плетешь ему
Такую чтобы никакой прыжок не спас.
Давно уж поединок этот выношен
В душе моей. Вот наконец и день пришел.
Вот я стою, гордясь, что дело сделано.
Убила. Отпираться я не стану, нет.
1380 Накидкой, огромной, как рыбацья сеть —
О злой наряд! — Атрида спеленала я.
Не мог он защититься, убежать не мог.
Ударила я дважды. Дважды вскрикнул он
И рухнул наземь. И уже лежавшему —
В честь Зевса Подземельного, спасителя
Душ мертвецов, — я третий нанесла удар.

- Так, пораженный насмерть, испустил он дух,
И с силой кровь из свежей раны брызнула,
Дождем горячим, черным оросив меня.
- 1390 И радовалась я, как ливню Зевсому
Набухших почек радуется выводок.
Вот цвет старшин аргосских, каковы дела,
Я торжествую, рады иль не рады вы.
Когда б велел обычай возлиять богам
Над мертвецами, то по праву полному
Мы принесли бы жертву. Тот, кто столько бед
Нам уготовил, — сам из чаши бед хлебнул.

Предводитель хора

Дивимся мы речам твоим и наглости,
Убила мужа да еще кощунствуешь.

Клитемнестра

- 1400 Ты смотришь на меня как на безумную,
А я — я хладнокровно признаюсь тебе
В своем поступке. Осуждай, хвали меня —
Мне все едино. Вот он, мой супруг, лежит,
Царь Агамемнон. Этою рукой, гляди,
Я славно совершила дело правое.

Хор

Строфа

- Что с тобой, женщина?
То ли тебя ядовитой земля накормила травой?
То ли отравленным зельем волна напоила?
Злобствуешь ты, проклиняема городом,
1410 Отчуждена, ненавистна, отвергнута.
Родина гонит тебя.

Клитемнестра

- Меня ты судишь, мне грозишь изгнанием,
Проклятьем граждан, ненавистью города.
Что ж ты тому перечить не осмелился,
Кто, как овцу — одну из неоглядных стад
Овец прекраснорунных, — дочь, родную дочь,
Дитя мое, убил без сожаления,
Затем лишь только, чтоб фракийский ветер стих?
Уж не его ли, скверну нашей родины,
1420 Изгнаньем надо было наказать? А ты
Меня судить проворен. Так запомни же:

Бороться я готова. На насилие
Насилием отвечу. Победишь меня —
И власть твоя. Но ежели рассудит бог
Иначе — хоть и стар, уму поучишься.

Х о р

Антистрофа

- Как ты заносчива!
Сколько гордыни в речах твоих. Кровь опьянила
тебя!
Бешенство душу твою обуяло. Ты веришь.
1430 Будто к лицу тебе пятна кровавые.
Кончишь бесславно, друзьями покинута,
Смертью заплатишь за смерть.

К л и т е м н е с т р а

- Ну что ж, свои слова скреплю я клятвою,
Клянусь тебе отмщеньем за дитя мое,
Клянусь тебе карающей Эринией,
Что страха пред расплатой не узнает дом,
Пока Эгист мой верный здесь очаг блюдет.
Он мне опора, от него — уверенность.
Лежит злодей, позоривший жену свою
1440 И дочек Хриса¹² тешивший под Троею.
А это вот — пророчица-гадальщица,
Копьем в бою добытая наложница.
Верна и здесь. На корабельных палубах
Валялись тоже вместе. По заслугам честь:
Вот он лежит, а вот подружка милая —
С ним рядышком. Как лебедь, перед смертью песнь
Пропела. Это муж мой позаботился,
Чтоб лакомством пресладким завершился пир.

Стасим червертый

Х о р

Строфа I

- Ах, если б легкую, быструю смерть,
1450 Без изнуряющей боли, без мук,
Сон бесконечный, блаженный покой
Мне даровала судьба!
Мертв он, страны моей доблестный страж,
Женщина мукам его обрекла,

Женщина жизни лишила.
О Елена, виновница нашей беды!
Сколько душ, о какое же множество душ
Ты одна погубила у Трои!
1460 А сегодня вражда, что супругу на казнь
Поселилась однажды в печальном доме,
Расцвела несмываемой кровью.

К л и т е м н е с т р а

Не печалься об этом и смерти своей
До поры не зови,
Не ропщи на Елену, как будто она,
Мужегубица, на смерть одна обрекла
Войско славных данайцев, как будто она
Нанесла нам глубокую рану.

Х о р

Антистрофа 1

Демон, что в дом Танталидов¹³ проник,
1470 Женщин трусливых бесстыдная власть,
Горем ты душу терзаешь мою.
Вот, словно ворон, стоит
Демон у тела и звонкую в лад
Песню заводит, и льется из уст
Гимн торжествующей смерти.
О Елена, виновница нашей беды!
Сколько душ, о какое множество душ
Ты одна погубила у Трои.
А сегодня вражда, что супругу на казнь
Поселилась однажды в печальном доме,
Расцвела несмываемой кровью.

К л и т е м н е с т р а

Наконец-то ты верное слово сказал,
Наконец-то ты назвал
Трижды грозного демона нашей семьи.
Это он не велит, чтоб утихла в сердцах
1480 Жажда крови. Сильна еще старая боль,
А уж новые раны открылись.

Х о р

Строфа 2

Страшному демону дома,
Страстному гневу ты славу поешь.

- Скверная слава! Смертей и смертей
Демон прожорливый алчет.
Зевс изначальный — причина всему,
Все — от него, чрез него, для него.
Что смертному дано без воли Зевса?
Что на земле не богом свершено?
1490 О мой царь, о мой горький, поверженный царь,
Как оплачу тебя?
Что скажу я от сердца над трупом твоим?
Ты лежишь, ты задушен в паучьих сетях,
Ты бесславную гибель изведal.
О позорной постели коварная ложь!
Заостренным клинком размахнулась жена,
Навсегда уложила супруга.

К л и т е м н е с т р а

- Ты кричишь, что моей это дело руки.
Ах, моей ли? Меня
1500 Не пристало женой Агамемнона звать.
Это в облике женщины здесь, пред тобой,
Древний демон расплаты, жестокий судья,
За Атреево страшное пиршество мстит,
Мужу гибель неся,
Чтоб за детскую кровь рассчитаться.

Х о р

Антистрофа 2

- Женщина, кто твой свидетель?
Кто невиновность твою подтвердит?
Кто же, о кто же? Пособник лихой.
Демон вины стародавней,
1510 Тот, что по крови отцов и детей
Черным Аресом шагает туда,
Где в искупление отроческой крови
Готова новая пролиться кровь.
О мой царь, о мой горький, поверженный царь,
Как оплачу тебя?
Что скажу я от сердца над трупом твоим?
Ты лежишь, ты задушен в паучьих сетях,
Ты бесславную гибель изведal.
О позорной постели коварная ложь!
1520 Заостренным клинком размахнулась жена,
Навсегда уложила супруга.

К л и т е м н е с т р а

А не он ли коварством, не он ли грехом
Этот дом осквернил?
Он дитя мое, чресел его же дитя
Ифигению бедную, сам заколол!
По делам и награда, по славе и честь.
Пусть в Аиде своей не кичится бедой.
1530 Да, он пал от меча,
Но наказан мечом по заслугам.

Хор

Строфа 3

Блуждают мысли. Кто мне подскажет,
Куда идти? Зашатался дом.
Стою беспомощно на распустье.
Боюсь я, хлынет кровавый дождь:
Первые капли уже упали.
Правда для новых смертей клинок
На новом камне точильном точит.
1540 О Земля, приняла бы ты тело мое
До того, как положат в серебряный гроб
Неподвижное царское тело!
Кто его погребет? Кто оплачет его?
Уж не ты ли, убившая мужа жена?
Неужели посмеешь над ним причитать
И неласковой ласкою, льстивой хвалой
Оскорблять отлетевшую душу?
Кто, хороня божественного мужа,
Плач сотворит и разорвет одежды
С тоскою непритворною в душе?

К л и т е м н е с т р а

1550 Не заботься об этом: печаль не твоя.
Мы удар нанесли,
Мы убили — и нам же его хоронить.
Но не будут рыдать домочадцы над ним,
А у волн Ахеронта навстречу царю
Ифигения, дочь,
Выйдет, ласковым словом приветит отца
И, руками обвив,
Поцелует его улыбаясь.

Антистрофа 3

1560 В ответ упреку упреки слышу.
 Кто виноват разобрать нельзя.
 Убит убийца, ловец изловлен.
 Доколе властвует в мире Зевс,
 Горе преступнику. Вот где правда.
 С древним проклятием семья срослась.
 Но как же семя беды исторгнуть?

О Земля, приняла бы ты тело мое
 До того, как положат в серебряный гроб
 Неподвижное царское тело!
 Кто его погребет? Кто оплачет его?
 Уж не ты ли, убившая мужа жена?
 Неужели посмеешь над ним причитать
 И неласковой ласкою, льстивой хвалой
 Оскорблять отлетевшую душу?

Кто, хороня божественного мужа,
 Плач сотворит и разорвет одежды
 С тоскою непритворною в душе?

К л и т е м н е с т р а

О проклятье ты верное слово сказал.
 Я хочу, чтоб со мной
 Демон рода Плисфена вошел в договор.
 Я готова сегодня поклясться ему,
 1570 Что навеки с печалью испытанных бед
 Примирюсь. Но зато пусть отныне навек
 Он покинет наш дом и в другую семью
 Цепь смертей унесет.
 Поступлюсь и наследным богатством своим,
 Если в этих стенах
 Стихнет ярость взаимоубийств.

Из дворца выходит Эгист с телохранителями.

*Эксод**Э г и с т*

О долгожданный свет, о день возмездия!
 Теперь я верю — смотрят боги-мстители
 Открытыми очами на земное зло.

- 1580 Увидел, наконец, я, как запутался
В сетях Эриний враг мой. Да, на радость мне
Сын за жестокость заплатил отцовскую.
Отец его, Атрей, правитель Аргоса,
Борясь за власть, Фиеста, моего отца,
И брата своего — добавить надобно —
Подверг изгнанию из родного города.
Фиест вернулся, к очагу с мольбой припал,
И было тут обещано несчастному,
Что кровью брата царь земли отеческой
1590 Не осквернит. Но злой, безбожный замысел
Таил Атрей. На праздничное пиршество,
Как друга друг, позвал он моего отца
И гостя мясом чад его попотчевал:
Поодаль от пирующих рассек Атрей
Ступни и кисти рук — чтоб не узнал никто;
Отец кусок поднес ко рту в неведение
И начал есть — не на добро, как видите,
Вдруг, распознав злодейство богомерзкое,
Он закричал, упал, извѣрг убоину
1660 И, опрокинув стол, проклятьем бешеным
Семью Пелопа проклял, пожелав, чтоб весь
Плисфенов род погиб такой же гибелью.
За эту-то вину и рухнул царь, гляди.
А я — я вправе был царю силки плести,
Я, третий сын злосчастного родителя,
Грудным ребенком на чужбину посланный.
Меня вскормила Правда и вернула в дом,
И это я стерег в дверях обидчика,
И это я сумел составить заговор.
1610 Теперь, когда тенетами возмездия
Опутан враг, и умереть не страшно мне.

Предводитель хора

Эгист, грехом кичиться — отвратительно.
Ты хвалишься, что хоть и не своей рукой
Убил, но сам готовил злодеяние.
Так знай же: не минуют головы твоей
Сограждан камни. Полетят с проклятьями,

Эгист

- У нижних весел сидя, мне грозить посмел?
Нет, правит кораблем, кто наверху сидит.
Что ж, сам посмотришь, каково в лета твои,
1620 Седой глупец, уму учиться, разуму.

Колодки, голод — два искусных лекаря —
И старика излечат от безумия.
Коль ты не слеп, на что тебе надеяться?
Не лез бы уж ты на рожон, старик.

Предводитель хора

По-женски дома поджидал ты воинов,
Они сражались — ты в постели спал.
И ты же уготовил полководцу смерти!
1643 Так почему же — о, душа ничтожная! —
Не сам убил, а на позор стране родной,
На стыд и ужас божествам отеческим,
Жену заставил? Помни: где-то жив Орест,
Судьбой хранимый. Он вернется мстителем
И вас обоих мощной сокрушит рукой.

Эгист

1628 За эти речи ты еще наплачешься.
Орфей ты, старец, да беда — навыворот:
1630 Тот всех сладчайшим пеньем за собой водил,
Тебя же за твое пустое тявканье
В темницу поведут, чтоб там одумался.

Предводитель хора

Так, значит, стать решил тираном Аргоса
Тот, кто, задумав погубить правителя,
Своей рукой боялся нанести удар!

Эгист

Да ведь жене удобней было сеть плести,
А старый враг всегда на подозрении,
Но уж теперь, когда казна убитого
Досталась мне, — и власть моя. Уздой смирю
1640 Ослушника. Брыкаться норовистому
Не дам коню я. В темноте и голоде
1642 Покорным станет, долго не придется ждать.

Хор

1649 Это все покамест речи. Поглядеть бы на дела.

Эгист

Эй, сюда, скорее, стражи! Время действовать пришло!

Хор

Эй друзья, готовьте к бою обнаженные мечи!

Э г и с т

Обнажил и я клинок свой, умереть и я готов.

Х о р

Что ж, умри! Твою кончину с легким сердцем я приму.

К л и т е м н е с т р а

Нет, не будем, о мой милый, новой крови проливать.
Без того уже печальна жатва острого меча,
Без того уже довольно горя, ужасов, смертей.
Ты иди к себе, а старцы по своим пойдут домам.
Нет нужды в кровопролитье. Что свершили, то к добру.
Пусть же радостью страданья обернутся наконец!
1660 Натерпелись мы несчастий под копытами судьбы.
Таково, коль знать хотите, мнение женское мое.

Э г и с т

Разве я стерплю такое, чтобы праздным языком
Поносил владыку вволю расшумевшийся глупец,
Чтобы ругань извергая, дерзкий вызов слал судьбе?

Х о р

Не в обычае аргосцев подольщаться к подлецу.

Э г и с т

Погоди, не нынче-завтра рассчитаешься со мной.

Х о р

Если только нам Ореста боги завтра не вернут.

Э г и с т

Да, кто изгнан на чужбину, для того надежда — хлеб.

Х о р

Что ж, твое настало время: попирай, топчи закон.

Э г и с т

1670 За свою заплатишь глупость, подожди, наступит срок.

Х о р

Петушок наш расхрабрился у наседки под крылом.

Клитемнестра

Лая глупого не слушай. Править будем мы с тобой.

И теперь под нашей властью, в доме все пойдет на лад.

(Пер. С. Анта)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Трагедия «Агамемнон» является первой частью единственной полностью сохранившейся трилогии Эсхила «Орестея», созданной на сюжет аргосского цикла мифов о «проклятом богами» роде аргосских царей, ведущих свой род от Тантала и Пелопса. В трилогии рассказывается о возвращении из-под Трои Агамемнона, вождя греческого войска, об убийстве его Клитемнестрой, о мщении за отца, которое совершает, убивая мать, сын Агамемнона Орест. Богини мщения — Эринии преследуют его за это, но на суде Ареопага в Афинах Орест был оправдан. Первая часть повествует о возвращении Агамемнона и его гибели. Трилогия является самым поздним (458 г. до н.э.) и самым совершенным творением Эсхила. ²Хор поет о знамении, посланном ахейцам богами в Авлиде перед отплытием в Трою. ³*Сопрестольные цари* — Агамемнон и Менелай. ⁴*Крылатые цари* — орлы, орел считался птицей Зевса. ⁵*Провидец* — Калхас (Калхант). ⁶*Неслыханная жертва* — Ифигения, дочь Агамемнона, которую он принес в жертву оскорбленной им богине Артемиде и лишившей греческий флот ветра. ⁷*Гефест* — здесь, огонь. *Ида* — гора под Троей. Далее следует в монологе Клитемнестры подробное описание пути «огненной эстафеты» с перечислением многочисленных географических пунктов на Эгейском море и в материковой Греции. ⁸Эсхил здесь создает каламбур, соотнося имя «Елена» с созвучным ему глаголом, означающим «брать в плен». ⁹*Багрянок драгоценный сок* — пурпур (пурпурная краска добывалась из морских улиток — багрянок). ¹⁰Самое жаркое время года (*Сириус* — звезда из созвездия Большого Пса). ¹⁰Имеется в виду Асклепий. ¹²*Дочки Хриса* намек на Хрисеиду («Илиада», песнь I). ¹³*Танталиды* — потомки Тантала — Пелоп, Плисфен, Атрей, Фiest, Агамемнон, Эгисф.

ПРИКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ¹

Действующие лица:

Власть и сила.

Гефест.

Прометей.

Хор океанид.

Океан.

Ио, дочь Инаха.

Гермес.

Пролог

Власть

Вот мы пришли в далекий край земли,
В безлюдную пустыню диких скифов.

- Твоя теперь обязанность, Гефест,
Приказ отца исполнить — к горным кручам
Вот этого злодея приковать
Нерасторжимых уз железной цепью.
Цветок твой яркий — творческий огонь —
Украд, он смертным в дар принес и должен
За этот грех наказан быть богами,
10 Чтоб научился Зевса власть любить,
Свое оставив человеколюбье.

Г е ф е с т

- О Власть и Сила! Воля Зевса вами
Исполнена, вам дела больше нет.
Но как решусь я бога, мне родного,
К скале, открытой бурям, приковать?
И все ж решиться мне необходимо:
Приказом отчим страшно пренебречь.
Фемиды мудрой сын высокоумный!
20 Не по твоей, не по своей я воле
Несокрушимой медью прикую
Тебя к нагому, дикому утесу,
Где голоса людского никогда
Ты не услышишь; солнцем опален,
Ты почернеешь весь; тебе на радость
Сокроет ночь мерцающею ризой
Сиянье дня; и вновь рассеет солнце
Росу зари, — но бремя тяжких бедствий
Тебя все так же будет изнурять;
Ведь твой освободитель не родился
30 Так страждешь ты за человеколюбье!..
Сам бог, презрев грозящий гнев богов,
Почтил ты смертных выше всякой меры.
За это будешь сторожить скалу,
Стоять без сна, коленей не сгибая.
О, много воплей, жалоб бесполезных
Испустишь ты! Но Зевс неумолим:
Всегда жестоки новые владыки.

В л а с т ь

- Чего ж ты ждешь, жалея понапрасну,
И бога, ненавистного богам,
40 Укравшего огонь, не ненавидишь?

Г е ф е с т

Родства и дружбы сила велика.

В л а с т ь

Согласен, но приказ отца нарушить,
Как думаешь, ужели не страшней?

Г е ф е с т

Да, ты всегда безжалостен и дерзок.

В л а с т ь

Ведь ты ему слезами не поможешь,
А потому напрасно не трудись.

Г е ф е с т

Как ремесло мое мне ненавистно!

В л а с т ь

Но почему? Ведь, правду говоря,
Твое искусство неповинно здесь.

Г е ф е с т

50 О, лучше б им владел другой!

В л а с т ь

Все боги свой несут нелегкий труд,
Свободен от него лишь Зевс один.

Г е ф е с т

Я знаю и с тобой не буду спорить.

В л а с т ь

Вяжи скорей, а то отец увидит,
Как от труда увиливаешь ты.

Г е ф е с т

Ты видишь: вот для рук его оковы.

В л а с т ь

Вложи в них руки, молотом могучим
Ударь сильнее и пригвозди к скале.

Г е ф е с т

К концу подходит и не медлит дело.

В л а с т ь

60 Сильнее бей, заковывай покрепче:
Умеет он увертки находить.

Г е ф е с т

Ну вот, одна рука прибита прочно.

В л а с т ь

Теперь и ту приколоты, пусть знает
Наш умник, что его умнее Зевс.

Г е ф е с т

Кто, кроме жертвы, упрекнет меня?

В л а с т ь

Теперь же грудь насквозь ему пронзи
Железного гвоздя свирепым зубом.

Г е ф е с т

О Прометей, от мук твоих я плачу!

В л а с т ь

70 Рыдаешь ты о Зевсовых врагах?
Смотри, чтоб о себе ты не заплакал!

Г е ф е с т

Ты видишь нестерпимое для глаз.

В л а с т ь

Я вижу: он наказан по заслугам!
На ребрах пояс крепче затяни.

Г е ф е с т

Без приказаний! Знаю сам, что нужно.

В л а с т ь

Нет, я велю, приказываю громко:
Спустишь и ноги в кольца заключи.

Г е ф е с т

Ну что ж, готово: дело небольшое.

В л а с т ь

Теперь оковы ног насквозь пробей:
Ты дашь отчет пред грозным судиею.

Г е ф е с т

80 Подстать твой голос виду твоему.

В л а с т ь

Ты нежничай, мое ж высокомерье
И крутость гнева порицать не смей.

Г е ф е с т

Пойдем: опутан он железной сетью.

В л а с т ь

Теперь дерзай и у богов кради
Священный их огонь. Посмотрим, как
Тебя избавят люди от мучений.
Нет, ложно прозорливцем² Прометеем
Зовут тебя: нуждаешься ты сам
В каком-то прозорливце Прометее,
90 Чтоб вынырнуть из этого силка.

(Власть, Сила и Гефест уходят.)

П р о м е т е й

О ты, Эфир божественный, и вы,
О ветры быстрокрылые, и реки,
И смех морских неисчислимых волн,
Земля-всематерь, круг всезрящий солнца,
Вас всех в свидетели зову: смотрите,
Что ныне, бог, терплю я от богов!
Поглядите, в каких
Суждено мне терзаниях жизнь проводить
Мириады годов!
Позорные узы обрел для меня
Новоявленный царь блаженных богов.
Увы! Я рыдаю об этой беде
И о бедах грядущих, — и где же предел
Моих бесконечных страданий?
Но что я говорю? Ведь я и сам
Предвидел все грядущее, и нет
Нежданных бедствий для меня. Я должен
Свою судьбу переносить легко:
Нельзя преодолеть необходимость.
110 Но тяжело и молчать, и говорить
Об участи моей. Ведь я, злосчастный,
Страдаю за благодеянья смертным.
Божественное пламя я похитил,
Сокрыв в стволе пустого тростника.
И людям стал наставником огонь
Во всех искусствах, помощью великой...

За это преступление казнь терплю,
Вися в оковах под открытым небом...

О!..О!..О!..

- 120 О, что за шум? Что за благоуханье
Невидимое? Бог, или герой,
Иль смертный к дальнему пришел утесу,
Чтоб на мои страдания посмотреть?
Взгляните же на скованного бога —
На меня, ненавистного Зевсу врага
И всем, в его доме живущим богам,
За мою безмерную к людям любовь!
Увы! Что за шум раздается вблизи
От несущихся птиц? И эфир зазвенел,
130 Рассекаем ударами реющих крыл, —
Страшит меня все, что происходит.

Появляется хор Океанид на крылатой колеснице.

Парод

Хор

Строфа 1

- Нет, не бойся!..
Дружелюбно,
Сонмом крыл звеня в эфире,
Мы примчались к этим скалам!
Мы едва мольбой склонили
Сердце старого отца!
Бурные нас провожали ветры!..
Грохот стали к нам ворвался
140 В глубину пещер подводных...
И, услышав, я забыла
Робкий страх и стыд священный!
И к тебе скорей примчалась,
Не успев надеть сандалий,
На быстрокрылой моей колеснице!..

Прометей

Увы! Увы!

- Многочадной Тефьи младая семья
И отца-Океана, что крутит валы,
Обтекая всю землю бессонной струей,
150 Посмотрите, взгляните, родные мои,
Как в железных цепях
Над этим ущельем, на высях скалы,
Несу постылую службу.

Антистрофа 1

О Прометей!
 Полный страха
 В очи мне метнулся сумрак,
 Вдруг наполнив их слезами!..
 Вижу, на скале повиснув,
 Исыхаешь ты, закован
 160 Пагубных этих цепей позором!..
 Олимпийскою кормою
 Правят новые владыки...
 Новый дав закон, богами
 Самовластно правит Зевс...
 И чудовищных гигантов
 В бездны мрачные Аида
 Он, победитель, ниспровергает!..

Прометей

О, если б под землю, под самый Аид,
 Приемлющий мертвых, в Тартар глухой
 170 Он бросил меня,
 Заковавши жестоко в железную цепь,
 Чтоб не мог любоваться ни смертный, ни бог
 На муки мои!
 Теперь же, несчастный, игрушка ветров,
 На радость врагам я страдаю.

Х о р

Строфа 2

Кто из богов, немилосердный,
 Смеяться стал бы здесь над ним?..
 Над лютой мукою твоей
 Кто не горюет, кроме Зевса,
 180 Который, гнева преисполнен,
 Детей Урана³ истребляет?..
 Но будет время — и отмститель
 У ненасытного владыки
 Отнимет роковую власть.

Прометей

Пусть истерзаны узами члены мои,
 И висящий в оковах, понадоблюсь я
 Владыке бессмертных блаженных богов,
 Чтоб заговор новый раскрыть перед ним,

Что отнимет у Зевса почет и престол.
190 О нет! Убежденья медвяных речей
Не смягчат меня.
И под страхом суровых угроз никогда
Не поведаю тайны, грозящей ему,
Пока он не снимет жестоких оков
И за этот позор
Кару сам понести не захочет.

Х о р

Антистрофа 2

Ты сердцем смел, ты никогда
Жестоким бедам не уступишь...
Но слишком ты вольноречив!..
200 Пронзил мне душу ужас острый:
Меня пугает жребий твой!..
Что, если море тяжких мук
Тебе вовек не переплыть?
Ведь столь упорна злоба Зевса
И непреклонен приговор!

Пр о м е т е й

Я знаю, что Зевс суров, что ему
Справедливостью служит его произвол.
Но настанет час:
Он смягчится, разбитый ударом судьбы,
210 Смирит наконец свой упорный гнев
И дружбы союз заключить поспешит
Со мною, спешащим навстречу.

Эписодий первый

Х о р

Открой нам все, подробно Расскажи,
Какую Зевс вину в тебе находит,
Что так жестоко мучает. Поведай,
Когда тебе не тяжело говорить.

Пр о м е т е й

Да, говорить об этом больно мне,
Но и молчать не легче. Что поделаты!
Когда объяла злоба род бессмертных
220 И разгорался в их среде мятеж;
Когда одни желали свергнуть Крона,

- Чтоб Зевс царил, а те, наоборот,
Старались, чтобы никогда богами
Не правил Зевс, — в то время я давал
Титанам, сыновьям Земли и Неба,
Хорошие советы, но не мог
Их убедить. Исполнены отваги,
Презревши хитрость, думали они
Господство получить одною силой.
- 230 Но мне не раз предсказывала мать,
Земля-Фемида⁴ (много есть имен
У матери-богини), чем борьба
Окончится и что отнюдь не сила,
А только хитрость верх в борьбе возьмет.
Когда же их я предостерегал,
Меня не удостаивали взглядом.
И потому за лучшее я счел,
Соединившись с матерью своей,
За Зевса встать в начавшейся борьбе.
- 240 Благодаря моим советам Тартар
Скрывает Крона древнего с его
Соратниками в черной преисподней.
И вот за эту помощь царь богов
Мне воздает ужасным наказаньем...
Ведь всем тиранам свойственна болезнь
Преступной недоверчивости к другу!..
А на вопрос ваш, по какой причине
Меня терзает, ясно вам отвечу.
Как только он воссел на отчий трон,
- 250 Сейчас же начал и почет и власть
Распределять меж новыми богами,
А о несчастных смертных позабыл —
И даже больше: уничтожить вздумал
Весь род людской и новый насадить.
Никто за бедных смертных не вступился,
А я дерзнул: освободил людей
От участи — погубленными Зевсом
Сойти в Аид, — и вот терплю за то
Такие муки, что их видеть тяжело
- 260 И много тяжелей переносить.
Да, сжалившись над смертными, я сам
Не удостоен жалости. Жестоко
Расправился со мною царь богов...
Позорит Зевса вид моих мучений!

Х о р

Нет, надо обладать железным сердцем,
Из камня быть, чтобы твоих страданий
Не разделять, о Прометей! А я
И видеть бы их вовсе не желала
И сердцем сокрушаюсь, увидав.

П р о м е т е й

270 Меня прискорбно видеть и врагам.

Х о р

Не сделал ли ты больше, чем сказал?

П р о м е т е й

Я от предвиденья избавил смертных.

Х о р

Каким лекарством их уврачевал?

П р о м е т е й

Слепые в них я поселил надежды.

Х о р

Большую пользу этим ты принес.

П р о м е т е й

Потом огонь я дал несчастным людям.

Х о р

Огонь — недолговечным существам?

П р о м е т е й

И многим он искусствам их научит!

Х о р

И Зевс, тебя за это обвинив...

П р о м е т е й

280 Без отдыха и срока истязает.

Х о р

Не видишь ли конца своих скорбей?

П р о м е т е й

Нет, лишь когда ему угодно будет.

Х о р

А как угодно будет? Где надежда?
Ужель не видишь сам, что согрешил?
Но говорить про грех твой нам обоим
Мучительно; оставим это, лучше
Исхода поищи твоим страданиям.

Прометей

Легко тому, кто не изведал горя,
Давать советы и увещевать
290 Несчастливого. Но я ведь знал все это.
Сознательно, не буду отрицать,
Я согрешил и, смертным помогая,
Готовил казнь для самого себя.
Конечно, я такой не чаял муки:
Не думал я, что буду иссыхать
На высоте пустынного утеса.
Но вы не плачьте о моих скорбях,
А на землю сойдете, чтоб услышать,
Что ждет меня в грядущем, и узнать
300 Все до конца. Послушайтесь меня,
Послушайтесь! Помучайтесь немного
С тем, кто сейчас страдает. Ведь беда
То к одному приходит, то к другому.

Х о р

Охотно к тебе на призывный клич
Мы слетим, Прометей!..
И, легкой ногой с колесницы скользнув
И покинув эфир —
Святую стезю, носящую птиц, —
Я сойду на эту скалистую землю.
310 О муках твоих
Хочу до конца я услышать.

Появляется Океан на крылатом коне.

Океан

Я пришел, свершив длительный путь,
К тебе, Прометей,
Единою волей, без всякой узды
Направляя крылатой птицы полет!..
И знай: сострадаю я бедам твоим!
К тому и родство побуждает меня⁵,
Да и, кроме родства,

Не найдется ведь близких, которых бы чтил
320 Я с тобой наравне.
Что правда все это, узнаешь и сам.
Не люблю я угодливых, льстивых речей:
Укажи мне скорей, чем я мог бы помочь.
И скажешь, что ты не имеешь друзей
Верней старика Океана.

Прометей

Что это значит? Вот и ты приходишь
Моих мучений зрителем? О, как
Решился ты, покинув соименный
Тебе поток — великий Океан —
330 И мглу пещер скалистых, первозданных,
Прийти сюда, в страну руды железной?..
Ты возмущен моей судьбой? Смотри же,
Как Зевсов друг, доставивший ему
Престол и власть, теперь терзаем Зевсом!

Океан

Я вижу, Прометей. С советом добрым
Явился я, хоть ты и сам умен.
Себя познай и нрав перемени.
Ведь и богами новый правит царь.
Но если дальше будешь ты бросать
340 Суровые, язвительные речи,
Услышит Зевс, — хотя царит высоко, —
И верь, что муки прежние тебе
Игрушкою покажутся. Несчастный,
Оставь свой гнев и выхода ищи
Из этих бед. Быть может, неразумным
Тебе совет мой кажется, но сам
Ты видишь мзду речей высокомерных,
А все не стал смиренным, но еще
Себе накликать бедствия желаешь.
350 Итак, урокам следуя моим,
Не лезь ты на рожон, не забывай,
Что правит никому не подотчетный
Суровый царь. А я пойду теперь
И постараюсь, ежели возможно,
Тебя от этих мук освободить.
Ты ж будь смирней и придержи язык.
Глубок твой ум: ужель и впрямь не знаешь,
Что примешь кару за пустую речь?

Прометей

- Завидую тебе! Мой соучастник,
360 Со мной дерзавший вместе, ты теперь
Невинным остаешься. Но заботу
Оставь пока: не убедишь ты Зевса.
Смотри, походом этим не наделай
Великих бед для самого себя.

Океан

- Не словом ты, но делом доказал,
Что лучше вразумлять других умеешь,
Чем самого себя. Но не мешай
Мне двинуться в дорогу. Я надеюсь, —
Надеюсь я, что Зевс мне подарит
370 Твое освобождение от страданий.

Прометей

- Хвалю тебя, хвалить не перестану:
Ты в рвении не отстал. Но не трудись:
Напрасно и без пользы для меня,
При всем желании, трудиться будешь.
Нет, в стороне спокойно оставайся:
Хоть плохо мне, но это не причина,
Чтоб доставлять страдания другим.
О нет, и без того меня терзает
Судьба Атланта-брата, что стоит
380 На западных пределах, подпирая
Плечами столп земли и неба — бремя
Нелегкое! И сожалею я
Того, кто в киликийских жил пещерах —
Стоглавое чудовище — Тифона,
Рожденного землей. На всех богов
Восстал он: извергая шип и свист,
Грозил престолу Зевса, а из глаз
Сверкал огонь неистовый Горгоны.
Но Зевса неусыпная стрела —
390 Плающая молния — сразила
Кичившегося. Пораженный в сердце,
Он был испепелен, и гром убил
Всю силу в нем. Теперь бессильным телом
Он под корнями Этны⁶ распростерт,
Недалеко от узкого пролива,
И давят горы грудь ему; и, сидя
На них, Гефест кует свое железо.

Но вырвется из черной глубины
Потоком пожирающее пламя
400 И истребит широкие поля
Сицилии прекрасноплодной. Ярость
Изрыгнет огнедышащий Тифон —
И всё потопит огненной бурей,
Хоть в уголь молнией он обращен.
Но нет тебе нужды в моих уроках:
Ты сведущ сам. Спасай себя, как знаешь.
Я ж до конца исчерпаю мой жребий,
Покамест гнева не оставит Зевс.

О к е а н

Иль ты не знаешь, Прометей, что гнев
410 Врачают рассудительные речи?

П р о м е т е й

Да, если сердце вовремя смягчить,
А не смирять пылающего гнева.

О к е а н

Скажи, какую видишь ты опасность
В заботе и решимости моей?

П р о м е т е й

Бесцельный труд, пустое неразумье.

О к е а н

Позволь такой болезнью мне болеть;
Казаться глупым — умному полезно.

П р о м е т е й

Твою ошибку примут за мою.

О к е а н

Ты хочешь, чтоб домой я возвратился?

П р о м е т е й

420 Чтоб сожаленьем не нажил вражды...

О к е а н

Того, кто на престоле всемогущем?

П р о м е т е й

Остерегись его прогневать сердце!

О к е а н

Твое несчастье — для меня урок.

Пр о м е т е й

Ступай и сохрани свой ум таким же.

О к е а н

Уж я и так собираюсь в путь-дорогу,
Уже четвероногий мой летун
Крылами бьет широкий путь эфира:
Он рад в родимом стойле отдохнуть.

(Океан улетает.)

Стасим первый

Х о р

Строфа 1

430 Я над твоей, горькой и скорбной,
Плачу судьбой, Прометей!..
Слезы ручьями молча текут,
Льются из светлых, нежных очей!
Вновь по ланитам струятся..
Олимпа властитель Зевес,
Правя по новым законам,
Прежним богам, кверху подъяв,
Гневно грозит надменным копьем!..

Антистрофа 1

440 Скорбный стоит стон на земле!
То о твоей славе старинной —
Славе великой, то о твоих
Братьях-титанах смертные плачут!..
Край зарубежный, отчизна
Живущих от века народов —
Азия — горестно стонет!
Мукам твоим, о Прометей!
Вся сострадает, плача, земля!

Строфа 2

450 Рати легких амазонок,
Дев, бестрепетных в бою;
Скифов толпы, что веками
Близ заливов Меотиды
На окраине живут;

Антистрофа 2

И мидийцы — цвет Арсев⁷,
Те, что в городе нагорном
Близ Кавказа обитают, —
Вражья рать, что, лесом копий
Ощетинившись, звенит!

Строфа 3

Лишь одного я знала прежде
Бедой поверженного бога:
То был Атлант...
460 Он и доныне небосвод
Хребтом могучим подпирает!

Эпод

Глухо гудит, о скалы
Дробясь, гневный прибой!..
Стонет пучина!
Сетуют волны чистых рек!..
Черный Аид
Глухо ропщет в мрачных чертогах!..
Все-все, о Прометей!
В горькой стонут тоске над скорбью твоей!

Эписодий второй

Прометей

470 Не думайте, что гордость заставляет
Меня молчать. Но я терзаюсь сердцем
От зрелища позора моего.
Кто, как не я, богам всем этим новым
Сполна их почести распределил?..
) Но я молчу о том, что вам известно,
А про страдания смертных расскажу...
Ведь я их сделал, прежде неразумных,
Разумными и мыслить научил.
Я не в упрек им это говорю,
480 Но объяснить хочу вам все значенье
Моих благодеяний... Раньше люди
Смотрели и не видели и, слыша,
Не слышали, в каких-то грезах сонных
Влачили жизнь; не знали древоделья,
Не строили домов из кирпича,
Ютились в глубине пещер подземных,

- Бессолнечных, подобно муравьям.
Они тогда еще не различали
Примет зимы, весны — поры цветов —
490 И лета плодоносного; без мысли
Свершали всё, — а я им показал
Восходы и закаты звезд небесных.
Я научил их первой из наук —
Науке чисел и грамоте; я дал им
И творческую память, мать Муз,
И первый я поработил ярму
Животных диких; облегчая людям
Тяжелый труд телесный, я запряг
В повозки лошадей, узде послушных, —
500 Излюбленную роскошь богачей.
Кто, как не я, бегущие по морю
Льнокрылые измыслил корабли...
И это всё изобретя для смертных,
Для самого себя я не могу
Придумать средство вырваться из бедствий!

Х о р

От мук позорных вовсе потерял
Ты прежний разум свой и унываешь,
Как врач плохой, который, заболев,
Себе найти лекарства не умеет.

Пр о м е т е й

- 510 Еще меня послушай, подивись
Искусствам хитрым, мной изобретенным.
Скажу о самом важном: до меня
Не знали люди ни целящих мазей,
Ни снедей, ни питья и погибали
За недостатком помощи врачебной.
Я научил их смешивать лекарства,
Чтоб ими все болезни отражать.
Установил я способы гаданий;
Растолковал пророческие сны —
520 Чтó правда в них, чтó ложь. Определил
Смысл вещей голосов, примет дорожных.
Я объяснил и хищных птиц полет
И что вещают — счастье иль беду, —
Их образ жизни, ссоры и любовь;
Гадания по внутренностям жертвы,
Цвета и виды печени и желчи,
Приятные при жертве для богов.

Сжигая бедра жертвенных животных,
Упитанные туком, пред людьми
530 Разоблачил я знаменья огня,
Что раньше непонятны были взору.
Всё это так... А кто дерзнет сказать,
Что до меня извлек на пользу людям
Таившиеся под землей — железо,
И серебро, и золото, и медь?
Никто, конечно, коль не хочет хвастать.
А кратко говоря, узнай, что все
Искусства у людей — от Прометея!

Х о р

Нет, помогая смертным чересчур,
540 Себя в таком не оставляй несчастье.
Но верю, от оков освободясь,
Ты будешь вновь могуществен, как Зевс.

Пр о м е т е й

О нет, еще верховная судьба
Подобного исхода не решила.
Но удрученный тысячами мук,
Избегну я оков. И все ж слабей
Всегда искусство, чем необходимость...

Х о р

А кто ее кормилом управляет?

Пр о м е т е й

Три Мойры и Эринии, что помнят
550 Всё.

Х о р

Разве Зевс слабее, чем они?

Пр о м е т е й

Ему своей не избежать судьбы.

Х о р

Ужели Зевс не вечно будет править?

Пр о м е т е й

Об этом не узнать тебе, оставь.

Х о р

Великое, как видно, ты скрываешь!

П р о м е т е й

Перемените лучше разговор!
Не время говорить об этом: тайна
Должна быть сокровенной. Если я
Ее уберегу, то от мучений
И от позорных уз освобожусь.

Стасим второй

Х о р

Строфа I

560 Да не нарушит воля моя
 Мощи державного Зевса!
 Да не замедлю, помня о ней,
 Я на алтарь твой бедра быков
 Вновь возлагать, мною закланных
 Возле бессонной, синей стези
 Струй Океана!.. С другими
 Пусть не веду праздных бесед!..
 И да живет это всегда
 В сердце моем!

Антистрофа I

570 Сладостно длить мне долгий свой век —
 Дерзостной веря надежде,
 Радостью светлой сердце питаю!..
 Но содрогаюсь, видя тебя
 Тысячью мук мучимым тяжело!..
 Ты ж не трепещешь гневного Зевса —
 Ты своенравно и ныне
 Боготворишь милых тебе
 Недолговечных смертных людей,
 О Прометей!

Строфа 2

580 Друг мой, поверь — неблагодарна
 Их благодарность: сам погляди —
 Разве сумели б тебя защитить?..
 Разве и сам ты не видишь жалкой
 Слабости, сонным мечтаньям подобной?

Разве не ею, словно цепями,
Скованы ноги смертных слепцов?..
Нет, не смогут замыслы их
Мир перестроить, Зевсу подвластный!

Антистрофа 2

590 Это скажу, о Прометей,
 В злую вникая участь твою!
 Ах, не такую ведь песнь я певала
 В день перед свадьбой, когда младую
 Мы омывали невесту, когда,
 Вёном богатым сладко пленив
 Робкое сердце, ты дорогим
 Стал супругом девы морской —
 Нашей сестры — Гесионы!

 Вбегает Ио. У нее на лбу коровьи рога.

Эписодий третий

И о

 Что за край? Что за люди? Какой это муж
 Железом цепей прикован к скале,
600 Под бурей ветров? За какие грехи
 Он кару несет? Скажи мне, куда
 Зашла я, бедняжка, скитаясь?
 А!.. А!..
 Вновь меня жалит безумие;
 Аргоса землерожденного
 Гонится призрак за мной.
 Пастыря многоочитого,
 Мать-Земля, прогони!
 Вот он сверкает глазами лукавыми!
610 Нет ему, мертвому, успокоения:
 Из преисподней, из мрака могильного
 Вечно меня, горемыку, преследует,
 Жалит очами и гонит, голодную,
 По прибрежным пескам.

Строфа

 Поет, звенит в ушах свирель из тростника..
 Как знаком сон наводящий звук,
 Сердце терзающий!.. Горе мне, горе мне!..
 О, куда забреду
 В долгом блуждании, скиталица я?

620 О, за какой тягостный грех, Зевс, ты меня
К тысяче мук присудил?..
Зачем, пугая призраком ужасным,
Безумную деву мучишь?..
Сожги меня огнем, сокрой меня в земле,
Брось меня в пищу тварям подводным!
Иль мои моления
Ты не слышишь, царь?..
Вконец измучили всю меня
Скитанья по земле. Не ведаю, когда
630 Я избегну бедствий.
Услышь девы рогатой скорбный вопль!

Прометей

Как не услышать оводом гонимой
Инаха бедной дочери? Она
Любовью опалила сердце Зевса
И — Гере ненавистна — против воли
Свершает в муках бесконечный бег!..

Антистрофа

И о

Откуда знаешь ты про моего отца?
О, скажи мне, многострадальной, кто,
Кто ты, страдающий, бедный сам, бедной мне
640 Правду сказавший всю?
Да, ты назвал мою — божью болезнь, —
Ту, что томит, сушит мне грудь, словно бичом
Гонит по всей по земле!..
Голодная, безумными прыжками,
Гонимая гневом Геры,
Сюда примчалась я стремительно... О, кто,
Кто из людей страдает сильнее?..
Но поведай ясно,
Что еще грозит
650 В грядущем мне, многоскорбной?
Лекарство назови, целящее болезнь,
Если только знаешь.
Скажи! Деве-скиталице дай ответ!

Прометей

Скажу тебе все, что желаешь знать,
В простых словах, загадок не вплетая,
Как говорят с друзьями: Прометея
Ты видишь, дарователя огня.

И о

О благодетель смертных, бог несчастный,
За что же, Прометей, страдаешь ты?

Прометей

660 Я только что страдания мои
Оплакивал.

И о

О милости прошу я!

Прометей

Какой, скажи? Тебе открою всё.

И о

Скажи, кто приковал тебя к утесу?

Прометей

Державный Зевс Гефестовой рукой.

И о

А за какую платишься вину?

Прометей

Достаточно того, что я сказал.

И о

Теперь еще поведай мне, несчастной,
Моим блужданиям будет ли конец?

Прометей

Поверь, тебе не знать об этом лучше.

И о

670 Страданий, мне грозящих, не скрывай!

Прометей

Что ж? Мне легко твою исполнить просьбу.

И о

Зачем же медлишь и не говоришь?

Прометей

Боюсь я, что твою взволную душу.

И о

Прошу, не слишком обо мне заботься.

Прометей

Коль хочешь, я могу сказать. Так слушай...

Хор

Нет, погоди. Немного наслажденья
И мне оставь! Послушаем сначала
Рассказ печальный от нее самой.
А ты затем поведаешь о прочем.

Прометей

680 Твой долг, о Ио, с ними быть любезной,
Они ведь сестры твоего отца.
К тому ж отраднo горестную долю
Оплакивать в присутствии того,
Кто проливает слезы состраданья.

И о

Я не могу ответить вам отказом,
И в ясных вы услышите словах
То, что хотите знать, — хотя и плачу,
Рассказ ведя о божьем вихре, смявшем
Меня навеки и красу сгубившем...
690 Всегда, всегда ночные сновиденья,
Скользя в мою девичью спальню, мне
Нашептывали сладкие слова:
«О девушка-счастливица, что долго
Ты девствуешь? А можешь ты вступить
В великий брак: ведь Зевс стрелой желанья
Воспламенен, и жаждет он с тобой
В любви соединиться. О дитя,
От Зевсова не уклоняйся ложа,
Но приходи на пышный Лерны⁸ луг,
700 Где пастбища отцовские и хлебы,
Чтоб Зевса взор любовью утолить».
Такими снами мучилась все ночи
Я, бедная, пока не рассказала
Отцу о сновидениях ночных.
И много он послов тогда отправил
И в Дельфы и в Додону, чтоб узнать,
Каким деяньем иль какой мольбою
Богов умиловитивь. Но послы

- Неясные и темные вещанья
710 Нам приносили. Наконец к Инаху
Пришел ответ: бог ясно говорил
И требовал из дома и отчизны
Изгнать меня, чтоб я одна блуждала
Из края в край, до рубежей земли.
Иначе тотчас молнией с небес
Ударит Зевс — и весь погубит род!
И, Локсия пророчествам поверив,
Изгнал меня отец, но против воли:
Железною уздой принудил Зевс
720 Свое веленье выполнить. И вдруг
И разум мой и прежняя краса
Разрушились; вы видите — рогатой
Я сделалась. Безумными прыжками
Я, жалимая оводом, помчалась
К Керхнейским усладительным струям⁹
И к Лернскому источнику. Пастух,
Свирепый Аргос, сын Земли, меня
Сопровождал повсюду и везде
Следил за мной несчетными очами.
730 Но вот внезапно и неожиданно смерть
Его сразила. Я ж из края в край,
Безумием терзаема, блуждаю
По всей земле, бичом гонима божьим...
Ты слышал все. Теперь же, если можешь
Мне предсказать о прочем, говори!
Но ложными не утешай словами
Из жалости: всего противней мне
Искусные, неискренние речи.

Френос

Х о р

- Довольно! Довольно!
740 Молчи! О, замолчи!..
Ах, не знала я, что так слух смутит
Странный твой рассказ!..
Ах, не знала я,
Что нестерпимый,
Непереносный
И злой твой позор
Двойной пронзит иглой
Душу мою...
О Судьба!.. О Судьба!..

750 Вся дрожу, видя злой,
Ио, жребий твой...

Прометей

(хору)

Ты рано ужасаешься и плачешь,
Узнаешь и о прочем, погоди.

Хор

Так говори: страдающим отрадно
Заранее о горестях узнать.

Прометей

Я вашу первую исполнил просьбу
Вы знать желали от нее самой
Ее страданий горестную повесть.
Послушайте об остальном, о муках,
760 Которые от Геры претерпеть
Ей суждено. А ты, о дочь Инаха,
Мои слова слагай глубоко в сердце,
Чтоб знать конец скитанья твоего.
Отсюда по невспаханным полям
Направишься к востоку и приедешь
К бродячим скифам; под открытым небом
Они проводят жизнь в своих шатрах
(Что движутся при помощи колес)
И далеко из луков мечут стрелы,
770 Разя врагов. Ты к ним не подходи,
Но путь держи к береговым обрывам,
Где стонут волны ропотом глухим.
Налево от тех мест живут халибы,
Железа ковачи; ты их страшись:
Они свирепы, негостеприимны.
Придешь к реке Обиде, что недаром
Зовется так; ты брода не ищи
Через нее: она непроходима;
И наконец достигнешь самого
780 Царя всех гор — Кавказа, с чьей вершины
Могучая и бурная река
Срывается. Ты перейдешь хребты
Высокие — и там пойдешь на полдень,
Пока не встретишь войска амазонок,
Не любящих мужей; они живут
Близ устья Фермодонта, в Фемискире,¹⁰

- Где челюстью свирепой Сальмидес
Грозит судам средь вспененного моря.
Охотно путь они тебе укажут!
- 790 Ты к Истму Киммерийскому придешь —
К проливу узкому, — и Меотиды¹¹
Должна ты храбро переплыть пролив;
И средь людей останется молва
Об этой переправе: это место
Боспором назовется в честь тебя.
Оставив за собой поля Европы,
На материк Азийский вступишь ты...
- 800 Не кажется ли вам равно жестоким
Ко всем созданьям царь богов? Ведь он,
Желая быть супругом этой смертной,
Ее обрек скитаниям таким!
- О девушка, ты горького для брака
Стяжала жениха!.. Но то, что слышишь,
Поверь, — начало только бед твоих!

И о

Увы мне! Увы!

Прометей

Ты вскрикнула опять и застонала!
Что сделаешь, узнав об остальном?

Хор

А разве ждут ее еще страдания?

Прометей

Тоски и скорби бурные моря!

И о

- 810 Зачем мне жить? Не лучше ль мне с утеса
Низвергнуться теперь же, чтоб, о землю
Ударившись, избавиться от бед?
Ведь много лучше умереть однажды,
Чем день за днем мучительно страдать.

Прометей

Тебе бы не стерпеть моих страданий!
Ведь мне и умереть не суждено:
Была бы смерть спасением от муки.
Теперь же нет конца моим мученьям,
Покуда власти не утратит Зевс.

И о

820 А разве Зевс когда-нибудь падет?

Прометей

Ты, верно бы, при этом ликовала?

И о

Еще бы нет! От Зевса мука вся.

Прометей

Тогда узнай, что вправду будет так.

И о

Кто ж у него похитит царский скипетр?

Прометей

Сам у себя, безумием охвачен.

И о

Но как? Коль мне не повредит, скажи.

Прометей

Он вступит в брак и после пожалеет.

И о

С богиней или смертною? Ответь...

Прометей

Об этом говорить не подобает.

И о

830 Итак, жена сведет его с престола?

Прометей

Родив дитя сильнее, чем отец.

И о

И он судьбы предотвратить не может?

Прометей

Нет, если я не выйду из оков.

И о

А кто ж избавит против воли Зевса?

Прометей

Он должен быть из рода твоего¹².

Ио

Как ты сказал? Мой сын тебя избавит?

Прометей

Он третий родом, после десяти.

Ио

Мне непонятно это предсказанье.

Прометей

Не спрашивай и о своих скорбях.

Ио

840 Не отнимай того, что обещал мне.

Прометей

Одно из двух открыть могу я.

Ио

Что ж именно? Дай выбрать! Отвечай!

Прометей

Что рассказать мне? О твоих страданиях,
О том ли, кто меня освободит?

Хор

И ей и мне ты окажи услугу,
Мою исполни просьбу. Ей поведай,
Чем кончатся ее скитанья, мне же —
Кто явится спасителем твоим.

Прометей

850 Коль вам угодно, я не возражаю —
Открою все, что вы хотите знать.

Во-первых, Ио, о твоих скитаньях
Скажу, а ты в уме запечатлей.
Когда пройдешь ты реку ту, что делит
Материки, на пламенный восток
Направишься. Шумящую пучину
Оставив за собой, достигнешь ты
Горгоновых полей Кисфены¹³, где

- Сидят три древних девы Форкиады,
Похожие на лебедей: они
860 Имеют общий глаз и зуб единый.
Ни солнце их лучами не ласкает,
Ни месяц ночью. А вблизи от них
Живут Горгоны, три сестры крылатых
И змеекудых; и никто из смертных,
Увидев их, дышать уже не может.
Я говорю, чтоб ты остерегалась!..
Послушай и о зрелище другом:
Остерегайся грифов с острым клювом —
Собак безмолвных Зевса; берегись
870 И войска одноглазых аримаспов,
Что на конях кочуют и живут
У златоструйных вод реки Плутона.¹⁴
Не приближайся к ним... Затем придешь
Ты в край далекий, к черному народу,
Живущему у солнечных ключей,
Там, где река Эфйоп¹⁵. Путь держи
Вдоль берегов ее до водопада,
Где древний Нил струит с Библосских гор
Священные и сладостные волны.
880 И в землю трехугольную¹⁶ тебя
Он приведет, — туда, где устья Нила...
Тебе и детям, Ио, суждено
Там основать поселок отдаленный...
А если что в речах моих темно,
Переспроси: ведь у меня досуга
Гораздо больше, чем бы мне хотелось.

Х о р

- Коль ты еще мне можешь рассказать
О горестных скитаниях ее,
То говори, а если речь окончил,
890 Поведай нам о том, что обещал.

Пр о м е т е й

Всё слышала она, а чтобы знала,
Что не напрасно слушала меня,
Я расскажу и то, что претерпела
Она досель, и этим подтверждаю
Правдивость слов моих... Событий много
Я опушу и подхожу к концу.
В Молосскую пришла ты землю¹⁷, где
Находится нагорная Додона

- И Зевса Феспротийского престол¹⁸.
 900 Там шелестом чудесные дубы
 Тебе вещали прямо, без загадок,
 Что Зевса славной будешь ты женой...
 Не льстит тебе воспоминанье это?
 Безумием ужаленная, прочь
 Ты понеслась дорогою прибрежной
 К широкому заливу Реи... Вспять
 Оттуда ты примчалась в бурном беге ...
 Тебе поведаю, что этот брег
 Приморский наречется Ионийским
 910 В грядущем — в память о твоих скитаньях!
 Вот доказательство тебе, что видит
 Мой ум побольше, чем открыто всем!
 Об остальном и вам и ей скажу,
 Вернувшись на стезю своих речей...
 Есть град Канаб, у самых устьев Нила
 И на краю Египетской земли.
 Там Зевс тебе вернет твой прежний разум,
 Тебя коснувшись ласковой рукой.
 Родишь ты сына черного, Эпафа¹⁹,
 920 И это имя будет соименно
 Чудесному рождению его.
 И будет он возделывать ту землю,
 Которую поит широкий Нил...
 А в пятом поколении пятьдесят
 Сестер²⁰ вернутся против воли в Аргос,
 От родственного брака убегая
 С двоюродными братьями. Они,
 Как ястребы, что мчатся вслед голубок,
 Безумные, за браком, их губящим,
 930 Погонятся, но не допустит Зевс:
 Пеласгова земля²¹ их трупы примет,
 Рукою жен зарезанных в ночи.
 Все жены умертвят своих супругов,
 В крови купая двулезвийный меч...
 Пускай отмстит такая же Киприда
 Моим врагам!.. Но из невест одну²²
 Желанье очарует, и не сможет
 Она убить того, с кем делит ложе,
 И малодушной предпочтет прослыть,
 940 Но не убийцей. От нее-то Аргос
 Получит род прославленных царей...
 О всем подробно в двух словах не скажешь...
 И из ее потомства народится

Отважный муж со знаменитым луком,
И он меня от мук освободит.
Так древняя мне предсказала мать,
Фемида-Титанида. Как все будет,
Об этом слишком долго говорить,
Да и тебе не вижу пользы в том.

И о

- 950 О! О! О!
Опять эти приступы! Бешенство жжет,
И безумия жгучее жало меня
Палит без огня!
И от ужаса сердце стучит и стучит,
Сотрясая ударами гаснущий ум.
Всё кружится, вертится в мутных глазах...
Я охвачена бешенством, брошена в бег...
Немее язык, и тонут слова
В волнах безумного бреда.

(Ио убегает.)

Стасим третий

Х о р

Строфа

- 960 Да, мудрым, да, мудрым был тот, кто,
Нас предупредив,
Верную мысль в сердце берег,
А потом громогласно
Провозгласил:
«Здесь все обретешь,
В брак вступив с равной себе! Лучшего нет!»
Но хорошо ль, если ты, жалкий бедняк,
Тянешься к той, что, чванясь знатной родней,
Всех дивит роскошью нег?..

Антистрофа

- 970 О Мойры! Да ни одна из вас трех
Не лицезрит
Зевса со мной, в лоно его
От земли унесенной!..
Или чтоб был
Супругом мне тот,
Кто с небес в брачный лишь час в терем сойдет.
Я трепещу, видя тебя, Ио, что вдаль

Мчишься опять — безбрачна! — девством томясь,
Жертва мук злобной Геры!

Эпод

- 980 Но для меня лишь равный брак не страшен!
О, только бы любовь богам могучих
Неумолимыми очами
Не засматривалась на меня!
Боренье без победы, плен безвыходный!
И я не знала б, как мне жить... И делать что?..
И как бы я сумела избежать
Страстной мечты твоей, Зевс?

Эксод

Прометей

- Смирится Зевс, хотя он сердцем горд.
Он в брак вступить задумал, но жена
990 Лишит его небесного престола;
Тогда свершится Кроново проклятье,
Которым, с трона древнего упав,
Он угрожал... А как избежать бедствий,
Никто сказать не может из богов.
Я ж знаю — как. Так пусть сидит надменно,
Надеясь на небесные грома
И потрясая огненной стрелою.
Нет, не помогут молнии ему,
И он падет падением бесславным.
1000 Такого он готовит сам себе
Борца непобедимого, который
Найдет огонь, разящий лучше молний,
И гром сильнее громов небесных Зевса.
Он сломит Посейдоново копьё —
Трезубец, бич морей, трясуший землю.
И затрепещет Зевс и будет знать,
Что быть рабом не то, что быть владыкой.

Хор

Чего желаешь, — Зевсу ты сулишь.

Прометей

Чего хочу и что должно свершиться!

Хор

- 1010 Ужель над Зевсом будет новый царь?

Прометей

Он муки понесет тяжеле этих.

Хор

И это не боишься говорить?

Прометей

Чего страшиться? Смерть не суждена мне.

Хор

Он может муки худшие послать.

Прометей

Пускай пошлет! Всего я ожидаю.

Хор

Но мудры те, что Адрастею²³ чтут.

Прометей

Так покоряйся, лъсти, молись владыке,
Меня же Зевс заботит меньше всех.
Пусть действует, пусть правит напоследок,
1020 Как хочет, — ведь теперь ему недолго
Повелевать богами на Олимпе.

(Появляется Гермес.)

Но Зевсова посланца вижу я,
Слугу тирана нового. Конечно,
Он с новыми известиями пришел.

Гермес

С тобой, хитрец, язвительный чрезмерно,
Я говорю, с виновным пред богами,
С тобой, огонь укравшим для людей.
Отец велит, чтоб ты сказал о браке,
Который у него отнимет власть.
1030 И говори яснее, без загадок,
Подробно всё. Не заставляй меня,
О Прометей, к тебе являться дважды.
Ты видишь, Зевса нелегко смягчить.

Прометей

О, как звучит напыщенно и гордо
Вся эта речь прислужника богов!
Вы думаете, новые цари,

Что вечно вам блаженствовать в твердынях?
Но разве я не видел, как с Олимпа
Упали два тирана²⁴? И увижу,
1040 Как третий, ныне правящий, падет
Падением позорнейшим и скорым.
Не думаешь ли ты, что трепещу
Я пред богами новыми? Нимало!
А ты спеши вернуться тем путем,
Каким пришел. Ответа не получишь!

Г е р м е с

Однако за такое дерзновенье
Уже несчастьем поплатился ты.

П р о м е т е й

Уверен будь, что я б не променял
Моих скорбей на рабское служенье.

Г е р м е с

1050 Так, видно, лучше быть слугой скалы,
Чем верным вестником отца-Зевеса?

П р о м е т е й

Обидчиков отрадно обижать.

Г е р м е с

Ты, кажется, блаженствуешь и в бедах?

П р о м е т е й

Блаженствую? Подобного блаженства
Моим врагам желаю — и тебе.

Г е р м е с

Ты и меня винишь в своих несчастьях?

П р о м е т е й

Я ненавижу всех богов: они
Мне за добро мучением воздали.

Г е р м е с

Безумием, я вижу, болен ты.

П р о м е т е й

1060 Коль ненависть к врагам считать болезнью.

Гермес

О, ты бы в счастье был невыносим.

Прометей

Увы!

Гермес

Не знает Зевс такого слова.

Прометей

Всему научит время и его.

Гермес

А ты еще уму не научился.

Прометей

Не говорил бы я тогда с рабом.

Гермес

Не скажешь ты, что знать отец желает?

Прометей

А надо бы! Он — благодетель мой.

Гермес

Глумишься надо мной, как над ребенком!

Прометей

А разве ты ребенка не глупей,
1070 Коль думаешь, что я тебе отвечу?
Ни хитростью, ни казнью не заставит
Меня вовек поведать тайну Зевс,
Пока позорных уз не разрешит.
Так пусть же огненной разит стрелою,
Подземным громом пусть гремит, смешает
Всё небо в белокрылую метель —
И всё до основания уничтожит:
Меня не сломит он, и не скажу я,
От чьей руки он потеряет власть.

Гермес

1080 Смотри, тебе упрямство не поможет.

Прометей

Всё это мной давно предрешено.

Гермес

Решишь, решишь, безумец, стать разумным,
Страданиями наученный своими!

Прометей

Напрасно докучаешь разговором:
Я, как волна морская, глух к тебе.
Не думай, что из страха перед Зевсом
Я стану бабой, буду умолять,
Как женщина, заламывая руки,
Чтоб тот, кого я ненавижу, снял
1090 С меня оковы. Не бывать тому!

Гермес

Я, кажется, напрасно говорил:
Такое сердце просьбами не тронуть.
Как юный конь, грызущий удила,
Уперся он и борется с вожжами.
Но слабы ухищрения твои:
Упрямство у того, кто неразумен,
Скажу тебе, бессильно совершенно.
Коль слов моих ты слушаться не будешь,
Смотри, какая буря бед тебя
1100 Настигнет неизбежная. Во-первых,
Отец, с небес низвергнув гром, огнем
Утес твой островерхий раздробит
И в каменных объятиях скалы
Твое сокроет тело. И года,
Года пройдут, пока ты выйдешь вновь
На белый свет. А Зевсов пес крылатый —
Орел его кровавый — будет жадно
Терзать лохмотья тела твоего,
Незванный гость на пире ежедневном, —
1110 И черную, объединенную печень
Он будет рвать... А ты конца мучений
Не жди, пока не явится тебе
На смену некий бог-освободитель
И не захочет за тебя сойти
В Аида сумрак, в Тартара глубины.
А потому размысли. Не пустая
Здесь похвальба, а твердый приговор.
Не знают лжи Зевесовы уста,
Всё, что сказал, он сделает! Подумай
1120 И посмотри, и своему упорству
Не приноси благоразумья в жертву!

Х о р

Нам кажется, что дело говорит
Тебе Гермес. Велит, упорство бросив,
Благоразумья мудрого искать.
Послушайся! Упорствовать в ошибке
Для мудрого позорно и постыдно.

Пр о м е т е й

О том, что сейчас он мне возвестил,
Я заранее знал. Но муки терпеть
Врагу от врагов — не позорно ничуть.
1130 Так пусть же мечами небесных огней
Терзать меня кинется, пусть от громов
Сотрясется под натиском бурных ветров
Вся эфирная высь и до самых корней
Колеблет глубины земли ураган.
И пусть он смешает волны морей
И звезд небесных пути в сплошном
Движеньи и шуме и тело мое
Пусть бросит на черного Тартара дно:
Но в водовороте железной судьбы
1140 Меня умертвить он не может!

Г е р м е с

Такие решенья, такие слова
Одним сумасшедшим пристали! И чем
Отличается он от безумных теперь
В своей похвальбе, что не знает узды?
Но вы, что состраждете бедам его,
Отойдите скорее от этой скалы:
Не то ваш рассудок навек потрясут
Свирепого грома раскаты.

Х о р

Другие советы давай мне, и их
1150 Послушаюсь я. Но некстати сказал
Ты эти слова, нестерпимые мне:
Ужели мне подлость сделать велишь?
Вместе с ним я готова судьбу претерпеть!
Ненавидеть привыкла изменников я, —
И этот порок
Мне всех пороков противней!

Гермес

- Ну так помните: я вам заранее сказал, —
Я предупредил вас. И, пойманы вдруг,
Не корите судьбы и не смейте роптать,
1160 Что Зевс в нежданное бедствие вас
Повергнул. Не он, а вы сами себя!
Ведь зная заранее всё, не врасплох,
И не тайными кознями будете вы
Запутаны в сеть безысходной беды,
Но ввергнет в нее вас безумье.

(Гермес уходит.)

Прометей

- Уже на деле, а не на словах,
Задрожала земля,
И грома глухие удары гремят,
И пламенных молний извивы блещут,
1170 И вихри крутят вздымаемый прах.
В неистовой пляске несутся ветра
Навстречу друг другу: сшибаясь, шумят
И празднуют дикий и ярый мятеж,
Смешались в одно небеса и земля...
И всю эту бурю послал на меня
Разгневанный Зевс, чтоб меня устрасить!
О мать святая моя! О Эфир,
Свой свет разливающий всюду, взгляни,
Как я напрасно страдаю!

(Пер. В. Нилендера и С. Соловьева)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эта трагедия занимает особое место в творчестве Эсхила. Время ее написания неизвестно. Очевидно, что трагедия составляла часть трилогии, по-видимому за ней следовала трагедия «Освобождаемый Прометей», от которой сохранились небольшие отрывки. В списке трагедий Эсхила сохранилось название трагедии «Прометей-огненосец». Содержание ее неизвестно: это могла быть и первая часть трилогии — рассказ о похищении огня Прометеем, и последняя ее часть — установление культа Прометея в Афинах (ср. последнюю часть трилогии «Орестея» «Эвмениды», где в финале устанавливается культ Эвменид в Афинах). Действие трагедии, по-видимому, происходит в тот момент, когда Зевс только что пришел к власти, свергнув и заточив в Тартар своего отца Крона и все поколение старших богов — титанов. Прометей тоже титан, но он помогал Зевсу стать царем богов. Теперь же Зевс наказывает Прометея за похищение божественного огня и желание спасти людей от уничтожения.

² *Прозорливец-Прометей* — «Прометей» по-гречески означает «предусмотрительный», «прозорливый». ³ *Дети Урана* — поколение титанов и гигантов, детей Урана, к которому принадлежит и Крон. ⁴ *Земля-Фемида* — Эсхил отождествляет Землю (Гею) и богиню справедливости Фемиду. ⁵ *Океан* — дядя Прометея, дочь Океана Гесиона — жена Прометея. ⁶ *Этна* — вулкан на о. Сицилия. В 478 г. при жизни Эсхила, бывавшего на Сицилии, произошло извержение этого вулкана, представляемого мифологическим сознанием как могла огнедышащего Тифона. ⁷ *Ареи* — одно из персидских племен. ⁸ *Лерна* — озеро в Арголиде. ⁹ *Керхнеиские струи* — источник в Арголиде. ¹⁰ *Фермодонт (Термодонт)* — предположительно река и область на Кавказе. ¹¹ *Пролив Меотиды* — Керченский пролив. ¹² *Он должен быть из рода твоего* — орла, терзающего Прометея, убьет Геракл, дальний потомок Ио. ¹³ *Кисфена (Кистена)* — горы в М. Азии (Вифинии). ¹⁴ *Река Плутона* — золотonosная река; Плутон здесь отождествляется с Плутосом, богом богатства. ¹⁵ Может быть верхнее течение Нила. ¹⁶ *Треугольная земля* — дельта Нила. ¹⁷ *Молосская земля* — Эпир. ¹⁸ *Феспротия* — область северной Греции. ¹⁹ *Эпаф* — буквально «рожденный от прикосновения» ²⁰ *Пятьдесят сестер* — Данаиды. ²¹ *Пеласг* — мифический царь Аргоса. ²² *Из невест одна* — Гипермнестра. ²³ *Адрастея-Немесиды*. ²⁴ *Два тирана* — Уран и Крон, дед и отец Зевса.

СОФОКЛ

(496—406 г. до н. э.)

Софокл родился в предместье Афин Колоне, в семье богатого гражданина. Он прожил долгую жизнь, написав более ста драм (называли разное их число), одержав при этом двадцать побед на драматических состязаниях и ни разу не оказавшись на последнем месте. Он принимал живое участие в общественной и политической жизни Афин, дружил с Периклом, исполнял различные должности: казначея, стратега, жреца бога Асклепия. Творчество Софокла совпадает с «веком Перикла», с эпохой, как говорил К. Маркс, высочайшего внутреннего расцвета Греции¹. Но в эту же эпоху обнаруживаются и противоречия, присущие полисной форме рабовладельческого государства, обострение которых приведет афинскую демократию в последней трети V в. до н. э. к глубокому политическому и идеологическому кризису. Творчество Софокла отразило эти противоречия.

От Софокла, как и от Эсхила, дошло всего семь трагедий и одна сатирическая драма. В отличие от Эсхила Софокл не писал сюжетно и идейно связанных трилогий и каждая его трагедия представляет собой полностью законченное произведение. В центре драматургии Софокла стоит человек, определяя главную его тему — тему нравственного самоопределения личности. Для этого человека моральные нормы коллектива, с которым он связан неразрывными узами, являются внутренним моральным законом, которому он следует в любых обстоятельствах. Это человек, каким он должен быть в представлениях современников, идеальный гражданин античного полиса. Таковы все герои трагедий Софокла —

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 98.

Антигона, жертвующая жизнью во имя верности обычаям и нравственным представлениям народа, «неписанным божественным законам», которые претупает Креонт, поступающий как тиран, презиравший волю граждан. Таков и царь Эдип, сохраняющий в своей трагической судьбе высокие нравственные качества, душевную силу, превыше всего ставящий истину, благо государства и свой долг перед ним. Тема рока, неотвратимости predetermined судьбы сливается с темой человека, способного даже в самых трагических обстоятельствах сохранить свою человеческую сущность. Таковы герои и других трагедий Софокла.

Драматические образы Софокла при всей их нормативности и величественной монументальности наделены индивидуально неповторимыми чертами, но никогда не снижаются до обыденного бытового уровня. Еще в древности обращали внимание на замечательное драматургическое мастерство писателя, на стройность и гармоничность его трагедий, на блестящее развитие действия и, в частности, на искусство перипетии (внезапного изменения ситуации, перехода от счастья к несчастью), нашедшее наиболее полное и совершенное выражение в «Царе Эдипе» (см. Аристотель «Поэтика», гл. XI). Творчеством Софокла завершается развитие формы греческой трагедии — именно Софокл производит дальнейшее сокращение роли хора (продолжающего, однако, оставаться в его трагедиях важным и художественно и идейно необходимым элементом) и вводит третьего актера, что еще более усиливает драматический элемент его произведений.

Переводы трагедий Софокла:

Софокл. Драмы/Пер. Ф. Зелинского. М., 1914—1915. Т. I—III.

Софокл. Трагедии/Пер. С. В. Шервинского. М., 1979; 1958.

Литература:

Ярхо В. Н. Софокл. Антигона. М., 1986.

В антологии тексты приводятся по изданию: *Софокл. Трагедии. М., 1979.*

ЭДИП — ЦАРЬ¹

Действующие лица:

Эдип.

Жрец.

Креонт.

Хор фиванских старейшин.

Тиресий.

Иокаста.

Вестник.

Пастух Лая.

Домочадец Эдипа.

Без речей дочери Эдипа.

Пролог

Э д и п

- О деда Кадма² юные потомки!
Зачем сидите здесь у алтарей,
Держа в руках молитвенные ветви,
Меж тем как весь наш город фимиамом
Наполнен, и молениями, и стоном?
И вот теперь, желая самолично
О всем узнать, я к вам сюда пришел, —
Я, названный у вас Эдипом славным.
Скажи мне, старец, — ибо речь вести
10 Тебе за этих юных подобает, —
Что привело вас? Просьба или страх?
С охотой все исполню: бессердечно
Не пожалеть явившихся с мольбой.

Ж р е ц

- Властитель края нашего, Эдип!
Ты видишь — мы сидим здесь, стар и млад:
Одни из нас еще не оперились,
Другие годами отягчены —
Жрецы, я — Зевсов жрец, и с нами вместе
Цвет молодежи. А народ, в венках,
20 На торге ждет, у двух святынь Паллады
И у пророческой золы Исмена³.
Наш город, сам ты видишь, потрясен
Ужасной бурей и главы не в силах
Из бездны волн кровавых приподнять.
Зачахли в почве молодые всходы,
Зачах и скот; и дети умирают
В утробах матерей. Бог огненосец —
Смертельный мор — постиг и мучит город.
Пустеет Кадмов дом, Аид же мрачный
30 Опять тоской и воплями богат.
С бессмертными тебя я не равняю, —
Как и они, прибегшие к тебе, —
Но чту тебя первейшим в бедах жизни
Первейшим и в общении с богами.
Явившись в Фивы, ты избавил нас
От дани той безжалостной вещунье⁴,
Хоть ничего о нас не знал и не был
Никем наставлен; но, ведомый богом,
Вернул нам жизнь, — таков всеобщий глас.
40 О наилучший из мужей, Эдип,

К тебе с мольбой мы ныне прибегаем:
Найди нам оборону, вняв глагол
Божественный иль вопросив людей.
Всем ведомо, что опытных советы
Благой исход способны указать.
О лучший между смертными! Воздвигни
Вновь город свой! И о себе подумай:
За прошлое «спасителем» ты назван.
Да не помянем впредь твое правленье
50 Тем, что поднявшись, рухнули мы вновь.
Восстанови свой город, — да стоит он
Неколебим! По знаменью благому
Ты раньше дал нам счастье — дай и ныне!
Коль ты и впредь желаешь краем править,
Так лучше людным, не пустынным правь.
Ведь крепостная башня иль корабль —
Ничто, когда защитники бежали.

Э д и п

Несчастные вы дети! Знаю, знаю,
Что надо вам. Я вижу ясно: все
60 Страдаете. Но ни один из вас
Все ж не страдает так, как я страдаю:
У вас печаль лишь о самих себе,
Не более, — а я душой болею
За город мой, за вас и за себя.
Меня будить не надо, я не сплю.
Но знайте: горьких слез я много пролил,
Дорог немало думой исходил.
Размыслив, я нашел одно лишь средство.
Так поступил я: сына Менекея,
70 Креонта, брата женина, отправил
Я к Фебу, у оракула узнать,
Какой мольбой и службой град спасти.
Пора ему вернуться. Я тревожусь:
Что приключилось? Срок давно истек,
Положенный ему, а он все медлит.
Когда ж вернется, впрямь я буду плох,
Коль не исполню, что велит нам бог.

Ж р е ц

Ко времени сказал ты, царь: как раз
Мне знак дают, что к нам Креонт подходит.

Э д и п

80 Царь Апполон! О, если б воссияла
Нам весть его, как взор его сияет!

Ж р е ц

Он радостен! Иначе б не украсил
Чело себе плодоносящим лавром.

Э д и п

Сейчас узнаем. Он расслышит нас.
Властитель! Кровный мой, сын Менекея!
Какой глагол от бога нам несешь?

Входит К р е о н т.

К р е о н т

Благой! Поверьте: коль указан выход,
Беда любая может благом стать.

Э д и п

90 Какая весть? Пока от слов твоих
Не чувствую ни бодрости, ни страха.

К р е о н т

Ты выслушать меня при них желаешь?
Могу сказать... могу и в дом войти...

Э д и п

Нет, говори при всех: о них скорблю —
О собственной душе не так печалюсь.

К р е о н т

Изволь, открою, что от бога слышал,
Повелевает ясно Аполлон
«Ту скверну, что в земле выросла фиванской,
Изгнать, чтоб ей не стать неисцелимой»

Э д и п

Каким же очищеньем? Чем помочь?

К р е о н т

100 «Изгнанием иль кровь пролив за кровь, —
Затем, что град отягощен убийством».

Э д и п

Но чью же участь разумеет бог?

К р е о н т

О царь, владел когда-то нашим краем
Лай, — перед тем, как ты стал править в Фивах.

Э д и п

Слышал, — но сам не видывал его.

К р е о н т

Он был убит, и бог повелевает,
Кто б ни были они, отмстить убийцам.

Э д и п

Но где они? В каком краю? Где сыщешь
Неясный след давнишнего злодейства?

К р е о н т

110 В пределах наших, — он сказал: «Прилежный
Найдет его, но не найдет небрежный».

Э д и п

Но дома у себя, или на поле,
Или в чужом краю убит был Лай?

К р е о н т

Он говорил, что бога спросить
Отправился, — и больше не вернулся.

Э д и п

А из тогдашних спутников царя
Никто не даст нам сведений полезных?

К р е о н т

Убиты. Лишь один, бежавший в страхе,
Пожалуй, нам открыл бы кое-что.

Э д и п

120 Но что? Порой и мелочь много скажет.
Когда б лишь край надежды ухватить!

К р е о н т

Он говорил: разбойники убили
Царя. То было делом многих рук.

Э д и п

Но как на то решились бы злодеи,
Когда бы здесь не подкупили их?

К р е о н т

Пусть так... Но не нашлось в годину бед
Отмстителя убитому царю.

Э д и п

Но если царь погиб, какие ж беды
Могли мешать разыскивать убийц?

К р е о н т

130 Вещунья-сфинкс. Ближайшие заботы
Заставили о розыске забыть.

Э д и п

Все дело вновь я разобрать хочу.
К законному о мертвом попеченью
Вернули нас и Аполлон, и ты.
Союзника во мне вы обретете:
Я буду мстить за родину и бога.
Я не о ком-нибудь другом забочусь, —
Пятно снимаю с самого себя.

140 Кто б ни был тот убийца, он и мне
Рукою той же мстить, пожалуй, станет.
Чтя память Лая, сам себе служу.
Вставайте же о дети, со ступеней,
Молитвенные ветви отложив.
И пусть народ фиванский созовут.
Исполню все: иль счастливы мы будем.
По воле божьей, иль вконец падем.

Ж р е ц

О дети, встанем! Мы сошлись сюда
Спросить о том, что царь и сам поведал.
Пусть Аполлон, пославший нам вещанье,
150 Нас защитит и уничтожит мор.

(Уходят)

Парод

Х о р

Строфа 1

Сладкий Зевса глагол! От златого Пифона⁵
Что приносишь ты ныне

В знаменитые Фивы?
Трепещу, содрагаюсь смущенной душой.
Исцелитель — делиец!⁶
Вопрошаю почтительно:
Нового ль ждешь ты служения,
Иль обновленного прежнего
По истечении лет?
160 О, поведай, бессмертный,
Порожденный златою Надеждой глагол!

Антистрофа 1

Ныне первой тебя призываю, дочь Зевса,
Афина бессмертная!
И сестру твою, деву
Артемиду, хранящую нашу страну,
Чей на площади главной
Трон стоит достославный,
И Феба, стрелка несравненного!
Три отразителя смерти!
170 Ныне явитесь! Когда-то
Отогнали вы жгучий
Мор, напавший на город! Явитесь же вновь!

Строфа 2

Горе! Меры нет напастям!
Наш народ истерзан мором,
А оружия для защиты
Мысль не в силах обрести.
Не возрастают плоды нашей матери Геи,
И не в силах родильницы вытерпеть мук.
Посмотри на людей, — как один за другим
180 Быстрокрылыми птицами мчатся они
Огненосного моря быстрее
На побережья закатного бога.

Антистрофа 2

Жертв по граду не исчислить,
Несхороненные трупы,
Смерти смрад распространяя,
Неоплаканы лежат,
Жены меж тем с матерями седыми
Молят, припав к алтарям и стенам,
Об избавленье от тягостных бед.
190 Смешаны вопли с пеанами светлыми.

О златая дочь Зевса, явись
Ясноликой защитой молящим!

Строфа 3

Смерти пламенного бога,⁷
Что без медного щита
Нас разит под крики бранные, —
Молим: в бегство обрати
Из земли родной и ввергни
В бездну Амфитриты!
Иль умчи к берегам без пристанищ,
200 Где бушует фракийский прибой!
Ибо мочи не стало:
Что ночь закончить не успеет,
То, встав, заканчивает день.
Ты, держащий в руке мощь пылающих молний,
Зевс-отец, порази его громом своим!

Антистрофа 3

Ты мечи, о царь Ликейский⁸,
С тетивы, из злата скрученной,
Стрелы тучей на врага!
Да метнет и Артемида
210 Пламена, что в дланях держит,
Мчась в горах Ликийских!
И его призываем мы — Вакха,
Соименного с нашей землей,
Со златою повязкой,
С хмельным румянцем, окруженного
Толпой восторженных Менад, —
Чтоб приблизил и он свой сияющий факел,
С нами бога разя, всех презренной богов!

Входит Э д и п.

Эписодий первый

Э д и п

Вы молитесь? Отвечу вам: надейтесь,
220 Себе на пользу речь мою уважив,
Защиту получить и облегченье.
Речь поведу, как человек сторонний
И слухам, и событью. Недалеко
Уйду один — нет нитей у меня.
Я стал у вас всех позже гражданином.

- К вам ныне обращаюсь, дети Кадма:
 Кто знает человека, чьей рукой
 Был умерщвлен когда-то Лай, тому
 Мне обо всем сказать повелеваю.
- 230 А если кто боится указать
 Сам на себя, да знает: не случится
 Худого с ним, — лишь родину покинет.
 А ежели убийца — чужестранец
 И вам знаком, — скажите. Награжу
 Казною вас и окажу вам милость.
 Но если даже вы и умолчите,
 За друга ли страшаетесь иль за себя, —
 Дальнейшую мою узнайте волю:
 Приказываю, кто бы ни был он,
- 240 Убийца тот, в стране, где я у власти,
 Под кров свой не вводить его и с ним
 Не говорить. К молениям и жертвам
 Не допускать его, ни к омовеньям, —
 Но гнать его из дома, ибо он
 Виновник скверны, поразившей город.
 Так Аполлон нам ныне провещал.
 Итак, теперь я — и поборник бога,
 И мститель за умершего царя.
 Я проклиная тайного убийцу, —
- 250 Один ли скрылся, много ль было их, —
 Презренной жизнью пусть живет презренный!
 Клянусь, что если с моего согласия
 Как гость он принят в доме у меня
 Пусть первый я подвергнусь наказанию.
 Вам надлежит исполнить мой приказ,
 Мне угождая, богу и стране,
 Бесплодью обреченной гневным небом,
 Но если б даже не было вещанья,
 Вам все же очищение подобало б,
- 260 Затем, что славный муж и царь погиб.
 Итак, начните розыски! Поскольку
 Я принял Лая царственную власть,
 Наследовал и ложе и супругу,
 То и детей его, — не будь потомством
 Он обделен, — я мог бы воспитать...
 Бездетного его беда настигла.
 Так вместо них я за него вступлюсь,
 Как за отца, и приложу все силы,
 Чтоб отыскать и захватить убийцу
- 270 Лабдака сына, внука Полидора,

Чей дед был Агенор и Кадм — отец.
Молю богов: ослушнику земля
Да не вернет посева урожаем,
Жена не даст потомства... Да погибнет
В напасти нашей иль в иной и злейшей!
А вам, потомки Кадма, мой приказ
Одобрившим, поборниками вечно
Да будут боги все и Справедливость.

Х о р

280 На клятву клятвенно отвечу, царь:
Не убивал я Лая и убийцу
Бессилен указать; но в помощь делу
Виновного объявит Аполлон.

Э д и п

Ты судишь верно. Но богов принудить
Никто не в силах против воли их.

Х о р

Скажу другое, лучшее, быть может.

Э д и п

Хотя б и третье, — только говори.

Х о р

Тиресий-старец столь же прозорлив,
Как Аполлон державный, — от него
Всего ясней, о царь, узнаешь правду.

Э д и п

290 Не медлил я. Совету вняв Креонта,
Я двух гонцов подряд послал за старцем
И удивлен, что долго нет его.

Х о р

Но есть еще давнишняя молва...

Э д и п

Скажи, какая? Все я должен знать.

Х о р

Его, толкуют, путники убили.

Э д и п

Слышал я; но свидетеля не видел.

Х о р

Но если чувствовать он может страх,
Твоих проклятий грозных он не стерпит.

Э д и п

Кто в деле смел, тот не боится слов.

Х о р

300 Но вот и тот, кто властен уличить:
Ведут богам любезного провидца,
Который дружен с правдой, как никто.

Входит Т и р е с и й.

Э д и п

О зрящий все Тиресий, что доступно
И сокровенно на земле и в небе!
Хоть темен ты, но знаешь про недуг
Столицы нашей. Мы в тебе одном
Заступника в своей напасти чаем.
Ты мог еще от вестников не слышать, —
310 Нам Аполлон вещал, что лишь тогда
Избавимся от пагубного мора,
Когда отыщем мы цареубийцу
И умертвим иль вышлем вон из Фив.
Теперь же, вопросив у вещей птиц
Или к иным гаданиям прибегнув,
Спаси себя, меня спаси и Фивы!
Очисти нас, убийством оскверненных.
В твоей мы власти. Помощь подавать
Посильную — прекрасней нет деянья.

Т и р е с и й

Увы! Как страшно знать, когда от знанья
320 Один лишь вред! О том я крепко помнил,
Да вот — зыбыл... Иначе не пришел бы.

Э д и п

Но что случилось? Чем ты так смущен?

Т и р е с и й

Уйти дозволю. Отпустишь, — и нести
Нам будет легче каждому свой груз.

Э д и п

Неясные слова... Не любишь, видно,
Родимых Фив, когда с ответом медлишь.

Т и р е с и й

Ты говоришь, да все себе не впрок.
И чтоб со мной того же не случилось...

Х о р

Бессмертных ради, — зная, не таись,
330 К твоим ногам с мольбою припадаем.

Т и р е с и й

Безумные! Вовек я не открою,
Что у меня в душе... твоей беды...

Э д и п

Как? Знаешь — и не скажешь? Нас предать
Замыслил ты и погубить свой город?

Т и р е с и й

Себя терзать не стану, ни тебя,
К чему попрек? Я не скажу ни слова.

Э д и п

Негодный из негодных! Ты и камень
Разгневаешь! Заговоришь иль нет?

Т и р е с и й

340 Меня коришь, а нрава своего
Не примечаешь, — все меня поносишь...

Э д и п

Но кто бы не разгневался, услышав,
Как ты сейчас наш город оскорбил!

Т и р е с и й

Все сбудется, хотя бы я молчал.

Э д и п

Тем более ты мне сказать обязан.

Т и р е с и й

Ни звука не прибавлю. Волен ты
Пылать теперь хоть самым ярым гневом.

Э д и п

Я гневаюсь — и выскажу открыто,
Что думаю. Узнай: я полагаю,
350 Что ты замешан в деле, ты — участник,
Хоть рук не приложил, а будь ты зряч,
Сказал бы я, что ты и есть убийца.

Т и р е с и й

Вот как? А я тебе повелеваю
Твой приговор исполнить — над собой,
И ни меня, ни их не трогать, ибо
Страны безбожной осквернитель — ты!

Э д и п

Такое слово ты изверг бесстыдно
И думаешь возмездья избежать?

Т и р е с и й

Уже избег: я правдою силен.

Э д и п

360 За эту речь не ожидаешь кары?

Т и р е с и й

Нет, — если в мире есть хоть доля правды.

Э д и п

Да, в мире, не в тебе — ты правде чужд:
В тебе угас и слух, и взор, и разум.

Т и р е с и й

Несчастный, чем меня ты попрекаешь,
Тем скоро всякий попрекнет тебя.

Э д и п

Питомец вечной ночи, никому,
Кто видит день, — и мне — не повредишь!

Т и р е с и й

Да, рок твой — пасть не от моей руки:
И без меня все Аполлон исполнит.

Э д и п

370 То умысел Креонта или твой?

Тиресий

Нет, не Креонт, а сам себе ты враг.

Эдип

- О деньги! Власть! О мощное орудье,
Сильней всех прочих в жизненной борьбе!
О, сколько же заманчивости в вас,
Что ради этой власти, нашим градом
Мне данной не по просьбе, добровольно,
Креонт, в минувшем преданный мне друг,
Подполз тайком, меня желая свергнуть,
И подослал лукавого пророка,
380 Обманщика и плута, что в одной лишь
Корысти зряч, в гаданьях же — слепец!
Когда, скажи, ты верным был пророком?
Скажи мне, ты от хищной той певуньи
Избавил ли сограждан вещим словом?
Загадок не решил бы первый встречный, —
К гаданиям прибегнуть надлежало.
Но ты не вразумился птиц полетом,
Внушением богов. А я пришел,
Эдип-невежда, — и смирил вещунью,
390 Решив загадку, — не гадал по птицам!
И ты меня желаешь выгнать вон
Чтоб ближе стать к Креонтову престолу?
Раскаетесь вы оба — ты и он,
Ревнитель очищенья!.. Я бы вырвал
Признание у тебя, не будь ты стар!

Хор

Мне думается, — произнес во гневе
Свои слова, а также ты, Эдип.
Нет, — как исполнить божье повеленье,
Вот мы о чем заботиться должны.

Тиресий

- 400 Хоть ты и царь, — равно имею право
Ответствовать. И я властитель тоже.
Я не тебе, а Локсию слуга,
И в милости Креонта не нуждаюсь.
Мою ты слепоту коришь, но сам,
Хоть зорек ты, а бед своих не видишь —
Где обитаешь ты и с кем живешь.
Ты род свой знаешь? Невдомек тебе,
Что здесь и под землей родным ты недруг,

- И что вдвойне — за мать и за отца
410 Наказан будешь горьким ты изгнанием.
Зришь ныне свет — но будешь видеть мрак.
Найдется ли на Кифероне место,
Которое не огласишь ты воплем,
Свой брак постигнув — роковую пристань
В конце благополучного пути?
Не чуешь и других ты бедствий многих:
Что ты — и сын, и муж, и детям брат!...
Теперь слова Креонта и мои
420 В грязь втоптывай. Другой найдется ль смертный,
Кого бы гибель злейшая ждала?

Э д и п

Угрозы эти от него исходят?
О, будь ты проклят! Вон, ступай отсюда!
Прочь уходи от дома моего!

Т и р е с и й

Я не пришел бы, если б ты не звал.

Э д и п

Я услышать не думал речь безумца, —
Иначе не послал бы за тобой.

Т и р е с и й

По-твоему, безумец я? Меж тем
Родителям твоим казался мудрым.

Э д и п

Кому? Постой... Кто породил меня?

Т и р е с и й

- 430 Сегодня ты родишься и умрешь.

Э д и п

Опять слова неясны, как загадки.

Т и р е с и й

В отгадываньи ты ли не искусник?

Э д и п

Глумись над тем, чем возвеличен я.

Т и р е с и й

Но твой успех тебе же на погибель.

Э д и п

Я город спас, о прочем не забочусь.

Т и р е с и й

Иду... Ты, мальчик, уведи меня.

Э д и п

И пусть уводит... Мне невольно
Терпеть тебя. Уйдешь, — мне станет легче.

(Уходит.)

Стасим первый

Х о р

Строфа 1

Но кто же он? О ком скала вещала в Дельфах?
Ужаснейшим из дел кто руки обагрил?

Верно, он бежал быстрее
Вихрем мчащихся коней:
На него, во всеоружьи,
Налетели в блеске молний
Зевсов сын и сонм ужасных,
Заблужденья чуждых Кер.

Антистрофа 1

С Парнаса снежного нам просияло слово:
Злодея нам велит безвестного искать.

Бродит в чащах он, в ущельях,
Словно тур, тоской томим,
Хочет сбросить рок вещаний
Средоточия земного,⁹ —
Но вещанья роковые
Вечно кружатся над ним.

Строфа 2

Страшным вправду, страшным делом
Нас смутил вещатель мудрый.
Согласиться я не в силах
И не в силах отрицать,
Что скажу? Душа в смятении,
Тьма в былом и тьма в грядущем.

Никогда — ни теперь
Не слышал я, ни прежде,
Чтобы род Лабдакидов
И Полибом рожденный
Друг от друга страдали.
Ныне против Эдипа
Я не вижу улик, —
Не могу отомстить
Неизвестному Лая убийце!

Антистрофа 2

470 Но у Зевса с Аполлоном
Остры мысли. Им известны
Все деяния людские.
Вряд ли я скуднее знаньем
Прочих смертных, хоть различна
Мера мудрости у всех.
До улик несомненных
Не осудим Эдипа:
Ведь крылатая дева¹⁰
На глазах у народа
Подступила к нему,
И признали Эдипа
Наши Фивы, заслугу
Оценили его.
Нет, не верю его преступленью.

Приходит К р е о н т.

Эписодий второй

К р е о н т

Сограждане! Узнал я, что Эдип
Меня в делах ужасных обвиняет.
Я не стерпел и к вам явился. Если
Он думает, что в общем злополучьи
Стараюсь я словами и делами
490 Ему вредить, — то не мила мне жизнь
С подобной славой. От таких попреков
Урон немалый, — нет, — большой урон!
Плохое дело, коль меня злодеем
И город назовет, и вы, друзья!..

Х о р

Нет, без сомненья, спорили они
Во власти гнева, здраво не размыслив.

К р е о н т

Он утверждает, что мои советы
Заставили гадалея солгать.

Х о р

Сказал, но я не разумею цели.

К р е о н т

500 Бессовестный! Посмел в рассудке здравом
Меня таким наветом очернить!

Х о р

Не знаю, нам темны дела царей...
Но вот и сам он из дому выходит.

Э д и п

Как? Это ты? Явиться смел? Неужто
Настолько ты бесстыден, что под кров
Вошел ко мне — царя убийца явный
И власти нашей несомненный вор?
Скажи мне, ради бога, ты, решаясь
Так действовать, считал меня глупцом
510 Иль трусом? Или думал — не замечу,
Как ты подполз, и не оборонюсь?
И не безумная ль, скажи, затея —
Борьба за власть без денег и друзей?
Тут надобны сторонники и деньги!

К р е о н т

Ты лучше на слова свои другому
Дай возразить — и лишь тогда суди!

Э д и п

Ты говоришь искусно, но тебя
Не стану слушать: ты мне злейший враг.

К р е о н т

Нет, слушай, — вот что я тебе скажу.

Э д и п

520 Но только не тверди мне, что невинен.

К р е о н т

Коль полагаешь ты, что самоменье
Бессмысленное впрок, — ты неразумен.

Э д и п

Коль полагаешь ты, что без возмездья
Родным вредить мы можем, — ты не прав.

К р е о н т

Пусть так, согласен. Но скажи, какой
Через меня ты потерпел убыток?

Э д и п

Скажи, ты мне советовал иль нет
Послать за тем пророком пресловутым?

К р е о н т

Я мнения того же и сейчас.

Э д и п

530 А много ль лет прошло с тех пор, как Лай...

К р е о н т

С тех пор как Лай?.. Я не пойму тебя...

Э д и п

...Исчез, повержен гибельным ударом?..

К р е о н т

Прошло с тех пор уже немало лет.

Э д и п

Тогда уже был в силе ваш гадатель?

К р е о н т

И столь же мудр, и столь же почитаем.

Э д и п

Он поминал в те годы обо мне?

К р е о н т

Нет, никогда не приходилось слышать.

Э д и п

Разыскивали вы тогда убийцу?

К р е о н т

Конечно, да. Но не могли дознаться.

Э д и п

540 А почему ж тогда молчал мудрец?

К р е о н т

Не знаю; а не знаю, так молчу.

Э д и п

Но вот, что знаешь ты и скажешь ясно...

К р е о н т

Что именно? Не умолчу, коль знаю.

Э д и п

...Что, если б вы не сговорились, вряд ли
Он гибель Лая приписал бы мне.

К р е о н т

Что молвил он, то лучше знаешь ты,
Но сам на мой вопрос теперь ответствуй.

Э д и п

Спроси. Меня не уличишь в убийстве.

К р е о н т

Послушай: ты — супруг моей сестры?

Э д и п

550 Того, что ты спросил, не отрицаю.

К р е о н т

Над Фивами ты делишь с нею власть?

Э д и п

Я исполняю все ее желанья.

К р е о н т

А вам двоим не равен ли я — третий?

Э д и п

Вот тут-то и сказался ложный друг.

К р е о н т

Нет. Ты в мои слова поглубже вникни.
Сам посуди: зачем стремиться к власти,
С которой вечно связан страх, тому,

- Кто властвует и так, тревог не зная?
Я никогда не жаждал стать царем,
560 Предпочитая всегда лишь долю власти.
Так судит каждый, кто здоров рассудком,
Твои дары без страха принимаю,
А правь я сам, я делал бы не то,
Чего хочу. Ужель державство слаще
Мне беззаботной власти и влиянья?
Еще не столь я оскудел умом,
Чтоб новых благ и пользы домогаться.
Все счастья мне желают, все с приветом,
Кто с просьбою к царю, — идут ко мне,
570 В своих руках держу я их желанья.
И это все на что я променяю?
Не станет заблуждаться здравый разум.
Такого поведенья сам я чужд
И не дерзну в том помогать другому.
Чтоб убедиться, в Дельфах, сам спроси
Тебе я верно ль передал глагол
Богов? коль убедишься, что вступил
Я в заговор с гадателем, — казни:
И сам себя приговору я к смерти.
580 Нельзя винить, едва лишь заподозрив,
Затем, что нам не подобает звать
Злых добрыми, равно и добрых злыми.
Отвергнуть друга преданного значит
Лишиться драгоценнейшего в жизни.
Ты в этом скоро убедишься сам.
Нам честного лишь время обнаружит, —
Довольно дня, чтоб подлого узнать.

Х о р

Разумные одобряют речь его:
Поспешное решение ненадежно.

Э д и п

- 590 Но если враг мне спешно строит козни,
Поспешно должен действовать и я.
А если буду медлить, он достигнет,
Чего хотел, и я ни с чем останусь.

К р е о н т

Чего же хочешь ты? Изгнать меня?

Э д и п

Нет, больше: умертвить, а не изгнать;
Тогда поймешь ты, что такое зависть.

К р е о н т

Настаиваешь, значит, и не веришь?

Э д и п

Нет: ты доверья мне внушить не мог,

К р е о н т

Безумен ты!

Э д и п

В своих делах — я здоров.

К р е о н т

600 Но о моих подумай.

Э д и п

Ты — изменник!

К р е о н т

Затмился, что ли, ум твой?

Э д и п

Власть — моя!

К р е о н т

Дурная власть — не власть.

Э д и п

О Фивы, Фивы!

К р е о н т

Не ты один, — я тоже властен в Фивах.

Х о р

Довольно, государи. Вижу: кстати
К нам из дворца выходит Иокаста.
Она поможет кончить спор добром.

И о к а с т а

Из-за чего, несчастные безумцы,

Вы ссоритесь? Когда страдает город,
Не стыдно ль счеты личные сводить?
610 Иди домой, Эдип... и ты, Креонт, —
Зло малое великим да не станет.

Креонт

Сестра, Эдип грозит мне страшной карой:
Я к одному из двух приговорен —
К изгнанию или к позорной казни.

Эдип

Все так, жена: его я уличил, —
Замыслил он сгубить меня коварно.

Креонт

Будь вечно я несчастлив, будь я проклят,
Коль справедливо ты винишь меня.

Иокаста

Бессмертных ради, верь ему, Эдип,
620 Благочестивой ради клятвы, ради
Меня и всех, стоящих пред тобой.

Коммос

Хор

Строфа 1

Молю, послушайся, подумай, уступи.

Эдип

Но в чем мне уступить, — скажи?

Хор

О царь, он отроду был честен,
А ныне клятву дал, — молю,
Прости его!

Эдип

Ты понимаешь,
О чем ты просишь?

Хор

Да.

Э д и п

Скажи.

Х о р

Твой шурин чист, Эдип, — из-за пустой молвы
Винить своих друзей не следует напрасно.

Э д и п

630 Я цель твою прозрел: стремишься ты
Сгубить меня иль выгнать вон из града.

Х о р

Строфа 2

О вождь небожителей,
Гелий, молю:
Коль мыслю я злое,
Пусть богом отвержен,
Друзьями отринут,
Постыдно умру.
Нет. Родины беды —
О них я болею.
640 Что будет, коль ряд
Стародавних несчастий
Умножим чредой
Новоявленных бед?

Э д и п

Пусть прочь идет, — хотя бы мне пришлось
Быть изгнанным постыдно иль погибнуть.
Я тронут речью жалобной твоей,
А не словами этого злодея.

К р е о н т

Ты уступил со злобой. Но едва
Остынет гнев, раскаянье придет.
650 С подобным нравом сам себе ты в тягость.

Э д и п

Уйдешь ли наконец?

К р е о н т

Я удалюсь,
Тобой отвергнут, но для них я — прежний.
(Уходит)

Х о р

Антистрофа 1

Что медлишь во дворец ввести его, царица?

И о к а с т а

Нет, все разведая сперва.

Х о р

От слов родилось подозренье...
А может быть, навет и ложен, —
Несправедливость тяжела.

И о к а с т а

Бранились?

Х о р

Да.

И о к а с т а

О чем шла речь?

Х о р

По мне, разумнее — при бедствии всеобщем
660 Не возвращаться вновь к их прерванным речам.

Э д и п

Вот до чего ты с честностью своей
Дошел. Мой гнев ты погасить стремишься.

Х о р

Антистрофа 2

О царь, я не раз
В том клялся тебе:
Я был бы и вправду
Безумцем, глупцом,
Когда бы решился
Покинуть тебя.
Наш край дорогой
670 В тот год роковой
Ты вывел из бедствий
На правильный путь —
Так будь же и ныне
Нам кормчим благим!

И о к а с т а

Молю богов, царь, и мне поведай,
Что столь упорный гнев зажгло в тебе?

Э д и п

Изволь: тебя всех выше чту, жена, —
В Креонте дело и в его коварствах.

И о к а с т а

Открой, коль можешь, в чем причина ссоры?

Э д и п

680 Он говорит, что я убил царя.

И о к а с т а

Он это сам надумал иль подучен?

Э д и п

Он подослал лукавого пророка
И утверждает, будто сам невинен.

И о к а с т а

О, перестань об этом думать, царь!
Меня послушай: из людей никто
Не овладел искусством прорицанья.
Тебе я краткий довод приведу:
Был Лаю божий глас, — сама не знаю,
От Феба ли, но чрез его жрецов, —
690 Что совершится рок и Лай погибнет
От нашего с ним сына, а меж тем,
По слуху, от разбойников безвестных
Он пал на перекрестке трех дорог.
Младенцу ж от рожденья в третий день
Отец связал лодыжки и велел
На недоступную скалу забросить.
Так Аполлон вещанья не исполнил,
Не стал отцеубийцей сын, погиб
Лай не от сына, а всю жизнь боялся!
700 Меж тем о том пророчества гласили.
Не слушай их! Ведь если хочет бог,
Он без труда свою объявит волю.

Э д и п

О, как мне слово каждое твое
Тревожит душу и смущает сердце!

И о к а с т а

Какой себя терзаешь ты заботой?

Э д и п

Мне кажется, сказала ты, что Лай
Убит на перекрестке трех дорог?

И о к а с т а

Таков был слух, так говорят и ныне.

Э д и п

А где то место? Где случилось это?

И о к а с т а

710 Зовется край Фокидой,¹¹ три дороги
Там сходятся — из Давлии и Дельф.

Э д и п

А много ли годов прошло с тех пор?

И о к а с т а

Да незадолго перед тем, как власть
Ты принял здесь, — оповестили город.

Э д и п

О Зевс! Что ты судил вершить со мной?

И о к а с т а

Но что тебя смутило так, Эдип?

Э д и п

Не спрашивай... А внешнестью, скажи,
Каков был Лай? Он молод был иль стар?

И о к а с т а

Он был высок и с проседью сребристой, —
720 На вид почти таков, как ты сейчас.

Э д и п

О горе! Вижу: страшные проклятья
В неведеньи призвал я на себя!

И о к а с т а

Мне жутко, царь! Скажи мне, что с тобой?

Э д и п

Боюсь, слепой провидец зрячим был!
Все прояснится, коль еще ответишь...

И о к а с т а

Мне страшно, но, что знаю, все скажу.

Э д и п

При нем немного было провожатых
Или большой отряд, как при царе?

И о к а с т а

Их было пять, один из них глашатай, —
730 В единственной повозке ехал Лай.

Э д и п

Увы! Увы! Все ясно. Кто ж, однако,
Известье вам доставить мог, жена?

И о к а с т а

Слуга, — один он спасся и бежал.

Э д и п

Теперь у нас живет он, во дворце?

И о к а с т а

О, нет, — сюда пришел он, но, узнав,
Что власть тебе досталась после Лая,
К моей руке припал он и молил
Послать его на горные луга,
Чтоб только жить подальше от столицы.
740 Его я отпустила. Хоть и раб,
Он большей был бы милости достоин.

Э д и п

Нельзя ль его скорей вернуть сюда?

И о к а с т а

Конечно, можно; но зачем тебе?

Э д и п

Боюсь, жена, сказал я слишком много,
И потому мне встреча с ним нужна.

Пуškai он явится сюда, — но вправе
Узнать и я, чем удручен ты, царь.

Э д и п

- Не откажу тебе, я сам в тревоге.
Кому ж еще открыться мне, жена,
750 В моей беде? Итак, узнай: отцом
Мне был Полиб, коринфский уроженец,
А мать — Мeroпa, родом из дорян.
И первым я в Коринфе слыл, но случай
Произошел, достойный удивленья,
Но не достойный гнева моего:
На пире гость один, напившись пьяным,
Меня поддельным сыном обозвал.
И оскорбленный, я с трудом сдержался
В тот день и лишь на утро сообщил
760 Родителям. И распалились оба
На дерзость оскорбившего меня.
Их гнев меня обрадовал, — но все же
Сомненья грызли: слухи поползли.
И не сказавшись матери с отцом,
Пошел я в Дельфы. Но не удостоил
Меня ответом Аполлон, — лишь много
Предрек мне бед, и ужаса, и горя:
Что суждено мне с матерью сойтись,
Родить детей, что будут мерзки людям,
770 И стать отца родимого убийцей.
Вещанью вняв, решил я: пусть Коринф
Мне будет дальше звезд, — и я бежал
Туда, где не пришлось бы мне увидеть,
Как совершится мой постыдный рок.
Отправился — и вот пришел в то место,
Где, по твоим словам, убит был царь.
Тебе, жена, я истину открою.
Когда пришел я к встрече трех дорог,
Глашатай и старик, как ты сказала,
780 В повозке, запряженной лошадьми,
Мне встретились. Возница и старик
Меня сгонять с дороги стали силой.
Меня толкнул возница, и его
Ударил я в сердцах. Старик, меж тем,
Как только поравнялся я с повозкой,
Меня стрекалом в темя поразил.

- С лихвой им отплатил. В тот же миг
Старик, моей дубиной пораженный,
Упал, свалившись наземь из повозки.
- 790 И всех я умертвил... И если есть
Родство меж ним и Лаем... О, скажи,
Из смертных кто теперь меня несчастней,
Кто ненавистней в мире для богов?
«Кого ни свой не должен, ни чужой
Приветствовать и принимать, как гостя,
Но вон из дома гнать». И это — я,
Сам на себя обрушивший проклятья!
Я оскверняю ложе мертвеца
Кровавыми руками. Я ль не изверг?
- 800 Я ль не безбожник? Убежать бы мог...
Но мне нельзя к родителям вернуться,
В мой край родной: вступить придется там
В брак с матерью и умертвить отца,
Полиба, кем рожден я и воспитан.
Но в том, что сила, выше человека,
Мне посылает все, — сомненья нет!
Нет, грозные и праведные боги,
Да не увижу дня того, да сгину
С лица земли бесследно! Лишь бы только
- 810 Таким пятном себя не осквернить!

Х о р

И мы, владыка, в страхе. Но надейся,
Пока ты не узнал от очевидца.

Э д и п

Одно осталось для надежды мне —
Дождаться, чтоб сюда пришел пастух.

И о к а с т а

Что принесет тебе его приход?

Э д и п

Отвечу. Если будет говорить
Одно с тобой, — я ужаса избег.

И о к а с т а

Но что же я столь важного сказала?

Э д и п

- Ведь рассказал он, что царя убили
820 Разбойники... Так если подтвердит,

Что было много их, — убил не я.
Не может ведь один равняться многим.
А если скажет, что одни, то явно
Ложится преступление на меня...

И о к а с т а

О нет! Как раз передавал он то же
И слов своих не станет отрицать.
Весь город слышал, а не я одна.
А если и отступится от слова,
830 Все ж этим не докажет, что правдив
Глас Аполлона, возвестивший, будто
Погибнет Лай от сына моего.
Поистине, его не мог убить
Мой бедный сын, — он сам погиб младенцем.
Вот почему сейчас богов глаголу
Не верю я — и не поверю впредь.

Э д и п

Да, ты права. Кого-нибудь, однако,
Пошли за пастухом, и поскорей!

И о к а с т а

Пошлю сейчас же. Но пойдем домой...
Я все исполню, что тебе угодно.

(Уходит)

Стасим второй

Х о р

Строфа I

840 Дай, рок всечасно мне блюсти
Во всем святую чистоту
И слов, и дел, согласно мудрым
Законам, свыше порожденным!
Им единый отец — Олимп,
Породил их не смертных род,
И вовеки не сможет в сон
Их свергнуть забвенье.
В них живет всемогущий бог,
Никогда не старея.

Антистрофа I

850 Гордыней порожден тиран.
Она, безумно всем пресытись,

Чужда и пользы, и добра,
Вершины счастья достигнув,
В бездну бедствия вдруг падет,
Где нельзя утвердить стопы.
Пусть же бог не убавит в нас
Рвенья, граду потребного.
Да пребудет вовеки бог
Покровителем нашим!

Строфа 2

- 860 Если смертный превознесся
На словах или на деле
Не боится правосудья
И не чтит кумиров божьих, —
Злая участь да постигнет
Спесь злосчастную его!
Коль выгод ищет он неправых,
Не избегает черных дел
И сокровенных тайн касается безумно, —
Ему ль хвалиться, что от жизни
870 Отвел он божию стрелу?
О, если честь таким деяньям, —
Что нам вступить в священный хор?

Антистрофа 2

Не пойду благоговейно
Я к святой середине мира,
Ни в Олимпию¹², ни в древний
Храм Абайский¹³, если ныне
Очевидно не исполнится
Вещий голос божества.
Но если вправду ты, могучий,
Над всем владычествуешь, Зевс, —
Да не избегнет злой твоей бессмертной власти!
Увы! Пророчества о Лае
Бессильны стали. Нет нигде
Почета ныне Аполлону.
Бессмертных позабыли мы.

Эписодий третий

И о к а с т а

- Владыки Фив, подумав, я решила
Отправиться в святилище богов
С куреньями и свежими венками.
Душа Эдипа сильно смущена,
890 Он в скорбных думах и, теряя разум,

По прошлому не судит о грядущем,
Лишь тем он внемлет, кто пророчит ужас.
Бессильна я его разубедить...
И вот к тебе, о Аполлон Ликейский,
Иду с мольбой и с этими дарами,
Избавь нас от напастей. Он — в смятении,
И мы трепещем, — так взирают люди
На кормщика, испуганного бурей.

В х о д и т В е с т н и к .

В е с т н и к

900 Могу ль от вас узнать, о чужестранцы,
Где здесь царя Эдипа дом? А лучше
Скажите, где находится он сам.

Х о р

Вот дом его; он сам — внутри, о гость.
А вот — царица, мать его детей.

В е с т н и к

Будь счастлива всегда и весь твой дом,
Царя благословенная супруга!

И о к а с т а

Прими в ответ благое пожеланье, —
Его ты заслужил своим приветом.
Но с просьбой или с вестью прибыл ты?

В е с т н и к

Обрадую и дом твой, и супруга.

И о к а с т а

910 Что разумеешь? Кто прислал тебя?

В е с т н и к

Я — из Коринфа. Весть моя, пожалуй,
И радость принесет тебе, и скорбь.

И о к а с т а

Что за слова? В чем их двойная сила?

В е с т н и к

Коринфяне хотят назвать Эдипа
Своим царем. Таков их приговор.

И о к а с т а

Как? Разве власть уж не в руках Полиба?

В е с т н и к

Недавно смерть свела его в могилу.

И о к а с т а

Что говоришь? Полиб скончался?

В е с т н и к

Если

Сказал я ложь, то сам достоин смерти.

И о к а с т а

920 Служанка, поскорее в дом беги,
Зови царя... Где вы, богов вещанья?
Боялся царь Эдип его убить —
И прочь бежал; Полиб же сам скончался,
Как рок велел, не от его руки.

В х о д и т Э д и п

Э д и п

О милая супруга Иокаста,
Зачем меня ты вызвала из дома?

И о к а с т а

Его послушай и суди, сбылось ли
Ужасное вещание богов?

Э д и п

Кто он такой? Что хочет мне сказать?

И о к а с т а

930 Он из Коринфа, с вестью, что Полиб,
Отец твой, умер, — нет его в живых.

Э д и п

Что говоришь ты, гость? Скажи мне сам.

В е с т н и к

Коль должен я сказать сперва об этом, —
Знай, что стезею мертвых он ушел.

Э д и п

Убит он? Или умер от болезни?

В е с т н и к

Чтоб умереть, немного старцу нужно.

Э д и п

Так от болезни умер он, несчастный?

В е с т н и к

И оттого, что был преклонных лет.

Э д и п

Увы! К чему нам было чтить, жена,
940 Полеты птиц и жертвенник пифийский,
Провозгласившие, что суждено мне
Отца убить родного? Вот он — мертвый
Лежит в земле, — а я не прикасался
К мечу. Но, может быть, с тоски по сыну
Скончался он, — так я тому виной?
В Аид унес Полиб все прорицанья...
Поистине, они лишь звук пустой!

И о к а с т а

Тебе об этом мало ль я твердила?

Э д и п

Твердила ты — но страх меня смущал.

И о к а с т а

950 Отныне страхом не терзай души.

Э д и п

Но ложа материнского боюсь.

И о к а с т а

Чего бояться смертным? Мы во власти
У случая, предвиденья, мы чужды.
Жить следует беспечно — кто как может...
И с матерью супружества не бойся:
Во сне нередко видят люди, будто
Спят с матерью; но эти сны — пустое,
Потом опять живетсЯ беззаботно.

Э д и п

Ты дельно говоришь... Но мать — в живых.

960 А если мать в живых, то хоть и дельно
Ты говоришь, меня тревожит страх.

И о к а с т а

Но гроб отца — тебе успокоенье.

Э д и п

О да, но той... живой еще... боюсь.

В е с т н и к

Но кто ж она, которой ты страшишься?

Э д и п

Полибова вдова, Метропа, старец.

В е с т н и к

Чем вызван твой великий страх пред нею?

Э д и п

Ужасным божиим вещаньем, гость.

В е с т н и к

Дозволено узнать его иль нет?

Э д и п

Изволь. Когда-то был от Аполлона
970 Мне глас, что в брак я с матерью вступаю
И кровь отца пролью своей рукою.
Вот отчего далеко от Коринфа
Живу теперь, — и счастлив здесь. А все ж
Милей всего — родительские очи.

В е с т н и к

Так этот страх привел тебя к изгнанию?

Э д и п

Еще — боялся я отца убить.

В е с т н и к

Тогда тебя избавлю я, владыка,
От страха — я недаром добрый вестник.

Э д и п

И по заслугам будешь награжден.

В е с т н и к

980 Затем я и пришел, чтобы вернуть
Тебя в Коринф — и получить награду.

Э д и п

Не возвращусь вовеки в дом отцовский.

В е с т н и к

Не знаешь, сын, что делаешь, коль это...

Э д и п

Что, старец?... Говори же, ради бога!

В е с т н и к

...Тебя от дома держит вдалеке.

Э д и п

Страшусь, глаголы Феба не сбылись бы...

В е с т н и к

Родителей бежишь? Боишься скверны?

Э д и п

Да, это, старец, это страшно мне.

В е с т н и к

Сказать по правде, — страх напрасен твой.

Э д и п

990 Но как же, если я от них родился?

В е с т н и к

Затем, что не в родстве с тобой Полиб.

Э д и п

Что ты сказал? Полиб мне — не отец?

В е с т н и к

Такой же он тебе отец, как я.

Э д и п

Ты для меня — ничто, а он родители!

В е с т н и к

Ни он тебя не породил, ни я.

Э д и п

Но почему ж меня он сыном звал?

В е с т н и к

Из рук моих тебя он принял в дар.

Э д и п

И так любил, из рук приняв чужих?

В е с т н и к

Да, потому что сам он был бездетен.

Э д и п

1000 А ты купил меня или нашел?

В е с т н и к

Нашел в лесу, в ущелье Киферона.

Э д и п

А почему ты в тех местах бродил?

В е с т н и к

Поставлен был стада пасти в горах.

Э д и п

Так ты пастух, батрак наемный был?

В е с т н и к

Я был твоим спасителем, мой сын.

Э д и п

Но отчего же я тогда страдал?

В е с т н и к

Свидетели — лодыжки ног твоих.

Э д и п

Увы! Что вспоминать о старом горе?

В е с т н и к

Я развязал проколотые ноги.

Э д и п

1010 О боги! Кто ж преступник? Мать? Отец?

Вестник

То знает лучше давший мне тебя.

Эдип

Ты получил меня, не сам нашел?

Вестник

Мне передал тебя другой пастух.

Эдип

А кто он был? Сказать наверно сможешь?

Вестник

Он, помнится, слугой назвался Лая.

Эдип

Не прежнего ль Фиванского царя?

Вестник

Да, у царя служил он пастухом.

Эдип

Он жив еще?... Увидеть бы его...

Вестник

Вам, местным людям, лучше знать об этом.

Эдип

1020 Из вас кому-нибудь известен, старцы,
Пастух, помянутый сейчас гонцом?
Кто с ним встречался здесь иль на лугах,
Ответьте! Срок настал всему раскрыться.

Хор

Он, думаю, не тот ли поселянин,
Которого увидеть ты желал?..
Но разъяснит всех лучше Иокаста.

Эдип

Жена, гонцом помянутый пастух —
Не тот ли, за которым мы послали?

Иокаста

Не все ль равно? О, полно, не тревожься
1030 И слов пустых не слушай... позабудь

Э д и п

Не может быть, чтоб, нить держа такую,
Я не раскрыл рожденья своего.

И о к а с т а

Коль жизнь тебе мила, — молю богами, —
Не спрашивай... Моей довольно муки!

Э д и п

Мужайся! Будь я трижды сын рабыни,
От этого не станешь ты незнатной.

И о к а с т а

Послушайся, молю... О, воздержись!

Э д и п

Не убедишь меня. Я все узнаю.

И о к а с т а

Тебе добра хочу... Совет — благой...

Э д и п

1040 Благие мне советы надоели.

И о к а с т а

Несчастный! О, не узнавай, кто ты!

Э д и п

Ступайте, приведите пастуха, —
Пусть знатностью своей одна кичится.

И о к а с т а

Увы! Злосчастный! Только это слово
Скажу тебе — и замолчу навек.

(Уходит.)

Х о р

Куда пошла жена твоя, Эдип,
Гонима лютой скорбью? Я боюсь,
Не разразилось бы молчанье бурей.

Э д и п

Пусть чем угодно разразится. Я
1050 Узнать хочу свой род — пусть он ничтожен!

А ей, в ее тщеславьи женском, стыдно,
Наверное, что низко я рожден.
Я — сын Судьбы, дарующей нам благо,
И никакой не страшен мне позор.
Вот кто мне мать! А Месяцы — мне братья:
То вознесен я, то низвергнут ими.
Таков мой род, — и мне не быть иным.
Я должен знать свое происхождение.

Стасим третий

Х о р

Строфа

1060 Если даром прорицанья
Мой исполнен вещей дух,
То клянусь Олимпом горним:
Ты услышишь, Киферон,
Как мы завтра в полнолуние
Прославлять тебя начнем,
О, Эдипа край родимый —
И отец его, и пестун!
Будем водить хороводы,
Ибо издревле угоден
1070 Был ты фиванским царям.
Будь же, о Феб, благосклонен
К нам! Призываем тебя!

Антистрофа

Кем же ты рожден, младенец,
Из живущих долго дев?
Взял ли нимфу гость нагорный
Пан-родитель или Локсий, —
Ибо он от века любит
Пастбищ дикие луга?
Иль, быть может, царь Киллены¹⁴
Был родителем тебе?
1080 Или, вершин обитель,
Принял младенца от нимфы
Новорожденного Вакх
На Геликоне¹⁵, где с нимфами
Бог свои игры ведет?

Эписодий четвертый

Э д и п

В лицо не знаю пастуха, однако
Догадываюсь, старцы, — это он,
Которого мы заждались: старик
Глубокий, он в одних годах с гонцом.
А в провожатых узнаю как будто
1090 Моих рабов... Точнее скажешь ты,
Ведь пастуха уже не раз ты видел.

Х о р

Да, будь уверен, царь, он мне известен, —
Он был у Лая честным пастухом.

Входит п а с т у х.

Э д и п

Сперва тебя спрошу, коринфский гость:
О нем ли говорил ты?

В е с т н и к

Да, о нем.

Э д и п

На все вопросы отвечай, старик,
В глаза мне глядя: был рабом ты Лаю?

П а с т у х

Был, но не купленным, — я рос при доме.

Э д и п

Каким существовал ты ремеслом?

П а с т у х

1100 Я большую часть жизни пас стада.

Э д и п

Ну, а в каких местах жилал ты чаще?

П а с т у х

На Кифероне и в его округе.

Э д и п

Его ты знаешь? Ты его встречал?

П а с т у х

Что делал он? О ком ты говоришь?

Э д и п

О том, кто пред тобой. Ты с ним встречался?

П а с т у х

Возможно, только сразу не припомню.

В е с т н и к

В том дива нет, владыка. Но заставлю
Забывшего все в точности припомнить.
Поверь, он помнит, как бродили мы
1110 По Киферону. Он два стада пас,
А я — одно, поблизости, — с весны
До холодов, три полугодья кряду.
Зимой же с гор я стадо угонял
В свой хлев, а он — на Лаев скотный двор.
Все было так, как говорю, иль нет?

П а с т у х

Все правда... хоть прошло годов немало.

В е с т н и к

Скажи, ты мальчика мне отдал, — помнишь, —
Чтоб я его как сына воспитал?

П а с т у х

Так что же? Почему такой вопрос?

В е с т н и к

1120 Вот, милый друг, кто был младенцем этим.

П а с т у х

О, будь ты проклят! Замолчишь ли ты?

Э д и п

Нет, нет, старик, его ты не брани;
Твои слова скорей достойны брани.

П а с т у х

Но в чем же я повинен, государь?

Э д и п

Ты о младенце отвечать не хочешь!

П а с т у х

Да ничего не знает он; все вздор.

Э д и п

Добром не хочешь, — скажешь под бичом.

П а с т у х

Нет, ради бога, старика не бей!

Э д и п

Ему свяжите руки за спиною!

П а с т у х

1130 Ах, я несчастный! Что же знать ты хочешь?

Э д и п

Младенца ты передавал ему?

П а с т у х

Передавал... Погибнуть бы в тот день!

Э д и п

Что ж, и погибнешь, коль не скажешь правды.

П а с т у х

Скорей погибну, если я отвечу.

Э д и п

Он, как я вижу, хочет увильнуть!

П а с т у х

Да нет! Сказал я, что отдал когда-то.

Э д и п

Где взял его? Он свой был иль чужой?

П а с т у х

Не свой... Его я принял от другого.

Э д и п

А из какого дома? От кого?

П а с т у х

1140 Не спрашивай ты больше, ради бога!

Э д и п

Погибнешь ты, коль повторю вопрос!

П а с т у х

Узнай же: был он домоладцем Лая.

Э д и п

Рабом он был иль родственником царским?

П а с т у х

Увы, весь ужас высказать придется...

Э д и п

А мне — услышать... Все ж я слушать должен.

П а с т у х

Ребенком Лая почитался он...
Но лучше разъяснит твоя супруга.

Э д и п

Так отдала тебе она младенца?

П а с т у х

Да, царь.

Э д и п

Зачем?

П а с т у х

Велела умертвить.

Э д и п

1150 Мать — сына?

П а с т у х

Злых страшилась предсказаний.

Э д и п

Каких?

П а с т у х

Был глас, что он убьет отца.

Э д и п

Но как его отдать посмел ты старцу?

П а с т у х

Да пожалел: я думал, в край далекий,
На родину снесет его, но он
Для бед великих спас дитя, и если
Ты мальчик тот, знай, ты рожден на горе!

Э д и п

Увы мне! Явно все идет к развязке.
О свет! Тебя в последний раз я вижу!
В проклятии рожден я, в браке проклят,
1160 И мною кровь преступно пролита!
(Уходит во дворец.)

Стасим четвертый

Х о р

Строфа 1

Люди, люди! О смертный род!
Жизнь земная, увы, тщетна!
В жизни счастья достиг ли кто?
Лишь подумает: «счастлив я!» —
И лишается счастья.
Рок твой учит меня, Эдип,
О злосчастный Эдип! Твой рок
Ныне уразумев, скажу:
Нет на свете счастливых.

Антистрофа 1

1170 Метко метил он, счастье взял.
Зевс, он деву когтистую,¹⁶
Песни темные певшую,
Уничтожил, стране родной
Стал надежной твердыней.
Стал он зваться с тех пор, Эдип,
Государем у нас. Тебе
Высший был от людей почет
В наших Фивах великих.

Строфа 2

А ныне сыщется ль несчастней кто из смертных?
1180 Томится ль так другой у бед и мук в плену,
Наследовав такую долю?
Увы! Прославленный Эдип!
Сын и муж в тебе едином

Благосклонно были приняты
Тихой пристанью единой, —
Ложем свадебным твоим.
Злосчастный! Как могла так долго
Отцом засеянная нива
Тебя в безмолвии терпеть?

Антистрофа 2

1190 Теперь всезрящее тебя настигло время
И осудило брак, не должный зваться браком,
В котором долго пребывали
Слиянными отец и сын.
Горе! Лая сын несчастный!
О, когда бы я вовеки
Не видал тебя! Стенаю
Как над мертвым, над тобой.
Поистине сказать я должен:
Ты одарил нас жизнью новой,
1200 Ты мрак на очи нам навлек.

Входит домочадец.

Эксод

Домочадец

О граждане почтенные страны!
Что предстоит и слышать вам, и видеть!
Какое бремя скорби вам нести,
Коль преданы еще семье вы царской.
Нет, не омоют даже Истр и Фасис¹⁷
Лабдака дом; столь много страшных дел
Таится в нем, и вольных, и невольных, —
И новые объявятся!.. Нет горше
По доброй воле понесенных мук.

Хор

1210 Нет тяжелее бед, уже известных...
Но что еще случится, говори!

Домочадец

Увы, сказать и выслушать недолго:
Божественной не стало Иокасты.

Хор

Злосчастная! Но что тому причиной?

- Она сама, увы! Но ты не можешь
 Так горевать, как я: вы не видали,
 А у меня все в памяти живет.
 Узнайте ж, как несчастная страдала:
 Лишь в дом вошла, объята исступленьем,
 1220 К постели брачной ринулась она
 И волосы обеими руками
 Рвала. И, дверь захлопнув, стала звать
 Уже давно скончавшегося Лая;
 Упоминала первенца, которым
 Был муж ее убит; и то, как сыну
 Досталась мать для страшных порождений.
 Рыдала над своим двубрачным ложем,
 Где мужем дан ей муж и сыном — дети.
 И вот погибла, но не знаю, как,
 1230 Затем, что тут Эдип ворвался с воплем,
 И я следить за нею перестал.
 Я на царя смотрел — как он метался.
 Он требовал меча, — искал жену,
 Которую не мог назвать женою, —
 Нет, мать свою и мать его детей!
 Вела его в безумьи сила свыше.
 Вели не мы — прислужники его.
 И с диким криком, словно вслед кому-то,
 Он бросился к двустворчатым дверям
 1240 И, выломав засовы, вторгся в спальню.
 И видим мы: повесилась царица, —
 Качается в крученой петле. Он,
 Ее увидя вдруг, завыл от горя,
 Вербку раскрутил он, — и упала
 Злосчастная. Потом, — ужасно молвить! —
 С ее одежды царственной сорвав
 Наплечную застежку золотую,
 Он стал иглу во впадины глазные
 Вонзать, крича, что зреть очам не должно
 1250 Ни мук его, ни им свершенных зол, —
 Очам, привыкшим видеть лик запретный
 И не узнавшим милого лица.
 Так, мучаясь, не раз, а много раз
 Он поражал глазницы, и из глаз
 Не каплями на бороду его
 Стекала кровь, — багрово-черный ливень
 Ее сплошным потоком орошал.

Поистине, их счастье былое
Завидным было счастьем. А теперь
1260 Стенанье, гибель, смерть, позор, — все беды,
Какие есть, в их доме собрались.

Х о р

Что с ним теперь? Пришел в себя несчастный?

Д о м о ч а д е ц

Кричит, чтоб дверь открыли и кадмейцам
Отцеубийцу тотчас показали,
Который мать... но уст не оскверню...
Что сам себя изгонит, чтоб проклятья
Он, проклятый, на дом свой не навлек.
Он ослабел, и провожатый нужен
Несчастному. Он страждет выше сил
1270 Увидите сейчас. Уже засов отодвигают... Зрелище такое
Разжалобить способно и врага.

Коммос

Х о р

О, как смертному страшно страдания зреть!
Никогда я страшнее не видывал мук!
Злополучный! Каким ты безумьем объят?
Что за демон неистовым прынул прыжком
На твою несчастливую долю?
Я не в силах смотреть на тебя, — а меж тем
Я о многом узнать, спросить бы хотел! —
1280 Столь ужасный внушаешь мне трепет!

Э д и п

Горе! Горе! Увы! О несчастье мое!
О, куда ж я бедою своей заведен,
И куда мой уносится голос?
Ты привел меня, Рок мой, куда?

Х о р

В пугающую слух и взоры бездну.

Э д и п

Строфа I

О, туча мрака!..
Я ужасом объят невыразимым,

- Несет меня необоримый вихрь!
О, горе мне!
1290 О, горе мне, о горе! Как вонзился
В меня клинок! Как память бед язвит
- Х о р
- Не диво, что вдвойне в таких страданиях
Скорбишь и о беде кричишь двойной...
- Э д и п
- Антистрофа 1*
- Увы! Мой друг!
Один ты мне слуга остался верный, —
Забодишься ты обо мне — слепце.
Увы! Увы!
Ты от меня не скрыт, — хоть я во мраке,
Но явственно твой голос различаю.
- Х о р
- 1300 О, страшное свершивший! Как дерзнул
Ты очи погасить? Внушили боги?
- Э д и п
- Строфа 2*
- Аполлоново веленье,
Аполлон решил, родные!
Завершил мои он беды!
Глаз никто не поразил мне, —
Сам глаза я поразил.
Горе, горе... На что мне и очи теперь,
Коль ничто усладить их не может?
- Х о р
- Свершилось все как ты предрек.
- Э д и п
- 1310 На что смотреть мне ныне?
Кого любить?
Кого дарить приветствием?
Слушать кого с умилением?
Прочь, поскорее отсюда
Вы уведите меня,
Скройте постыдную скверну!
Я трижды проклят меж людей. Бессмертным
Всех ненавистней я!

Х о р

Ты, чья судьба и дух равно печальны,
1320 Тебя мне лучше вовсе б не встречать!

Э д и п

Антистрофа 2

Пропади на веки вечные,
Кто с моих ступней младенческих
Снял ремней тугие путы
И меня от мук избавил,
Не на радость мне, увы!
А умри я тогда, — ни родные, ни я
Не узнали б столь горького горя!

Х о р

Так лучше было бы, ты прав.

Э д и п

Сюда я не пришел бы
1330 Убить отца.
Не стал бы мужем матери.
Ныне, богами отвергнутый,
Я — порожденье преступницы —
Ложе ее унаследовал —
То, что меня породило.
О, если в мире есть беда всем бедам,
Ее вкусил Эдип!..

Х о р

Хвалить ли мне поступок твой — не знаю.
Но лучше не родиться, чем ослепнуть...

Э д и п

1340 Мне не тверди о том, что я избрал
Не наилучший выход. Брось советы.
Сойдя в Аид, какими бы глазами
Я стал смотреть родителю в лицо
Иль матери несчастной? Я пред ними
Столь виноват, что мне и петли мало!
Иль, может быть, мне видеть было б сладко
Моих детей, увы, рожденных ею?
Нет, вида их не вынес бы мой взор...

- А город наш, твердыни, изваянья
1350 Священные богов, которых я
Себя лишил — несчастный! Я — первейший
Из граждан здесь. Сам приказал я гнать
Безбожника, в ком божий глас укажет
Преступного сквернителя страны!..
С таким пятном как мог бы я теперь
Смотреть спокойным взором на сограждан?
Нет, никогда! О, если б был я в силах
Источник слуха преградить, из плоти
Своей несчастной сделал бы тюрьму,
1360 Чтоб быть слепым и ничего не слышать...
Жить, бед не сознавая, — вот что сладко,
О Киферон! Зачем меня ты принял,
Зачем, приняв, тотчас же не сгубил,
Чтобы мое рожденье не открылось?
Полиб, Коринф, о кров родного дома!
Как был я — ваш питомец — чист наружно,
И сколько зол в душе своей взрастил!
О три дороги, тесное ущелье,
Вы кровь мою горячую испили, —
1370 Ее я пролил собственной рукой, —
Вы помните ль, что я тогда свершил?
Что после совершал?.. О брак двойной!
Меня ты породил и, породив,
Воспринял то же семя; от него же
Пошли сыны и братья, — кровь одна! —
Невесты, жены, матери... Позорней
События не видела земля...
Но речь вести не должно о постыдном...
Богам заклиная: о, скорей
1380 Меня подальше скройте иль убейте,
Иль в море бросьте прочь от глаз людских!
Приблизьтесь, умоляю, прикоснитесь
К несчастному. Не бойтесь: мой недуг
Ни для кого из смертных не опасен.

Х о р

Но вот идет к нам вовремя Креонт, —
Исполнит просьбы и подаст совет:
Остался он один блюсти столицу.

Э д и п

- Увы! Как речь к нему я обращаю?
Как от него доверья ждать и правды,
1390 Когда я с ним был так несправедлив?

Входит Креонт.

Креонт

Не насмехаться я пришел, Эдип,
Не за обиду укорять былую.
Но ежели не стыдно нам людей,
Хоть Солнце, всем дарующее жизнь,
Должны мы чтить... О, можно ль показать
Подобный срам?.. Его земля не примет,
Ни дождь священный, ни небесный свет.
Скорее в дом Эдипа отведите, —
Затем, что горе родственников близких
1400 Внимать и видеть должно лишь родным.

Эдип

Молю тебя, раз ты мой страх рассеял,
Мне — гнусному явившись столь прекрасным,
Послушай... о тебе забочусь я.

Креонт

Какой услуги просишь так упорно?

Эдип

О, изгони меня скорей, — туда,
Где б не слышал людского я привета.

Креонт

Так я и поступил бы, — только раньше
Хочу спросить у бога, что нам делать.

Эдип

Но ясно бог вещал: карать меня —
1410 Отцеубийцу, нечестивца — смертью.

Креонт

Да, был таков глагол, но все же лучше
Узнать при затруднении, как быть.

Эдип

О столь несчастном спрашивать бессмертных?

Креонт

А ты теперь готов поверить богу?..

- Тебе я поручаю и молю:
 Той... что в дому... устроишь погребенье,
 Как знаешь сам, — то родственный твой долг.
 Мне град родной да не окажет чести,
 В нем жить дозволив до скончания дней.
- 1420 Уйти мне разреши на Киферон мой,
 Который мне — живому — мать с отцом
 Законною назначили могилой.
 Пусть там умру, — они того желали,
 Но знаю, не убьет меня недуг,
 Ничто не умертвит. Я был спасен,
 Чтоб ряд ужасных новых бед изведать.
 И пусть судьба идет своим путем.
 О старших детях, сыновьях моих,
 Ты не заботься: выросли они,
- 1430 Не будет недостатка им ни в чем.
 Но о моих несчастных, бедных дочках,
 Которым никогда прибор к обеду
 Не ставился отдельно от отца,
 С которыми делил кусок я каждый, —
 О них заботься... А теперь дозволь
 К ним прикоснуться, выплакать все горе.
 Дозволь, о цари!..
 Подумаю, что снова их я вижу.
- 1440 Что говорю?
 О боги! Разве я не слышу? Вот...
 Мои родные, милые... Креонт
 Ко мне их вывел... дорогих моих..
 Так? Верно ли?..

К р е о н т

Так. С ними быть тебе я предоставил;
 Я знал, как ты отрады этой ждешь.

Э д и п

- О, будь благословен! Да бережет
 Тебя на всех дорогах демон, лучший,
 Чем мой! О дети, где вы? Подойдите...
- 1450 Так... Троньте руки... брата, — он виною,
 Что видите блиставшие когда-то
 Глаза его... такими... лик отца,
 Который, и не видя, и не зная,
 Вас породил... От матери своей.
 Я вас не вижу... но о вас я плачу,

- Себе представив горьких дней остаток,
Который вам придется жить с людьми.
С кем из сограждан вам сидеть в собраниях?
Где празднества, с которых вы домой
- 1460 Вернулись бы с весельем, а не с плачем?
Когда же вы войдете в брачный возраст,
О, кто в ту пору согласится, дочери,
Принять позор, которым я отметил
И вас, и вам сужденное потомство?
Каких еще недостает вам бед?
Отец убил отца; он мать любил,
Родившую его, и от нее
Вас породил, сам ею же зачатый...
Так будут вас порочить... Кто же вас
- 1470 Присвадает? Такого не найдется.
Безбрачными увянете, сироты.
Сын Менекея! Ты один теперь
Для них отец. И я, и мать, мы оба
Погибли. Их не допусти скитаться —
Безмужних, нищих и лишенных крова,
Не дай им стать несчастными, как я.
Их пожалей, — так молоды они! —
Один ты им опора. Дай же клятву.
О благородный, и рукой коснись!..
- 1480 А вам, о дети, — будь умом вы зрелы,
Советов дал бы много... Вам желаю
Жить, как судьба позволит... но чтоб участь
Досталась вам счастливей, чем отцу.

Х о р

О сограждане фиванцы! Вот пример для вас: Эдип,
И загадок разрешитель, и могущественный царь,
Тот, на чей удел, бывало, всякий с завистью глядел.
Ниспровергнут в море бедствий, в бездну страшную
упал!
Значит, смертным надо помнить о последнем нашем дне
И назвать счастливым можно, очевидно, лишь того,
Кто достиг предела жизни, в ней несчастий не познав.

(Пер. С. Шервинского)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Трагедия написана на сюжет фиванского цикла мифов, повествующих о судьбе рода фиванских царей Лайя, его сына Эдипа и его детей. Время написания трагедии точно неизвестно. Ее датируют началом 20-х

годов V в. до н. э. ² *Кадм* — мифологический основатель Фив. ³ *Исмен* — река в Фивах, где перед храмом Аполлона происходило гадание по золе и пеплу жертвенных животных. ⁴ Безжалостная вещунья — Сфинкс. ⁵ *Пифон* — древнее название Дельф, эпитет «златой» говорит о богатстве храма. ⁶ *Целитель-делитель* — Аполлон. ⁷ *Смерти пламенный бог* — Арес. ⁸ *Царь Ликейский* — Аполлон. ⁹ *Средоточие земное* — «пуп земли», находившийся в Дельфах. ¹⁰ *Крылатая Дева* — Сфинкс. ¹¹ *Давлия (Давлида)* — область в Фокиде. ¹² *Олимпия* — местность в Элиде (Пелопоннес), где был храм Зевса. ¹³ Храм Аполлона в Абах (Фокида). ¹⁴ *Царь Киллены* — Гермес, родившийся на горе Киллене в Аркадии. ¹⁵ *Геликон* — горный хребет в Беотии, местопребывание Аполлона и Муз. ¹⁶ *Дева когтистая* — Сфинкс. ¹⁷ *Истр* — Дунай, *Фасис* — река Риони в Колхиде.

АНТИГОНА¹

Действующие лица:

Антигона.

Исмена.

Хор фиванских старейшин.

Креонт.

Страж.

Гемон.

Тиресий.

Эвридика.

Вестник.

Вестник — 2-й.

Пролог

Антигона

Сестра моя любимая, Исмена,
Не знаешь разве, — Зевс до смерти нас
Обрек терпеть Эдиповы страдания?
Ведь нет такого горя иль напасти,
Позора иль бесчестия, каких
С тобой мы в нашей жизни не видали.
А ныне в городе о чем толкуют?
Какой указ царем Креонтом дан?
Ты что-нибудь слыхала? Или ты
10 Не знаешь о беде, грозящей брату?

Исмена

Нет, Антигона, никаких я слов
Ни радостных, ни горьких не слыхала
С тех пор, как пали оба наши брата,
Друг друга в поединке поразив.
Лишь знаю, что ушло аргивян войско
Сегодняшнюю ночью, — вот и все.
Не лучше мне от этого, не хуже.

Антигона

Я так и знала, и из врат дворцовых
Тебя звала — сказать наедине.

Исмена

20 В чем дело? Вижу, весть твоя мрачна.

Антигона

Чтит погребеньем одного из братьев
Креонт, а у другого отнял честь.
Он Этеокла в землю по обряду
Сокрыл, и тот Аида стал достоин.
Злосчастливого же тело Полиника
Он всем через глашатая велит
Не погребать и не рыдать над ним,
Чтоб не оплакан и земле не предан.
30 Он сладкой стал добычей хищным птицам.
Как слышно, сам Креонт по доброте
Тебе и мне — да, мне! — о том объявит.
Сюда идет он возвестить приказ
Не знающим его, считая дело
Немаловажным, — и ослушник будет
Побит камнями перед тем народом.
Теперь ты знаешь, и покажешь скоро,
Ты благородна иль низка душой.

Исмена

О бедная сестра! Но что мне делать?
Могу ли я помочь, иль помешать?

Антигона

40 Поможешь ли ты мне? Со мной ли будешь?

Исмена

В каком же деле? Что ты замышляешь?

Антигона

Ты мертвого поднимешь ли со мной?

Исмена

Похоронить? Но это под запретом...

Антигона

И за себя, и за тебя для брата
Все сделаю, ему останусь верной.

И с м е н а

О дерзкая! Креонту вопреки?

А н т и г о н а

Он у меня не волен взять мое.

И с м е н а

Увы, сестра, подумай: наш отец
Погиб, отвержен, презираем всеми,
50 Свои разоблачивши преступленья
И очи вырвав сам, своей рукой.
И мать-жена — два имени единой! —
С позором в петле кончила свой век.
И оба наших брата злополучных,
Кровь братскую пролив своей рукой,
Друг друга одновременно убили.
Теперь подумай — как, одни оставшись,
Погибнем бедственно и мы с тобой,
Закон нарушив и царя веленье?
60 Мы женщинами рождены, и нам
С мужчинами не спорить, — помни это. —
Над нами сильный властвует всегда.
Во всем — и в худшем — мы ему покорны.
И потому Подземных умоляю
Я, подневольная, о снисхожденьи.
Я буду подчиняться тем, кто властен:
Нет смысла совершать, что выше сил.

А н т и г о н а

Просить не стану: мне твое участие
Не надобно, хотя б ты и желала.
70 Что хочешь делай — схороню его.
Мне сладко умереть, исполнив долг.
Мила ему, я лягу рядом с милым,
Безвинно согрешив. Ведь мне придется
Служить умершим дольше, чем живым.
Останусь там навек. А ты, коль хочешь,
Не чти законов, чтимых и богами.

И с м е н а

Всегда бессмертных чтила я, но все же
Я против воли граждан не пойду.

Антигона

80 Что ж, и не надо: я пойду одна
Земли насыпать над любимым братом.

Исмена

Как за тебя, несчастную, мне страшно!

Антигона

Не бойся! За свою судьбу страшишь.

Исмена

Но только никому не говори,
Держи всё в тайне, — промолчу и я.

Антигона

Нет, доноси! Ты станешь ненавистней,
Коль умолчишь, чем если скажешь всем.

Исмена

Ты сердцем горяча к делам ужасным.

Антигона

Служу я тем, кому служить должна.

Исмена

О, если б так! Ты хочешь, да не можешь.

Антигона

90 Без сил паду, но все же сделав дело.

Исмена

За безнадежное не стоит браться.

Антигона

Ты ненавистна мне с такою речью,
И мертвому ты станешь ненавистой.
Оставь меня одну с моим безумством
Снести тот ужас: он не так ужасен,
Как смертью недостойной умереть.

Исмена

Ну что ж, безумная, иди, коль хочешь.
Но близким, как и раньше, ты близка.

(Уходят)

Парод

Х о р

Строфа 1

- 100 Солнца луч, никогда еще
Светом ты не дарил таким
Семицветные Фивы!
Лик ты нам, наконец, явил,
Око родного дня, взойдя
Над потоком Диркейским.²
Воин Аргоса, тот, кто к нам
Весь закован в броню, пришел,
Со щитом своим белым,
Быстрым бегом назад бежит,
Пораженный тобою.
- 110 Он на нашу страну для раздора пошел,
Приведен Полиником и, словно орел,
Он с пронзительным криком над ней пролетел,
Белоснежными скрытый крылами, и был
Он толпой окружен меченосных бойцов,
В шлемах, конскою гривой венчанных.

Антистрофа 1

- Он у наших домов стоял;
Грабил все у семи ворот
С пикой, жаждущей крови;
Но назад он ушел, не смог
- 120 Ни голодную пасть свою
Напитать нашей кровью,
Ни Гефеста огню предать
Наших башен венцы. Такой
Шум был поднят Ареем!
Столь тяжелой была борьба
С необорным драконом,
Ибо Зевс хвастунов громогласный язык
Ненавидит извечно и, их увидав,
Как широким потоком подходят они
- 130 Златом в поле гремя, за кичливую спесь
Мечет молнию в них, — а мечтали они
С наших стен возгласить о победе.

Строфа 2

На землю гулкую упал,
Факел сжимая в руке,

Тот, кто недавно, на нас
В гнѣе своем ополчась,
Вакхом исполнен, безумствовал здесь,
Злобой, как ветром, влекомый.
Но, обманув надежды его,
140 Был многомилостив к нам Арей, —
Иначе бранный бог порешил.
Беды сея на темя врагов,
Он прочь отогнал их.
Здесь, к семи подступивши фиванским вратам,
Стали семь полководцев противу семи.
Перед Зевсом, вершителем сечи,
Бой окончив, сложили доспехи свои,
Лишь двоим приказала судьба,
Беспощадною пикой друг друга пронзив.
150 Обоюдную встретить кончину.

Антистрофа 2

К нам, наконец, низошла
С именем громким Победа,
Светлой улыбкой приветствуя
Град беговых колесниц.
Так предадим же забвенью теперь
Ужас промчавшейся брани!
В храмы бессмертных богов пойдем.
Пусть ликование гремит всю ночь
Пенья и плясок священных! Пусть
160 Топчет землю фиванскую Вакх
И нами предводит.
Но смотрите, вон сын Менекеев, Креонт,
Приближается, нашей страны государь.
Новый царь наш по воле богов.
О, какие решенья приносит он нам?
Всем он ныне собратъся велел
Чрез глашатая, всех он собрал на совет
Семивратного града старейшин.

Эписодий первый

Креонт

О граждане! Богами после бури
170 Корабль наш в пристань тихую введен.
Я вестников послал, чтоб поименно
Сюда созвать вас. Знаю, как вы Лая
Державную прилежно чтили власть;

- Я помню, что когда Эдип, царивший
Здесь в городе, погиб, — с его детьми
Вы сердцем пребывали неизменно,
Но, так как смертью двойной они
В один погибли день, сразив друг друга,
Братоубийством руки осквернив, —
- 180 Теперь я власть державную приемлю,
Погибшим самый близкий по родству.
Но трудно душу человека знать,
Намеренья и мысли, коль себя
В законах он и власти не покажет.
Что до меня, мне и теперь и прежде
Тот из царей казался наихудшим,
Кто и советам добрым не внимает,
И уст не размыкает, страхом скован.
А тот, кто друга больше, чем отчизну,
- 190 Читит, — я такого ни во что не ставлю.
Я сам — всевидящий да знает Зевс! —
Молчать не стану, видя, что на граждан
Идет погибель, а не безопасность.
Я не возьму вовек врага отчизны
Себе в друзья: я знаю, что она —
Всем нам прибежище и что друзей
Найдем, плывя одной дорогой с нею.
С таким заветом возвеличу город.
Теперь же все я должен возвестить
- 200 О тех двух братьях, о сынах Эдипа:
Я Этеокла, что в бою за город
Пал, всё копьем своим преодолев,
Велел предать земле и совершить
Над ним обряд, достойный благородных,
О брате ж Этеокла, Полинике,
Который край свой и богов отчизны,
Вернувшись из изгнания, сжечь хотел
Дотла и братскою упиться кровью,
И граждан всех рабами увести, —
- 210 О нем мы возвещаем всем: его
Не хоронить, и не рыдать над ним,
И хищным птицам там, без погребенья,
И псам его оставить, в знак позора.
Так я решил, — и никогда злодей
Почтен не будет мной, как справедливый.
Но тот, кто будет граду вечно предан,
Живой иль мертвый — будет мной почтен.

Х о р

Ты в этом волен, Менекея сын,
Кто граду друг, кто недруг — ты решаешь.
220 Закон, какой угодно, применять
Ты можешь и к умершим, и к живущим.

К р е о н т

Так будьте же вы стражами закона.

Х о р

Кто помоложе, пусть и труд несет.

К р е о н т

У тела сторожа уже стоят.

Х о р

Но что еще ты хочешь приказать?

К р е о н т

Бороться с нарушителем закона.

Х о р

Безумных нет, — кому же смерть мила?

К р е о н т

Да, наказание — смерть. Но все ж корысть
Людей прельщает и ведет на гибель.

Выходит с т р а ж

С т р а ж

230 Царь, не спешил сюда я в быстром беге,
Запыхавшись, на легких мчась ногах...
Я медлил на пути не раз в раздумьи
И мыслил — не вернуться ль мне назад.
Мой разум долго говорил со мною:
«Несчастный, что спешишь ты к наказанью?..
Безумец! Медлишь ты? Когда ж Креонту
Другой доставит весть, ты будешь плакать».
В раздумьи этом медленно я брел,
240 А так и краткий путь нам станет длинным.
Я, наконец, решил прийти к тебе
И весть, хоть и плохую, а поведать;
Я прихожу к тебе с одной надеждой:
Страдать за то лишь, в чем я виноват.

Креонт

Но в чем же дело? Перед чем робеешь?

Страж

Сперва я о себе скажу: в том деле
Я не замешан, делавших не видел, —
Несправедливо в нем меня винить.

Креонт

Твой зорек глаз, ты на увертки ловок,
И ясно: важное ты скажешь нам.

Страж

250 Дурная весть замкнула мне уста.

Креонт

Ну, говори и, кончив, убирайся.

Страж

Сейчас скажу: недавно тело кто-то
Похоронил, и после сам ушел,
Сухой посыпав пылью по обряду.

Креонт

Что ты сказал? Из граждан кто дерзнул?

Страж

Не знаю: ни следов от топора,
Ни куч земли нет от мотыги; всюду
Земля суха, без трещин, без борозд
От колеса; все чисто совершили.

260 Лишь страж дневной на это указал, —
В тяжелое мы впали изумленье;
Не виден труп, хоть не зарыт: от скверны
Покрыт он только тонким слоем праха,
Следа ни хищный зверь, ни пес бродячий,
Труп растерзавший, не оставил там;
Речь бранная меж нами закипела:
Страж стража уличал; дойди до драки
У нас, — никто б тогда не помешал,
Ведь все и каждый были в том виновны.

270 Никто не признавался, отпирались
Все: раскаленное железо в руки
Готовы были брать, в огонь пойти,
Богами клясться, что об этом деле

Не знали мы, что не были причастны.
В конце же, после поисков напрасных,
Один сказал, — и в ужасе мы все
Главой к земле поникли, и никто
Ни возразить не смог, ни дать совет,
Как лучше действовать. Царю, — сказал он, —
280 Открыть все надо, а скрывать нельзя.
То мнение взяло верх, и, бесталанный,
На эту долю я судьбою послан.
Явился я незванным, не с охотой:
Не мил гонец с известием плохим.

Х о р

Царь, мне давно такая мысль пришла:
Не боги ли то дело совершили?

К р е о н т

Молчи, чтоб я не загорелся гневом,
А ты безумным не прослыл под старость!
Слова твои несносны — будто боги
290 Имеют попечение о мертвом;
Как благодетеля того покрыть,
Кто шел сюда затем, чтоб выжечь храмы,
Столпами обнесенные, казну их,
И область, и законы разорить!
Иль злые люди почтены богами?
Не быть тому! Но на приказ мой в Фивах
Ворчат, им тяготятся, головой
Тайком качают: под ярмом, как должно
Не держат выи, мною недовольны.
300 Что ими эти стражи склонены
За плату, превосходно знаю я;
Ведь нет у смертных ничего на свете,
Что хуже денег. Города они
Крушат, из дому выгоняют граждан
И учат благородные сердца
Бесстыдные поступки совершать,
И указуют людям, как злодейства
Творить, толкая их к делам безбожным.
Но кто на это дело был подкуплен,
310 В свой день получит должное возмездье.
И если мною почитаем Зевс, —
А это знаешь, — я при всех клянусь,
Что если в погребении повинный
Не будет мне пред очи приведен,

Вам смерти будет мало, вас живыми
Подвешу я, чтоб наглость ту раскрыть.
Так вы узнаете, где добывать
Себе барыш, и скоро вы поймете,
Что и барыш не всякий нам на пользу;
320 Что не добром полученные деньги
Скорее к злу ведут нас, чем к добру.

С т р а ж

Велишь сказать? Иль так уйти прикажешь?

К р е о н т

Ты знаешь ли, как речь твоя противна?

С т р а ж

Душе она противна иль ушам?

К р е о н т

Зачем искать, где мой гнездится гнев?

С т р а ж

Душе виновник мерзок, я — ушам.

К р е о н т

А, вижу я: ты болтуном родился.

С т р а ж

Пусть так; но я не совершал проступка.

К р е о н т

Нет, совершил и жизнь за деньги продал.

С т р а ж

330 Увы!
Как плохо, что судья неправо судит.

К р е о н т

Оставь судью в покое. Если ж вы
Виновников сюда не приведете,
Поймете вы, что прибыль эта — зло.

С т р а ж

Уж лучше б отыскался... Только случай
Решит, он попадется или нет.
Нет, здесь меня ты больше не увидишь.

Теперь я спасся, вопреки всему,
И должен я благодарить бессмертных.

(Уходят.)

Стасим первый

Х о р

Строфа 1

340 Много есть чудес на свете,
Человек — их всех чудесней.
Он зимою через море
Правит путь под бурным ветром
И плывет, переправляясь
По ревающим вокруг волнам.
Землю, древнюю богиню,
Что в веках неумоима,
Год за годом мучит он
И с конем своим на поле
350 Всюду борозды ведет.

Антистрофа 1

Муж, на выдумки богатый,
Из веревок вьет он сети
И, сплетя, добычу ловит:
Птиц он ловит неразумных,
Рыб морских во влажной бездне,
И стада в лесу дремучем,
И зверей в дубравах темных
И коней с косматой гривой
Укрощает он, и горных
360 Он быков неумоимых
Под свое ведет ярмо.

Строфа 2

Мысли его — они ветра быстрее;
Речи своей научился он сам;
Грады он строит, и стрел избегает,
Острых морозов, и шумных дождей;
Всё он умеет; от всякой напасти
Верное средство себе он нашел.
Знает лекарства он против болезней,
Но лишь почует он близость Аида,
370 Как понапрасну на помощь зовет.

Антистрофа 2

Хитрость его и во сне не приснится;
Это искусство толкает его
То ко благим, то к позорным деяньям.
Если почитит он законы страны,
Если в суде его будут решенья
Правыми, как он богами клялся, —
Неколебим его город; но если
Путь его гнусен — ни в сердце мое,
Ни к очагу он допущен не будет...
380 То бессмертных ли знак? Я с сомнением борюсь,
Я ее узнаю — как могу я сказать,
Что она — не дитя Антигона?
Злополучная ты!
О, Эдипа отца злополучного дочь!
Что случилось с тобой? Иль преступница ты?
Преступила ль цареvy законы
И в безумьи то дело свершила?

Входит страж с Антигоной.

Эписодий второй

Страж

Вот сделавшая дело. Мы схватили
Ее за погребеньем. Где ж Креонт?

Хор

390 Он кстати вновь выходит из дворца.

Креонт

В чем дело? Почему я вышел кстати?

Страж

Цары! Человек ни в чем не должен клясться;
Окажется потом, что он солгал.
Я говорил, что не вернусь сюда,
Так был убит угрозами твоими,
Однако радость, коль не ждешь ее,
Бывает выше всяких удовольствий, —
И вот я снова здесь, хотя и клялся.
Веду ее: схватили мы девицу,
400 Когда умершего обрядом чтила.
Тут жребия метать уж не пришлось:
Моя находка, — никого другого!

Теперь, как хочешь, царь, ее суди, —
Что ж до меня, я от забот свободен.

Креонт

Но где ее схватил ты и когда?

Страж

Она похоронила прах, — сам знаешь.

Креонт

Но ты в уме и подтвердить готов?

Страж

Я видел сам, как тело хоронила,
Запрет нарушив, — ясно говорю!

Креонт

410 Как вы ее застигли? Как схватили?

Страж

Так было дело. Страшные угрозы
Твои услышав, мы пошли на место,
С покойника смахнули пепел, — тело,
Наполовину сгнившее, открыли.
А сами сели на пригорке, так,
Чтоб с ветром к нам не доносилось смрада.
Друг друга подбодряли, если ж кто
Был нерадив, — того бранили крепко.
Так время шло, пока на небесах

420 Не встало солнце диском лучезарным
И зной не запылал. Но тут внезапно
Поднялся вихрь — небесная напасть —
И все застлал он поле: оборвал
Листву лесов равнинных; воздух пылью
Наполнился. Зажмурясь, переносим
Мы гнев богов... Когда же, наконец,
Всё стихло, видим: девушка подходит
И стонет громко злополучной птицей,
Нашедшею пустым свое гнездо.

430 Лишь увидала тело обнаженным,
Завыла вдруг и громко стала клясть
Виновников. И вот, песку сухого
В пригоршнях принеся, подняв высоко
Свой медный, крепко скованный сосуд,
Чтит мертвого трикратным возлияньем.

Мы бросились и девушку схватили.
Она не оробела. Уличаем
Ее в былых и новых преступленьях, —
Стоит — не отрицает ничего.
440 И было мне и сладостно, и горько:
Отрадно самому беды избегнуть,
Но горестно друзей ввергать в беду.
А всё ж не так ее несчастье к сердцу
Я принимаю, как свое спасенье.

Креонт

Ты, головой поникшая, ответь:
Так было дело, — или отрицаешь?

Антигона

Не отрицаю, — дело было так.

Креонт

От обвинения ты свободен. Можешь
На все четыре стороны итти.
450 А ты мне отвечай, но не пространно,
Без лишних слов, — ты знала мой приказ?

Антигона

Да... Как не знать? Он оглашен был всюду.

Креонт

И все ж его ты преступить дерзнула.

Антигона

Не Зевс его мне объявил, не Правда,
Живущая с подземными богами
И людям предписавшая законы.
Не знала я, что твой приказ всемогущ
И что посмеет человек нарушить
460 Закон богов, не писанный, но прочный.
Ведь не вчера был создан тот закон:
Когда явился он, никто не знает.
И, устранившись гнева человека.
Потом ответ держать перед богами
Я не хотела. Знала, что умру
И без приказа твоего, — не так ли?
До срока умереть сочту я благом.
Тому, чья жизнь проходит в вечном горе,
Не прибыльна ли смерть? Нет, эта участь

Печали мне, поверь, не принесет.
470 Но если сына матери моей
Оставила бы я не погребенным,
То это было бы прискобней смерти;
О смерти же моей я не печалюсь.
Коль я глупа, по-твоему, — пожалуй,
Я в глупости глупцом обвинена.

Х о р

Суровый нрав сурового отца
Я вижу в дочери: ей зло не страшно.

К р е о н т

Но помни: слишком непреклонный нрав
Скорей всего сдается. Самый крепкий,
480 Каленый на огне булат скорее
Бывает переломлен иль разбит.
Я знаю, самых бешеных коней
Уздой смиряют малой. О себе
Не должен много мнить живущий в рабстве.
Она уж тем строптивость показала,
Что дерзостно нарушила закон.
Вторая ж дерзость — первую свершив,
Смеяться мне в лицо и ею хвастать.
Она была б мужчиной, а не я,
490 Когда б сошло ей даром своеволие.
Будь дочерью она сестры моей,
Будь всех роднее мне, кто Зевса чтит
В моем дому, — не избежит она
Злой участи, как и ее сестра.
Виновны обе в дерзком погребеньи.
Зовите ту! Она — я видел — в доме
Беснуется, совсем ума лишилась.
Когда еще во тьме таится дело,
Своей душой преступник уличен.
500 Я ненавижу тех, кто — уличенный —
Прикрашивает сделанное зло.

А н т и г о н а

Казни меня, — иль большего ты хочешь?

К р е о н т

Нет, не хочу, вполне доволен буду.

Антигона

Что ж медлишь ты? Мне все твои слова
Не по душе и по душе не будут.
Тебе ж противны действия мои.
Но чем снискала б лучшую я славу,
Чем погребеньем брата своего?
И все они одобрили б меня,
510 Когда б им страх не сковывал уста,
Одно из преимуществ у царя —
И говорить и действовать, как хочет.

Креонт

Из граждан всех одна ты мыслишь так.

Антигона

Со мной и старцы, да сказать не смеют.

Креонт

Тебе не стыдно думать с ними розно?

Антигона

Чтить кровных братьев — в этом нет стыда.

Креонт

А тот, убитый им, — тебе не брат?

Антигона

Брат, — общие у нас отец и мать.

Креонт

За что ж его ты чтишь непочитаньем?

Антигона

520 Не подтвердит умерший этих слов.

Креонт

Ты больше считаешь нечестивца?

Антигона

Но он — мой брат, не раб какой-нибудь.

Креонт

Опустошитель Фив... А тот — защитник!

Антигона

Один закон Аида для обоих.

Креонт

Честь разная для добрых и для злых.

Антигона

Благочестиво ль это у Подземных?

Креонт

Не станет другом враг и после смерти.

Антигона

Я рождена любить, не ненавидеть.

Креонт

Люби, коль хочешь, отправляясь к мертвым,
530 Не дам я женщине собою править.

Хор

Вот из двери выходит Исмена,
Горько плачет она о сестре.
Ее розовый лик искажен
Над бровями нависшею тучей.

Креонт

Ты, вползшая ехидною в мой дом,
Сосала кровь мою, и я не видел,
Что две чумы питал себе на гибель!
Участвовала ты в том погребеньи,
Иль поклянешься, что и знать не знала?

Исмена

540 Я виновата, коль сестра признает,
И за вину ответ нести готова.

Антигона

Нет, это было бы несправедливо:
Ты не хотела, я тебя отвергла.

Исмена

Но ты, сестра, страдаешь; я готова
С тобой страданий море переплыть.

Антигона

Всю правду знают боги в преисподней, —
Но мне не мил, кто любит на словах.

Исмена

Ты мне, родная, в чести не откажешь,
С тобой погибнув, мертвого почитать.

Антигона

550 Ты не умрешь со мной, ты ни при чем, —
Одна умру — и этого довольно.

Исмена

Но как мне жить, когда тебя лишу?

Антигона

Спроси царя: ему ты угождаешь.

Исмена

Зачем меня терзаешь ты насмешкой?

Антигона

Коль насмехаюсь, в муках я смеюсь.

Исмена

Чем я теперь могла б тебе помочь?

Антигона

Спасай себя — завидовать не стану.

Исмена

Увы! Ужель чужда твоей я доле?

Антигона

Но ты предпочитаешь жизнь, я — смерть.

Исмена

560 Я не молчала, высказала все.

Антигона

Мы почитали разное разумным.

Исмена

Но у обеих равная вина.

Антигона

О, будь смелее! Ты живешь, а я
Давно мертва и послужу умершим.

Креонт

Одна из них сейчас сошла с ума,
Другая же безумна от рожденья.

Исмена

О государь, и умный человек
В несчастьи теряет свой рассудок.

Креонт

Ты, например, коль зло творишь со злыми.

Исмена

570 Как одинокой жить мне без нее?

Креонт

Что значит «без нее»? Уж нет ее!

Исмена

Ужели ты казнишь невесту сына?

Креонт

Для сева земли всякие пригодны.

Исмена

Но не найдешь нигде любви подобной.

Креонт

Я не хочу для сына злой жены.

Антигона

О милый Гэмон, как унижен ты!

Креонт

Постыла мне и ты, и этот брак.

Хор

Ужель ее отнимешь ты у сына?

Креонт

Конец положит браку их Аид.

Х о р

580 Так, значит, смерть ее предreshена?

К р е о н т

Ты понял мысль мою. А вы не медля
Ведите, слуги, их обеих в дом, —
Пусть там сидят по-женски, под запором.
И храбрецы пытаются бежать,
Когда Аид к их жизни подступает.
(Стража уводит Антигону и Исмену.)

Стасим второй

Х о р

Строфа 1

Блаженны между смертных те,
Чья жизнь не знала зол.
Но тем, которых потрясен
По воле божьей дом,
590 Не избежать сужденных бед,
Пока не сгинет род.
Так морские несут валы
Под неистовым ветром фракийским
И из мрака пучины, со дна
Подымают крутящийся бурно
Черный песок,
И грохочут прибрежные скалы
Под ударами волн.

Антистрофа 1

Я вижу: на Лабдаков дом
600 Беда вослед беде
Издrevле рушится. Живых
Страдания мертвых ждут.
Их вечно губит некий бог —
Им избавленья нет.
Вот и ныне: лишь свет озарил
Юный отпрыск Эдипова дома,
Вновь его поспешает скосить
Серп подземных богов беспощадный.
Губит его —
610 И неистой речи безумье,
И заблудившийся дух.

Строфа 2

О Зевс! Твою ли сломит силу
Высокомерье человека?
Ни Сон ее не одолеет,
Всё уловляющий в тенета,
Ни божьих месяцев череда.
Ты — властитель всемогущий,
Ты вовек не ведал страсти,
Для тебя обитель вечная
620 Твой сияющий Олимп.
И в минувшем, и в грядущем
Лишь один закон всемогущ:
Не проходит безмятежно
Человеческая жизнь.

Антистрофа 2

Для многих странница надежда —
Залог блаженства, но для многих
Она — пустое обольщение,
Людских безудержных желаний
Неисполнимая мечта.
630 Под конец разочарован
Живший в длительном неведении;
Час придет — и он о пламень
Обожжет себе стопы.
Мудрый молвит: тех, кто злое
Принимать привык за благо,
Приведут к злодейству боги,
Горе ждет их каждый час.

Вот к нам Гёмон идет, из твоих сыновей
Самый юный. Его не торопит ли скорбь,
640 Не горюет ли он
О судьбе Антигоны, невесты его,
И о брачном утраченном ложе?

Эписодий третий

К р е о н т

Сейчас узнаем лучше колдунов.
Мой сын, наш приговор твоей невесте
В тебе не вызвал гнева на отца?
Тебе всегда останемся мы милы?

Отец, я — твой. Твои благие мысли
 Меня ведут — я ж следую за ними.
 Любого брака мне желанней ты,
 650 Руководящий мною так прекрасно.

К р е о н т

Вот это, сын, ты и держи в уме:
 Все отступает пред отцовской волей.
 Недаром же мы, смертные, желаем
 Родить себе послушных сыновей,
 Чтобы умели злом воздать врагу
 И друга почитали б, как родитель.
 А что сказать о том, кто народит
 Детей негодных? Что себе обузу
 Он породил, посмешище врагам?
 660 Не подчиняйся ж прихоти, не жертвуй
 Рассудком из-за женщины, мой сын,
 И знай, что будет холодна любовь,
 Коль в дом к тебе войдет жена дурная.
 Найдется ль язва хуже злого друга?
 Нет, как врага, отвергни эту деву, —
 Пускай в Аиде вступит в брак с любимым.
 Раз я ее открыто обличил,
 Единую ослушницу из граждан,
 Пред ними я не окажусь лжецом, —
 670 Ее казню. Пускай зовет на помощь
 Родную кровь! Я со своих спрошу,
 Как и с чужих, коль будут непослушны.
 Ведь кто в делах домашних беспристрастен,
 И как правитель будет справедлив.
 А кто закон из гордости нарушит,
 Иль возомнит, что может власть имущим
 Приказывать, — тот мне не по душе.
 Правителю повиноваться должно
 Во всем законном, да и незаконном.
 680 Тот, кто властям покорен, — я уверен, —
 Во власти так же тверд, как в подчинении.
 Он в буре битвы встанет близ тебя
 Товарищем надежным и достойным.
 А безначалье — худшее из зол.
 Оно и грады губит, и дома
 Ввергает в разоренье, и бойцов,
 Сражающихся рядом, разлучает.

Порядок утвержден повиновеньем;
Нам следует поддерживать законы,
690 И женщине не должно уступать.
Коль нужно, лучше мужем буду свергнут,
Чем прослыву я женщины рабом.

Х о р

Коль в заблужденье нас не вводит возраст, —
Нам кажется, — ты говоришь умно.

Г е м о н

Бессмертные даруют людям разум,
А он на свете — высшее из благ.
К тому же я не в силах утверждать,
Что ты в словах своих несправедлив.
Но и другой помыслить правду может.
700 Ведь мне пристало узнавать заранее,
Что люди мыслят, делают, бранят.
Для гражданина взор твой страшен, если
Его слова не по сердцу тебе.
А я могу повсюду тайно слушать,
Как город весь жалеет эту деву,
Всех менее достойную погибнуть
За подвиг свой позорнейшею смертью:
Она не допустила, чтобы брат,
В бою сраженный и непогребенный,
710 Добычей стал и псов, и хищных птиц,
Она ли не достойна светлой чести?
Такая ходит смутная молва...
Но для меня, отец, нет счастья выше
Благополучья твоего. И вправду:
Что для детей отцовской славы краше?
Что славы сына краше для отца?
Но не считай, что правильны одни
Твои слова и, кроме них, ничто.
Кто возомнит, что он один умен,
720 Красноречивей всех и даровитей,
Коль разобрать, окажется ничем.
И самым мудрым людям не зазорно
Внимать другим и быть упорным в меру.
Ты знаешь: деревья при зимних ливнях,
Склоняясь долу, сохраняют ветви,
Упорные же вырваны с корнями.
Тот, кто натянет парус слишком туго
И не ослабит, — будет опрокинут,

И поплывет ладья его вверх дном.
730 Так уступи же и умерь свой гнев;
Затем, что — если мнение мое,
Хоть молод я, внимания достойно,
Скажу: всего ценней, когда с рожденья
Муж полон знания, если ж нет, — что часто
Случается, — пусть слушает разумных.

Х о р

Ты должен, царь, — коль мне сказать уместно, —
Внять и ему: обоих речь прекрасна.

К р е о н т

Так неужель к лицу мне, старику,
У молодого разуму учиться?

Г е м о н

740 Лишь справедливости. Пусть молод я, —
Смотреть на дело надо, не на возраст.

К р е о н т

А дело ли бесчинных почитать?

Г е м о н

Я почитать дурных не предлагаю.

К р е о н т

Но в ней как раз не этот ли порок?

Г е м о н

Того не подтвердит народ фиванский.

К р е о н т

Иль город мне предписывать начнет?

Г е м о н

Не видишь ты, что говоришь, как отрок?

К р е о н т

Иль править в граде мне чужим умом?

Г е м о н

Не государство, — где царит один.

Креонт

750 Но государство — собственность царя?

Гемон

Прекрасно б ты один пустыней правил!

Креонт

Он, кажется, стоит за эту деву?

Гемон

Коль дева — ты: я о тебе забочусь.

Креонт

О негодяй! Ты на отца идешь?

Гемон

Ты, вижу, нарушаешь справедливость.

Креонт

Не тем ли, что свое господство чту?

Гемон

Не чтишь, коль ты поправ к богам почтение.

Креонт

О нрав преступный, женщине подвластный!

Гемон

Не скажешь ты, что я служу дурному.

Креонт

760 Однако же вся речь твоя — о ней!

Гемон

Нет, и о нас, и о богах подземных.

Креонт

Ты все же в брак не вступишь с ней живою.

Гемон

Когда умрет, за ней умрет другой.

Креонт

С угрозами ты выступаешь, дерзкий?

Г е м о н

Угроза ли — с пустым решением спорить?

К р е о н т

Раскаешься в безумных поученьях!

Г е м о н

Сказал бы: глупый! — будь ты не отец мне.

К р е о н т

Раб женщины! Не ластись, не обманешь!

Г е м о н

Сам говоришь, не слушая других.

К р е о н т

770 Да? Но, клянусь Олимпом, не на радость
Меня поносишь бранными словами.
Эй, приведите эту язву! Пусть же
У суженого на глазах умрет.

Г е м о н

Нет, не умрет, — об этом и не думай! —
Здесь, на моих глазах, — но и меня
Твои глаза вовеки не увидят.
Иных друзей ищи для сумасбродства!

(Гемон уходит.)

Х о р

Царь, удалился он поспешно в гнев, —
В таких летах опасен скорбный дух.

К р е о н т

780 Пускай идет! Он больно горделив!
А этих дев от смерти не избавит.

Х о р

Ужель обеих думаешь казнить?

К р е о н т

О нет, — ты прав, — не ту, что невиновна.

Х о р

Какою ж смертью ты казнишь другую?

К р е с н т

Ушлю туда, где людям не пройти,
Живую спрячу в каменной пещере,
Оставив малость пищи, сколько надо,
Чтоб осквернению не подвергнуть град.³
Аид она лишь почитает — пусть же,
790 Молясь, избавится от смерти
Или, по крайней мере, убедится,
Что тщетный труд умерших почитать.

(Уходит.)

Стасим третию

Х о р

Строфа 1

О Эрос-бог, ты в битвах могуч!
О Эрос-бог, ты грозный ловец!
На ланитах у дев ты ночуешь ночь,
Ты над морем паришь,ходишь в логи зверей,
И никто из богов не избег тебя,
И никто из людей:
Все, кому ты являлся, — безумны!

Антистрофа 1

Не раз сердца справедливых ты
На неправду влек, на гибель их:
И теперь родных ты на битву вел.
Но в невесты очах пыл любви сильнее.
Вековечный устав утвердил ты власть.
То богини закон,
Всеподобной, святой Афродиты!

Послушанья уже я не в силах блюсти,
Видя, что свершается, я не могу
Горьких слез удержать — и струятся ручьем, —
810 В темный брачный чертог, усыпляющий всех,
Навеки уйдет Антигона.

Входит Антигона под стражей.

Эпизодий четвертый

Коммос

Антигона

Строфа 1

Люди города родного!
Все смотрите: в путь последний
Ухожу, сиянье солнца
Вижу я в последний раз.
Сам Аид всеусыпитель
Увлекает безвозвратно
На побережья Ахеронта
Незамужнюю меня.
820 Гимны брачные не будут
Провожать невесту-деву.
Под землю Ахеронту
Ныне стану я женой.

Хор

Но в обитель умерших
Ты уходишь во славе, —
Не убита недугом
Иль ударом меча.
Нет, идешь добровольно ты, —
830 Между смертных единая
Ты обитель Аидову
Навсегда избрала.

Антигона

Антистрофа 1

Довелось мне слышать раньше
О судьбе фригийской гостыи,⁴ —
Как печален на Сипиле
Танталиды был удел.
Словно плющ, утес, как молвят,
Охватил ее, и горько
Плещет пленница: над нею
Непрестанный дождь и снег.
840 Из очей ее всечасно
Льются слезы по утесу.
Так и я. Отныне богом
Я навек усыплена.

Но она ведь богиня,
 Небожителей отпрыск!
 Мы же — смертные люди,
 Род от смертных ведем.
 Все же тебе, умирающей,
 Честь и слава великая,
 850 Что — живая — стяжала ты
 Богоравный удел.

А н т и г о н а

Строфа 2

Ты смеешься надо мною!
 Для чего ж, — родные боги! —
 Надо мною, неумершей,
 Издеваться!
 Ты, о мой град! И вы,
 Знатные города люди!
 О источник Диркейский, о роща
 Знаменитых ристанием Фив!
 860 Призываю вас ныне в свидетели:
 По какому закону,
 Не оплакана близкими,
 Я к холму погребальному,
 К небывалой могиле иду?
 Горе мне, увы, несчастной!
 Ни с живыми, ни с умершими
 Не делить мне ныне век!

Х о р

Строфа 3

Дойдя до крайнего дерзанья,
 О трон высокий правосудья
 870 Преткнулась больно ты, дитя,
 И платишься за грех отцовский.

А н т и г о н а

Антистрофа 2

Ты коснулся злейшей скорби,
 Злополучной отчей участи,
 Общей доли достославных
 Лабдакидов!
 О преступное матери ложе,

880

Разделенное с собственным сыном!
О злосчастный их брак, от которого
Я на свет родилась, злополучная!
И к родителям ныне, проклятая,
Я в обитель подземную
Отправляюсь навеки.
Даже свадебных песен
Услышать не успела, увы!
В брак вступил ты несчастливый,⁵
О мой брат, — и сам погиб ты,
И меня, сестру, сгубил...

Х о р

Антистрофа 3

Чтить мертвых — дело благочестья,
Но власть стоящего у власти
Переступать нельзя: сгубил
Тебя порыв твой своевольный.

А н т и г о н а

Эпод

Неоплакана, без близких,
Не изведавшая брака,
Ухожу я, злополучная,
В предназначенный мне путь.
И очей священных солнца
Мне не зреть уже, несчастной,
Неоплаканную долю
Не проводит стон друзей.

Входит К р е о н т.

К р е о н т

900 Коль разрешить пред смертью плач и вопли,
Им не было б конца — известно всем.
Так уведите же ее и спрячьте
В пещере сводчатой, как я велел,
И там одну оставьте: пусть умрет
Или в пещере той сыграет свадьбу,
Мы перед девой чисты, но она
Обречена не жить на этом свете.

А н т и г о н а

О склеп могильный, брачный терем мой
И вечный страж, — подземное жилище!
910 Иду к своим, — без счета Персефоной

- В обитель мертвых принятым. Из них
Последняя и с наихудшей долей,
Схожу в Аид, хоть жизни путь не кончен.
Не верится, что там я в радость буду
Отцу; тебе я милой буду, мать,
И милою тебе, мой брат несчастный:
Умерших, вас, я собственной рукой
Омыла, убрала и возлиянья
Надгробные свершила. Полинник!
920 Прикрыв твой прах, вот что терплю я ныне!
Хотя в глазах разумного поступок
Мой праведен. Когда была б я мать
Или жена и видела истлевший
Прах мужа своего, я против граждан
Не шла бы. Почему так рассуждаю?
Нашла бы я себе другого мужа,
Он мне принес бы новое дитя;
Но если мать с отцом в Аид сокрылись,
Уж никогда не народится брат.
930 Я соблюла закон, тебя почтила,
Меня ж назвал преступницей Креонт
И нечестивой, о мой брат родимый!
И вот меня схватили и ведут,
Безбрачную, без свадебных напевов,
Младенца не кормившую. Одна,
Несчастливая, лишенная друзей,
Живая ухожу в обитель мертвых.
Какой богов закон я преступила?
Зачем — несчастной — обращать мне взоры
940 К богам, их звать на помощь, если я
Безбожной названа за благочестье?
Я, пострадав, могу, богам в угоду,
Признать вину, но коль ошиблись боги,
Не меньше пусть они потерпят зла,
Чем я сейчас терплю от них неправды.

Х о р

Не стихает жестокая буря в душе
Этой девы — бушуют порывы!

К р е о н т

Потому и придется ее сторожам
Пожалеть о своем промедлении.

Антигона

950 Горе мне! В этом слове я смерти моей
Приближение слышу.

Креонт

Нет, надеждой не стану тебя утешать,
Что твоя не исполнится доля.

(Уходит.)

Антигона

Город предков! Столица Фиванской земли!
Боги древние нашего рода!
Вот уводят меня... Не могу не итти...
На меня посмотрите, правители Фив,
На последнюю в роде фиванских царей,
Как терплю, от кого я терплю — лишь за то,
960 Что почтила богов почитаньем!..

(Антигону уводят.)

Стасим четвертый

Хор

Строфа I

Так пострадала Даная прекрасная,
Та, что на доски, обитые бронзою,
Переменила сияние дня.
Спальной могила ей стала, дитя мое, —
А родовита была, и хранил ее
Зевс, к ней сошедший дождем золотым.
Но необорное Рока могущество
Злата сильней, и Арея, и крепости,
И просмоленных морских кораблей.

Антистрофа I

970 Так усмирен был Дриантов заносчивый
Сын,⁶ повелитель эдонян: за дерзость
Был Дионисом в скалу заключен.
Там улеглось постепенно неистовство,
Бога признал он, которого буйственно
Злыми насмешками смел задевать, —
Он, изгонявший восторгом исполненных
Жен, загашавший огни Дионисовы,
С флейтою дружных тревоживший Муз.

Строфа 2

980 Возле скал голубых, у обоих морей
 На Боспоре фракийском стоит Салмидес,⁷ —
 Там когда-то увидел соседний Арей,⁸
 Как, сынов ослепляя,
 Им ужасные раны
 Наносила жестоко Финея жена,⁹
 Как отмщенье провалами темных глазниц
 Призывали слепые.
 А пронзила им очи
 Не рукой — острием челнока из станка.

Антистрофа 2

990 Горевали об участи горькой своей
 Этой матери, в браке несчастной, сыны,
 А была и она из древнейшей семьи, —
 Эрехфеева рода,
 В отдаленных пещерах
 Возлеяна сонмом отеческих бурь,
 Дочь Борея, что резвых быстрее коней,
 Порождение бога.
 Все же Мойры седые
 На нее ополчились сурово, дитя!
Входит Тиресий с мальчиком-поводырем.

Эписодий пятый

Тиресий

1000 О государи Фив! Пришло нас двое —
 Один лишь зрячий, — ибо нам, слепцам,
 Дорогу указывает провожатый.

Креонт

Что скажешь нового, Тиресий-старец?

Тиресий

Скажу; но ты вещателю внимай.

Креонт

Твоим советам я внимал и раньше.

Тиресий

Ты потому и градом правил с честью.

Креонт

Да, признаюсь; ты приносил мне пользу.

Тиресий

Ты вновь стоишь на лезвии судьбы.

Креонт

В чем дело? Весть твоя меня тревожит.

Тиресий

Поймешь, узнав совет моей науки.

- 1010 На старом месте я сидел гаданий,
Где у меня был всякой птицы слет,
И слышу странный голос птиц, во гневе
И в бешенстве кричащих непонятно;
Я понял, что друг друга рвут когтями
Они; шум крыльев это говорил.
Я в страхе начал по огням гадать
На алтаре, но бог не принял жертвы.
Огонь не разгорался, и на угли
От бедер сало капало, топясь
- 1020 Дымилось, и плевалось, и, раздувшись,
Вдруг желчью брызгало, и вскоре с бедер
Весь жира слой сотлел, в огне обтаяв.
И тщетно от богов я ждал ответа;
Так рассказал мне мальчик мой; ведь он —
Вожатый мне, как я для вас вожатый.
Твой приговор на град навел болезнь;
Осквернены все алтари в стране
И в городе и птицами, и псами,
Что труп Эдипова терзали сына;
- 1030 Уж боги не приемлют ни молитв,
Ни жертв от нас, ни пламени сожженья;
Уж не кричит, вещая благо, птица,
Убитого напившись жирной крови.
Итак, об этом поразмысли, сын:
Все люди заблуждаются порою.
Но кто в ошибку впал, не легкомыслен
И не несчастлив, если он в беде,
Упорство оставляя, все исправит;
Упрямого ж безумным мы зовем.
- 1040 Нет, смерть уважь, убитого не трогай.
Иль доблестно умерших добивать?
Тебе на благо говорю: полезно
У доброго советника учиться.

Креонт

Старик, вы все стреляете в меня,
Как в цель стрелки; и в прорицаньях даже
Я вами не забыт; своей родней же
Давно и оценен я и распродан.
Торгуйте, наживайтесь, коль хотите.
Электром сардским иль индийским златом, —
1050 Его в могилу вам не положить.
Нет, если б даже Зевсовы орлы
Ему тащили эту падаль в пищу,
Я и тогда, той скверны не боясь,
Не допустил бы похорон: я знаю —
Не человеку бога осквернить.
Но и мудрейшие, старик Тиресий,
Позорно гибнут, если злые мысли
Для выгоды словами украшают.

Тиресий

Увы!
1060 Да разве мыслит кто иль полагает...

Креонт

Что ж? Истину ходячую расскажешь?

Тиресий

Насколько разум выше всех богатств...

Креонт

Настолько ж нам безумье — враг великий!

Тиресий

А ты уже недугом этим тронут.

Креонт

Гадателю я дерзко не отвечу.

Тиресий

Дерзишь, пророчество считая ложью!

Креонт

Пророки все всегда любили деньги.

Тиресий

Тираны ж все корыстны, как известно.

Креонт

Ты, видно, позабыл, что я правитель?

Тиресий

1070 Нет, но через меня спасал ты Фивы.

Креонт

Хоть прорицатель ты, а любишь зло.

Тиресий

Ты страшную открыть принудишь тайну!

Креонт

Скажи! Но только не для денег!

Тиресий

Нет, не скажу: ведь это про тебя.

Креонт

Знай, ты моих решений не изменишь.

Тиресий

Тогда узнай и помни, что немного
Ристаний кони Солнца совершат,
Как ты дитя, рожденное тобою
От чресл твоих, отдашь — за трупы труп;
1080 Затем, что ты безжалостно загнал
Живую душу в темную гробницу;
А сам берешь, отнявши у Подземных,
Прах обесчещенный, не погребенный;
На это права нет ни у тебя,
Ни у богов, и их противно воле.
За это ждут тебя богини мщенья,
Эринии Аида и богов
Чтоб и тебя постигли те же беды.
Подкупленный ли говорю теперь,
1090 Смотри ты сам: раздастся скоро — скоро
Вопль женщин и мужей в доме твоём.
Гнев на тебя вздымают города.
По чьим сынам обряды совершали
Псы, звери, птицы; их нечистой пищей
Все в граде алтари осквернены.
Такие стрелы я в тебя, как лучник,
Направил в гнев, вызванным тобой.

И стрелы верны, не уйдешь от них.
Домой пойдем, мой мальчик. Пусть на тех
1100 Кто помоложе, гнев он вымещает.
Пусть учится он сдерживать язык
И более ума иметь, чем ныне.

Х о р

Царь, он ушел с пророчеством ужасным,
С тех пор, как волосы главы моей
Из черных стали белыми я знаю —
Пророком ложным никогда он не был.

К р е о н т

Я также это знаю и смущен.
Мне тяжело уступать, но тяжки беды,
Которые стрясутся над упрямым.

Х о р

1110 Тебе совет, сын Менекея, нужен.

К р е о н т

Что ж должно делать? Я приму совет.

Х о р

Ступай, веди ты деву из пещеры;
И оскверненный прах похорони.

К р е о н т

По-твоему, я должен уступить?

Х о р

Да, царь, и поскорей: ведь боги быстро
Напастью дни безумцев пресекают.

К р е о н т

Увы, мне тяжело, но мое решение
Я отменяю: с судьбой нельзя сражаться.

Х о р

Иди же, делай, не давай другим.

К р е о н т

1120 Не медля я пойду. Сюда, вы, слуги!
Все поскорей с собой кирки берите.
Бегите к месту, что отсюда видно.

А я, раз это решено, пойду
Ту выпустить, которую связал я.
Я понял: надо жить, до смерти чтя
От века установленный закон.
(Уходит.)

Стасим Пятый

Гипорхема

Х о р

Строфа 1

Многоименный, слава девы Кадмейской,¹⁰
Зевса, гремящего тяжко, сын!
Стражем стоящий Италии славной,
1130 В гостеприимных долинах царящий
Элевсинской Деметры, о Вакх!
Ты, проживающий в Фивах,
Матери-граде вакханок,
Около струй Исмена,
Там, где был сев поселян
Злого Дракона!

Антистрофа 1

Там тебя видят, там, где факелов пламя
Светит с вершин двуглавой горы.
Где Корикийские нимфы¹¹ пляской
1140 Служат тебе — твои вакханки,
Там, где струится Кастальский ключ!
Ты приходишь со склонов
Нисы, плющом увитых
И вином изобильных:
Ты, богами прославлен,
К Фивам приходишь!

Строфа 2

Чтишь ты их выше всех городов,
Как сраженная молнией мать!
И теперь, когда тяжкий недуг
1150 Поражает весь город наш,
О, направь свой целительный шаг
К нам с Парнаса, над пенным морем!

О водитель огненных звезд!
Господин ночных голосов!
Сын возлюбленный Зевса, — царь,
Нам со свитой Фиад¹² предстань
Что всю долгую ночь тебя,
Благ подателя, славят Иакха!¹³

В х о д и т в е с т н и к.

Эксод

В е с т н и к

- Жильцы домов Амфиона и Кадма!
1160 Нет в жизни, до конца ее, поры,
Какую я хвалил иль порицал бы.
Возносит счастье и свергает счастье
Счастливых, а равно и несчастливых,
И рока не откроет нам никто.
Креонт казался всем благословенным:
И землю Кадма спас он от врагов,
И, властелином полным став над нею,
Царил, детьми обильно окружен.
И все пропало. Если радость в жизни
1170 Кто потерял — тот для меня не жив:
Его живым я называю трупом.
Копи себе богатства, если хочешь, —
Живи, как царь; но если счастья нет —
То не отдам я даже тени дыма
За это все, со счастьем сравнив.

Х о р

Какую скорбь царю несешь ты снова?

В е с т н и к

Смерть. И живые в смерти виноваты.

Х о р

Но кто убийца, кто, скажи, убит?

В е с т н и к

Пал Гемон, и не от руки чужой.

Х о р

- 1180 Рукой отца убит он иль своей?

Вестник

Своею, в гневе на отца за деву.

Хор

Как верны, о пророк, твои вещанья!

Вестник

Так было; надо вам о том размыслить.

Хор

Вот из дворца выходит Эвридика,
Несчастливая жена Креонта; знает
Про сына весть или случайно вышла?

Эвридика

О граждане! Когда во храм богини
Паллады направляюсь я молиться —
Какую слышу между вами речь?
1190 Засов дверной я отпирала; весть
О бедствии до слуха моего
Дошла, — и на руки моих служанок
Упала я без чувств, поражена.
Но повторите мне известия эти:
Хочу я слышать, о несчастье знать.

Вестник

О госпожа, скажу я все, что видел,
Ни слова правды я не утаю.
Зачем тебя мне утешать словами?
Чтоб стать лжецом? Нет, правды путь верней
1200 Провел я мужа твоего на край
Долины, где безжалостно был брошен
Труп Полиника, весь истерзан псами.
Плутону помолясь и придорожной
Богине¹⁴, чтоб они свой гнев смирيلي,
Омыли мы священным омовеньем
Останки и сожгли на ветвях свежих.
Насыпав из земли родимой холм,
Пошли мы к брачному покою девы,
Где ложе из камней, — к жилищу смерти.
1210 И вот один из нас услышал громкий
Стон, несшийся из терема невесты,
И прибежал сказать царю Креонту.
Тот ближе подошел и горьких жалоб

- Услышал вопль и, застонав от муки,
Воскликнул так: «О злополучный я!
Не стал ли я пророком! Или ныне
Иду я самой худшею тропой!
Я слышу сына милого. Бегите
Скорее, слуги, вверх и, став у склепа,
1220 Взгляните через брешь, где камень снят,
В глубь подземелья — Гемона ли голос
Я слышу иль обманут я богами». —
Как повелел нам в ужасе владыка,
Мы глянули — и в склепе, в глубине,
Повесившейся деву увидали
На полотняной скрученной веревке;
А рядом он, ее обнявши труп.
Лил слезы о гибели невесты,
Отца деяньях и любви несчастной.
- 1230 Отец, его увидя, с диким стоном
Сбегает вниз и так зовет, вопя:
«Несчастный, что ты сделал? Что замыслил?
Какой бедой твой разум помутился?
О, выйди, сын! Прошу, молю тебя!»
Но юноша тогда, взглянувши дико,
Ни слова не сказал, извлек свой меч
Двуострый. В ужасе бежит отец —
И промахнулся он. Тогда во гневе
Сам на себя, всем телом он на меч
1240 Налег — и в бок всадил до половины.
Еще в сознаньи, деву обнял он,
И, задыхаясь, ток последний крови
На бледные ланиты пролил ей.
И труп лежит на трупе, тайны брака
Узнав не здесь — в Аидовом дому, —
Показывая людям, что безумье
Есть худшее из зол для человека.

(Эвридика уходит.)

Х о р

Что это значит? В дом ушла жена.
Ни доброго не молвив, ни худого.

В е с т н и к

- 1250 И сам дивлюсь я, но еще надеюсь,
Что, о беде узнав, она не хочет
Рыдать пред всеми, и внутри дворца

Велит прислужницам стенать с ней вместе.
Она в своем уме, — не согрешит.

Х о р

Не знаю: только эта тишина
Не менее страшна мне, чем рыдания.

В е с т н и к

Сейчас узнаем, не таит ли в сердце
Взволнованном она сокрытых мыслей,
В дом удалясь; ты справедливо молвил:
1260 В молчаньи слишком долгом есть опасность.

Х о р

Вот и царь наш; он сам направляется к нам,
Доказательство правды неся в руках.
Если можно сказать — не чужую беду,
А свою он несет, согрешивши.

Коммос

К р е о н т

Строфа 1

Увы!
Грехи души затуманенной,
Упорные, смерть несущие!
Смотрите теперь на отца вы все,
Убившего сына несчастного!
1270 Слепым поддавался я замыслам!
О сын мой, угасший в юности!
Ты ушел, ты погиб;
Но не ты, я один — безумец!

Х о р

Увы, ты правду видишь слишком поздно.

К р е о н т

Строфа 2

Увы!
Урок мой горестен; увы мне: некий бог
Обременил меня громадой горя
И на пути жестокости послал,
Увы, всю радость истребив мою!
1280 О муки злые злых людских страданий!

Вестник 2-й

О господин! От бедствий к новым бедам
Идешь ты, и увидишь скоро их:
Одни пришли, другие в доме ждут.

Креонт

Какая хуже может быть беда?

Вестник 2-й

Умершему верна, твоя супруга
Несчастливая от свежих ран погибла.

Креонт

Антистрофа 1

1290 Увы!
 Аида бездна, зачем меня
 Ты губишь, непримиримая?
 О вестник прежних ужасных бед,
 Какие ты вести приносишь нам?
 Вторично убьешь ты погибшего!
 Что, сын мой, скажешь мне нового?
 Смерть за смертью, увы!
 Вслед за сыном жена скончалась!

Хор

Ты можешь видеть: вынесли ее.

Креонт

Антистрофа 2

1300 Увы!
 Второе бедствие теперь, злосчастный, вижу!
 Что за несчастье мне еще готовится?
 Сейчас держал я сына на руках —
 И вижу труп другой перед собою!
 Увы, о мать несчастная, о сын!

Вестник

Сраженная лежит у алтарей;
Ее померкли и закрылись очи;
Смерть Мегарея¹⁵ славную оплакав,
За ним другого сына, на тебя
Беду накликала, детоубийца.

Креонт

Строфа 3

Увы! Увы!
От страха дрожу. Что же грудь мою
1310 Двуострым мечом не пронзил никто?
Я несчастный, увы!
И жестоким сражен я горем!

Вестник

Изобличен покойницею ты:
Ты виноват и в той и в этой смерти.

Креонт

Но как она себя лишила жизни?

Вестник

Она сама себе пронзила сердце,
О сына горестной судьбе узнав.

Креонт

Увы мне! Другому, раз я виноват,
Нельзя никому этих бед приписать.
1320 Я себя ведь убил — я, несчастный, я!
Правду говорю. Вы, прислужники, прочь
Уводите меня, уводите скорей,
Уводите — молю; нет меня: я ничто!

Хор

В решеньях прав ты, коль в беде есть правда,
И лучше всех кратчайшее из зол.

Креонт

Антистрофа 3

Приди, приди!
Покажись скорей, мой последний день!
Приведи ко мне жребий лучший мой!
Поскорее приди,
1330 Чтобы дня я другого не видел.

Хор

То в будущем, а ты о настоящем
Заботься. Будущее — от богов.

Креонт

Я все желанья в этой слил мольбе.

Х о р

Нет, не молись: ведь людям от скорбей
Ниспосланных не обрести спасенья.

К р е о н т

Антистрофа 4

1340 Уведите вы прочь безумца, меня!
 Я убил тебя, сын, и тебя, жена!
 И нельзя никуда обратить мне взор:
 Всё, что было в руках, в стороне лежит;
 И теперь на меня низвергает судьба
 Все терзанья, и вынести их нет сил!

Х о р

Мудрость — высшее благо для нас,
И гневить божества не дозволено.
Гордецов горделивая речь
Отомщает им грозным ударом,
Их самих поразив,
И под старость их мудрости учит.

(Пер. С. Шервинского)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Написанная в 442 г. до н.э. трагедия разрабатывает один из дальнейших этапов сюжета о роде Лайя. Действие ее происходит в Фивах уже после смерти Эдипа, проклявшего своих юзей, Этеокла и Полиника, и предрекшего им междоусобицу в борьбе за власть. Этеокл изгнал Полиника и стал правителем Фив. Полиник бежал в Аргос, собрал там войско и вместе с шестью аргосскими вождями выступил в поход против родного города (см. трагедию Эсхила «Семеро против Фив»). Действие «Антигоны» начинается в тот момент, когда аргосское нашествие отбито, Фивы спасены, а оба брата погибли во взаимном поединке. Ставший правителем Фив Креонт, брат Иокасты, приказывает торжественно похоронить Этеокла как защитника родины и запрещает предать земле тело Полиника, стремившегося поработить свой город.² *Диркейский поток* — река в Фивах. ³ Осужденным на голодную смерть оставляли немного пищи, чтобы снять с осудивших ответственность за их смерть. ⁴ *Ниоба*, дочь фрикийского царя Тантала. ⁵ Полиник был мужем дочери аргосского царя Адраста, участника похода «Семерых». ⁶ *Дриантов сын* — царь фракийцев (эдонян) Ликург, противившийся установлению культа Диониса. ⁷ *Салмидес* — город во Фракии, на побережье Черного моря. ⁸ *Соседний Арей* — святилище Ареса близ Салмидеса. ⁹ Имеется в виду Клеопатра (по версии мифа, которой придерживается Софокл, ослепила своих сыновей, мстя своему мужу Финею за измену). ¹⁰ *Кадмейская дева* — Семела, мать Диониса. ¹¹ Именем кориккийских нимф называлась пещера Дельф, посвященная Пану, Дионису и нимфам. ¹² *Фиады* — вакханки. ¹³ *Накх* — Дионис. ¹⁴ Имеется в виду

Геката, изображения которой стояли на перекрестках дорог. ¹⁵Мега-рей — брат Гемона, пожертвовавший жизнью, чтобы спасти Фивы от вражеского порабощения.

ЕВРИПИД

(484—406 г. до н. э.)

Еврипид происходил, по-видимому, из бедной афинской семьи. Он не принимал участия в политической жизни города, но, судя по его трагедиям, живо интересовался политическими и интеллектуальными событиями современных ему Афин. Отражение в его трагедиях философских проблем эпохи принесло Еврипиду в древности прозвание «философа на сцене». Еврипид при жизни не пользовался популярностью у современников, одержав на состязаниях всего пять побед, но в эпоху эллинизма и поздней античности он приобрел большую известность, (почти из девяноста произведений, написанных им, сохранилось 17 трагедий и одна сатирическая драма, т. е. более, чем в два раза больше, чем от творческого наследия Эсхила и Софокла вместе).

Творчество Еврипида значительно отличается от драматургии его современника Софокла. Кризис афинского полиса, резко обострившийся в период Пелопоннесской войны, нашел разностороннее отражение в трагедиях Еврипида. Нарастающие индивидуалистические тенденции в обществе, выражавшиеся в теоретической сфере в стремлении софистов видеть в человеке «меру всех вещей» (Протагор), в области художественного творчества проявляются во все более пристальном внимании к отдельному человеку, его индивидуальности, к миру его чувств. В драмах Еврипида трагический конфликт разветвляется как конфликт противоположных чувств в душе героя, как конфликт психологический. Впервые психология человека получает развернутое художественное воплощение. Характерны в этом отношении трагедии «Медея» и «Ипполит» и их главные героини — Медея и Федра. По словам Софокла (Аристотель «Поэтика» XXV), Еврипид изображал людей «такими, каковы они на самом деле», т. е. отказывался от софокловской идеализации и героизации, стремясь показать подлинную действительность, не скрывая ее недостатков (В своей комедии «Лягушки» Аристофан осуждает Еврипида за стремление показывать в театре темные стороны жизни). В трагедиях Еврипида обнаруживается склонность к изображению особенно острых и трагических ситуаций и конфликтов, к трагической патетике, за что Аристотель называл его «трагичнейшим из поэтов». В то же время изображаемые конфликты порой принимают черты бытовых, происходящих в сфере чисто личных отношений. Развитие бытового элемента приводит к противоречию между мифологической формой (сюжет) и содержанием трагедии, приобретающей черты бытовой драмы. В некоторых поздних трагедиях Еврипида («Ион», «Елена») появляются моменты предвосхищающие новый тип драматического произведения так называемой новой аттической комедии.

Трагедии Еврипида, откликаясь на важнейшие события политической и духовной жизни Афин, приобретали порой чисто публицистический характер: рассуждения об общественных проблемах иногда лишь внешне связаны с изображаемым сюжетом. В трагедиях Еврипида звучит критика традиционного мировоззрения: религии, взглядов на положение рабов и женщин, на политическое устройство общества: отмечая многие недостатки афинской демократии, Еврипид высказывается в поддержку демократического строя, осуждает единовластие

(тиранию). В нескольких трагедиях («Троянки», «Гекуба») он протестует против захватнических войн, трагической их бессмыслицы, приносящей человеку лишь страдания. Причем эти страдания лишены нравственного смысла, приводящего к познанию истины, как это было в трагедиях Эсхила («страдание учит»).

Некоторые персонажи его трагедий отражают общественные настроения кризисной для Афин эпохи — стремление уйти от общественной жизни, искать идеальное в своем внутреннем мире, в общении с природой и т. п. (Ипполит, Ион). Но в его же трагедиях можно встретить и героические образы, отражающие гражданский пафос и патриотизм поэта.

В художественном отношении трагедия Еврипида знаменует кризис и разрушение жанра героической трагедии. Об этом свидетельствует несоответствие мифологической формы приобретающему бытовую окраску содержанию, падение роли хора, превращающегося из основного структурного элемента трагедии в элемент необязательный, утрачивающий органические связи с целым, поскольку центр тяжести перемещается на актера (изображение внутреннего мира героя приводит в трагедии Еврипида к появлению наряду с монологом еще и монодии — сольной музыкальной арии).

Трагедия Еврипида прокладывает путь к драме нового времени с ее углубленным интересом к внутреннему миру человека, изображаемое во всей его противоречивости.

Переводы трагедий Еврипида:

Театр Еврипида/Пер. И. Ф. Анненского. М., 1916—1921. Т. I—III.

Еврипид. Трагедии/Пер. И. Анненского. М., 1969. Т. I—II.

Еврипид. Трагедии/Пер. И. Анненского и С. Шервинского. М., 1980. Т. I—II.

В антологии тексты трагедий Еврипида приводятся по изданиям: «Медия» и «Циклоп» — Греческая трагедия. М., 1950; «Ипполит» — *Еврипид*. Пьесы. М., 1960.

МЕДЕЯ¹

Действующие лица.

Кормилица.

Воспитатель.

Медия.

Хор коринфских женщин.

Креонт.

Ясон.

Эгей.

Вестник.

Сыновья Медеи и Ясона.

Пролог

Кормилица

О, для чего крылатую ладью²

Лазурные, сшибаясь, утесы³

- В Колхиду пропустили? И зачем
Ель падала на Пелий⁴ и героям,
Их веслами вооружив, дала
В высокий Йолк в злаченных завитках
Руно царю Фессалии доставить?
К его стенам тогда бы и моя
Владычица не приплыла Медея;
10 И там, Ясона полюбив безумно,
Не научила бы убить отца
Рожденных им и нежных Пелиад.
И не пришлось бы ей теперь в Коринфе
Убежища искать с детьми и мужем.
Пусть гражданам успела угодить
Она в изгнании, оставалась мужу
Покорною женой (а разве есть
На свете что милей семьи, где с мужем
Живет жена согласно?), но удел
20 Медеи стал иной. Ее не любят,
И нежное глубоко страждет сердце.
Ясон детей с супругою в обмен
На новое отдать решился ложе,
Он на царевне женится — увы!
Оскорблена Медея, и своих
Остановить она не хочет воплей.
Она кричит о клятвах, данных ей,
Попранную зовет обратно верность,
Богов зовет в свидетели она
30 Неблагодарности его. На ложе,
От пищи отказавшись, ночь и день,
Отдавши мукам тело, сердцу таять
В слезах дает царица с той поры,
Как злая весть обиды поселилась
В ее душе. Не поднимая глаз,
Лица склоненного, глуха Медея
К речам друзей, как среди волн утес,
Прийти в себя не хочет. Лишь порою,
Откинув шею белую, она
40 Опомнится как будто и заплачет,
Отца любимого и дом родной,
И милую отчизну вспоминая,
И все, чему в безумье предпочла
Она ее унизившего мужа.
Несчастье открыло цену ей
Утраченной отчизны. Даже дети
Ей стали ненавистны, и на них

Глядеть не может мать. Мне страшно как бы
Шальная мысль какая не пришла
50 Ей в голову. Обид не переносит
Тяжелый нрав, и такова Медея.
И мне невольно острого меча
Мерещится удар, разящий печень,
Там в спальне госпожи моей, — боюсь,
Чтобы царя и молодого мужа
Железом поразивши, не пришлось
Ей новых мук отведать, горше этих.
Да, грозен гнев Медеи: нелегко
Ее врагу достанется победа.
60 Но мальчиков я вижу — бег они
Окончили привычный и домой
Идут теперь спокойно. А до мўки
И дела нет им материнской. Да,
Страдания детей не занимают.
Входит воспитатель с двумя мальчиками.

В о с п и т а т е л ь

О старая царицына раба!
Зачем ты здесь одна в воротах? Или
Самой себе ты горе поверяешь?
Медея-то рассталася с тобой?

К о р м и л и ц а

О старый спутник сыновей Ясона!
70 Для добрых слуг несчастья господ
Не то же ли, что и свое: за сердце
Цепляется оно, и до того
Измучилась я, веришь, что явилось,
Уж и сама не знаю как, во мне
Желанье рассказать земле и небу
Несчастья царицы нашей.

В о с п и т а т е л ь

Плачет,
Поди еще?..

К о р м и л и ц а

Наивен ты, старик!.
Ведь горе-то лишь началось, еще
И полпути не пройдено.

Воспитатель

Слепая...

- 80 Не про господ будь сказано. — Своих
Должно быть, бед она не знает новых.

Кормилица

Каких? Каких? Не мучь меня, открой!..

Воспитатель

Нет, ничего. Так, с языка сорвалось.

Кормилица

О, не таи! Касаясь бороды,
Тебя молю: открой подруге рабства.
Ведь, если нужно, мы и помолчать
Сумели бы...

Воспитатель

- Я слышал, но и виду
Не подал я, что слышу, проходя
У Камешков сегодня, знаешь, где
90 Старейшины сидят близ вод священных
Пирены⁵, — что кто-то говорил, что царь
Сбирается детей с Медеей вместе
Коринфского лишить приюта. Слух
Тот верен ли, не знаю; лучше б, если
Неверным был он.

Кормилица

Что же, и Ясон
Допустит это? Он хотя и в ссоре
С их матерью, но дети ведь его...

Воспитатель

Что ж? Новая жена всегда милей:
О прежней царь семье не помышляет.

Кормилица

- 100 Погибли мы... Коль, давешней беды
Не вычерпав, еще и эту впустим...

Воспитатель

Все ж госпоже ее не время знать.
Ты затаишь мои слова покуда.

Кормилица

Вот дети! Вот каков отец для вас!
Но — боги да хранят его! — над нами
Он господин, хоть, кажется, нельзя,
Чтоб человек семью больней обидел.

Воспитатель

В природе смертных это. Человек
Всегда себя сильнее, чем друга, любит.
110 Иль новость ты узнала? Удивляюсь...
И должен был, по-твоему, Ясон
Пожертвовать детьми утехам ложа?..

Кормилица

Идите с богом, дети, — все, авось,
Уладится. А ты, старик, подальше
Держи детей от матери, — она
Расстроена. Запечатлелась ярость
В ее чертах, и как бы на детей
Не излилась она. Увы! Не стихнет
Без жертвы гнев ее, я знаю. Только
120 Пускай бы враг то был, а не свои...

(Воспитатель уходит.)

Медея (за сценой)

Увы!
О, злы мои страдания. О!
О смерти! Увы! О злая смерти!

Кормилица

Началось... О дети!.. Там мать,
Ваша мать в своем горе, — увы! —
Власть над собой потеряв,
Гневом пылает... Подальше
Затаитесь, милые. Глаз
Не надо тревожить ее...
130 Ни на шаг к ней ближе, о дети!
Вы души ее гордой и дикой
И охваченной гневом бегите!..
О, скорее, скорее под кровлю!

(Выталкивает детей за дверь.)

Это облако стона сейчас
Раскаленная злоба ее

Подожжет... Где предел для тебя,
О сердце, великих дерзаний,
Неутешное сердце, коль мука
Тебя ужалила, сердце?

М е д е я

(за сценой)

140 О горе! О муки! О муки, и вы,
Бессильные стоны! Вы, дети!..
О будьте ж вы прокляты вместе
С отцом, который родил вас!
Весь дом наш погибни!

К о р м и л и ц а

На голову нашу, увы! —
Слова эти... Горе, о горе!
Что ж сделали дети тебе?
Они за отца в ответе ль? Что мечешь
Ты гнев на детей? О милые, я
150 Боюсь за судьбу вашу, дети!
Ужасны порывы царей,
Так редко послушных другим,
Так часто всевластных!..
И трудно их злобе унять...
Не лучше ли быть меж листов
Листом незаметным?
О как бы хотела дожждаться
Я старости мирной вдали
От царской гордыни!..
160 Умеренность, — сладко звучит
И самое слово, а в жизни
Всего нам желанней оно!
Избыток, в разладе с удачей,
И горшие беды на род
При гневe богов навлечет он.

Парод

Х о р

Я слышала голос, я слышала крик
Несчастной жены из дальней Колхиды.
Неужто она еще не смирилась?
Скажи мне, старуха...
170 Через двери двойные я слышала стон

И скорби семьи сострадаю,
Сердцу давно уже милой.

К о р м и л и ц а

Той нет уж семьи — распалась: ведь муж
В брак вступает с царевной.
В тереме скрылась жена,
Царица моя с тающим сердцем.
Лаской ничьей, ни единого друга
Лаской она не согрета...

М е д е я

(за сценой)

О ужас! О ужас!
180 О, пусть небесный огонь
Падет на голову мне!..
О, жить зачем мне еще?
Увы мне! Увы! Ты, смерть, развяжи
Мне жизни узлы — я ее ненавижу!..

Х о р

Строфа

Ты внял ли, о Зевс, ты, мать-Земля, ты, Солнце,
Стонам печальным
Злосчастной царицы?
Безумны уста, — для чего
190 К холодному ложу стремиться?
Смерть свой шаг
Разве замедлит?
Надо ль молить ее?
Если твой муж пожелал
Нового ложа, зачем же
Гневом бедствие это
Хочешь ты углубить,
Частое в жизни? Кронид
Правде твоей поможет;
Только не надо сердце, жена,
200 Сердце в слезах не надо топить,
О муже рыдая...

М е д е я

(за сценой)

Великий Кронид... Фемида — царица!
О, призрите, боги, на муки мои!

- Сама я великой клятвой
Проклятого мужа
Связала с собой, увы!
О, если б теперь
Его и невесту увидеть —
Два трупа в обломках чертога!
210 От них обиды, от них
Начало... О боги... О ты,
Отец мой, о город, от вас я
Постыдно бежала, и труп
Родимого брата меж нами!

К о р м и л и ц а

- Слушайте, что говорит,
Как призывает слезно
Фемиду — обетов царицу,
И Зевса — сторожа клятвы.
Ужасной, ужасной она.
220 Местью насытит сердце!

Х о р

Антистрофа

- Зачем же она явить нам лицо не хочет?
Слух не преклонит
На нежный мой голос?
Безумную злобу ее,
Души ее темное пламя,
Может быть, я
Успокоила б
Словом и лаской.
Пусть же любимые мной
230 Видят желание сердца...

(Кормилице)

К ней в чертог не войдешь ли?
Пусть она выйдет к нам...
Медлить не надо... Скорей!
Может сейчас несчастье
В этих стенах произойти...
Страшен порыв гнева и мести,
Отчаянье страшно.

К о р м и л и ц а

Пойти я готова... Но только
Царицу смогу ль образумить?

- 240 Труда ж и желаний не жалко...
Как львица в муках родильных,
Так дико глянет она, если
С словами на робких устах
Приблизится к ложу рабыня.
О, да не будет ошибкой
Сказать, что ума и искусства
Немного те люди явили,
Которые некогда гимны
Слагали, чтоб петь на пирушках,
250 На пире священном иль просто
Во время обеда, балуя
Мелодией уши счастливых...
Никто до сих пор не придумал
Гармонией лир многострунных
Предел ненавистой печали,
Печали, рождающей смерти,
Колеблющей ужасом царства,
Печали предел положить!..
Лечиться мелодией людям
260 Полезно бы было; на пире
Напрасны труды музыканта:
Уставленный яствами стол
Без музыки радует сердце.

(Уходит.)

Х о р

Эпод

- Я слышу опять
Плачущий голос ее,
Ее протяжные стоны.
Клянет она яростно мужа;
Воздух пронзая,
Вопли несутся. Фемиду зовет
270 Несчастное чадо Колхиды,
Зачем увлекала ее
Чрез моря просторы на берег
Эллады — туда,
Где волны вздымает
Пучина и нет ей предела?

Эписодий первый

Из средних дверей выходит Медея..

Медея

- О дочери Коринфа, к вам я вышла
Лишь потому, что ваших не хочу
Упреков слышать. Много есть людей,
Прославших гордечами оттого лишь,
280 Что дом милей им площади, иль видеть
Они хотят иные страны. Если
Шум людям ненавистен, — тотчас их
Порочными сочтут или рукою
Махнувшими на все. Как будто суд
Глазам людей принадлежит, — дерзаем
Мы осудить, не распознав души,
Коль человек ничем нас не обидел.
Конечно, тот, кто вам чужой, — всех больше
Уступчивым быть должен, но и граждан
290 Заносчивых не любят, — не дают
Они узнать себя, и тем противны...
Но на меня, подруги, и без вас
Нежданное обрушилось несчастье.
Раздавлена я им и умереть
Хотела бы — дыханье мука мне!
Всё, что имела я, слилось в одном,
И это был мой муж; и я узнала,
Что этот муж — последний из людей.
Да, среди всех, кто дышит и кто мыслит,
300 Нас, женщин, нет несчастней. За мужей
Мы платим, и не дешево. А купишь, —
Так он тебе хозяин, а не раб;
И первого второе горе больше.
И главное — берешь ведь наобум:
Порочен он иль честен, как узнаешь?
А между тем уйди — тебе ж позор,
И удалить супруга ты не смеешь.
И вот жене, вступая в новый мир,
Где чужды ей и нравы и законы,
310 Приходится гадать, с каким она
Постель созданием делит. И завиден
Удел жены, коли супруг покорно
Свое ярмо несет. Иначе, —
Ведь муж, когда очаг ему постыл,
На стороне любовью сердце тешит.
У них друзья и сверстники, а нам

В глаза глядеть приходится постылым.
Но говорят, что за мужьями мы
Как за стеной, а им, мол, копья нужны.
320 Какая ложь! Три раза под щитом
Охотней бы стояла, чем хоть раз
Родить... О всех я женах говорю...
Но вы и я, одно ли мы? У вас
И город есть, и дом, и радость жизни...
Печальны вы — вас утешает друг.
А я одна на свете меж чужими,
И изгнана, и брошена. Росла
Меж варваров, вдали я; здесь ни дома,
Ни матери, ни брата, — никого...
330 Хоть бы одна душа, куда причалить
Ладью на время бури. Но от вас
Немногого прошу я. Если средство
Иль путь какой найду я отомстить
За все несчастья мужу, — не мешайтесь
И, главное, молчите. Робки мы,
И вид один борьбы или железа
Жену страшит. Но если брачных уз
Коснулася обида, кровожадной
Не сыщете вы сердца на земле.

Х о р

340 Все сделаю, Медея. Справедливым
Желаниям и скорби не дивлюсь
Твоей, жена, я больше. Но Креонта,
Царя земли я вижу этой — он
Не новое ль объявит нам решение?
Входит К р е о н т.

К р е о н т

Ты, мрачная, на мужа тяжкий гнев
Скопившая Медея, говорю я
С тобой и вот о чем: земли моей
Пределы ты покинешь, взяв обоих
Детей с собой, не медля... а приказ
350 Исполнишь ты при мне, и двери дома
Своей я не увижу прежде, чем
Не выброшу тебя отсюда, слышишь?

М е д е я

Ай! Ай! Несчастливая, я гибну! Недруг
Весь выпустил канат, и мне на берег

От злой волны уже спасенья нет...
Но все же нахожу в себе я силу
Спросить тебя, за что ты гонишь нас?

К р е о н т

- О, тайны нет тут никакой: боюсь я,
Чтоб ты, жена, неисцелимых зол
360 Не причинила дочери моей.
Во-первых, ты хитра, и чар немало
Твой ум постиг, к тому же ты теперь
Без мужа остаешься и тоскуешь...
Я слышал даже, будто ты грозишь
И мне, и жениху с невестой чем-то.
Так вот, пока мы целы, меры я
Хочу принять. Пусть лучше ненавистен
Медее я, чем каяться потом
В мягкосердечии.

М е д е я

Увы! Увы! Увы!

- 370 О, не впервые, царь, и сколько раз
Вредила мне уж эта слава, — зол
Она источник давний. Если смыслом
Кто одарен, софистов из детей
Готовить он не будет. Он не даст
Их укорять согражданам за праздность...
И что еще? Ведь ненависть толпы
Они своим искусством не насытят.
И если ты невежд чему-нибудь,
Хоть мудрому, но новому обучишь,
380 Готовься между них не мудрецом
Прослыть, а тунеядцем. Пусть молвою
Ты умников, которых город чтит,
Поставлен хоть на палец выше будешь,
Ты — человек опасный. Эту участь
Я тоже испытала. Чересчур
Умна Медея — этим ненавистна
Она одним, другие же, как ты,
Опасною ее считают дерзость.
Подумаешь: покинутой жене
390 Пугать царей?! Да и за что бы даже
Тебе я зла хотела? Выдал дочь
Ты, за кого желал; я ненавижу,
Но не тебя, а мужа. Рассуждал
Ты здраво, дочь сосватав, и твоей

Удаче не завидую. Женитесь
И наслаждайтесь жизнью, лишь меня
Оставьте жить по-прежнему в Коринфе;
Молчанием я свой позор покрою.

К р е о н т

400 Да, сладко ты поешь, но злая цель
И в песнях нам мерещится; чем дольше
Я слушаю, тем меньше убежден...
Ведь от людей горячих остережся
Гораздо легче нам, чем от таких,
Как ты, жена, лукаво-осторожных.
Ну, уходи же, много наболтала,
Но твоего искусства нехватает,
Чтобы сберечь нам лишнего врага.

М е д е я

О, я молю у ног твоих — ты нас
Не высылай, хоть ради новобрачных!

К р е о н т

410 Без толку тратишь ты слова.

М е д е я

О, пощади!.. К мольбам моим склонись!

К р е о н т

Своя семья нам ближе, чем Медея.

М е д е я

О край родной! Ты ярко ожил в сердце!..

К р е о н т

Милее нет и нам — после семьи.

М е д е я

Какое зло вы сеете, Эроты!

К р е о н т

Ну, не всегда — зависит от судьбы.

М е д е я

Винновому не дай укрыться, боже.

Креонт

Не будет ли, однако? От себя
И болтовни освободи нас лучше...

Медея

420 Освободить? Кого и от чего?
Ты вызволи нас, царь, из этой муки...

Креонт

Ты, верно, ждешь расправы наших слуг?..

Медея

О нет, о нет, тебя я умоляю!..

Креонт

Угрозы мало, кажется, тебе?

Медея

Я не о том молю, властитель.

Креонт

Пусти меня... Чего ж тебе еще?..

Медея

Дай день один мне сроку: не решила
Куда итти еще я, а детей
430 Кто ж без меня устроит? Выше этих
Забот Ясон. О, сжался, царь, и ты
Детей ласкал. Тебе знакомо чувство,
Которое в нас будит слабый. Мне
Изгнание не рашно... Если плачу,
То лишь над их несчастьем, Креонт.

Креонт

Я не рожден тираном. Сколько раз
Меня уже губила эта жалость!
Вот и теперь, я знаю, что неправ,
Все ж будь по-твоему. Но только знай:
440 Что если здесь тебя с детьми и завтра
В полях моих увидит солнце, смерть
Оно твою осветит. Непреложно
Да будет это слово!.. До утра...

(Уходит.)

Х о р

О злая судьба!
Увы, о жена, беда за бедой!
Куда ж ты пойдешь? У кого ты
Приюта попросишь? Где дом
И где та земля, Медея?
В море бездонное зол
Бросил тебя бессмертный.

М е д е я

- 450 О да! Темно на небе... Но на этом
Не кончилось! Не думайте: еще
И молодым счастливым будет худо,
И свату их довольно горя... Разве
Ты думала, что сладкий этот яд
Он даром пил? Все взвешено заране..
Он с этих губ ни слова, он руки
Единого движенья без расчета
Не получил бы, верьте... О слепец!..
В руках держать решение — и оставить
- 460 Нам целый день... Довольно заглаза,
Чтобы отца, и дочь, и мужа с нею
Мы в трупы обратили... ненавистных...
Немало есть и способов... Какой
Я выберу, сама еще не знаю;
Чертог поджечь невестин или медь
Им острую должна вогнать я в печень...
До ложа их добравшись?.. Тут одна
Смущает вероятность. По дороге
До спальни их или за делом я
- 470 Захвачена могу быть и злодеям
Достаться на глумленье... Нет, уж лучше
Не изменять пути прямому нам,
И, благо он испытан, — яд на сцену...
Так, решено...
Ну, я убила их... А дальше что же?
Где город тот и друг, который двери
Нам распахнет и, приютив, за нас
Поручится? Такого нет... Терпением
Вооружись покамест. Если стен
- 480 Передо мной откроется защита,
На тайную стезю убийства молча
Вступлю тотчас. Но если нам одно
Несчастье бессильное на долю

Останется, я меч беру открыто
И дерзостно иду их убивать,
Хотя бы смерть самой в глаза глядела.
Владычицей, которую я чту
Особенно, пособницей моею,
Родной очаг хранящую, клянусь
490 Гекатою, что скорбию Медеи
Себе никто души не усладит!
Им горек пир покажется, а свату
Его вино и слезы мук моих...
За дело же, Медея! Все искусство
Ты призови на помощь; каждый шаг
Обдумать ты должна до мелочей!..
На страшное решайся! Сердце, ты
Теперь покажешь силу. До чего,
О, до чего дошла ты! Неужели ж
500 Сизифову потомству⁶, заключив
С Ясоном брак, позволишь надругаться
Над Гелиевой кровью⁷? Но кому
Я говорю все это! Мы природой
Так созданы — на доброе без рук,
Да злым зато искусством всех мудрее...

Стасим первый

Х о р

Строфа 1

Реки священные вспять потекли,
Правда осталась, но та ли?
Гордые выси коснулись земли;
Имя богов попирая в пыли,
510 Мужи коварными стали...
Верно, и наша худая молва
Тоже хвалой обратится,
И полетят золотые слова
Женам в усладу, что птицы.

Антистрофа 1

Музы не будут мелодий венчать
Скорбью о женском коварстве...
Только бы с губ моих эту печать
Только б и женской цевнице звучать
В розовом Фебовом царстве...
520 О, для чего осудил Мусaget

Песню нас слушать все ту же?
В свитке скопилось за тысячи лет
Мало ли правды о муже?

Строфа 2

О бурное сердце менады!
Из отчего дома, жена,
Должно быть, пробив Симплегады⁸,
Несла тебя злая волна.
Ты здесь на чужбине одна,
Муж отдал тебя на терзание,
530 И срам, и несчастье должна
Влачить за собой ты в изгнание.

Антистрофа 2

Священная клятва в пыли,
Коварству нет больше предела,
Стыдливость, и та улетела
На небо из славной земли.
От бури спасти не могли
Отцовские стрелы Медеи,
И руки царя увлекли
Объятий ее горячее.

Эписодий второй

Входит Я с о н.

Я с о н

540 Не в первый раз я вижу, сколько зол
Влечет упорство злобы. Ты и город
Могла б иметь, и дом теперь, царей
Переноса смиренно волю. Если
В изгнание идешь ты, свой язык
Распущенный вини, жена... Конечно,
Мне все равно: ты можешь повторять,
Что низость тут виной моя; но меру
Возмездия за то, что ты семье
Властителя сулила, ты, Медея,
550 Должна считать за благо. Сколько мог,
Я гнев царей удерживал, оставить
Тебя просил я даже — ни к чему
Все это было... У безумья вожжи
Совсем ты выпустила — злых речей
Поток не умолкал, и город наш
Тебе закрыт отныне. Но в заботах,

Как верный друг, я устали не знаю.
Я хлопочу о вас, чтобы нужды
Не испытать жене моей и детям,
560 Без денег не остаться. Мало ль зол
Увидишь на чужбине... Ненавистен
Тебе Ясон, но, право ж, не умеет
На вражеский себя настроить лад.

М е д е я

О низкий... О негодный!.. Я не знаю,
Как выразить сильнее языком,
Что ты не муж, не воин, — хуже, злее
Нельзя уж быть, чем ты для нас, и к нам
Ты все-таки приходишь!.. Тут не смелость...
Отвага ли нужна, чтобы, друзьям
570 Так навредив, в глаза смотреть? Иначе
У нас зовут такой недуг: бесстыдство!
Но все ж тебе я рада... Сердце я
Хоть облегчить могу теперь и болью
Тебя донять... О, слушай! Как начну?
Вот первое из первых... Я тебя
Спасла, и сколько эллинов с собою
На корабле везли тогда мы, все
Свидетели тому, — спасла, когда ты
Был послан укротить быков, огонь
580 Метавших из ноздрей, и поле смерти
Засеять. Это я дракона, телом
Покрывшего в морщинистых извивах
Руно золотое, умертвила, я,
Бессонного и зоркого, и солнца
Сияние глазам твоим вернула.
Сама ж, отца покинув, дом забыв,
В Фессалию с тобой ушла — горячка
Была сильнее рассудка. Пелий, царь,
Убит был тоже мною. Нет ужасней
590 Той смерти, что нашел он — от детей
И все тебя я выручала — этим
От нас ты не побрезгал, а в награду
Мне изменил. Детей моих отец,
Ты брак затеял новый. Пусть бы семя
Твое бесплодно было, жажду ложа
Я поняла бы нового... А где ж,
Где клятвы те священные? Иль боги,
Которые внимали им, теперь
Уж не царят, иль их законы новы?

- 600 Ты сознаешь, — нельзя не сознавать,
Что клятву ты нарушил... Сколько раз
Руки искал ты этой и колени
Мне осквернял прикосновеньем! Все
Обмануты надежды. Что же друга
В тебе вернет Медее, ждать чего
Могла бы от тебя она? Но сердце
Мне жжет уста — еще ясней позор
Твой обличить вопросами... Итак,
Куда же нам итти прикажешь? Или
610 К отцу, домой! Тебе в угоду дом
Я предала. К несчастным Пелиадам?
У них, отца убив, конечно, буду
Я принята радушно! О друзьях
Подумаю ли старых, — ненавистна
Я стала им, а те, кому вредить
Пришлось мне — не для себя, в угоду
Тебе, Ясон, — теперь мои враги.
О, горе мне! Так вот она, та слава,
Блаженство то меж эллинов, что мне
620 Тогда сулил ты лживо... Да, гордиться
Могу я верным мужем, это так...
И славою счастливый младожен
Покроется немало, если, точно
Извергнута из города, одна
Скитаясь с незащитными детьми
И с нищими, та, что спасла его.
Пойдет дивить людей своим несчастьем.
О Зевс, о бог, коль смертных научил ты —
От золота подделку отличить,
630 Так отчего ж не выжег ты клейма
На подлеце, чтобы в глаза бросалось?..

Х о р

Неисцелим и страшен гнев встает,
Когда раздор меж близких разгорелся.

Я с о н

- Кто не рожден оратором, тому
Теперь беда. Как шкипер осторожный,
Я опушу немного паруса
Надутые, иначе, право, буря
Злоречия и эти вихри слов
Потопят нас, жена. Благодеянья
640 Свои сверх меры ценишь ты... О нет,

- Коль мой поход удачен, я Киприде
 Обязан тем; Киприде меж богов
 И меж людьми Киприде, — может быть
 Та мысль иным и не по вкусу будет.
 Но оцени в ней тонкость — если кто
 Одушевлял Медею на спасенье
 Ясоново, то был Эрот... Зачем
 Рассматривать подробно дело? Да,
 Я признаю твои услуги. Что же
 650 Из этого? Давно уплачен долг,
 И с лихвою. Во-первых, ты в Элладе
 И больше не меж варваров, закон
 Узнала ты и правду вместо силы,
 Которая царит у вас. Твое
 Здесь элины искусство оценили,
 И ты имеешь славу, а живи
 Ты там, на грани мира, о тебе бы
 И не узнал никто. Для нас ничто
 И золото в чертогах, и Орфея
 660 Нежнее песни голос по сравнению
 С той славою, которая меня
 Так дивно увенчала. О себе
 Упомянул я, впрочем, потому лишь,
 Что этот спор ты подняла. Отвечу
 По поводу женитьбы. Поступил,
 Во-первых, я умно, затем и скромно
 И, наконец, на пользу и тебе,
 И нашим детям. Только ты дослушай.
 Когда из Йолка цепью за собой
 670 Сюда одни несчастья принес я,
 Изгнаннику какой присниться мог бы
 Удел счастливей брачного союза
 С царвною! И ты напрасно колешь
 Нас тем, жена, что ненавистно ложе
 Медеи мне и новою сражен
 Я страстию или детей хочу
 Иметь как можно больше... Я считаю,
 Что их у нас довольно, и тебя
 Мне упрекать тут не за что. Женился
 680 Я, чтоб себя устроить, чтоб нужды
 Не видеть нам, — по опыту я знаю,
 Что бедного чуждается и друг.
 Твоих же я хотел, достойно рода,
 Поднять детей, на счастье себе,
 Чрез братьев их, которые родятся.

Зачем тебе еще детей? А мне
Они нужны для пользы настоящих.
Ну, разве я не прав? Сказала б «да»
И ты, когда б не ревность. Все вы, жены,
690 Считаете, что если ложа вам
Не трогают, то все благополучно...
А чуть беда коснулась спальни, нет
Тут никому пощады; друг ваш лучший,
Полезнейший совет — вам ненавистны.
Нет, надо бы рождаться детям так,
Чтоб не было при этом женщин, — люди
Избавились бы тем от многих бед.

Х о р

Ты речь, Ясон, украсил, но сдается
Мне все-таки, — меня не обессудь, —
700 Что ты неправ, Медею покидая.

М е д е я

О, верно я во многом отличаюсь
От большинства людей. Я наказанью
Жестокому подвергла бы того,
Кто говорить умеет, коль при этом
Он оскорбляет правду. Языком
Искусным величаясь, человек
Такой всегда оденет зло прилично...
Под маской же на что он не дерзнет?
Но есть изъян и в мудрости, увы!..
710 Ты, например, и тонкою, и хитрой
Раскинул сетью речь, а поразить
Нам ничего тебя не стоит. Честный
Уговорил бы близких и потом
Вступал бы в брак, а ты сперва женился...

Я с о н

Скажи тебе заранее, сейчас
Ты так бы и послушалась: ты злобу
И до сих пор на сердце бережешь.

М е д е я

Другого ты боялся: чтоб женатым
На варварской царевне не остаться, —
720 Вам, эллинам, под старость это тяжко.

Я с о н

Пожалуйста, не думай, что жена
При чем-нибудь в моем союзе новом;
Я говорил уже, что я тебя
Спасти хотел, родив единокровных
Твоим сынам царей, опору дома.

М е д е я

Нам счастья не надо, что ценой
Такой обиды куплено; богатства,
Терзающего сердце, не хочу.

Я с о н

730 Моли богов, чтоб в грудь твою вложили
Желания иные, умудрив
Тебя, чтобы полезное — обидой,
А счастье не казалось бы несчастьем...

М е д е я

Глумись... Тебе приюта не искать.
Изгнанница пред вами беззащитна.

Я с о н

Твой выбор был — других и не вини.

М е д е я

Так это я женилась, изменяла?

Я с о н

Безбожно ты кляла своих царей.

М е д е я

И твоему проклятьем дому буду.

Я с о н

740 На этом мы и кончим. Если вам —
Тебе иль детям нашим — деньги нужны
На дальний путь, — прошу сказать теперь;
Отказа вам не будет. Я и знаки
Гостинные могу послать друзьям, —
Помогут вам... Не хочешь брать? Напрасно!
Открой глаза, не гневайся, тебе,
О женщина, поверь, полезней будет.

М е д е я

Твоих друзей не надо нам, и денег
Я не возьму, не предлагай: от мужа
Бесчестного подарок руки жжет.

Я с о н

750 Богов беру в свидетели, что пользы
Я всячески и детям и тебе
Желал, жена. Но доброты не ценит
Надменная моей, — и ей же хуже.

М е д е я

Ступай. Давно по молодой жене
Душа горит — чертог тебя заждался.
Что ж? Празднуй брак! Но слово скажет бог:
Откажешься, жених, ты от невесты.

(Уходит.)

Стасим второй

Х о р

Строфа 1

760 Когда свирепы Эроты
Из сердца они уносят
Всю сладость и славы людям
Вкусить не дают. Но если
Киприда шлет только радость,
Нет богини прелестней...
Ты мне никогда, царица,
Стрел не мечи золотых
В сердце, столь неизбежных,
Полных яда желаний.

Антистрофа 1

770 Скромной ласки хочу я:
Нет дара бессмертных слаще.
О, пусть никогда Киприды
Ужасной не слышу в сердце,
С грозой ее ярых ударов,
С бурей ссор ненавистной,
С желаньем чужого ложа!
Спальню, где нет войны,

Ложе, где жены не спорят,
Славить гимном хочу я.

Строфа 2

780 Родина, дом отцовский, о, пусть,
Пусть никогда не стану
Города я лишенной...
Злее нет горя в жизни
Дней бесприютных!
Смерти, о смерти пускай
Иго подьему, но только
Дня изгнания не видеть...
Муки нет тяжелее,
Чем отчизны лишиться.

Антистрофа 2

790 Вижу сама: не люди, увы,
Сказку сложили эту!..
Города ты лишилась!
Друг состраданием муки
Не облегчает!
Неблагодарный... Пускай
Сгибнет, коль друга не чтит он.
Сердце чистое должен
Он открыть ему, сердце!
Друга иного не надо!

Эписодий третий

Входит Эгей.

Эгей

О, радуйся, Медея! Пожеланьем
Таким люблю приветствовать друзей.

Медея

800 Привет тебе, о Пандиона сын⁹
Премудрого, Эгей! Откуда к нам?

Эгей

Я посещал оракул Феба древний.

Медея

Зачем тебе был срединный храм¹⁰?

Э ге й

Детей иметь хотел бы я, Медея.

Ме де я

Ты до сих пор бездетен, боже мой!

Э ге й

То демона какого-то желанье.

Ме де я

Но ты женат или не ведал ложа?

Э ге й

От брачного ярма я не ушел.

Ме де я

И что ж тебе поведал бог о детях?

Э ге й

810 Увы! Его не понимаю слов.

Ме де я

Услышать их могла бы я?

Э ге й

Еще бы,
Тут именно и нужен тонкий ум.

Ме де я

ак передай их нам, коль не зазорно.

Э ге й

Мол, «из мешка ноги не выпускай».

Ме де я

Пока чего не сделаешь? Иль в землю
Какую не придешь? Должно быть, так?

Э ге й

В отцовский дом покуда не вернешься.

Ме де я

А ты сюда-то прибыл для чего?

Э г е й

Нам нужен царь Питфей, земли Трезенской.

М е д е я

820 Сын набожный Пелопов, так ли, царь?

Э г е й

Я сообщить хочу ему оракул.

М е д е я

Да, мудрый муж в оракулах силен.

Э г е й

А мне к тому ж он и соратник близкий.

М е д е я

Дай бог тебе и счастья, Эгей,
И всех твоих желаний исполненья.

Э г е й

Ты ж отчего, скажи, Медея, так
Осунулась и так угас твой взор?

М е д е я

Муж у меня последний из людей.

Э г е й

Скажи ясней причину огорченья.

М е д е я

830 Оскорблена я им, и ни за что...

Э г е й

Да сделал что Ясон? Скажи мне прямо.

М е д е я

Взял женщину — хозяйку надо мной.

Э г е й

Он не посмел бы, нет! Постыдно слишком!

М е д е я

Но ты поверь: он так и поступил.

Эгей

Влюбился он иль ты ему постыла?

Медея

Должно быть страсть: измена очевидна.

Эгей

Так бог же с ним, коль сердцем он так низок.

Медея

К царевне он присватался, Эгей.

Эгей

Какой, скажи? Хотел бы я дослушать.

Медея

840 Коринфский царь Креонт — ее отец.

Эгей

Вот отчего ты к сердцу принимаешь.

Медея

И мужа нет, и гонят — сразу все!

Эгей

То новое несчастье — откуда?

Медея

Все от того ж коринфского царя.

Эгей

С согласия Ясона? Что за низость!

Медея

Послушаешь его, так нет: Ясон

Желание свое по принуждению

Чужому исполняет. Но, Эгей,

Ланитами и святостью колен

850 Тебя молю: о, сжался над несчастной,

Изгнанницей покинутой, прими

Ее в страну, ей угол дай. За это

Тебе детей желанных ниспешлют

Бессмертные и славную кончину.

Ты каяться не будешь и, поверь,

Ты не умрешь бездетным. Знаю средства
Я верные, чтобы отцом ты стал.

Э г е й

Тебе помочь хочу, ради бессмертных,
Жена, и это главное, но нам
860 Заманчиво и обещанье сделать
Меня отцом. Я весь ушел душой
В желанье это, им я весь охвачен,
А для тебя я постараюсь быть
Хозяином радушным; брать с собою
Тебя, пожалуй, было б не с руки;
Но если ты сама придешь в Афины,
Я дам тебе приют и никому
Тебя не выдам, — можешь быть покойна.
Но этот край покинешь ты без нас:
870 Рассориться с друзьями не желал бы
Из-за тебя я, — прямо говорю.

М е д е я

Пусть так оно и будет. Но поруки
Ты не дал нам. Могу ль спокойна быть?

Э г е й

Так разве мне не веришь ты, Медея?

М е д е я

Я верю, да. Но у меня враги:
В Фессалии и здешний царь. И если
Ты будешь связан клятвой, в руки к ним
Не попаду, я знаю, а без клятвы,
Лишь посулив спасенье, разве ты,
880 Их осажден герольдами и дружбой
Подвинутый, не можешь подконец
И уступить? Я тоже друг, положим,
Но слабый друг, а против нас — цари.

Э г е й

Ты кажется, уж слишком дальновидна.
Но, если так тебе душа велит,
Отказа нет тебе от нас и в этом.
Да, может быть, и нам всего верней
Перед твоим врагом сослаться будет
На то, что мы клялись... Тебе ж — залог...
890 Ну, называй богов, какими клясться.

М е д е я

Клянись Земли широким лоном, Солнцем,
Отцом отца Медеи, и богами...
Всем родом ты божественным клянись.

Э г е й

Что сделаю или чего, жена,
Не сделаю, сказать я, верно, должен?

М е д е я

Что сам Медеи не изгонишь, если ж
Кто из врагов потребует меня,
Покуда жив, ты волею не выдашь.

Э г е й

900 Святынею Земли и Солнца, всеми
Богами я клянусь не изменить.

М е д е я

Так хорошо, а если ты изменишь...

Э г е й

С безбожником да разделю конец.

М е д е я

Ну, в добрый час, Эгей, и добрый путь!
Я — следом за тобою; только раньше
Готовое на свет явлю, и пусть
Желанное свершит судьба Медее.

(Эгей уходит.)

Х о р

Сын Майи, божественный вождь,
Да к дому приблизит Эгея!
И все, что задумал ты, царь,
910 Пускай совершится скорее,
Рожденья высокого знак
Ты в сердце зажег восхищенном...

М е д е я

О Зевс! О правда Зевса, Солнца свет!
Победой мы украсимся, подруги,
Победою. Я знаю, наконец,
Куда мне плыть. И гавань перед нами

- Желанная открылась. Стоит нам
Туда канат закинуть, и Паллады
Нас примет славный город. А теперь
- 920 Решение узнай мое, не думай,
Что я шучу, пожалуйста. Сюда
Рабыня к нам потребует Ясона
От имени Медеи. Он найдет
Здесь ласковый прием и убедится,
Что я на все согласна и что мил
Нам приговор Креонта. Лишь о детях
Его молить я буду, чтобы их
Оставили в Коринфе. Не затем
Я этого хочу, чтоб меж врагами
- 939 Оставить их. Но мне убить царевну
Они помогут хитростью, чрез них
Я перешлю дары ей: пеплос дивный
И золотую диадему. Тот
Чарующий едва она наденет
Убор, — погибнет в муках; кто бы к ней
Потом ни прикоснулся — тоже; ядом
Я напою дары свои, жена.
Об этом слов довольно... Но, стеная,
Я передам теперь, какое зло
- 940 Глядит затем в глаза Медее... Я
Должна убить детей. И их не вырвет
У нас никто. Сама Ясонов с корнем
Я вырву дом. А там — пускай ярмо
Изгнания, клеймо детоубийцы,
Безбожия позор — все оскорбления.
Я знаю, что врага не насмешу,
А дальше все погибни!.. Разве в жизни
Чего жалеть бы стала я? Отчизны?
Родительского крова? Ведь угла,
- 950 Угла, где схоронить мои несчастья,
Нет у меня на свете! О, зачем
Я верила обманам, покидая
Отцовский дом, и эллину себя
Уговорить позволила? А впрочем,
Мы с помощью богов свое возьмем
С предателя. И никогда рожденных
Медеею себе на радость он
Не озарит лучами глаз. Невеста ж
Желанная других не принесет.
- 960 Ей суждены, порочной, только муки
От чар моих, и в муках — злая смерть.

Ни слабою, ни жалкою, наверно,
Не назовут меня уста людей,
Не назовут и терпеливой; нрава
Иного я: на злобу я двумя,
А на любовь двойною отвечаю.
Все в мире дети славы таковы!

Х о р

Посвящена в твой замысел и только
Добра тебе желая, не могу
970 Я позабыть о Правде, солнце мира,
И говорю тебе одно — оставь!

М е д е я

Мне поступить нельзя иначе. Муки
Не испытал моей, тебе, жена,
Понять мои желанья тоже трудно.

Х о р

И ты убьешь детей, решишься ты?

М е д е я

Чем уязвить могу больней Ясона?

Х о р

Несчастьем еще ль ты не сыта?

М е д е я

Пусть гибнет все... А вы, уста чужие,
Свое уже сказали. Ты ступай.

(одной из рабынь)

980 И приведи Ясона к нам; коль верной
Потребуется судьба у нас слуги,
Кого назвать другого? Ничего
Не говори ему о наших планах.
Но госпожу ты любишь, и сама
Ты женщина. Нас, верно, поняла ты.

(Входит в дом.)

Стасим третий

Х о р

Строфа

О Эреxfиды¹¹, древле блаженные,
Дети блаженных богов!

Меж недоступных хранят вас холмов
Нивы священные.
990 Там славы жар вам в жилы влит,
Там нега в воздухе разлита,
Там девять чистых Пиэрид
Златой Гармонией повиты.

Антистрофа

Дивной Киприды прикосновение
Струи Кефиса златит,
Ласково следом по нивам летит
Роз дуновение.
1000 Благоухая в волосах,
Цветы не вянут там свитые,
И у рассудка золотые
Всегда Эроты на часах...

М е д е я выходит из дома.

Х о р

Эпод

Тебя ж те чистые волны,
И город, и друг,
Скажи мне, принять
Решатся ли, если
Детей ты погубишь?
Представь себе только
Весь этот ужас...
Раны на детях!..
1010 Видишь, твои
Я обняла
В мольбе колена...
О, пощади,
Не убивай,
Медея, милых!
Откуда же дерзость рука
И сердце возьмут,
Скажи мне, скажи, —
Зарезать малюток?
1020 Ужели, увидев
Испуганных деток,
Их, зарыдав,
Не пожалеешь?
Нет, никогда
Ты не дерзнешь

В гнѣвѣ безбожном
Свою смочить
Руку в крови
Детей молящих!..

Входит Ясон.

Эпизодъ четвертый

Ясон

- 1030 Я приглашен... И хоть враждебно ты
Настроена, но выслушать хотѣлъ бы
Желанія, о женщина, твои.

Медея

- Прощенія за то, что здѣсь ты слышал,
Я у тебя прошу, Ясон, — любовь
Жила меж нас так долго, что горячность
Мою поймешь ты, верно. Я же, царь,
Додумалась до горькаго упрека
Самой себѣ. Безбожница, зачем
Я в самом дѣлѣ так беснуюсь, злобой
- 1040 На дружбу отвѣчая, на властей
И мужа поднимаясь? Если даже
Женился муж на дочери царя
И для дѣтей моихъ готовитъ братьевъ,
Так я должна же помнить, что для нас
Он это дѣлает... Неужто гнѣвъ
Так дорогъ сердцу? Что съ тобой, Медея?
Да разве все не къ лучшему? Иль нѣтъ
Дѣтей у нас, а есть отчизна, город?
Иль все мы не изгнанники, друзей
- 1050 Лишенные!.. Все это обсудивъ,
Я поняла, что было неумно
Сердиться и напрасно. Я тебя
Хвалю теперь... И точно, долгъ и скромность
Тобою управляли, о Ясон,
Когда ты бракъ задумалъ новый; жалко,
Самой тогда на умъ мнѣ не пришло
Помочь тебѣ советом... и невестѣ
Прислуживать твоей, гордясь такимъ
Родством... увы!.. Но что же дѣлать? Все мы
- 1060 Такие, женщины — такъ не сердись на нас...
Но ты, Ясон, не станешь слабымъ женамъ
Подобиться, не будешь отвѣчать

Ребечеством на женскую наивность...
Я рассуждала плохо, но решенья
Мои переменились... Эй, сюда!

Входят дети.

О милые!

Покрепче обнимите
Отца и повторяйте вслед за мною
С приветом и любовью, что питать
Мы зла не будем... Восстановлен мир,
1070 И гнев забыт. Держитесь, дети! Так!
Вот вам моя рука... О горе, горе!
Над вами туча, дети... а за ней?
И долго ли вам жить еще, а мне
Глядеть на ваши руки, что во мне
Защиты ищут... Жалкая душа!
Ты, кажется, готова плакать, дрожью
Объята ты... Да, так давно с отцом
Была я в ссоре вашим, и теперь,
Когда мы помирились, льются реки
1080 Горячих слез на нежные ланиты.

Х о р

И у меня бежит из глаз слеза...
Пусть этим кончатся страданья ваши!

Я с о н

Мне нравятся, Медея, те слова,
Которые я слышу, — улетевших
Я не хочу и помнить. Гнев у жен
Всегда кипеть готов, когда мужья
Должны им изменять на брачном ложе.
Да, хоть не сразу все-таки пришла
Ты к доброму решению. И скромность
1090 В Медее победила...
Вам же, дети,
При помощи богов я доказать
Надеюсь... долгие свои заботы...
Когда-нибудь меж первыми людьми
Вы будете в Коринфе... через братьев,
Которые родятся. А пока
Растите. Остальное — дело бога,
Коль есть такой, что любит вас, и наше;
Даст бог, сюда вернетесь в цвете сил
И юности и недругам моим

1100 Покажете, что расцвели недаром.
Как!.. Ты опять за слезы... Не глядишь...
И нежные от нас ланиты прячешь?
Иль я опять тебе не угодил?

М е д е я

О нет, я так... Раздумалась о детях.

Я с о н

Несчастливая, иль думать значит плакать?

М е д е я

Ведь я носила их... И вот, когда
Ты им желал подольше жить, так грустно
Мне сделалось: то сбудется ль, Ясон?..

Я с о н

Бодришь, жена! Что сказано, устрою.

М е д е я

1110 О, из твоей не выйду воли я.
Мы, женщины, так слабы и слезливы...
Ну, будет же об этом... А теперь
Вот видишь ли... Царям земли угодно
Меня отсюда выслать, и для нас
Такой исход, пожалуй, не из худших...
Тебе и нам помехою, Ясон,
Не буду я по крайней мере: тяжко
Быть в вечном подозрении. Парус свой
Сегодня ж поднимаю. Но Креонта
1120 Ты упроси, чтоб дал хоть сыновьям
Он вырасти у их отца в Коринфе.

Я с о н

Что ж? Попросить, пожалуй, я непрочь.

М е д е я

Жене вели просить, чтобы малюток
Твоих отец ее не удалял.

Я с о н

Да, да, его мы убедим, конечно...

М е д е я

Коль женщина она, — согласна будет.
И я приду на помощь вам — пошлю

- Твоей жене через детей подарки,
Которых нет прекрасней в целом мире...
1130 Постой... сейчас... Рабыня, кто-нибудь!
Там пеплос тонкий есть и диадема.
Да, благо ей на долю не одно,
А мириады целые достались;
На ложе муж такой, как ты, герой,
А с ним убор, что Гелий завещал,
Отец отца, в наследье поколениям...
Берите вено это, дети, вы
Блаженнейшей царевне и невесте
Его снесете. О, завиден дар!

Я с о н

- 1140 Безумная! Зачем даришь? Иль мало
Там пеплосов в чертогах у царей,
Иль золота? Прибереги на случай...
Коль дорог я невесте хоть немного,
Твои дары излишни, я уверен.

М е д е я

- Не говори... Богов, и тех дары,
Я слышала, склоняют. Сколько надо
Прекрасных слов, чтоб слиток золотой
Перетянуть!.. К счастливице-невесте
И мой убор пойдет... Так молода,
1150 И царствует... Чтоб здесь остались дети, —
Что золото? — я отдала бы жизнь!..
Ну, дети, вы пойдете в дом богатый,
К жене отца и молодой моей
Царице, — так смотрите ж, хорошенько
Ее вы умоляйте, чтобы, дар
Уважив мой, оставили с отцом вас...
А главное, глядите, чтоб она
Сама взяла убор... Ну, поскорее.
Ответа я нетерпеливо жду —
1160 И доброго, конечно. С богом, дети!

(Ясон и дети уходят.)

Стасим четвертый

Х о р

Строфа I

О дети! Уж ночь вас одела
Кровавой стопою отмщенья;

Ужасное близится дело;
Повязка в руках заблестела...
Минута — Аидом обвит
И узел волос заблестит...

Антистрофа 1

Но платья божественным чарам
И розам венца золотого
Невесту лелеять недаром:
1170 Ей ложе Аида готово,
И муки снедающим жаром
Охватит несчастную сеть,
Гореть она будет, гореть...

Строфа 2

Ты, о горький жених, о царский избранник,
Разве не видишь
Что нож над детьми заносят,
Что факел поднес ты к платью
Нежной невесты?
О, как далек ты сердцем,
1180 Муж, от судьбы решенной!

Антистрофа 2

Вместе плачу с тобою, вместе, Медея,
Детоубийца,
О горькая мать Ясонидов!
Ты брачного ради ложа
Крови их хочешь,
Затем, что муж безбожно
Взял невесту другую.
Входит воспитатель с детьми.

Эписодий пятый

Воспитатель

О госпожа! Детей не изгоняют.
Дары от них царица приняла
1190 С улыбкой и обеими руками;
С малютками отныне мир. Но что?
Что вижу? Это счастье Медею
Расстроило...

Медея

Увы! Увы!

Воспитатель

К моим вестям слова те не подходят.

Медея

Увы! Увы!

Воспитатель

Должно быть, возвестил я
Тебе беду, считая весть отрадной...

Медея

Ты передал, что знал, — ты ни при чем...

Воспитатель

1200 Но в землю ты глядишь и слезы точишь?

Медея

Так быть должно, старик, — устроил это
Нам бог и злобный умысел Медеи...

Воспитатель

Не падай духом, госпожа, авось
Через детей и ты сюда вернешься.

Медея

Других верну я, горькая, сперва.

Воспитатель

Одна ли ты с детьми в разлуке будешь?
Всем людям горе надлежит нести.

Медея

Да, это так... Но в дом войди и детям,
Что нужно на сегодня, приготовь.

(Воспитатель уходит.)

1210 О дети, дети! Есть у вас и город,
Теперь и дом, — там поселитесь вы
Без матери несчастной... Навсегда....
А я уйду в изгнание, в другую
Страну, и счастья вашего ни видеть,
Ни разделять не буду, ваших жен
И свадеб ваших не увижу, вам
Не уберу и ложа, даже факел

- Не матери рука поднимет. О!
О горькая, о гордая Медея!
- 1220 Зачем же вас кормила я, душой
За вас болела, телом изнывала
И столько мук подъяла, чтобы вам
Отдать сиянье солнца?.. Я надеждой
Жила, что вы на старости меня
Поддержите, а мертвую своими
Оденете руками. И погибла
Та сладкая мечта.... Чужая вам,
Я буду дни влачить. И никогда,
Познавши жизнь-иную, вам меня,
- 1230 Что вас носила, больше не увидеть...
Глазами этими...
- Увы, увы! Зачем
Вы на меня глядите и смеетесь
Последним вашим смехом? Ай-ай-ай!..
Что ж это я задумала?.. Упало
И сердце у меня, когда их лиц
Я светлую улыбку вижу, жены.
Я не смогу, о нет... Ты сгини, гнет
Ужасного решенья!.. Я с собой
Возьму детей... Безумно покупать
- 1240 Ясоновы страдания своими
И по двойной цене... О, никогда!..
Тот план забыт... Забыт... Конечно... Голько
Что ж я себе готовлю! А враги?
Смеяться им я волю дам, и руки
Их выпустят... без казни?.. Не найду
Решимости? О стыд, о унижение —
Бояться слов, рожденных слабым сердцем!..
Ступайте в дом вы, дети, и кому
Присутствовать при этой жертве совесть
- 1250 Его не позволяет, может тоже
Уйти... Моя рука уже не дрогнет...
А!..
Ты, сердце, это сделаешь?.. О нет,
Оставь детей, несчастная, в изгнаны
Они услодой будут.... Так клянусь же
Аидом я и всей подземной силой,
Что не видать врагам моих детей,
Покинутых Медеей на глумленье!
Все сделано... Возврата больше нет...
На голове царевны диадема,
- 1260 И в пеплосе отравленном моем

Она теперь, я знаю, умирает...
Мне ж новый путь открылся.... Новый.... Да....
Но только прежде, дети, дайте руки,
Я их к губам прижать хочу... Рука
Любимая, вы, волосы, вы, губы,
И ты, лицо, какое у царей
Бывает только... Вы найдете счастье
Не здесь, увы! Украдено отцом
Оно у вас... О сладкие объятия,
1270 Щека такая нежная, и уст
Отрадное дыханье!.. Уходите,
Скорее уходите!..

(Дети уходят.)

Силы нет
Глядеть на вас. Раздавлена я мукой...
На что дерзаю, вижу... Только гнев
Сильней меня, и нет для рода смертных
Свирепей и усердней палача...

(Уходит.)

Х о р

Люблю я тонкие сети
Науки, люблю я выше
Умом воспарять, чем женам
1280 Обычай людей дозволяет...
Есть муза, которой мудрость
И наша отрадна; жены
Не все ее видят улыбку —
Меж тысяч одну найдешь ты.
Но ум для науки женский
Нельзя называть закрытым.
Я думала долго, и тот,
По-моему, смертный счастлив,
Который, до жен не касаясь,
1290 Детей не рождал; такие
Не знают люди, — затем что
Им жизнь не сказала, — сладки ль
Дети отцам, иль только
С ними одно мученье...
Незнание от них удаляет
Много страданий; а те,
Которым сладкое это
Украсило дом растение,
Заботой крушатся всечасно,

- 1300 Как выходить нежных, откуда
Взять для них средства к жизни;
И для кого так трудятся —
Для добрых людей иль негодных,
Разве отцы знают?
Но вот беда, всех горше,
Вот что всего ужасней.
Пусть денег отец накопит,
Пусть дети цветут красою,
И доблестью полно их сердце,
1310 Но если налетом вырвет
Из дома их Демон Смерти
И бросит в юдоль Аида,
Чем вылечить можно эту
Тяжелую язву, и есть ли
Больнее печаль этой платы
За сладкое право рожденья?..

Входит Медея.

Медея

- Я жду давно, подруги, чтоб судьба
Свое сказала слово; в нетерпении
Известия я жду. Но вот как раз
1320 Из спутников Ясоновых один;
Как тяжко дышит он — с недоброй вестью.

Входит Вестник.

Вестник

Беги, беги, Медея! Ни ладьей
Пренебрегать не надо, ни повозкой:
Не по морю, так по суху беги!

Медея

А почему же я должна бежать?

Вестник

Царевна только что скончалась, следом
И царь-отец, — от яда твоего.

Медея

Счастлирое известие!.. Считайся
Среди друзей Медеи с этих пор.

В е с т н и к

- 1330 Что говоришь? Здорова ты иль бредишь?
Царев очаг погас, а у тебя
Смех на устах, и хоть бы капля страха!

М е д е я

Нашелся и на это бы ответ...
Но не спеши, приятель, по порядку
Нам опиши их смерть, — и чем она
Ужаснее была, тем сердцу слаще.

В е с т н и к

- Когда твои, Медея, оба сына
И их отец Ясон пришли к царевне
В опочивальню, — радость пробежала
1340 По всем сердцам — страдали за тебя
Мы, верные рабы... А тут рассказы
Пошли, что ссора кончилась у вас.
Кто у детей целует руки, кто
Их волосы целует золотые;
На радостях я до покоев женских
Тогда проник, любуясь на детей...
Там госпожа, которая теперь
Тебя, Медея, заменила, деток
Твоих сперва, должно быть, не видала:
1350 Она Ясону только улыбнулась,
Но тотчас же фатой себе глаза
И нежные ланиты закрывает;
Приход детей смутил ее, а муж
Ей говорит: «О, ты не будешь злою
С моими близкими, оставь свой гнев
И посмотри на них; одни и те же
У нас друзья, не правда ли? Дары
Приняв от них, ты у отца попросишь
Освободить их от изгнания; я
1360 Того хочу». Царевна же, увидев
В руках детей убор, без дальних слов
Все обещала мужу. А едва
Ясон детей увел, она расшитый
Набросила уж пеплос и, волну
Волос златой прижавши диадемой,
Пред зеркалом блестящим оправлять
Их стала; отраженью красоты
Сияющей царевна улыбалась,

- И, с кресла встав, потом она прошлась
1370 По комнате и, белыми ногами
Ступая грациозно, восхищалась
Своим убором дивным, и не раз.
На цыпочки привстав, до самых пяток
Глазам она давала добежать.
Но зрелище прелестное сменилось
Ужасною картиною. И видим,
С ее ланит сбежала краска...
Царевна зашаталась, задрожали
У ней колени, и едва-едва
1380 Дошла до кресла, чтобы не упасть...
Тут старая рабыня, гнев ли Пана
Ей померещился, иного ль бога, —
Ну голосить!.. Но... Ужас!.. Вот меж губ
Царевниных комок пробился пены,
Глаза на выкате, а на ланитах
Не стало ни кровинки. Тут старуха
И причитать забыла, но, вскочив,
Со стоном зарыдала. Вмиг рабыни
Одна к отцу, другая к мужу с вестью
1390 О бедствии, — и тотчас весь чертог
И топотом наполнился, и криком...
Атлет успел бы на бегах достичь
Меты и, обогнув, вернуться к месту, —
Пока живое это изваянье,
Незрячее, немое — ожило;
Она со стоном возвратилась к жизни
Болезненным. И два недуга разом
На бедную невесту ополчились:
Венец на волосах златой
1400 Был пламенем охвачен жадным, платье ж,
Твоих детей подарок, тело ей
Терзало белое, несчастной... Вижу: с места
Вдруг сорвалась, — и ужас! — вся в огне,
И силится стряхнуть она движеньем
С волос венец, а он как бы прирос:
Напрасны все попытки, — пламя пуще
Растет и блещет. Наконец она,
Осилена мучением, упала...
Отец, и тот бы не узнал царевны:
1410 Ни глаз ее, ни черт лица прекрасных
Не различить уж было, только кровь
С волос ее катилась и кипела,
Мешаясь с пламенем — так по коре

- Течет смола... А мясо от костей,
 Напоено отравой незримой,
 Отстав, сквозь кожу прорывалось. Ужас
 Нас охватил, и не дерзали мы
 К умершей прикоснуться. Мы угрозе
 Судьбы внимали молча. Ничего
- 1420 Не знал отец, когда входил, и сразу
 Увидел труп. Рыдая, он упал
 На мертвую, и обнял, и целует
 Свое дитя, и говорит: «О дочь
 Несчастливая! Кто из богов позорной
 Твоей желал кончины, и зачем
 Осиротил он старую могилу,
 Взяв у отца цветок его? С тобой
 Пусть вместе бы убит я был!» Он кончил
 И хочет встать, но тело, точно плющ,
- 1430 Которым лавр опутан, прирастает
 К ее одежде легкой, и борьба
 Тут началась ужасная: он хочет
 Подняться на колени, а мертвец
 Его к себе влечет. Усилья только
 У старца клочья мяса отдирают...
 Попытки все слабее, гаснет царь
 И испускает дух, не властен больше
 Сопротивляться муке. Там лежат
 Старик и дочь, бок о бок, — их взяла
- 1440 Обоих смерть... Как не пролиться слезам?..
 А о тебе что я скажу? Сама
 Познаешь ты весь ужас дерзновенья...
 Да, наша жизнь лишь тень; не в первый раз
 Я в этом убеждаюсь. Не боюсь
 Добавить я еще, что, кто считает
 Иль мудрецом себя, или глубоко
 Проникшим в тайну жизни, заслужил
 Название безумца. Счастлив смертный
 Не может быть. Когда к нему плывет
- 1450 Богатство — он удачник, но и только...
- (Уходит.)

Х о р

Да, много зол заслуженных, — увы! —
 Бог наложил сегодня на Ясона...
 Ты ж, бедная Креонта дочь, тебя
 Жалеем мы: тебе Ясонов брак
 Аидовы ворота отверзает...

М е д е я

Так... Решено, подруги... Я сейчас
Убью детей и удалюсь отсюда,
Иначе то же совершит другая,
Враждебная рука. Да, жребий их
1460 Теперь погибнуть. Так пускай же мать
Сама его и выполнит. Ты, сердце,
Вооружись! Что медлить мне? Лишь трус
Пред неизбежным ужасом стоит,
В раздумии колеблясь. Ты, рука
Злосчастная, за нож берись!.. Медея,
Вот тот барьер, откуда ты начнешь
Печальный бег сейчас! О, не давай
Себя сломить воспоминаньям, полным
Тоски и неги; ведь сегодня ты
1470 Не мать им, нет, а завтра сердце плачем
Насытишь ты. Ты убиваешь их
И любишь. О как я несчастна, жены!..

(Уходит.)

Стасим пятый

Х о р

Строфа 1

Увы! Земля, ты, светлый луч,
От Гелия идущий, о, глядите,
Глядите на злодейку,
Пока рука ее не пролила
Крови детей!..
О Солнце, не давай,
Чтоб на землю кровь бога
1480 Текла из-под руки,
Подвластной смерти;
Ты, Зевса свет, гони
Эринию из этого чертога,
Которой мысли
Наполнил Демон Мести
Кровавыми парами.

Антистрофа 1

Напрасно ты из-за детей
Страдала и напрасно их рождала

1490 Те синие утесы,
 Как сторожей суровых, миновав
 Медея, мать
 Несчастливая, с душой,
 Давимой гневом тяжким,
 Зачем стремишься ты
 К убийству снова,
 Едва одно свершив?
 Безумная! О, горе смертным,
 Покрытым кровью.
 К богам она взывает,

1500 И боги щедро платят...

Строфа 2

Голоса детей... Послушай...
О преступная! О страшный
Жребий, выпавший жене!

Один детский голос

Ай-ай!.. О, как от матери спасусь?

Другой

Не знаю, милый... Гибнем!.. Мы погибли...

Хор

Поспешим на помощь, сестры!
В дом иду я...

Детские голоса

Скорее, ради бога, нас убьют!..
Железные сейчас сожмут нас сети.

Хор

1510 Ты из камня иль железа,
 Что свое, жена, потомство,
 Плод любимый, убиваешь!

Антистрофа 2

Лишь одну я мать припомню,
Что своих любимых чад
Собственной рукой убила...
Ино́ в безумии божественном, когда

Ее скитаться осудила Гера.¹²
Волны моря смыли с камня
Пятна крови,
1520 Она же, с утеса ринувшись в пучину,
Двух сыновей теперь могилу делит.
Ужас, ужас ты предельный!
Сколько зерен злодеянья
Горе женщины таит!..

Входит Я с о н.

Эксод

Я с о н

Вы жены, здесь уже давно, не так ли?
Злодейка где ж? В чертоге заперлась?
Или Медея скрылась? Только ад
Иль неба высь, да крылья птицы разве
Спасти ее могли б. Ее настигнет
1530 Мечь родичей убитых властелинов.
Иль, может быть, сразив царя земли,
Надеется она уйти отсюда,
Избегнув кары?.. Но не столько
О ней я помышляю, как о детях, —
Ее казнить всегда найдутся руки.
Детей бы лишь спасти: родня Креонта
За материнский грех и преступленье
Отмстить им может... Вот чего боюсь!..

Х о р

О ты, Ясон, еще не знаешь бедствий
1540 Последнего предела; не звучат
Они еще в твоих словах, несчастный!..

Я с о н

Так где ж предел? Иль очередь за мной?

Х о р

Детей твоих, детей их мать убила!

Я с о н

Что говоришь? О смерть, о злая смерти!

Х о р

Их больше нет, их больше нет на свете.

Я с о н

Убила где же, при вас или в дому?

Х о р

Вели открыть ворота — сам увидишь.

Я с о н

Эй! Вы! Долой запоры, с косяков

Срывайте двери — два несчастья видеть

1550 Хочу я, двух убитых и злодейку!..

Появляется Медея на колеснице, запряженной крылатыми драконами,
с телами своих детей.

Я с о н

О язва! Нет богам, и мне, и всем,

Всем людям нет Медеи ненавистней,

Которая потомству своему

Дыхание прервать ножом дерзнула

И умереть бездетным мне велит!..

И ты еще на солнце и на землю

Решаешься глядеть, глаза свои

Насытивши безбожным дерзновеньем?!

О, сгибни ты! Прозрел я наконец...

1560 Один слепой мог брать тебя в Элладу

И в свой чертог от варваров... Увы!

Ты предала отца и землю ту,

Которая тебя взрастила, язва!..

Ты демоном была, что на меня

Бессмертные наслали... Чтоб попасть

На наш корабль украшенный, ты брата

Зарезала у алтаря. То был

Твой первый шаг. Ты стала мне женою

И принесла детей, и ты же их

1570 По злобе на соперницу убила...

Во всей Элладе нет ужасней жен!

А между тем я отдал предпочтенье

Тебе пред всеми женами, и вот

Несчастлив я и разорен... Ты львица,

А не жена, и если сердце есть

У Скиллы, то она тебя добрее.

Но что тебе укоры? Мириады

Их будь в устах, для дерзости твоей

Они — ничто. Сгинь с глаз моих, убийца

1580 Детей проклятая! Оставь меня стонать,

Женой не наслаждался и детей,

Рожденных мной, взлелеянных, — увы! —
Не обниму живыми! Все погибло!..

М е д е я

Я многое сказала бы тебе
В ответ на это. Но Кронид-отец
Все знает, что я вынесла и что
Я сделала. Тебе же не придется,
Нам опозорив ложе, услаждать
Себе, Ясон, существование, чтобы
1590 Смеялись над Медеей. Ни твоя
Царевна, ни отец, ее вручивший,
Изгнать меня, как видишь, не могли.
Ты можешь звать меня, как хочешь: львицей
Иль Скиллою Тирренской; твоего
Коснулась сердца я, и знаю — больно...

Я с о н

И своего. Тем самым — двух сердец.

М е д е я

Легка мне боль, коль ею смех твой прерван.

Я с о н

О дети, вы злодейкой рождены!

М е д е я

И вас сгубил недуг отцовский, дети!

Я с о н

1600 Моя рука не убивала их.

М е д е я

Но грех и новый брак убил невинных.

Я с о н

Из ревности малюток заколоть...

М е д е я

Ты думаешь, для женщин это мало?

Я с о н

Не женщина, змея ты, хуже змей...

М е д е я

И все ж их нет, — и оттого ты страдаешь.

Я с о н

Нет, есть они, и матери грозят...

Ме д е я

Виновника несчастий знают боги...

Я с о н

И колдовство проклятое твое.

Ме д е я

Мне ненавистен яд твоих речей!

Я с о н

1610 А мне — твоих. Иль долго разойтись?..

Ме д е я

О, я давно горю желаньем этим...

Я с о н

Дай мне детей, оплакав, схоронить...

Ме д е я

О нет! Моя рука их похоронит.
Отсюда в рощу Геры Горных Высей¹³
Священную малюток унесу,
И там рука врага могилы их
Не осквернит... В Сизифовой же мы
Земле¹⁴ обряд и праздник установим,
Чтоб искупить невинную их кровь...
1620 Я ухожу в пределы Эреxfея¹⁵...
И с сыном Пандиона разделю,
С Эгеем, кров его. Тебе ж осталось
Злодейскую свою закончить жизнь
Такой же смертью; брака видел ты
Злосчастливого исход, Ясон...

Я с о н

О, пусть

За детские жизни казнит

Тебя Эриния кровавая и Правда!

Ме д е я

Кто слышит тебя из богов, —

Ты, клятвопреступник, — кто слышит?

Я с о н

1630 Увы! Увы! Детоубийца!

М е д е я

В чертог воротись. Хоронить
Ступай молодую жену.

Я с о н

О дети, о двое детей,
От вас ухожу я!

М е д е я

Не плачь: еще рано —
Ты старость оплачешь.

Я с о н

Любимые дети!

М е д е я

Для матери, не для тебя.

Я с о н

Убийца ты!

М е д е я

1640 Да, и тебе на горе...

Я с о н

О, как стремлюсь
К устам прижаться,
К устам их детским!

М е д е я

Ты оттолкнул их...
Теперь и ласки,
И поцелуи...

Я с о н

О, ради богов.... О, дай мне
Их нежное тело
Обнять... только тронуть!

М е д е я

1650 Ты просишь напрасно.

Ясон

Зевс, о, ты слышишь ли,
Речь этой львицы?
Гнусная эта убийца,
Что она с нами
Делает? Видишь ли?
Свидетелем будь нам,
Что, сколько я мог
И слез у меня
Сколько хватало,
1660 Я умолял ее.
Она ж, убив их,
Нас оттолкнула;
Рукой не дала мне
Родных коснуться,
Похоронить их...
О, для того ль,
Дети, рождal вас
Я, чтоб оставить
Мертвых убийце?..

Хор

1670 Многие Зевс на Олимпе решает,
Но многие боги дают сверх надежды...
И то не приходит, чего ожидаем,
И новому путь открывает бессмертный, —
Такие исходы бывают и в жизни...

(Пер. И. Ф. Анненского)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Трагедия написана на сюжет древнего мифа о походе аргонавтов за золотым руном. Этот сюжет подробно разработан в поэме Аполлония Родосского «Аргонавтика» (отрывки из которой помещены в антологии). Действие трагедии происходит в Коринфе, где после долгих странствий нашли приют вождь аргонавтов Ясон и его жена, колхидская царевна волшебница Медея с детьми. ²*Крылатая ладья* — корабль «Арго». ³*Лазурные утесы* — сходящиеся скалы Симплегады, через которые сумел проплыть Ясон на своем корабле. ⁴*Пелий (Пелион)* — лесистые горы в Фессалии. ⁵*Пирена* — источник в Коринфе. ⁶*Сизифово потомство* — коринфяне; *Сизиф* (см. словарь) был царем Коринфа. Ясон намеревается жениться на дочери коринфского царя Креонта, предком которого мыслится здесь Сизиф. ⁷*Медея* — внучка бога солнца Гелиоса. ⁸См. примечание 3. ⁹*Пандион* — афинский царь, сын Эрехфея, отец Эгея. ¹⁰*Срединный храм* — храм Аполлона в Дельфах, где находился «пуп земли». ¹¹*Эрехфиды* — афиняне, мифический предок которых — Эрехфей, сын Земли. ¹²См. словарь [Ино]. ¹³Храм Геры около Коринфа. ¹⁴*Сизифова земля* — Коринф. ¹⁵Имеются в виду Афины.

ИППОЛИТ¹

Действующие лица:

Афродита.

Артемида.

Фесей, царь афинский.

Федра, его молодая жена.

Ипполит, его внебрачный сын от Амазонки.

Кормилица Федры.

Старый раб Фесея.

Вестник.

Хор трезенских женщин.

Хор охотников, товарищей Ипполита.

Стража Фесея.

Служанки Федры.

Действие происходит в Трезене перед царским дворцом. Справа и слева от центральной двери — статуи Артемиды и Афродиты; перед каждой статуей — алтарь.

Пролог

Афродита

(появляется над дворцом)

Чьей славою и небо и земля

Полны, — Кипридой именуюсь я,

И, сколько есть людей под солнцем ярким

От Понта до Атлантовых пределов²,

Того, кто власть мою приемлет кротко,

Лелею я, но, если кто гордится

Передо мной задумал, погибает.

Таков уж род бессмертных, что дары

Из смертных рук сердцам отрадны нашим.

10 И правду слов я скоро здесь явлю.

Из всех один меня в Трезене этом

Фесеев сын, надменный Ипполит,

Могучею рожденный Амазонкой

И благостным воспитанный Питфеем,

Последнею считает меж богинь.

От радостей и уз любви бежит,

А меж богов дочь Зевса Артемиду —

Превыше всех богов он чтит одну

Ее... И с девою в лесу зеленом

20 Он пребывает неразлучно. Своры он

По зверю там гоняет с нею рядом,

- Сообществом божественным почтен...
Им не завидую: нимало в том
Я не нуждаюсь. Но в чем предо мной
Он погрешил, за то гордец ответит
Сегодня же... Нависла и давно
Лишь мига ждет его настигнуть кара.
Чтоб Элевсина³ таинства узреть,
Когда дворец покинув он Питфея,
30 Священный град Афины посетил,
Его отца блистающая родом⁴
Там юношу увидела жена,
И чарами Эрота сердце в ней
В тот миг зажглось моей державной волей;
И, раньше чем опять сюда приехать,
Влюбленная, она скалу Паллады
С той стороны, что смотрит на Трезен,
Святилищем украсила Киприды,
И храм ее тоскующей любви
40 Так и прослыл «святыней Ипполита».
Когда ж Фесей, чтобы себя омыть
От пролитой им крови Паллантидов⁵,
В изгнание из Аттики с женой
Сюда, в Трезен, свой парус направляет
На целый год, — несчастная, мечты
Безумные со стонами мешая,
Ужалена любовью — погибает.
Она молчит. И из людей никто
О тайне и не знает. Только страсти
50 Не суждено угаснуть без следа:
Отцу о ней я расскажу, Фесею,
И будет юноша, враждебный нам,
Убит ее проклятьем. Царь глубин,
Недаром же Фесею Посейдон
Три посулил желания исполнить.
Прославлена — но все-таки погибнет
И Федра. Пусть! Мне лучше, чтоб и Федра
Погибла, чем виновных поразив,
Мне сердце не насытить, месть питаю.
Но вот и он... Фесея Ипполит
60 Надменный сын... Покинув лов тяжелый,
Сюда идет — я ухожу... Пора..
С какою он большой, веселой свитой.
Как ярко гимн их Девственной⁶ звучит,
Богине их отраден Артемиде:
Не чувствует он, что для него Аид

Уже открыл свои врата... что солнца
Последние он пьет теперь лучи.

Входит Ипполит с охотниками.

Ипполит

70 О восславьте гимном, други,
Золотую Дия дочь,
Артемиду, нашу радости!

Хор охотников

Дева владычица,
Радуйся, сильная,
Зевсова дочь!
Чада Латоны нет
В мире прекраснее,
О Артемида, нам
Нет и милее тебя.
В златом украшенном
Доме отца богов
Сколько небесных дев, —
Ты между них одна,
Девственно чистая,
Солнца отраднее
Ты, Артемида, нам.

Ипполит

(преклоняя колени перед статуей Артемиды)

Прими венок, царица, — в заповедном
Лугу, цветы срывая, для тебя
Я вил его... На этот луг не смеют
Стада ступать, и не касался серп
90 Там нежных трав. Там только пчел весною
Кружится рой среди некошенной травы.
Его поит росой Непорочность.
И лишь тому, кто не в ученья муках,
А от природы чистоту обрел,
Срывать цветы там свежие дано:
Для душ порочных не цветут они.
Но, милая царица, для твоих
Волос златисто-светлых их свивала
Среди людей безгрешная рука.
100 Один горжусь я даром — быть с тобою,
Беседовать с тобою постоянно
И голосу внимать, не видя лика.

О, если бы, как начинаю путь
И обогнув мечту, все быть с тобою!

Старик

Царь!.. Для меня лишь боги господа...
Желаешь ли принять благой совет?

Ипполит

Да, а не то б я неразумен был

Старик

Ты знаешь ли, что общий есть закон?

Ипполит

Не знаю. Но к чему ты клонишь речь?

Старик

110 Кто сух душой надменной, нам не мил.

Ипполит

Ты прав, гордыня ненавистна всем.

Старик

А ласковый имеет дар пленять?

Ипполит

Он без труда друзей приобретает.

Старик

Не то же ль и среди богов, что здесь?

Ипполит

Раз их закон мы, смертные, приемлем...

Старик

Зачем же ты надменен так с богиней?

Ипполит

С какой? Смотри — уста на грех наводят.

Старик

С Кипридою, хранящей твой порог.

Ипполит

Я издали, как чистый, чту ее.

Старик

120 Особенно все люди чтут ее.

Ипполит

Кому один, кому другой милее,
И из богов и меж людей, старик.

Старик

Умен ты, да... Дай бог, чтобы был и счастлив.

Ипполит

Бог, чтимый лишь во мраке, мне не мил.

Старик

Дитя, воздай богам, что боги любят.

Ипполит

(обращаясь к охотникам)

Свободны вы, товарищи! В дому
Нам полный стол отраден после ловли,
Подумайте ж о пище — а потом
Вы кобылиц почистите. — Вкусивши
130 Отрадных яств, я их запрячь велю,
Ристалищу свободно отдаваясь.

(Старику.)

Вам много радостей с Кипридою, старик!

*(Уходит во дворец через главную дверь
Охотники уходят через боковую дверь.)*

Старик

(простирается перед статуей Афродиты)

Нет, с юных мы примера брать не будем,
Коль мыслят так. Но рабские уста
С молитвою к тебе я обращаю,
Владычица Киприда. Снизойди
Ты к юности с ее кичливым сердцем
И дерзкие слова ее забудь:
Нас не на то ль вы, боги, и мудрее.

(Уходит во дворец.)

Парод

Пятнадцать трезенских женщин входят
на оркестру.

Строфа I

- 140 Холодна, и чиста, и светла
 От волны океана скала,
 Там поток убегая с вершины,
 И купает и поит кувшины.
 Там сверкавшие покровы
 Раным-рано дева мыла,
 На хребет скалы суровый,
 Что лучами опалило
 Колесницы дня багровой,
150 Расстилая, их сушила:
 О царице вестью новой
 Нас она остановила.

Антистрофа I

- Ложу скорби судьбой отдана.
 Больше солнца не видит она,
 И ланиты с косою золотою
 За прозрачною прячет фатою.
 Третий день уже наступает,
 Но губам еще царица
 Не дала и раствориться,
 Все уста оберегает
160 От Деметры дивной брашна,
 Все неведомой томится
 Мукой бедная, и страшный
 Все Аид ей, верно, снится.

Строфа 2

- Что нам думать? Уж не Пана ль
 Гнев тебя безумит, Федра?
 Иль Гекаты? Иль священных
 Корибантов? Иль самой
 Матери, царицы гор?
170 Мнится, верней: Артемиду,
 Лова владычицу, жертвой
 Ты обошла нерадиво:
 Властвует над побережьем,
 И над пучинами моря,
 И над землею она.

Антистрофа 2

Иль владыку эрехфидов,
Благородного супруга,
Тайная в твоих хоромаш
Связь пленила — и ему
Стала негодна ты?

180

Иль из родимого Крита
В гавань, что гаваней прочих
Гостеприимнее, прибыл
Вестник с посланием грустным,
И приковала царицу
Злая кручина к одру?

Эпод

Х о р

Жребий несчастный жен —
Разве он тайна мне?
Немощи робкие, сколько таится в них
Мрака душевного,
190 Сколько безумия, —
Носит, как мать дитя... Этот порыв
Прихоти немощной в сердце и мне проник.
Но к Артемиде, деве небесной,
Стрелы носящей, при
Родах помощнице,
Громко взывала я.
И Артемида мне между бессмертными
Всех и теперь милей.

Эписодий первый

Двери дворца открываются. Появляется **Федра**, поддерживаемая **кормилицей** и сопровождаемая **служанками**, которые ставят перед дворцом ложе; на нем они укладывают царицу.

К о р и ф е й

О, смотрите: кормилица старая здесь;
200 Провожает царицу она из дворца.
Какая бледная! Как извелась,
Как тень бровей ее растет, темнея!
О, что с ней?.. Любовью тревожной полна я.

К о р м и л и ц а

О слабость людская, о злые недуги!
Что делать я буду? Чего мне не делать, скажите?

- И светлое солнце, и чистое небо,
Дитя, над твоею постылой постелью...
Ты воли просила:
«На воздух несите» — рабыням твердила,
210 Минута, и спальня нам будет милее.
Желанья — что волны. Что тень — твоя радость,
Что есть, надоело, не мило, — а если
Чего мы не видим, душа загорелась:
Скорее, скорее. Не лучше ль уж, право,
Больною лежать, чем ходить за больной?
Там тело страдает, а тут и душа
Твоя изболеет, и руки устанут...
Да, жизнь человека лишь мука сплошная,
Где цепи мы носим трудов и болезней.
220 Но быть же не может, чтоб не что милее,
Чем путь этот скучный, за облаком темным
Для нас не таилось. И если мерцанья
Мятежного ищем душой на земле мы,
То лишь потому, что иной непричастны
Мы жизни, что глаз человека не властен
Подземные тени рассеять лучами,
Что призраки нашей душою играют.

Ф е д р а
(служанкам)

- Подняться хочу я... Поднять с изголовья
Мне голову дайте... Нет силы... Все тело
230 Мое разломило... За белые руки
Возьмите меня вы. Долой покрывало!

(Срывает покрывало. Кормилице)

Сними, раба, с волос моих повязку,
И пусть свободно падают на плечи...

К о р м и л и ц а

Немного терпенья, дитя, не мечись
Так дико... Собою владей, и недуг
Тебе покорится. Ты только подумай:
Ведь ты ж человек — обреченный страданью.

Ф е д р а

- Мне ключ бы гремучий, студеный и чистый:
Воды бы оттуда напиться... я после
240 В развесистой куще улечься б хотела,
Среди тополей и на зелени нежной.

Кормилица

Опомнись, опомнись,
Не стыдно ль желанья такие безумно
Кидать при народе...

Федра

(поднимаясь с ложа)

Оставьте... Туда я... Я в горы хочу.
Где ели темней. Где хищная свора
За ланью пятнистой гоняется жадно.
О, ради богов...
Когда б я могла подгонять ее свистом,
250 О, если бы дротик к ланите под сенью
Волос золотистых приблизить могла я...

Кормилица

Уж это откуда желанье, не знаю...
По зверю охота — твоя ли забота?
А если воды ключевой захотелось,
Ходить не далеко — источник у дома,
И пей себе, сколько душа твоя просит...

Федра

Туда, Артемида, царица приморья,
Где кони песчаные отмели топчут!
О, если б туда мне теперь, на просторе,
260 И мне четверню бы венецкую гнать.

Кормилица

Чего еще просит? Безумные речи!
То в горы, по чаще лесистой с охотой
За ланью гоняться... то ей на побережье
Поддай колесницу... Гадателя надо,
Чтоб бога нам назвал, которому в мысли
Пришло твой рассудок с дороги обычной
Увлечь в эти дебри. Гадатель здесь нужен.

Федра

(снова опускаясь на ложе)

Несчастливая! Что я? Что сделала я?
Где разум? Где стыд мой? Увы мне! Проклятье!
270 Злой демон меня поразил... Вне себя я
Была... бесновалась... Увы мне! Увы!
Покрой меня, няня родная, покрой...

Мне стыдно безумных речей...
О, спрячь меня! Слез не удержишь... бегут.
И щеки горят от стыда... возвращаться
К сознанию так больно, что, кажется, лучше,
Когда б умереть я могла, не проснувшись.

К о р м и л и ц а

Закрыла... Чего уж? Самой-то в могиле
Скорей бы землю покрыться. Судьба ведь
280 За долгие годы чему не научит...

(Хору)

Не надо, чтоб люди так сильно друг друга
Любили. Пусть узы свободнее будут,
Чтоб можно их было стянуть и ослабить,
А так вот, как я эту Федру люблю,
Любить — это тяжкое бремя на сердце
Одно, да заботы, да страхи двойные.
Вот подлинно — где ты уж слишком усерден,
Там много ошибок да мало утечи...
Всегда я скажу: ты излишнего бойся,
290 Все в меру; и мудрые скажут — все в меру.

К о р и ф е й

Ты старая и верная раба,
Вспоившая царицу. Видим, горе
Какое-то у Федры, но понять,
Какой недуг у ней, — не понимаем.
Душа горит твоих послушать слов.

К о р м и л и ц а

Когда б сама я, жены, понимала...

К о р и ф е й

Причину мук ты знаешь, может быть.

К о р м и л и ц а

И тоже нет. Она давно таится.

К о р и ф е й

А как слаба она... Как извелась...

К о р м и л и ц а

300 Не ослабеть... как третий день без пищи!

К о р и ф е й

В безумии она? Иль смерти жаждет?

К о р м и л и ц а

Конец один. Причины ж я не знаю.

К о р и ф е й

На мужа я дивлюсь... Что ж смотрит муж?

К о р м и л и ц а

Я ж говорю тебе — она таится.

К о р и ф е й

Но на лице нельзя не видеть мук!

К о р м и л и ц а

Да, как на грех, и муж у ней в отъезде.

К о р и ф е й

Но ты? Ужель на все ты не пойдешь,
Чтобы болезнь ее разведать — тело
И душу ей снедающий недуг?

К о р м и л и ц а

310 Старалась уж, да никакого проку,
Но рук я не сложу — смотрите все
И помните, что господам в несчастье
Я верная слуга...

(Федре)

Дитя мое

Любимое, мы прежних лучше слов
Не будем вспоминать... А ты смягчись
И не гляди так гневно... Я ж покину
Унылый путь, которым мрачный ум
Дошел до слов тяжелых, и другую
Речь заведу, получше. Если тайным
320 Недугом ты страдаешь, эти жены
Тебе помогут опытом, стараньем;
А если он таков, чтоб и мужам
Его открыть — тебя врачи излечат.
Что ж ты молчишь, дитя? Хоть что-нибудь
Скажи, меня, коли не так сказала,
Оспорь, а не оспоришь, так признай,

Что я права, и поступи согласно
Моим словам. Открой же губы... Дай
Хоть посмотреть в глаза тебе... О горе!

(Хору)

- 330 Вот женщины... Вы видите? Опять!
Уж я ли не старалась?.. Все напрасно:
Как было, так и есть, и как тогда
Была глуха, так и теперь не внимлет.

(Федре)

- Пойми ж ты хоть одно. К другому можешь
Ты равнодушной моря быть, но, если
Себя убьешь, ведь собственных детей
Отцовской ты лишаешь чести этим,
Я царственной наездницей клянусь,
Что детям родила твоим владыку
340 Пусть незаконного, но с честолюбьем,
Отлично знаешь, Федра... — Ипполита.

Ф е д р а

Увы!

К о р м и л ц а

Коснулась я живого места разве?

Ф е д р а

Ты сделала мне больно... Я молю
Тебя: не повторяй мне имя.

К о р м и л и ц а

Вот видишь ты — сама ведь поняла;
Так как же, рассудив, не хочешь жизни
Своей сберечь для собственных детей?

Ф е д р а

- Я их люблю. Но в сердце буря
350 Мне жребием ниспослана иным.

К о р м и л и ц а

Уж нет ли крови на руках твоих?

Ф е д р а

Они чисты... душа осквернена.

К о р м и л и ц а

Иль это враг тебе какой подстроил?

Ф е д р а

О нет, но друг меня неволью губит,
Я ж против воли к гибели иду.

К о р м и л и ц а

Перед тобой Фесей не согрешил?

Ф е д р а

Мне перед ним не согрешить бы только.

К о р м и л и ц а

Но что ж тебя в Аидов дом влечет?

Ф е д р а

Мой грех — тебя касаться он не может.

К о р м и л и ц а

360 Конечно нет. Но ты покинешь нас...

Ф е д р а

Оставь. Зачем к руке моей припала?

К о р м и л и ц а

В мольбе твоих не выпущу колен.

Ф е д р а

Узнаешь ты — тебе же будет мука.

К о р м и л и ц а

Нет больше мне, как Федру потерять.

Ф е д р а

Она умрет, но не бесславной смертью.

К о р м и л и ц а

А слава в чем? Хоть это мне скажи.

Ф е д р а

Я одолею слабость — в этом слава.

К о р м и л и ц а

Откройся ж нам — и возрастет почет.

Федра

Уйди, молю... Освободи мне руку...

Кормилица

370 Нет, ни за что... Молящий дара ждет.

Федра

И этот дар ты от меня получишь.

Кормилица

Тогда молчу... но за тобою речь...

Федра

Какой любви ты сердце отдавала,
О мать, о мать несчастная моя!⁷

Кормилица

Чудовище ты вспомнила? К чему?

Федра

О бедная, и ею ж рождена
Для ложа Диониса Ариадна...⁸

Кормилица

Опомнись, дочь... ты свой порочишь род.

Федра

И третья буду я добыча смерти.

Кормилица

380 О ужас... О, куда ж ты клонишь речь?

Федра

Туда, где злой давно таится жребий.

Кормилица

Но в чем же он?.. Когда бы знать могла я!

Федра

О горе мне... Когда б мои слова
Ты, женщина, сама сказать могла бы.

Кормилица

Я ж не пророк, чтоб чудом их узнать.

Федра

Ты знаешь ли, что это значит — «любит»?

Кормилица

Да, слаще, нет дитя, и нет больней...

Федра

Последнее — вот мой удел, родная.

Кормилица

Что слышу я? Ты любишь? Но кого же?

Федра

390 Не все ль равно... но сын он Амазонки.

Кормилица

Как... Ипполит?

Федра

Он назван, но не мною.

Кормилица

Не может быть, дитя. Ты убиваешь
Признанием меня. Для старых плеч
Такое иго, жены, слишком тяжко.
Проклятый день, проклятый свет очей...
Нет, в пропасть мне... Но только эту ношу
Берите прочь... На что ж и жизнь, когда
Порок возьмет насильем добродетель
Влюбленную?

(Статuae Киприды)

Киприда, ты не бог,

400 Ты больше бога. Кто бы ты ни была,
Но Федру и меня, и дом сгубила.

Корифей

Вы слышали, подруги?
Из царских губ внимали ль вы
Неслыханным речам, речам ужасным?
О, лучше б было умереть,
Покуда в грудь мою
Твои слова проникнуть не успели.
Всем горе нам, увы, увы!
Несчастливая! Какой ужасный рок

- 410 Тобой владел?.. — О смертные!.. О род,
На муки обреченный!.. — Ты погибла,
Открыв лучам позор... Как этот день тебе
Короткий пережить еще?..
К концу идет с тобою царский дом,
И больше тайны нет, в какую бездну
Тебя влечет, о Крита дочь, Киприда?

Ф е д р а

(поднимаясь и обращаясь к хору)

- Вы, женщины Трезена, вы, краса
Преддверия Пелоповой державы,
Уже давно в безмолвии ночей
- 420 Я думаю томилась: в жизни смертных
Откуда ж эта язва? Иль ума
Природа виновата в заблужденьях,
Что мы грешим? Не может быть: ведь многим
Благоразумье свойственно. Я так
Сужу: что хорошо, что нет — все это
Мы знаем твердо, лишь на деле знание
Осуществить мы медлим. Почему?
Одним мешает лень, а другой
Не знает даже вкуса в наслажденье
- 430 Исполненного долга. Мир, увы!
Соблазнов полн, и, если волны речи
Людской нас не закружат, праздность нас,
За радостью гоняя, обессилит...
Ты скажешь — стыд?.. Какой? Есть два стыда:
Один священный и орудье чести,
Другой — что камень давит нашу грудь.
А будь меж них светла для ока грань,
Они одним бы словом не писались.
И вот с тех пор как тяжким размышленьем
- 440 Я различать их научилась, нет
Мне более к неведенью возврата
И не могу не видеть я греха.
Но я хочу с тобою проследить
Решенья ход... Итак, когда любовь
Я в сердце ощутила, думать стала,
Как мне перенести ее достойно,
И начала с того, чтоб затаить
Ее как можно глубже. Проку мало
Для нас в речах. Пусть иногда язык
- 450 Поможет нам другого образумить,

- Но раны нет больней, чем от него,
Я думала потом, что пыл безумный
Осилью добродетелью... И вот
Когда ни тайна, ни борьба к победе
Не привели меня, осталась смерть.
И это лучший выход. Нет, не надо
Мне возражать. Для славы мы хотим
Свидетелей... Для горя — только тайны...
Я знала все — недуг... его позор...
- 460 И женскому я сердцу цену знала...
Пускай для той проклятий будет мало
Со всей земли, которая с другим
Впервые обманула мужа, и
С верхов должна была пойти зараза.
Ведь если зло — игрушка знатных, разве
В толпе оно не станет божеством?
Проклятие и вам, чьи скромны речи,
Но чьи под кровом ночи черной дерзки
Преступные объятья... Как они
- 470 Решаются, о пеною богиня
Рожденная, потом смотреть в глаза
Обманутым мужьям? Как им не страшно,
Что самый мрак их выдаст, что стена
Заговорит, внимавшая лобзаньям?
Я от одной бы мысли умерла,
Что мужа бы могла я обесчестить
Или детей. Нет, никогда! Они,
Свободные и гордые, на землю
Священную прославленных Афин
- 480 Вступая, нас не постыдятся вспомнить.
Ведь самый дерзкий клонит, точно раб,
К земле чело, когда при нем напомним
Клеймо отца иль матери позор.
И если что-нибудь поспорить может
С желаньем жить, так совесть, у кого
Она еще осталась... Слабодушным,
Как красной девице, когда-нибудь
Подносит время зеркало, но я
Нет, я его не буду дожидаться...

К о р и ф е й

- 490 Увы, увы! Нет в мире ничего
Прекраснее, чем добродетель: смертных
Она дарит заслуженной хвалой...

- О госпожа, когда завесу с бед
 Ты сдернула так быстро, то, конечно,
 В испуге я не выбирала слов
 И лишнее сказать могла... Но дело
 Совсем не так уж страшно... И всегда
 Надежнее второе рассужденье.
 Чего-нибудь неслыханного я
- 500 Покуда не узнала, Афродиты
 Здесь чары несомненны. Любишь ты?
 Но не одна ж. Другие тоже любят.
 И убивать себя!.. Да разве ж всех,
 Кто любит иль любви готов отдаться,
 За это и казнить? Да польза ж в чем?
 Или поток Киприды остановишь?
 Ты уступи ему — тебя волной
 Он ласково обнимет, а попробуй
 Надменно или дерзко спорить с ним —
- 510 И что ж? тебя не искалечит, скажешь?
 И в высоте эфирной, и в морской
 Пучине — власть Киприды, и повсюду
 Творения ее. Она в сердцах
 Рождает страсть, и все в ее кошнице
 Мы зернами когда-то были. Кто
 Истории читал седые свитки
 Иль песни разучил поэтов, знает,
 Как некогда Семелы царь богов
 Безумно лежа жаждал; как Кефала
- 520 В свое жилище Эос увлекла
 Румяная. Среди богов и в небе
 Они живут однако ж и теперь
 И страсти той несут покорно иго...
 И ты, ты будешь спорить? Если так
 Тебе тяжел закон богов, то жалко,
 Что твой отец зараньше для тебя
 Не вымолил другого иль в утробе
 Другим богам тебя не посвятил.
 Иль мало здесь, ты думаешь, найдется
- 530 Таких мужей, что на грехи жены
 Глаза благоразумно закрывают...
 Я более скажу — таких отцов,
 Что сыновьям не прочь в делах любовных
 Способствовать. Да умный человек
 И всякий так рассудит, что дурное

- Не напоказ. А жизни все равно
Не вымерить, как и домов. И крышу
Ведь не всегда положишь по заказу...
И разве же судьбы — да и какой
540 Еще судьбы! — течение ты осилишь...
Ты женщина, и, если ты могла
Быть честною не реже, чем нечестной,
Считай себя счастливой. Черных дум
Останови течение! Это людям
Доступнее... Стремиться ж одолеть
Богов, дитя, — поверь мне, только гордость.
Любить тебе велела Афродита.
Ты будь смелее — и любви отдайся.
Исход же мы страданью твоему
550 Должны найти счастливый. Ведь немало
Известно чар и заговоров нам;
Найдется средство от твоей болезни...
Мужчина бы не скоро отыскал,
А мы куда на выдумки горазды...

К о р и ф е й

Ее слова страдальческой судьбе
Отрадное сулят успокоенье,
Но я несу, царица, восхищенье
Пусть горькое, но все-таки тебе...

Ф е д р а

- О, злая лесь — на сладостной облаве!
560 Твоих сетей всегда обилен лов.
Я не хочу отрадной неги слов;
Пускай они мне говорят о славе!..

К о р м и л и ц а

- Речь высока. Но эти ризы слов
Узорные... зачем они? Ведь сердцу
Лишь Ипполита речь была б отрадна.
Зачем же прямо так и не сказать?
Тянуть зачем, когда вопрос поставлен
Решительный — о жизни? Будь сама
Женою ты разумной и спокойной, —
570 Иль думаешь: тебе бы этот шаг
Я предлагать решилась... для утехи?
Но речь идет о жизни... И никто
Меня, надеюсь, жены, не осудит.

Ф е д р а

О, ужас, ужас!.. Замолчишь ли ты?
Иль ток речей постыдных не иссякнул?..

К о р м и л и ц а

Постыдных?.. Пусть... Постыдные слова
Теперь тебе полезней благородных.
Не лучше ль жизнь усилием спасти,
Чем именем венчать твою могилу?

Ф е д р а

580 О нет! О нет, ради богов! Права
Ты, да, я знаю... Но позор не меньше
От этого... Я цепь Эрота с честью
Еще носить хочу... Но ты ведь в бездну
Меня зовешь... О нет, о нет, о нет!..

К о р м и л и ц а

Ну рассуди... Кто спорит... было б лучше
Не полюбить... А полюбила ты,
Так уж совету следуй добровольно.
Есть у меня и средство от недуга
Любовного — ни чести не вредит,
590 Ни разума оно не потемняет...
Но не плошай: по ком душа горит,
Пусть клоч плаща иль локон потеряет,
И вас потом водой не разольешь.

Ф е д р а

Питье иль мазь, твоё лекарство, няня?

К о р м и л и ц а

В том пользы нет, что много будешь знать.

Ф е д р а

Но хитрости твои мне страшны... Нет ли
Дурного в них... опасного чего?

К о р м и л и ц а

Чего же ты боишься, не пойму я...

Ф е д р а

600 Речей твоих, чтоб о беде моей
Фесеев сын по ним не догадался.

Кормилица

И полно... Все улажу я, дитя.

(Статую Афродиты.)

Ты только будь за нас теперь, Киприда,
Владычица морская... Остальное
Не перейдет за тесный круг друзей...

(Уходит во дворец.)

Стасим первый

Строфа 1

О Эрот! О Эрот!
На кого ополчился ты,
Тем глаза желанье туманит,
В сердце сладкая нега льется...
610 Но ко мне не иди, молю тебя,
Ни с бедой, Эрот, ни в ярости.
Нет такого огня, и лучи светил
Со стрелой не сравняются горние,
Что из рук своих мечет в нас
Дия сын, — со стрелой кипридиной.

Антистрофа 1

Слепота! Слепота!
Аполлону кровавые
Мечем туши мы близ Алфея,
Бычьи туши, в Пифийских храмах⁹...
620 А Эрота, царя над смертными,
Ублажить, дитя кипридино,
Не хотим. Пусть ее теремов любви
Он ключарь, но для нас он жестокий бог:
Сеет смерть и проклятия,
Куда ступит Эрот, Кронида сын...

Строфа 2

Ярма не познавшая дева¹⁰
И брачного чуждая ложа,
В садах расцвела эхалийских...
Но, крови и пламени полны,
Дымятся палаты Эврита¹¹,
630 И терем пылает царевны,
И деву дрожащую сыну
Алкмены под адские гимны

Проклятий и смерти Киприда
Вручает для горького брака...

Антистрофа 2

Ограда священная Фивы,
Дирцей¹² кипящая пена,
Вы ужасы миру о силе
Могли бы Киприды поведать.
Она, средь громов и блистаний
640 Склонивши на брачное ложе
Грядущую Вакхову мать,
В объятия кинула смерти,
О страшная сила и сладости!
Пчела с ее медом и жалом!

Эписодий второй

Ф е д р а

(прислушивается у дверей дворца)

Оставьте песни, жены... Я погибла.

К о р и ф е й

Что ж страшного в чертоге слышишь ты?

Ф е д р а

Там голоса. Пойдите, дайте слушать...

К о р и ф е й

Начало страшное... Молчу... Молчу...

Ф е д р а

Ах-ах!..

Несчастная! Чего ж еще мне ждать?

К о р и ф е й

650 Чтот ты слышишь? Чей же голос,
О любимая царица?
Что тебя, скажи, смутило?
Иль ты страшное узнала?

Ф е д р а

Я говорю вам — я погибла... Шум
Там за стеной... вы слышите ль, как шумно?

К о р и ф е й
Но ведь ты у самой двери.
Иль сама узнать не хочешь?
О, прислушайся ж, царица,
Отчего кричат в чертоге?

Ф е д р а
660 Сын наездницы там громы
На мою служанку мечет...

К о р и ф е й
Да, я слышу — только смутно;
Разбери ж и мне скажи;
До тебя из двери близкой
Речи их ясней доходят.

Ф е д р а
Я слышу ясно, как зовет ее
Он своднею, предавшей господина.

К о р и ф е й
Горе! Горе... дорогая.
Предана ты — нет спасенья,
670 Больше нет и тайны, Федра.
И от друга ты погибла.

Ф е д р а
Она меня сгубила... Мой недуг
Ему она пересказала. Мне ж
Она дала в лекарстве выпить яду.

К о р и ф е й
Но дальше что ж? Где выход ты найдешь?

Ф е д р а
Или сама я знаю?.. Двери дома
Аидова я вижу пред собою.
И п п о л и т выходит из дворца; за ним, цепляясь за его
одежду, следует кормилица.

И п п о л и т
Все, светлые лучи!.. И ты, земля!..
И это было сказано?.. О ужас!..

К о р м и л и ц а
680 Ах, тише, тише... Могут услышать.

И п п о л и т

Молчать не буду... Страшное я слышал.

К о р м и л и ц а

(ловя руку Ипполита)

Десницею могучей заклиная...

И п п о л и т

Прочь, руки прочь... И выпусти мой плащ.

К о р м и л и ц а

(бросаясь на колени)

У ног твоих пощады я молю.

И п п о л и т

Какой? Ведь ты себя считаешь правой.

К о р м и л и ц а

Огласки я боюсь. Пойми, огласки.

И п п о л и т

Прекрасного молва не оскорбит.

К о р м и л и ц а

Дитя мое, ты клялся, вспомни только.

И п п о л и т

Уста клялись, но ум не связан клятвой.

К о р м и л и ц а

690 Ужель друзей, дитя мое, погубишь?

И п п о л и т

Прочь от меня! Преступник — мне не друг.

К о р м и л и ц а

Прости. Никто из смертных не безгрешен.

И п п о л и т

О Зевс! Зачем ты женщин создавал?
И это зло с его фальшивым блеском
Под небом светозарным поместил?
Иль, для того чтоб род людской продолжить,

- Ты обойтись без женщины не мог?
Иль из твоих за медь и злато храмов
Иль серебро не мог бы сыновей
700 Ты продавать, чего который стоит,
Освободив жилище нам от жен?
Что жены зло, мне доказать нетрудно.
Родной отец за дочерью, ее
Взлелеявши, чужому человеку
Приданое дает — освободи
Его от дочки только. Муж, конечно,
Отравленной украсив розой сад,
Ей восхищен бывает. Точно куклу
Или алмаз фальшивый, он жену
710 Стараются оправить подороже.
Но мужа женщина нищит, и только.
И хорошо, кому попало в дом
Ничтожное творенье, чтоб ни злого,
Ни доброго придумать не могла.
Но умницы!... Избави боже, если
В ней на вершок побольше, чем в других,
Ума, излишек этот Афродите
На пользу лишь — коварством станет он.
Напротив, та, которая природой
720 Обижена жена, по крайней мере
На хитрости Киприды не пойдет.
Приспешниц — вот от жен подальше надо.
Вы сторожить поставьте терема
Зверей, когда хотите, да не этих
Пособниц: зверь укусит, да не скажет,
А то хозяйка козни мастерит,
А нянюшка их по свету разносит...
Не такова ль и эта тварь? Отца
Священное она дерзнула ложе
730 Мне, сыну, предлагать. Да после слов
Таких — иди к источнику и уши
Омой священной влагой. Если я
В себе заразу чувствую от звука,
От слов ее, так какво же сердцу
От грязи их. Но я благочестив,
И это вас теперь спасает, жены,
Поверьте, все бы ваши я открыл
Дела отцу, когда бы, как ребенок,
Сковать уста себе я клятвой дал.
740 Простор теперь предоставляю вам,
Пока Фесея нет, и для признаний

Я не открою губ. Но вместе с ним
И я сюда вернусь — мне любопытно
Вас с госпожой увидеть, как царя
Вы будете встречать — хотя образчик
Твоей, раба, я наглости видал.
Так будьте все вы прокляты! Не будет
Мне пресыщенья в ненависти к вам,
Хотя б корили все меня, что вечно
750 Одно и то же я твержу: и вы ведь
Одно и то же — в зле. Итак, одно
Из двух: иль научитесь быть скромнее,
Иль выносите ненависть мою!

(Уходит в сторону города.)

Ф е д р а
Монодия

О жребий жены!
О, как над тобою не плакать!
Где сила искусства?
Где выход?
О, как этим цепким объятьем
Опутана я безнадежно!
760 Уж мой приговор
Написан. О мать-Земля!
О солнце! О солнце!
Куда я уйду от несчастья?
Чем горе покрою?
О жены, о жены!
Иль бог мне поможет? Но кто же?..
Иль вступится смертный в такое
Позорное дело?.. На плечи
Мне пала ужасная тяжесть
770 И смерть, только смерть ее снимет..
Меж женщин, увы!
Несчастнее нет моей доли!

К о р и ф е й

Увы! Твоей посланницы искусство
Не удалось. Все кончено теперь...

Ф е д р а

(кормилице)

О худшая из жен... Друзей своих
Не пощадить... Пускай отец небесный

Тебя, огнем испепелив, с лица
Земли сотрет. Что ж? Я молчала, скажешь?
Иль хитростям заранее твоим
780 Позорного конца не предрекала?
Позорного. Да, да. Для Федры больше
Почетной нет кончины. Но довольно
Теперь важнее дело. Гнев его
Не пощадит, конечно, пред Фесеем
Болтливости твоей неосторожной,
Питфею скажет о любви моей —
И речи, точно реки, потекут
По всей земле постыдные. Проклятье ж
Тебе и всем проклятье вам, кто рад
790 С непрошеной готовностью и дерзко
Служить своим измученным друзьям!

К о р м и л и ц а

Ты не меня бранишь, а неудачу:
Обида ум озлобленный мутит.
О, у меня нашлись бы оправданья,
Когда бы их ты слушала. Тебя
Кто выкормил и вырастил, царица?
Кто преданней служил тебе? Недуг
Я исцелить хотела твой — и гибну
За то, что не сумела. А сумей,
800 Из мудрых бы слыла теперь я мудрой,
Ведь об уме мы по успеху судим.

Ф е д р а

Изранила, и диким пререканьем
Мне рану бередишь. Или это все?
Вся правда? Все, что Федра заслужила?

К о р м и л и ц а

Постой. Пускай была я неправа,
Но и теперь не все еще погибло.

Ф е д р а

Нет, более ни слова! До сих пор
Ты только зло нашептывала. Только
Дурное начинала. Уходи
810 К своим делам. Нам помощи не надо.

(Кормилица уходит.)

Вы, жены благородные Трезена,

Не откажите мне в одном — уста
Безмолвием окутать перед тайной.

К о р и ф е й

Я девственной богинею клянусь,
Что твоего несчастья я не выдам.

Ф е д р а

О, будьте же вы счастливы! А я
Еще имею выход, как сберечь
Потомству имя доброе. Да он
И для меня в моем несчастье лучше.
820 О нет, я славной родины моей
Не посрамлю и на глаза Фесею,
Чтоб сохранить остаток жалкой жизни,
Покрытая позором, не явлюсь.

К о р и ф е й

Кого ж спасешь неисцелимым злом?

Ф е д р а

Себя спасу. А как — увидишь после.

К о р и ф е й

Стыдись же слов таких.

Ф е д р а

А ты стыдись
Нас упрекать. Иль не Киприде я,
Не этой жрице, на алтарь сегодня
Усладою паду? Мне горек был
830 Любовный жребий, жены, но, страданьем
Венчанная, я и другую смерть
В своей таю. Есть тот, кто из мучений
Моих смиренья вынесет урок,
Чтоб впредь не смел моим он горем силу
Высокомерной чистоты питать.

(Уходит во дворец.)

Стасим второй

Строфа 1

О, если б укрыться могла я
Туда, в эти темные выси,
О, если б велением бога

840 Меж птицами вольной птицей
Вилась я. Туда бы стрелою,
Туда б я хотела, где море
Синеет, к брегам Эридана¹³,
Где в волны пурпурные, блеском
Отцовским горящие волны
Несчастные девы не слезы
В печали по брате погибшем —
Янтарное точат сиянье¹⁴.

Антистрофа 1

850 Туда, где в садах налилися
Плоды Гесперид¹⁵ золотые,
Мечты или песни поэтов.
Туда, где на грани волшебной
Плывущей предел положили
Триере¹⁶ — морей повелитель,
И мученик неба держатель,
Туда, где у ложа Кронида
Своею нетленной струею
Один на всю землю источник,
Златясь и шумя, животворный
Для радости смертных пробился...

Строфа 2

860 От берегов родимых Крита
И от мирной сени отчей
За ладьей белокрылой
С шумной жалобой недаром
Волны пенные бежали:
Не нашла невеста мира
В этом браке,
 С Крита ль только птицы злые
 Вашу свадьбу провожали,
 Или встретили в Афинах,
870 У Мунихии¹⁷, когда вы,
 В волны новые тяжелый
 Бросив якорь, на священный
 Брег Паллады выходили?

Антистрофа 2

Там мучительным недугом
Грешной страсти поразила,
В оправданье знаков черных,
Золотая Афродита

880 Душу нежную царицы,
И ужасных испытаний
Не снести ей!
Вот в чертог идет поспешно,
Вот рука на белой шее
Петлю вяжет и не дрогнет.
Страшен демон ненавистный,
И, спасая честь, царица
Из души своей свободной
Жало страсти вырывает.

Эпизодий третий

К о р м и л и ц а

(за сценой)

Ай!.. Ай!..
Сюда! Сюда! Скорее все, кто может:
Повесилась Фесеева супруга.

К о р и ф е й

890 Увы! Увы! Все кончено. Она
Висит в ужасной петле. Федры нет.

К о р м и л и ц а

(за сценой)

Скорей же... О, скорей... И нож острей,
Разрезать эту петлю... Помогите...

О д н а и з ж е н щ и н х о р а

Что делать нам, подружки? Во дворец
Пойдем ли вынимать ее из петли?

К о р и ф е й

Зачем? Иль нет там молодых рабынь?
Кто без толку хлопочет, не поможет.

К о р м и л и ц а

(за сценой, с плачем)

Снимите ж хоть ее... не дышит больше...
О, горькая палат охрана царских.

К о р и ф е й

900 Сомненья нет... Скончалась... Тело там
Уж на одре печальном полагают.

Через левый парод входит Фесе́й, украшенный венком, за ним
следует стража.

Фесе́й

Эй, женщины... Что значат эти крики?..
Неясный плач рабынь из зал дворцовых
Издалека до слуха долетел.
А здесь царя, узревшего святыню,
И у дверей затворенных палат
Ничей привет не встретил... Иль с Питфеем
Здесь что-нибудь случилось престарелым?
Хоть и в летах он, все ж с печалью в сердце
910 Его в могилу проводил бы я.

Корифе́й

Удар судьбы, Фесе́й. И нет — не старец,
А яркий, царь, погас здесь в жизни светоч.

Фесе́й

Увы! Увы! Не из детей же кто?

Корифе́й

Они живут, но мать их умерла.

Фесе́й

Что говоришь? Жена... Но как? Но как?

Корифе́й

От собственной руки, в ужасной петле.

Фесе́й

Истосковалась иль беда случилась?

Корифе́й

Что знаю, то сказала: лишь недавно
Мы здесь, чтоб плакать над твоей бедой.

Фесе́й

920 О горе мне... На что ж и лавры эти
На голове?

(Срывает и бросает их.)

Не праздники справлять
Придется здесь Фесею... Эй, живее,
Рабы, отбить запоры у дверей.

И настежь их!.. Пускай достойным плача
Я зрелищем насыщу взор, жены
Я видеть труп хочу себе на горе...

Через широко распахнутые двери видна внутренность
дворца. На ложе, окруженном слугами, труп Феды.

Коммос

Х о р

Строфа 1

Увы! Увы! Несчастливая! О жребий,
О злодеяние, и ты,
930 О мука, — вы сгубили целый дом...
О дерзость, о натиск безумный
На жизнь, на собственную жизнь.
Кто смел, скажите, кто смел
На голову эту
Покров погребального мрака накинуть?
Кто смел?

Ф е с е й

Строфа 2

О муки!.. О горе!.. Но нет,
Нет горше поднятых Фесеем,
О, тяжело, так тяжело на плечи
940 Обрушился жребий, увы мне!
Аластор¹⁸ в дому поселился?
Иль тайная точит нас язва?
Не море ли бедствий темнеет?
Кружат меня волны — не выплыть,
И хлещут, наверх не пускают.
Твоя ж, о жена, в каких же словах
Предсмертная мука, скажи мне, сокрылась?
Ты легче, чем птица из плена,
В эфире, в Аиде, исчезла.
950 О жребий, о жребий плачевный!
Мне предок оставил пятно —
Слезами его замываю.

К о р и ф е й

Не первый ты подругу, царь, оплакал,
И не один ты дивную терял...

Антистрофа 2

Туда я... в подземную ночь
 Хочу, и в могиле хочу я
 Без солнца лежать, потому что
 Ты больше меня не обнимешь,
 Мертва ты... Я ж тени бледнее...
 960 О, как эти страшные мысли,
 Жена, в твою душу проникли?
 О нет, не таитесь, рабыни:
 Иль чужды душою вы дому?..
 О горе, и ты, о зрелище мук!
 Умом не охватишь, не вынесешь сердцем.
 Без матери дети — и в доме
 Хозяйки не стало. Меня же,
 Меня ж на кого покидаешь,
 О лучшая в ярких солнца лучах,
 О лучшая в лунном мерцанье?

Х о р

Антистрофа 1

970 Несчастный, несчастнейший муж!
 Ты, бедами дом осажденный!

 Над горем твоим, властелин,
 Слезамы склонились мои орошенные веки,
 Но ужас холодных предчувствий
 Давно мне уж сердце щемит.

Ф е с е й

Ба... Погляди...
 Ведь белая рука ее застыла,
 Письмо сжимая... Или новых мук
 Оно несет нам бремя, или в нем
 980 Вдовцу или сиротам свой завет
 Она перед разлукой написала?
 Нет, бедная, в оставленный тобой
 Уж не войдет чертог жена другая.
 Покойно спи... О да, я узнаю
 Кольца печать усопшей золотую...
 Мгновение и, складень растворив,
 Последних строк ее узнаю тайну.
 (Разжав руку Федры, вынимает складень и, сорвав
 печать, читает.)

Х о р

О горе, о горе...
То новый удар
990 Нам демон готовит... Увы...
Жизнь цену для меня теряет... Это будет,
Я чувствую, удар смертельный. Пусть же
И на меня она падает:
В обломках на земле
Моих царей лежит бывшее счастье...

Ф е с е й

О, ужас!.. Омерзение и ужас!..

К о р и ф е й

Но что?.. Скажи... Коль смею знать и я!..

Ф е с е й

О, к небу вопиют,
О, к небу те немые вопиют
1000 Об ужасе неслыханном слова.
Куда уйти? Нет... Это слишком... Эти
В какой-то адский хор смешались строки.

К о р и ф е й

Увы! Увы!
О, новых бед ужасное начало!

Ф е с е й

О нет, мои уста
Таить не смеют этой язвы страшной.
Уродства этого, что и назвать
Мерзит... Узнай, узнай, земля отцов:
Сын, Ипполит, на ложе посягнул
Мое, очей не устыдился Зевса.
1010 О Посейдон, отец мой! Ты когда-то
Мне обещал, что три моих желанья
Исполнишь. Ныне я к тебе взываю:
Сверши же первое из них, и пусть
Мой сын не доживет до этой ночи,
Чтоб мог я верить слову твоему.

К о р и ф е й

Ради богов! Возьми назад слова...
Раскаешься ты, царь, в своем желанье.

Ф е с е й

Нет, никогда. И из страны его
Я изгоню. Готовы оба кубка
1020 С отравой. Пусть жалобу мою
Пучины царь услышит и сегодня ж
Его сошлет в Аид, иль, осужден,
До вечера, как нищий, он скитанья
Свои начнет велением моим...

К о р и ф е й

Смотри — твой сын, он вовремя, владыка.
Безумный гнев покинь и осени
Свой дом иным и набожным желаньем.
Входит Ипполит в сопровождении нескольких охотников.

И п п о л и т

На голос твой, отец, я прихожу
Отчаянный... Из-за чего он, знать
1030 Хотел бы...

(Видит труп Федры и отшатывается.)

О! Что вижу здесь я? Тело
Твоей жены?.. Как это непонятно,
Ведь я ж сейчас расстался с ней, — была
Она совсем здорова. Этот мертвый
Покой ее так странен... Как же смерть
Ты мог бы объяснить, отец?.. И что же
Ты все молчишь? Или думаешь беду
Томительной развеять немотою?
Коль тайна жжет желанием сердца,
В несчастии огонь ее живет,
1040 И ты неправ, скрывая от друзей...
Нет, больше, чем друзей... свои печали.

Ф е с е й

О, суета! О жалкий род слепцов!
Нет хитростей, каких бы допытаться
Ты не сумел, упорный человек,
Десятками ты их считаешь тысяч.
Но обучить безумца здраво мыслить
Уменья никакого нет у вас.

И п п о л и т

Такой учитель стал бы знаменит,
Свой ум в чужие головы влагая,

1050 Но к месту ль тонкость рассуждений ныне?
Несчастье, боюсь, мутит твой разум.

Ф е с е й

О, если бы хотя малейший знак
Имели мы, но верный, чтобы друга
От недруга и лживые слова
От истинных мы сразу отличали...
Два голоса пускай бы человек
Имел — один, особенный, для правды,
Второй какой-нибудь иной. Тогда
Разоблачить бы ложь всегда могли мы,
1060 Игралищем людей не становясь.

И п п о л и т

Иль кто-нибудь из близких пред тобой
Оклеветал меня? Иль и невинность
От низости не ограждает нас?..
Я с толку сбит. И странные намеки
Твои, отец, измучили меня.

Ф е с е й

О, до чего ж дойдешь ты, род людской?
Иль нет границ у дерзости?.. Преград
У наглости?.. Рождением человек
Приподнимай на палец только гребень
1070 У наглости, чтобы отца возрос
Наглее сын, а внук наглее сына,
И на земле не хватит места скоро
Преступникам. И к этой прибавлять
Богам бы не пришлось вторую землю.
Смотрите все... Вот сын мой, опозорил
Он ложе мне — и мертвая его
Как низкого злодея уличает.
Что не глядишь? Коль язвою твоей
Я заражен, ужели глаз бояться
1080 Твоих отцу? Так вот он, этот муж,
Отмеченный богами, их избраннык,
Невинности и скромности фиал...
Когда бы рассказням твоим хвастливым
Поверил я, не чтил бы я богов,
А лишь невежд в божественных одеждах.
Ты чванишься, что в пищу не идет
Тебе ничто дышавшее, и плутни
Орфеевым снабдил ты ярлыком.

- О, ты теперь свободен — к посвященным
- 1090 На праздники иди и пылью книг
Пророческих любовно упивайся,
Ты больше не загадка. — Но таких,
Пожалуйста, остерегайтесь, люди, —
Позорное таят под благочестьем
Они искусство... Да, она мертва...
Но от того тебе не будет легче,
Из низких самый низкий. Уличен
Ты мертвою. Ты уничтожен ею.
Перед ее судом что значат клятвы,
- 1100 Свидетели и вся шумиха слов?
Иль скажешь ты, что был ей ненавистен,
Что незаконный сын, при сыновьях
Законных, им всегда помехой будет?
Но не безумно ль было б отдавать
Дыхание свое и счастье ближних
Взамен твоих страданий?.. Ложь одна!
Иль скажешь — чувственность царит сильней
Над женскою душою, чем над нами?
Мне ж юноши известны, что не могут
- 1110 Наплыва страсти выдержать, — любой
Слабее женщины они. Лишь пол
Спасет их от осужденья. Впрочем,
Не лишнее ль все это? Здесь лежит
Свидетель неподвижный, но надежный:
Ты осужден. Немедленно покинешь
Ты этот край. Священная Афин
Земля и все моей державы страны
Отныне для тебя закрыты. Если б
Теперь простил я преступленье это,
- 1120 То Синид¹⁹ сам, грабитель придорожный,
Пожалуй бы, явился и сказал,
Что я его убийством только хвастал,
И скалы бы Скиронские²⁰ меня
Грозой злодеев называть не стали б.

К о р и ф е й

О счастье, ты непрочно на земле:
Твои колонны гордые — во прахе.

И п п о л и т

Твоей души, отец, слепая страсть
И гнев ее тяжелый оставляют
Глубокий след в уме — не оттого,

- 1130 Чтоб был ты прав, однако. К сожаленью,
Я склонности не чувствую в толпе
Оправдывать себя и, вероятно,
В своем кругу сумел бы доказать
Ясней твою ошибку. Ты ведь знаешь, —
Нередко наш страдает тонкий слух
От музыки, которой рукоплещет
Толпа. Увы... пред горшею бедой
О меньшей мы позабываем. Вижу —
Завесу с уст приходится поднять,
- 1140 Начну с того же я, с чего искусно
Ты начал речь. Оставь без возраженья
Я первые слова, и я погиб.
Взгляни вокруг на землю, где ступает
Твоя нога, на солнце, что ее
Живит, и не найдешь души единой
Безгрешнее моей, хотя бы ты
И спорил, царь. Богов я чтить умею,
Живу среди друзей, и преступлений
Бегут друзья мои. И стыдно им
- 1150 Других людей на злое наводить.
Или самим прислуживать пороку.
Высмеивать друзей, пусть налицо
Они иль нет, я не умею. Тот же
Для них я друг. Ты упрекал меня
В страстях, отец, — нет, в этом я не грешен:
Любви я не познал и телом чист.
О ней я знаю то лишь, что услышал
Да на картинах видел. Да и тех
Я не люблю разглядывать. Душа
- 1160 Стыдливая мешает. Если скромность
В невинности тебя не убедит,
Так объясни ж, отец, каким же мог
Я развратиться способом? Иль Федра
Такой уже неслыханной красоты?
Иль у меня была надежда с ложем
На твой престол, ты скажешь? Но ведь это
Безумие бы было, коль не глупость.
Иль быть царем так сладостно для тех,
Кто истинно разумен? Но, смотри,
- 1170 Здоров ли ум того, кто власти жаждет?
Я первым быть меж эллинов горел
На играх лишь, а в государстве, право ж,
И на втором нам месте хорошо...
Средь избранных, конечно. Там досуг,

- Да и в глаза опасность там не смотрит,
А это слаще, царь, чем твой престол.
Теперь ты все уж знаешь. За себя
Такого же другого, к сожаленью,
Я не могу подставить, чтоб порукой
1180 Тебе служил. Пред Федрою живой
Мне также спор заказан. Ты легко бы
Нашел тогда виновных. А теперь
Хранителем тебе клянусь я клятвы
И матерью-Землей, что никогда
Жены твоей я не касался, что ее
Я не желал и что о ней не думал.
И пусть умру бесславно и покрытый
Позорным именем, ни в море я,
Ни на земле пускай успокоенья
1190 И мертвый не найду... коль это ложно...
Замучена ли страхом, умерла ль
От собственной руки, не знаю
И больше говорить не смею. Но
Неправая из дела вышла чистой,
А чистого и правда не спасла.

К о р и ф е й

Ты опроверг отлично обвиненье,
И клятвою ты истину венчал.

Ф е с е й

- Смотрите. Вот уловки. Он бесчестье
Нанес отцу, а после гнев его
1200 Смирением уступчивым и лживым
Пытается, как маг, заморозить.

И п п о л и т

Я одному, отец, теперь дивлюсь —
Изгнанию. Зачем не смерти ищешь?
Будь на твоём я месте, так обидчик
Казнен бы был за честь моей жены.

Ф е с е й

- О, это слишком мягко было б. Казни
Немедленной от нас себе не жди.
Преступнику конец поспешный — милость.
Нет, ты вдали от родины скитаясь,
1210 Вымаливая хлеб, но будешь жить.

И п п о л и т

О небо! Или срока оправдаться,
Иль мне убежища не дашь пока?

Ф е с е й

За Понтом бы — когда бы мог, за гранью
Атлантовой. Ты мерзок мне, пойми.

И п п о л и т

Как — без суда? без клятвы? без допроса?
И даже без гаданий приговор?

Ф е с е й

Письмо — твоя улика, и не нужно
Тут жребия. А птицы в небесах
На этот раз меня не занимают.

И п п о л и т

1220 О боги! Уст ужели и теперь
Не разрешите мне? Ведь эта клятва
Мне стоит жизни... Нет... я не хочу...
Ведь этот грех мне не вернул бы веры.

Ф е с е й

О лицемер! Ты изведешь меня...
Оставь страну без всяких промедлений!

И п п о л и т

Куда пойду? О, кто ж откроет дверь
Изгнаннику с таким клеймом позорным?

Ф е с е й

А как узнать? И соблазнитель жен
Иным мужьям бывает милым гостем.

И п п о л и т

1230 Так низко пасть пред миром, пред тобой...
Да кто же я?.. Сжимают горло слезы.

Ф е с е й

Не поздно ль ты разнежился? Пока
Преступником ты не был — было б плакать.

И п п о л и т

Вы, стены, камни, вы заговорите!
Скажите же ему, что я невинен.

Ф е с е й

Ссылаешься ты тонко на немых
Свидетелей.

(Показывая на труп.)

Вот и еще один.

И п п о л и т

Когда бы сам я встретился с собой,
Над этою я бы заплакал мукой.

Ф е с е й

1240 Да, сам себе ты был всегда кумир;
Родителей бы лучше почитал ты.

И п п о л и т

О мать моя... О горькое рожденье
Внебрачное! Не дай бог никому.

Ф е с е й

Эй! Взять его!

(Слугам)

Вы не слышали разве,
Что приговор над ним произнесен?

И п п о л и т

Беда тому, кто до меня коснется.

(Фесею)

Душа горит, так сам и изгоняй.

Ф е с е й

И сделаю... с ослушником. Нимало
Его притом, поверь, не сожалея.

(Уходит со стражей во дворец.)

И п п о л и т

1250 Да, решено, и крепко. Есть ли мука
Сильнее той, когда ты знаешь все
И ничего открыть другим не можешь?

(Статуге Артемиды)

Тебя зову, Латоны дочь, милей
Для сердца нет тебя, о дева, ты

Моих охот и спутница и радость!
Закрытый нам и славный город отчий
И земли Эреxfея, говорю
И вам прости последнее. И ты
Прости, моя Трезенская равнина,
1260 Для юных сил твоя отрадна гладь —
Ее глаза в последний раз ласкают...
Вы, юности товарищи, привет
Скажите мне и проводите друга...
Что бы отец ни говорил, а вам
Уж не найти другого чище сердцем.
(Удаляется вместе с охотниками.)

Стасим третий

Строфа 1

Если я в сердце, как боги велики, помыслию,
Муки смолкают и страх;
Но и желание верить в могучую неба поддержку
Тает, когда о делах и о муках раздумаюсь наших.
Вечно — сегодня одно, а завтра другое...
Жребии смертных, что спицы
Быстрых колес, там мелькают.

Антистрофа 1

Боги, о чем мне молить? О, даруйте мне жребий
счастливый
И беспечальное сердце.
Я не хотела бы видеть глубокую сущность творений,
Но и в потемках коснеть не хотела бы я суеверных.
Солнце хочу я встречать веселой улыбкой,
Благославляя сегодня
И уповая на завтра.

Строфа 2

Разум мутится, и нет у сердца крылатой надежды:
Эллады звезда золотая
С неба ее на чужие поля закатилась
Гневною волей отца, —
Глади Трезена родного от вас,
Дикие чащи, от вас,
Где, золотою звездой венчаный,
Он с Артемидой за ланью гонялся.

Антистрофа 2

Брызги с копыт и колес венецкие кони взметая.
Берегом мчаться не будут;
Залы и портик чертога безмолвны, и струны
Лиры, и песни молчат.
Деревя Девы над сочной травой
Уж не украсит венок,
Но по тебе не одна, что надежду
В сердце лелеяла, дева вздыхает.

Эпод

Дни мои слезами мука
Ипполитова наполнит,
Жизнь не в жизнь нам больше будет.
Мать, зачем его носила?
1300 Иль затем, чтоб сердце гневом
Против бога запылало?
Вы ж, три сестры, три Хариты²¹, зачем из отчизны
Нашу безвинную радость из отчего дома берете?

Эписодий четвертый

Входит вестник.

К о р и ф е й

Но вот слуга и спутник Ипполита
Спешит сюда к дворцу. Как мрачен он!

В е с т н и к

Где я царя найду Фесея, жены?
Скажите мне — он во дворце теперь?

К о р и ф е й

Он из дворца сейчас сюда выходит.

Появляется Ф е с е й.

В е с т н и к

Фессей, тебе и гражданам твоим,
1310 И в Аттике и из Трезена, вести
Я скорбные и страшные несу.

Ф е с е й

Какие же? Или одно несчастье
Готовится обоим городам?

В е с т н и к

Нет Ипполита больше... Хоть и видит
Он солнце, но минуты сочтены.

Ф е с е й

Как умер он? Иль мужа оскорбленной
Его настиг удар, дополнив наш?

В е с т н и к

Его разбили собственные кони
Проклятие разбило, что к отцу
1320 Ты обратил, седых морей державцу.

Ф е с е й

О небо! Да, я точно им рожден,
Внимавшим мне из моря Посейдоном,
Но как погиб, скажи мне, этот муж,
Поправший честь и пораженный правдой?

В е с т н и к

Близ берега, где волны набегают
И плещутся морские, лошадей
Мы чистили и плакали — узнали
Мы от людей, что Ипполита, царь,
В изгнание ты отсюда усылаешь,
1330 И здесь уже не жить ему. Пришел
И сам он следом. С нашими слезами
Он и свои соединяет слезы.
Без счета их, ровесников, туда
За ним пришло. И наконец, прервав
Свой плач, он говорит нам: «Тщетны стоны,
Словам отца повиноваться надо.
Живей, рабы, живее запрягайте:
Трезена нет уж более для нас». И
загорелось дело: приказать
1340 Он не успел — уж лошади готовы.
Тут ловко он вскочил на передок
И с ободка схватил проворно вожжи,
Но кобылиц сдержал и, к небесам
Воздевши руки, стал тогда молиться:
«О, Зевс, с клеймом злодея жизни вовсе
Не надо мне. Но дай когда-нибудь,
Останусь я в живых иль не останусь,
Чтобы отец мой понял, как он дурно

- Со мною поступил». Стрекало он
1350 Затем приняв, кобыл поочередно
Касается. Мы ж около вожжей
У самой побежали колесницы,
Чтоб проводить его. А путь ему
Лежал, Фесей, на Аргос, той дорогой,
Которая ведет и в Эпидавр.
Но вот когда мы выехали в поле
Пустынное, с которого холмы
К Саронскому спускаются заливу,
Какой-то гул подземный, точно гром,
1360 Послышался оттуда отдаленный,
Вселяя страх, и кобылицы вмиг
Насторожились, вытянувши шеи,
А мы вокруг пугливо озирались...
И вот глаза открыли там, где берег
Утесистый прибоем убелен,
Огромную волну. Она вздымалась
Горою прямо дивной, постепенно
Застлав от нас Скирона побережье,
И дальний Истм, и даже Эпидавра
1370 От глаз она закрыла скалы. Вот
Еще она раздулась и, сверкая,
Надвинулась и на берег метнулась,
К четверке Ипполита. Перед ней
Она на сушу выбросила с пеной
И тиною чудовищного видом
Быка, и тотчас диким ревом вся
Наполнилась кругом земля, и горы
Стеной отвесной голос отражая,
Еще страшнее загремели. Вид же
1380 Его такой был, что с трудом глаза
Его сумели вынести. И тотчас
Безумный страх объемлет кобылиц...
Тут опытный возничий, своему
Искусству верный, вожжи намотавши,
Откинулся всем телом — мореходец
Заносит как весло. Но кобылицы,
Сталь закусив зубами, понесли...
И ни рука возничего, ни дышло,
И ни ярмо их бешеных скачков
1390 Остановить уж не могли. Попытку
Последнюю он сделал на песок
Прибрежный их направить. Вдруг у самой
Чудовище явилось колесницы,

И четверня шарахнулась в смятенье
Назад, на скалы. Скачка началась
Безумная. Куда метнутся кони,
Туда и бык — он больше не ревел,
Лишь надвигался он все ближе, ближе...
Вот наконец отвесная стена...

- 1400 Прижата колесница. Колесо
Трещит — и вдребезги... и опрокинут
Царевич вместе с колесницей. Тут
Смешалось все: летят колеса, спицы,
Обломки оси, а возникший — он
Несчастный, в узах повлачился тесных
Своих вожжей — о камни головой
Он бился, и от тела оставались
На остриях камней куски живые.
Тут не своим он голосом кричит:

- 1410 «Постойте ж вы, постойте, кобылицы!
Не я ли вас у яслей возрастил?
Постойте же и не губите! Это
Проклятие отца. О, неужель
Невинному никто и не поможет?»
Отказа и не было. Да были
Мы далеко. Уж я не знаю как —
Он пути сбил, но мы едва живого
Нашли его на поле. А от зверя
И кобылиц давно простыл и след.

- 1420 В ущельях ли, иль где еще исчезли,
Ума не приложу. Хоть я, конечно,
В твоих чертогах царских только раб,
Но я бы не поверил никогда
Про сына твоего дурному слову,
Пускай бы сколько есть на свете жен,
Хоть все повесились и писем выше,
Чем Ида, мне наоставляли гору,
Я все ж скажу, что был он невиновен.

К о р и ф е й

- Увы! Увы! Опять удар, и меткий!
1430 Да, от судьбы, как видно, не уйти.

Ф е с е й

Мне пострадавший все же ненавистен,
И сладостны мне были вести мук.
Но я родил его, и узы крови

Священные я помню — потому
Ни радости, ни горю здесь не место.

В е с т н и к

Но как же быть теперь? Оставить там,
Чтоб из твоей нам, царь, не выйти воли?
Коль смею я советовать, не будь
Ты так жесток, владыка, к мукам сына.

Ф е с е й

1440 Сюда ведите... Заглянуть
В глаза ему хочу и волей бога
И этой карой страшной уличить
Хочу его во лжи и злодеянье.

(Вестник уходит. Фесей остается на сцене.)

Стасим четвертый

Х о р

О Киприда, суровую душу людей
И богов железную волю
Ты, богиня, сгибаешь.
И над черной землею с тобой,
И над влагой соленой и звучной
Как радуга, яркий Эрот
1450 На быстрых крылах пролетает...
И если он бурный полет
На чье-нибудь сердце направит,
То дикое пламя мгновенно
От золота крыльев
Там вспыхнет любви и безумья,
А чары его
И в чаще, и в волнах тайных
Зверей укрощают и все,
Что дышит в сиянии солнца,
1460 И люди ему
Покорны. Твоя, о Киприда,
Весь мир наполняет держава.

Эксод

Над дворцом появляется А р т е м и д а.

А р т е м и д а

Сын благородного Эгея,
Внемли: с тобою говорит

- Божественная дочь Латоны.
О, как же можешь ты, безумный,
Весть сладостною называть?
Я говорю тебе — судом,
Судом неправым ты убил
1470 Тобой рожденного. Жены
Словами ложными окован,
Неясный грех ты обратил
В мир поразившее злодейство...
Потемок Тартара теперь
Желай для своего позора
Иль в птицу обратись скорей
И ввысь от этой оскверненной
Тобою улетай земли.
Нет больше места для тебя
1480 Средь чистых в этом мире вовсе...
Я свиток зол должна перед тобой
Развить, Фесей, без пользы — лишь печали
Прибавит он, я знаю, но пришла
Я для того, чтоб сын твой честно умер,
Оправданный. И я жены твоей
Любовное должна раскрыть безумье,
Но также и борьбу. Ее Эрот
Ужалил сердце тайно, и любовью
К царевичу твоя жена зажглась.
1490 Богиня так хотела, чтоб для нас,
В невинности отраду находящих,
Особенно бывает ненавистна.
И разумом Киприду одолеть
Пыталася царица, но в ловушку
Кормилицы попалась. Та ее
Царевичу любовь пересказала,
Связав его ужасной клятвой раньше,
Чтоб он молчал. Ее слова твой сын
Отринул, но благочестиво клятвы
1500 Нарушить не дерзнул он, как его
Ни унижал ты здесь. А эту ложь
Оставила царица, умирая,
Чтоб оправдать себя. И точно, ты,
Ее словам поверив, сына проклял.

Ф е с е й

Увы!..

А р т е м и д а

- Мучительны слова мои, Фесей,
Но должен ты их молча слушать дальше,
И, царь... тебе еще придется плакать...
Ты помнишь ли, жестокий, что тебе
Три выполнить желания поклялся
1510 Отец, но гибель вражью ты презрел
И первое направил против сына...
Не Посейдон виновен тут: его
И помыслы, и свято исполнение.
Ты перед ним и ты передо мной
Единственный виновник, потому что
Ты не искал свидетелей, гаданьем
Ты пренебрег, улик не разобрал
И, времени для истины жалея,
С поспешностью преступною своею
1520 Божественным сгубил проклятьем сына.

Ф е с е й

О, дай мне умереть...

А р т е м и д а

- Ты согрешил,
Но и тебе возможно оправданье.
Киприды здесь желания и гнев
Слились, Фесей. А меж богов обычай:
Наперекор друг другу не идти.
Мы в сторону отходим, если бог
Горячие желанья разливает.
О, если бы не страх, что оскорблю
Я Зевса, как хранителя законов,
1530 Иль думаешь, я бы подъяла стыд,
Любимого из смертных уступая
Богам земли? Твоя вина, Фесей,
Неведением ослаблена и тем,
Что воли злой ты не имел; с собою
От правды ключ царица унесла,
А смерть ее твой помутила разум...
Всех тяжелей тебе, конечно, царь,
Но скорбь и я с тобой делю. Печалит
И нас людей благочестивых смерть,
1540 И только злых мы с корнем вырвать рады.

Появляется окровавленный И п п о л и т, его поддерживают слуги.

К о р и ф е й

Уж вот он... О горький... В крови его кудри,
В обрывках одежды цветущее тело
Разбито, истерзано. Тяжкая доля!
Два траура в доме! Два траура в доме!

И п п о л и т

- О смерть...
Из уст нечестивых неправда проклятий...
Что сделал ты с сыном, отец?
О горе! О горе, о смерть!
Мне череп пронзили безумные боли,
1550 В мозгу моем жало — вонзится и выйдет,
И снова вонзится... Минуту покоя,
Минуту покоя пожертвуй, змея!
Проклятые кони! Не вас ли я сам
И растил и холил своею рукою?
Вы рвали меня, вы, терзая, убили...
Ох, тише! богами молю вас рабы,
Касайтесь нежней до избитого тела:
Я — рана сплошная. Кто справа?
Не вижу. Тихонько берите
1560 И, шаг умеряя, вперед подвигайте
Забывшего небом, кого и отец
В греховном безумии проклял...
О, призри же, Зевс, о, призри с небес.
Богов я всегда почитал — я невинно
И чисто я жил, если кто на земле
Невинно живет. Теперь же моя
Загублена жизнь. И могилы
Я слышу дыханье. И даром
Страдал я и набожен был меж людей.
(Его укладывают в ложе, вынесенное из дворца.)

Монодия

- 1570 Ой-ой! Увы, мне... Опять... Эти боли
Впиваются, жалят.
Оставьте ж меня!
Ты, черная, сжался, возьми нас,
Иль люди, добейте хоть вы. Нет мочи
От режущей боли,
Удара я жду, точно ласки...
О злое проклятье отца!

Запятнанных предков, старинных,
Но крови единой грехи,
1580 Грехи меня губят... возмездье
За них совершится немедля...
Но отчего ж надо мной разразился
Гнев это старый?
Над чистым, невинным зачем он
Так тешится злобно? Увы мне!
О, что же мне делать? От мук
Страшных куда я укроюсь?
Ты, черная сила Аида, несчастного тихой,
Тихой дремотой обвей.

А р т е м и д а

1590 О, сколько мук, о муж, великим сердцем
Загубленный, я вижу над тобой...

И п п о л и т

А... Волшебное благоуханье! В муках
Ты льешься в грудь... и будто легче мне...
Ты здесь со мной, со мною, Артемида?

А р т е м и д а

Да, я с тобой... любимый, бедный друг.

И п п о л и т

Владычица, ты видишь Ипполита?

А р т е м и д а

Из смертных глаз бы слезы полились.

И п п о л и т

Товарищ твой и спутник умирает.

А р т е м и д а

Но он умрет в лучах моей любви.

И п п о л и т

1600 Возница твой... твоих лугов хранитель...

А р т е м и д а

Кипридою коварной унесен.

И п п о л и т

О, я познал ее в дыханье смерти.

А р т е м и д а

Простить тебе богиня не могла
Ни чистоты, ни алтарей забвенье.

И п п о л и т

Теперь мне все понятно: не одну,
А целых три взяла Киприда жертвы.

А р т е м и д а

Ты, твой отец и Федра, целых три.

И п п о л и т

Да, и отца судьба достойна плача.

А р т е м и д а

Коварно он обманут Афродитой.

И п п о л и т

(смотря на Фесея)

1610 Твое, отец, жестоко испытанье.

Ф е с е й

Жестоко так, что адом стал и свет.

И п п о л и т

Тебе больней, чем мне, твоя ошибка.

Ф е с е й

О, если бы тебя мне заменить...

И п п о л и т

То горький был подарок Посейдона.

Ф е с е й

Когда бы мог вернуть его Фесей.

И п п о л и т

Ты все равно убил меня бы в гневе.

Ф е с е й

Затмение, ужасный дар богов...

И п п о л и т

Увы! Увы!

Их наши ведь проклятья не достигнут...

А р т е м и д а

- Оставь богов. Иль думаешь, что гнев,
1620 Который до могильной ночи сердце
Великое и чистое терзал,
Останется неотомщенным? Я...
Я отомщу тебе одной из стрел,
Которая не вылетает даром...
Меж смертными стрела моя найдет,
Кто ей милей других.²² Тебя же, бедный,
О лучший друг, в Трезене отличу
Я честью высокой. Перед свадьбой
Пусть каждая девица дар волос
1630 Тебе несет. И этот в даль немую
Обычай перейдет веков. И в вечность
Сам в пении девичьих чистых уст
Ты перейдешь. И как тебя любила,
Не позабудут, Федра... Царь Фесей,
Поди сюда, и сына обними,
И поцелуй его. Чужою волей
Ты умертвил его. И дивно ль вам
Грешить, когда того желают боги?..
Ты ж, Ипполит, я и тебя прошу
1640 Гнев на отца оставить. Ведь таков
Был твой удел. Простимся. Взор небесный
Не должен видеть смерти, нам глаза
Сквернит ее холодное дыханье.
А черная уж над тобой... я вижу...

И п п о л и т

Будь счастлива, блаженная, и ты
Там в голубом эфире... Ты любила
Меня и долго, но покинь без скорби...
Отцу, как ты велела, я простил...
Я слов твоих не преступал и раньше.

(Артемида исчезает.)

- 1650 Но на глаза спадает мрак. Отец,
Возьми меня, приподними немного.

Ф е с е й

(держа сына в объятиях.)

Дитя мое! Не добивай отца.

И п п о л и т

Смерть!.. Вот они, подземные врата!

Ф е с е й

Под бременем злодейства не уйди.

И п п о л и т

О, я тебя, отец, освобождаю...

Ф е с е й

Как? этот груз с меня снимаешь? весь?..

И п п о л и т

Да, девственной клянусь я Артемидой.

Ф е с е й

О лучший сын! О благородный сын!

И п п о л и т

Дай бог таких тебе, отец, законных.

Ф е с е й

1660 И потерять такое сердце... О...

И п п о л и т

Прощай, отец... Прости меня, мой милый.

Ф е с е й

Ты выдержишь... Ты одолеешь смерть.

И п п о л и т

Нет больше сил... я уж в объятиях смерти.
Отец... скорей покров мне на лицо...

Ф е с е й

О славные афинские пределы,
О край Паллады! О, какого мужа
Лишитесь вы!.. А мне, увы! Киприда
Страдания оставила клеймо.

К о р и ф е й

Это траур двойной и неожиданный.
1670 Лейтесь слезы под веслами скорби,
И далеко, далеко звучи,
Весть о горе великом царей!

(Пер. И. Ф. Анненского)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В основе трагедии лежит широко распространенный в мировом и, в частности, средиземноморском фольклоре, сюжет о целомудренном юноше, отвергающем любовь замужней женщины и становящемся жертвою ее клеветы. В данном случае используется миф об афинском царе Тесее (Фесее), его сыне Ипполите и его мачехе Федре, дочери критского царя Миноса. Первая редакция этой пьесы «Ипполит закрывающийся» не сохранилась и известна лишь по римской трагедии Сенеки «Федра». Переделанная пьеса (устранена сцена признания Федры) составляет вторую редакцию, дошедшую до нас. ² *Атлантовы пределы*, т. е. атлантовы столпы — Гибралтарский пролив, где Атлант держит на плечах земной свод. ³ *Таинства Элевсина* — Элевсин — город около Афин, центр культа Деметры. В Элевсине происходили таинства, посвященные Деметре (Элевсианские мистерии). ⁴ *Блстающая родом* — Федра — дочь царя Миноса, внучка Зевса. ⁵ *Паллантиды* — дети Палланта, брата Эгея, оспаривавшие власть Тесея над Афинами, были побеждены и перебиты Тесеем. После их убийства Тесей хотел получить очищение в Трезене. ⁶ *Девственная* — богиня Артемида. ⁷ *Какой любви!* — Намек на Пасифаю, мать Федры, влюбившуюся в быка, от которого Пасифая родила Минотавра. ⁸ *Ариадна* (см. словарь) — сестра Федры. ⁹ *Алфей* — река на Пелопоннесе. *Пифийский храм* — Аполлона в Дельфах. *Пифо* — древнее название этой местности. ¹⁰ Речь идет об Иоле, дочери царя Эхалии, возлюбленной Геракла. Его жена Деянира, желая вернуть любовь мужа, дарит ему хитон, пропитанный кровью Кентавра Несса, которую она считала волшебной. Но это был яд, принесший страшные мучения Гераклу. Чтобы избавиться от них, он приказывает сжечь себя. ¹¹ *Палаты Эврита* — Эврит (Еврит), царь Эхалии. Его дочь Иола становится возлюбленной Геракла. ¹² *Диркея* — источник в Фивах. ¹³ *Эридан* — мифическая река, отождествляемая с рекой По в сев. Италии. ¹⁴ *Несчастные девы* — Гелиады — сестры Фазтона, оплакивающие его гибель, их слезы превращаются в янтарь. ¹⁵ *Геспериды* — дочери Атланта. ¹⁶ *Триера* — корабль с тремя рядами весел. ¹⁷ *Мунихия* — порт близ Пирея. ¹⁸ *Аластор* — демон мщения. ¹⁹ *Синид* — разбойник, убитый Тесеем. ²⁰ *Скиронские скалы* — на границе между Аттикой и Мегарой. ²¹ *Хариты* — богини юности. ²² Имеется в виду Адонис, возлюбленный Афродиты.

КИКЛОП¹

Действующие лица:

Силен.

Хор сатиров.

Одиссей.

Киклоп.

Пролог

Силен

- Сочту ли я, о Бромий², те труды,
Которые от юности донине
Из-за тебя мы терпим. Начались
С тех пор они, как ты, безумьем Геры
Охваченный, ушел от Ореад³
И их дозора, Бромий. Позже я
Щит по следам носил твоим в сраженьи
С рожденными Землею. Энкелад⁴
Пробив броню, гиганта уложил
10 Ударом я в той битве... Полно, так ли?
Уж не во сне ль ты видел? Нет, доспех
Я показал тогда же Вакху. Было
Нам плохо, но теперь гораздо хуже.

(Помолчав.)

- Когда, тебе судив далекий путь,
Разбойников тирренских⁵ натравила
Кронидова жена и эта весть
Дошла до нас, я сыновей на розыск
Повез. На руль, конечно, сам, — они же
На весла налегают и лазурь
20 Ударами их бороздят и пеняют.
И были мы уж у Малеи⁶ — вдруг
С востока нас подхватывает ветер
И на утес бросает этот, где
Царя морского дети, одноглазый
Свирепый род, ютятся по пещерам, —
Киклопами зовут их... К одному
Из них — увы! — рабами мы попали,
Он Полифем по имени, и нет
Для нас в его пещере ликований
30 Вакхических; безбожному стада
Киклопу мы пасем. По скалам дальним
Моих детей их молодые ноги

За козами уносят — я ж смотрю,
Чтоб молока довольно было в ведрах,
Да этот дом для нечестивца мне,
Приказано держать в порядке. Должен
И за столом служить я. Вот теперь,
Ты хочешь иль не хочешь, а скребницей
Железною работай — чистоту
40 И господин, и стадо, видишь, любят.
Но что я слышу?.. Будто плясовой
Лад слышится и музыка... Ну, право,
Как в те часы, когда, ликуя, хором,
Сатиры, вы к Алфее провожали
Гремучего⁷, и лиры нежный стон
Вас опьянял, божественная свита.

Парод

Строфа

Славная родом, куда ты,
Матери славной дочь?
50 Что ты? Опять на скале?
Здесь-то — ветер какой
Теплый, трава какая,
Прямо из речки вода...
В ведрах, гляди, кружится!
Вот и наш дом... А там,
Слышишь, ягнята плачут...

Месод

Ты, кому говорим мы, разве
Плохо тебе гулять
Здесь по траве росистой?
60 Эй, круторогий, куда
Стадо ведешь? Дождешься
Камня в широкий лоб...

Антистрофа

Что молока-то скопилось!
Время детей кормить...
Дай же им грудь!.. Пора ведь,
Бедные целый день
Спали голодные, слышишь —
Ищут тебя, зовут...
Долго ль еще ты будешь

70 Травы мять на лугу?
 Эй, ты!.. Сейчас в пещеру!
Эпод
 Нет для нас Бромия больше,
 С тирсами нет менад⁸,
 Гула отрадного бубна,
 Тонкой струи вина,
 Над серебром потоков,
 Танца безумных нимф...
 Лейся же песнею, радость,
 Дивный напев, зови
 80 Ту, которую выбрал
 Я меж ее белоногих,
 Быстрых ее подруг...
 О Дионис, о Бромий,
 Где ты теперь? И ветер
 Какой твоими играет,
 О бог, золотыми кудрями?
 А над твоим слугою
 Другой господин; один лишь
 Глаз у Киклопа, Бромий.
 90 Бродит слуга печальный
 В этом жалком отребьи
 Шкуры козьей и светлых
 Глаз твоих, боже, не видит.

Эписодий первый

С и л е н

Довольно, дети; слугам в эту сень
 Глубокую загнать велите стадо.

Х о р

Эй! вы!.. А ты, отец наш, запыхался?..

С и л е н

У берега я вижу корпус судна
 Аргосского, гребцов и полководца.
 Они идут к пещере, а на шеях
 Повешены корзины, да пустые,
 100 Должно быть для припасов, и кувшины,
 Чтоб их водой наполнить... Бедняки,
 Откуда бы они?.. Им не известен,
 Конечно, нрав Киклопа и его

Неласковый приют; они не знают,
Что челюсти здесь жадные их ждут.
Однако не шумите... Мы узнаем,
Откуда путь свой держат к нам они
Сюда, к подошве Этны... Тише, дети!

Входит О д и с с е й.

О д и с с е й

(к рабам)

Скажите-ка, почтенные, воды
110 Поблизости найдем ли мы напиться
Проточной, и припасов кто-нибудь
Голодным не продаст ли мореходам?
Что это? Что я вижу? Этот край
Не Вакху ль посвящен? Толпа сатиров...
Старейшему из них сперва привет.

С и л е н

И наш тебе... Но кто ты и откуда?

О д и с с е й

Я Одиссей, я итакийский царь.

С и л е н

Сизифов сын, хитрец болтливый? Знаю...

О д и с с е й

Он самый, да... Но не дерзи, старик!..

С и л е н

120 Откуда ты в Сицилию попал?

О д и с с е й

Из Трои мы, — окончив бранный труд...

С и л е н

Иль не сумел сыскать пути в отчизну?

О д и с с е й

Игрой ветров сюда я занесен.

С и л е н

Увы! Увы! Мы — тоже. Равный жребий...

Одиссей

И ты сюда попал не доброй волей?

Силен

Отбить хотел я у пиратов Вакха.

Одиссей

Что это за страна? Кто здесь живет?

Силен

Нет выше гор в Сицилии, чем Этна.

Одиссей

Но стены где и башни? Город где?

Силен

130 Их нет, о гости! Утесы эти дики.

Одиссей

Кому ж земля принадлежит? Зверям?

Силен

Киклопы здесь ютятся по пещерам.

Одиссей

А правит кто? Цари иль сам народ?

Силен

Они — номады⁹. Здесь никто не правит.

Одиссей

Не сеют хлеб? Иль что они едят?

Силен

Овечье мясо, сыр и молоко.

Одиссей

А сок лозы, отрадный Вакхов дар?

Силен

Увы! Страна не знает ликований...

Одиссей

По крайней мере чтут они гостей?

С и л е н

140 Да, мясо их они находят сочным...

О д и с с е й

Как? Убивают гостя и едят?

С и л е н

Не уплывал еще никто от них...

О д и с с е й

А сам Киклоп, скажите, дома он?

С и л е н

С собаками гоняется за зверем.

О д и с с е й

Ты знаешь, что мы сделаем, Силен,
Чтобы отсюда выбраться?

С и л е н

Покуда

Не знаю, но на все для вас готов.

О д и с с е й

Продай нам хлеба, видишь — ни кусочка.

С и л е н

Здесь мясо есть, а хлеба не найдешь.

О д и с с е й

150 Что ж? Утолить и мясом можно голод...

С и л е н

Найдется сыр, коровье молоко...

О д и с с е й

Неси сюда... Посмотрим на припасы...

С и л е н

А сколько нам ты золота отсыплешь?

О д и с с е й

Не золота... А Вакхова питья...

С и л е н

Отрадный звук... Давно вина я не пил.

О д и с с е й

Нам дал его сын бога, сам Марон¹⁰.

С и л е н

Кого ребенком на руках я нянчал?

О д и с с е й

Да, это был он самый — Вакха сын.

С и л е н

А где вино, с тобою или в трюме?

О д и с с е й

160 Вот этот мех наполнен им, старик.

С и л е н

Разок глотнуть... Вина-то в мехе сколько!

О д и с с е й

И столько же еще припасено.

С и л е н

О дивный клич, ты радуешь нам сердце.

О д и с с е й

Не хочешь ли попробовать винца?

С и л е н

И следует... Какой же торг без пробы?

О д и с с е й

И чаша есть при мехе... В самый раз.

С и л е н

Щедрее лей... Чтоб помнилось, что пил...

О д и с с е й

Держи.

С и л е н

О боги... Вот так красота!

О д и с с е й

Ты видишь красоту?

С и л е н

Нет, нюхом чую...

О д и с с е й

170 Отведай-ка... и не словами только
Оценишь ты вино мое.

С и л е н

Плясать

Нас приглашает Бромий... Го!.. го!.. го!..

О д и с с е й

А в горле-то забулькало приятно?

С и л е н

Мне кажется, что до конца ногтей
Проникли в нас живые токи Вакха.

О д и с с е й

И денег я тебе впридачу дам.

С и л е н

Ослабь завязки меха... Что нам деньги?

О д и с с е й

А где сыры? Неси сперва ягнят.

С и л е н

180 Все сделаю. И к черту всех хозяев!
Душа горит, и за бокал вина
Я отдал бы теперь стада Киклопов
Все, сколько ни на есть. Стряхнуть тоску,
А там... хоть с этого утеса в море...
Кто радостей не любит хмеля, тот —
Безумец; сколько силы, сколько сладких
Забав любовных в нем, в какие игры
Играть оно зовет нас! А какой
Для дерзких рук простор!.. И поплясать
Зовет нас бог, и отнимает память
190 Прошедших зол... И побоюсь ли я

За сладкий дар так огорчить Киклопа,
Чтоб плакал глаз единственный его?

(Уходит в пещеру.)

Х о р

Позволишь, царь, поговорить с тобой?

О д и с с е й

Друзьям я дам и дружеский ответ...

Х о р

Что, Трою взяв, вы взяли и Елену?

О д и с с е й

Весь царский дом Приамов разорен.

Х о р

А молодой, когда вы завладели
Красавицей, я думаю, никто
Не выпустил ее без поцелуя
200 Из жарких рук?.. Мужья ей так милы...
Изменница... На пестрые штаны
Польститься... Золотое ожерелье
Так полюбилось ей на белой шее,
Что Менелая бросила она...
А чем не муженек он?.. Право, жен
Хоть не было бы вовсе... Мне бы разве...

Входит С и л е н.

С и л е н

Вот вам и стад богатство; это, царь,
Ягнята на обед... А здесь сыров
Обилие, из молока они
210 Створоженного... Вот вам... да подальше
Бегите от пещеры... Только мне
Не позабудьте дать взамен напиток
Ликующего бога... Ай!.. ай!.. ай!..
Киклоп идет... Что делать нам? Что делать?

О д и с с е й

Погибли мы... Куда же нам деваться?

С и л е н

Сюда, беги в пещеру, там и спрячься.

Одиссей

Что говоришь? Да это западня!

Силен

Ничуть... ничуть... Есть уголки в пещере...

Одиссей

220 Так нет же... Нет. Не посрамлю я Трои,
От одного таясь, когда без счету
Я со щитом удерживал врагов
Во Фригии. Пусть в битве смерть приму
Как воин доблестный или свою
Мы унесем неповрежденной славу.

Входит Киклоп.

Киклоп

230 Смотрите-ка! глядите-ка!.. Да что ж
Тут деется?.. Тут оргия, бесчинство!
Я вам не Вакх, и здесь не погरेмушки
Из меди и не бубны вам... Ягнят
Под маток положили вы по стойлам?
Сосут-то хорошо ли? А удой
В плетушках-то створожился? Услышу
Я ваш ответ? Оглохли? Или ждете,
Чтоб палка слезы вышибла? Не в землю,
А на меня глядеть, вам говорят!

Хор

Куда еще глядеть нам?.. Шее больно,
Так голову задрали... Вижу звезды
И Ориона вижу в Небесах.

Киклоп

А завтракать готово? Все в порядке?

Хор

Готово все... Лишь поспевай глотать...

Киклоп

240 И молока в ушаты надоили?

Хор

О! Молока хоть бочку попроси...

К и к л о п

Коровьего, овечьего иль в смеси?

Х о р

Какого пожелаешь, только нас
Ты с молоком не выпей ненароком.

К и к л о п

Ну, нет... Того гляди, что, в животе
Распрыгавшись, вы нас бы уморили...
А это что? Перед моим двором
Какой-то сброд... Разбойники иль воры
Расположились? Влезли в мой загон,
250 Ягнят моих связали лыком ивы,
Им ноги подтянувши к животу.
Как! и сыры в тазах... А старику
По лысине, должно быть, надавали.

С и л е н

Ой, ой, беда!.. избит... и весь горю!..

К и к л о п

А кто ж тебя так здорово избил?

С и л е н

Вот эти, царь, разбойники за то,
Что не давал я грабить Полифема.

(Хнычет.)

К и к л о п

Или они не знали, что я бог
И от богов происхожу?

С и л е н

Об этом

260 Я говорил... А дерзкие добро
Тем временем тянули... Ели сыр,
Ягнят твоих хватали... Да грозились,
Что самого тебя, мол, цепью свяжут
Длиною в три локтя; еще кишки
Тебе хотели выпустить... да спину
Бичами отхлестать; потом, сковав,
В трюм бросить, на продажу отвезти,

Чтоб ты в каменоломне стал работать
Иль жернова на мельнице вертеть.

К и к л о п

- 270 А ты не лжешь? (*Рабу.*) Поди-ка, отточь
Топор острей, да дров побольше вязку
Сложи в костер. Зажги его, а я
Их заколю и — в брюхо! На углях
Я подпеку одних, разняв сначала
На свой манер, другие ж покипят
В котле у нас, пока не разварятся...
Дичь горная нам больше не вкусна, —
Оленьего да львиного жаркого
Мы досыта накушались — теперь
280 И человек попался, — наконец-то!

С и л е н

Ну да, новинка. Нам всегда приятно
Разнообразие в пище, господин.
Ведь люди-то у нас не всякий день.

О д и с с е й

- Ты выслушай и нас теперь, Киклоп!
Из корабля к твоей пещере мы
Приблизились, чтобы купить припасов,
И этот вор нам за сосуд вина
Твоих ягнят запродам и вручил,
Бокал наш опорожнив; полюбовно
290 Происходило дело, без насилия.
Он пойман был с поличным, и теперь
Старик, конечно, хочет увильнуть.

С и л е н

Ах, провались ты!

О д и с с е й

Ладно, — если лгу.

С и л е н

Отцом твоим клянусь, Киклоп, беру
В свидетели Тритона и Нерея
И дочерей его, и Калипсб,
И чистою водой и родом рыбьим
Готов тебе поклясться, о Киклоп,

300 О миленький красавчик, Полифемчик,
Не продавал, ей-ей же... Пусть детей
Лишусь, пускай с мученьем и без славы
Они умрут — мне дети не милы!

Х о р

На голову твою слова те! Видел
Своими я глазами, как гостям
Ты продавал припасы... Если лгу...
Пускай отец помрет!.. А ты гостей
Не обижай!

К и к л о п

Все враки. Я уверен,
Как в Радаманфе, в этом старике.
Он, безусловно, прав...

310 Ну, порасспросим
Теперь гостей. Откуда вы, друзья,
Приплыли, и какой кормил вас город?

О д и с с е й

Рожденьем итакийцы, а плывем
Из Трои; стены ей сломив, прибиты
Дыханием морей к твоей земле.

К и к л о п

Так вы из тех, что в злобе на Спартанку
Негодную под самый Илион,
На берега Скамандра, пробрались?..

О д и с с е й

Да, мы из тех, и подвиг тяжек был.

К и к л о п

320 Стидились бы, — из-за одной жены —
И шутка ли — подняться на фригийцев!..

О д и с с е й

То было дело бога, здесь людей
Не обвиняй. Но, благородный отпрыск
Царя пучин, тебя мы молим: нас
Почти, свободных греков, и к порогу
Пришедших не с войною, убивать
Не вздумай, царь: ты челюстям еды

- Не обещай, бессмертным ненавистной,
Ведь нет угла в Элладе, где б отец
Твой храма не имел теперь, а кто же
330 Старался, как не мы, о том, Киклоп?
Неколебим Тенара порт священный,
Малейские скалистые ущелья
Защищены, и Суний, что любим
Палладою, и рудники его,
Приют Гефеста, также. Нам ли было
Терпеть, чтобы Элладу поносил
Какой-нибудь фригиец? В славе доля
Есть и твоя, Киклоп: ведь этот край,
Подножие огнеточащей Этны, —
340 Такая же Эллада. Но к словам
Моим склонись: для всех людей законом
Положено — радушно принимать
Крушение потерпевших, им подарки
Давать, их одевать... а не на вертел
Надев, как мясо бычье, ими свой
Желудок ублажать, Киклоп, да губы.
Уж, кажется, достаточно страна
Приамова Элладу разоряла
И, досыта напившись крови, жен
350 Оставила безмужними, сгубила
Бездетных матерей, отцов седых...
Коль ты еще для трапезы безбожной
Оставшихся поджаривать начнешь,
Куда ж идти тогда? О нет, моими
Словами убедись и обуздай
Ты ярость челюстей; хозяин будь
Нам ласковый, а не палач. Губила
Людей не раз бесчестная корысть.

С и л е н

- А мой тебе совет: его до крошки
360 Всего сожрать, Киклоп. Один язык
Перевари, и ты вития станешь.

К и к л о п

Для мудрого, мой мальчик, бог один —
Богатство. Да! а прочее — прикрасы,
Слова пустые, вздор. Что моему отцу
Посвящены морские скалы, мне
До этого нет никакого дела:
В толк не возьму, при чем тут мой отец.

- А что до молний Зевса, то покуда
Я не считал, что Зевса мы слабей,
370 Да и считать не буду. Объяснимся.
Пока Кронид вам посылает дождь,
Я здесь, в скале, под кровом и теленка,
Поджаривши, а иногда и дичь,
Съедаю за обедом, а потом
Разляжешься, амфорой молока
Желудок свой наполнишь — и такой тут
Поднимется, скажу тебе я, гром
Под пеплосом, что впору бы и Зевсу.
А если снег из Фракии найдет
380 С Бореем он, нам под звериной шкурой
Да у огня — и холод нипочем.
Ну, а земля сама собою кормит
Мои стада до тучности. Заметь,
Что не богов я мясом угощаю,
А сам себя. Утроба — вот наш бог,
И главный бог при этом. Пища есть,
И чем запить найдется на сегодня,
Ничто не беспокоит — вот и Зевс
Тебе, коль ты разумен. А людей,
390 Которые изобрели закон,
Чтоб нашу жизнь украсить — к черту их!
Себя твоим мясом я побалую,
Без этого нельзя, — а чтобы ты
Не гневался, так вот тебе подарки:
Огонь, вода — отцовский дар, да этот
Котел; ты в нем, разрезан на куски,
Вполне удобно уместисься, эллин,
И сварисься.

(Спутникам Одиссея)

- А вы в пещеру, марш!
Поставлю вас у алтаря — для виду,
400 Но угощусь зарезанными сам.

О д и с с е й

Увы! Увы! Я избежал троянских
Опасностей и моря... Все затем,
Чтобы безбожник дикий беспощадно
Расправился со мною. О Паллада
Владычица, о Зевса дочь, теперь
Нас выручи! Приходится нам круче,

Чем в Илионе было, и опасней.
Ты, Зевс-гостеприимец, царь богов,
Из своего надзвездного чертога
410 О, помоги несчастному, а если
На это ты не смотришь или, бог,
Ты этого не видишь, ты — не Зевс!
Скажу я больше: значит, ты — ничто!..
(Уходит в пещеру с Киклопом, Силеном, спутниками и рабами.)

Стасим первый
Х о р

Строфа

Шире глотку разинь, Киклоп!
Шире пасть раскрывай теперь...
Гости сварены, сжарились.
Мясо их на углях спеклось.
Жуй, грызи, разрывай, Киклоп,
На бараний пушистый ложися мех...

М е с о д

420 Нас угощать не вздумай.
Все забирай себе ты!
Брюхо набей, безбожник...
О, провались, пещера,
О, провались, негодный,
Ты, пожиратель мяса,
С Этной, Киклоп проклятый!

Антистрофа

Сердце, жалости нет в тебе,
Гостя режешь молящего,
Дом, очаг опозорены...
430 Крошишь, рвешь, раздрааешь ты
Человечину, в рот несешь
Из кипящей воды, из-под угольев.

Эписодий второй

Х о р и О д и с с е й из пещеры.

О д и с с е й

О Зевс! О, что я видел там, в пещере!
Не верится — то сказка, а не быть...

Х о р

В чем дело, Одиссей? Ужель безбожный
Твоими сыт друзьями Полифем?

О д и с с е й

Да, выбрал он себе двоих, нащупав,
Которые меж нами пожирней.

Х о р

Как это было, расскажи, несчастный...

О д и с с е й

- 440 В пещеру мы вступили, и огонь
Разводит он сначала, на широкий
Очаг для этого дубовых сучьев
Телеги три сложивши... А потом
Из зелени еловой ложе стелет
Перед огнем себе и полный чан,
Куда амфор войдет, пожалуй, с десять,
Коровьим он наполнил молоком
Последнего удоя. Он подвесил
Котел для варки; также вертела
- 450 Из дерева тернового, что были
Закалены в огне; и приготовил
Еще Киклоп этнейские сосуды,
Оструганные гладко изнутри
И топором отделанные сверху,
Чтоб кровью жертв наполнить. А когда
Для адской кухни все готово было,
Из спутников выхватывает пару
И убивает их; сперва один,
Потом другой прикончен был неспешно,
- 460 И даже с расстановкой. Первый был
В котел опущен медный, а другого,
За пятку ухватив, об острый выступ
Безбожник головою ударяет,
И, мозгу давши стечь, ножом с костей
Снял мясо, настругал, испек, а кости
В котел вариться бросил. У меня
В глазах стояли слезы, а пришлось
Прислуживать Киклопу. Наши все,
Как птицы по углам забились в страхе,
- 470 Все лица побелели — ни кровинки...
Но вот Киклоп, от мяса жертв своих

Раздувшийся, валился навзничь, дух
Тяжелый из гортани испуская,
Меня же озарило божество:
Мароновым вином наполнив кубок,
Я подношу ему и говорю:
«Царем морей рожденный, подивись,
Какой у нас приносят лозы нектар, —
То Вакха дар отрадный». Через край
480 Наполненный своей ужасной пищей,
Он осушает кубок духом, руку
Все выше поднимая, и затем
В восторге восклицает: «О дражайший
Из всех гостей, спасибо, что так вкусно
Ты вкусный ужин мне запить даешь!»
Его увидев радость, я поднес
Еще бокал, но с твердою надеждой,
Что он, вином усиленный, моей
Уж не минует мести. Доходило
490 До песен дело даже, но ему
Возобновляя кубки, разжигал
Утробу я усердно. Там, меж свиты,
Что стонет по углам, Киклоп теперь
Поет, — неважно, правда, но пещера
Кругом гудит. Я ж молча — за порог.
Себя и вас спасти хочу я, если
Спасенья вы желаете. Но мне
Должны сказать вы, точно ль вы хотите
Покинуть дикаря и вновь обнять
500 Своих Наяд в чертоге Диониса.
Силен душою с нами, но ослаб,
От кубка не отстанет, точно птица
В силке и только бьет крылом.
Вы ж молоды, подумайте о Вакхе...
Киклопу не чета ваш старый друг...

Х о р

О милый гости! Дождемся ли мы дня,
Чтобы лица безбожника не видеть!..
Поверишь ли, с которых пор вдовцы,
А голод чем и утолить не знаем...

О д и с с е й

510 Послушай, если зверя мы казним
Коварного, и ты получишь волю...

Х о р

О да, о да... Мне музыка кифар
Лидийская не будет слаще вести,
Что нет уже Киклопа средь живых...

О д и с с е й

Он, Вакховым питьем развеселен,
Сбирается и братьев напоить.

Х о р

Ах, понял... Ты его в лесу зарежешь
Наедине иль со скалы спихнешь...

О д и с с е й

Ну нет, мое желанье похитрее.

Х о р

520 А ну! Ведь ты прославленный хитрец.

О д и с с е й

Киклопов пусть к себе он не зовет,
Тверди ему, что этою усладой
Не должен он делиться, — пусть один
Владеет ею. Пусть, осилен Вакхом,
Он погрузится в сон — уже я выбрал
Оливковую жердь, ее кинжалом
Позаострив да выстругав ее,
Спущу в огонь: когда же раскалится,
Поднявши кол, Киклопу в глаз его
530 Направлю, чтобы, выжженный, он вытек.
Как мастер корабельный свой бурав,
Двойным ремнем кружа, вгоняет в доску,
Так буду я вертеть в его глазу
Горящий кол, пока зрачок не выжгу...

Х о р

Вот это да!.. Ну, тут с ума сойдешь!

О д и с с е й

Затем тебя, товарищей и старца
Я спрячу в трюм ладьи своей, и нас
От этих скал угонят взмахи весел.

Х о р

А я, скажи, в великом этом деле
540 Могу тебе помочь, когда буравить
Киклопу будешь глаз? Могу с тобою
Его казнить?

О д и с с е й

Необходимо даже
Участие твое. Ведь кол велик.

Х о р

О, право, я теперь и сто телег
Груженных поднял бы! Погубим зверя
И глаз ему с тобой разворошим
Мы, как гнездо осиное.

О д и с с е й

Довольно.
Теперь мой план ты знаешь. А когда
Приспее срок, услышишь приказанья
550 Строителя, — я спутников моих
Не для того покинул там, конечно,
Чтоб одному спастись. Хоть я могу
Бежать теперь и скрыться от Киклопа,
Но оставлять товарищей своих,
Со мной сюда пришедших, не годится.

(Уходит в пещеру.)

Стасим второй

Х о р

Первое полухорие

Кто первый и кто возьмется второй
За кол с раскаленным концом,
Чтоб око Киклопу буравить
И свет погасить в нем навеки?

Второе полухорие

560 Потише... Потише!.. Идет...
Как он пьян!.. О дикая песня!
Чертог свой покинул скалистый...
Скотина... Заплачет он скоро!
Покажем, друзья, дикарю,

Как, Бромия слава, ликуют,
Пока еще солнце он видит...

Входят Киклоп, Силен и Одиссей.

Хор

Строфа

Счастье жизни — пир веселый.
Чтоб вино ключом бежало,
А рука на мягком ложе
570 Друга к сердцу прижимала!
Иль златистый, умащенный
Разметать по ложу локон
И молить, изнемогая:
«Отвори мне, дорогая!»

Киклоп

Тра-ла-ла да тарам-бáрам!
Что за пиво, что за варка...
Мой живот, ей-ей, товаром...
Полон доверху, как барка.
Эх ты, травка, моя травка!
580 Хорошо на травке спится,
Я ж кутить иду к Киклопам...
Эй, почтенный... дай напиться...

Хор

Антистрофа

Ослепляя нас красою,
И влюбленный, и любимый,
Вот чертог он покидает.
Сень, кропимая росой,
Факел, пламенем палимый,
И невеста ожидает
590 Там тебя, и розы кушей
Оттенят там лик цветущий...

Эпизодий третий

Одиссей

Послушай нас, Киклоп, ведь этот Вахх,
Которым я поил тебя, нам близок.

К и к л о п

Постой... А Вакх, какой же будет бог?

О д и с с е й

Сильнее нет для наших наслаждений.

К и к л о п

Да, оторгнуть его... и то добро.

О д и с с е й

Такой уж бог, что никому не вреден.

К и к л о п

Забавно: бог, а сам живет в мешке!

О д и с с е й

Куда ни сунь его, на все согласен.

К и к л о п

А все ж богам не место в шкурах жить!

О д и с с е й

600 Вот как... А сам? Тебе неловко в шкуре?

К и к л о п

Долой мешок!.. Нам было бы вино!

О д и с с е й

Так в чем же суть? Тяни да развлекайся.

К и к л о п

А братьям и попробовать не дать?

О д и с с е й

Как пьешь один, так будто ты важнее.

К и к л о п

А поделись — так ты друзьям милей.

О д и с с е й

Ведь что ни пир — то кулаки да ссоры.

К и к л о п

Ну, нет, меня и пьяного не тронь.

О д и с с е й

Ты подгулял, так оставайся дома.

К и к л о п

Кто, захмелев, уходит с пира — глуп!

О д и с с е й

610 А кто и пьян, и дома — тот философ.

К и к л о п

Так как же, брат Силен, остаться, что ль?

С и л е н

Ну да. Зачем тебе вином делиться?

К и к л о п

Пожалуй... Да... Недурно ведь и тут:
Трава такая мягкая, цветочки...

С и л е н

На солнышке как славно попивать!
Вот вытянься получше... Боком... боком...

К и к л о п

Эге!.. А чан-то будет за спиной?..

С и л е н

Ну да, чтоб не упал он.

К и к л о п

(втихомолку)

Ты, кажется, потягиваешь. Ну-ка —
620 Кратёр¹¹ — на середину! Ты же, гость,
Как звать тебя по имени, скажи нам.

О д и с с е й

Н и к т о. А чем меня ты одаришь?

К и к л о п

Тебя из всех последнего я съем.

О д и с с е й

А что же? Твой подарок недурен...

К и к л о п

Эй, ты!.. Опять вино поцеловал?

С и л е н

Не я его, оно меня, Киклоп.

К и к л о п

Вино тебя не любит... Ты — любитель
Его, но... неудачный...

С и л е н

Вот... вот... вот...

Я ль не красив, а, говоришь, не любит.

К и к л о п

630 Ну, наливай полнее... Только лей...

С и л е н

Смешалось ли как следует, посмотрим.

К и к л о п

Ох, смерть моя, давай!

С и л е н

Постой, сперва

Венок надень; а я слегка пригублю.

К и к л о п

Проклятый виночерпий!

С и л е н

Просто чудо

Что за вино! А ты сперва утрись!

К и к л о п

Все вытерто — и борода, и губы.

С и л е н

Ну-с... Локоть закругли теперь, как я,
И пей... Как я тягу... вернее, выпил.

К и к л о п

Не смей... Не смей...

С и л е н

Хоть залпом, а добро...

К и к л о п

640 Ты становишься, гость, и угощай нас.

О д и с с е й

А что ж, рукам не привыкать к лозе...

К и к л о п

Ну, наливай...

О д и с с е й

Помалкивай — получишь...

К и к л о п

Легко сказать: молчи, — а если пьян?

О д и с с е й

Бери и пей, но пей, не отрываясь,
Чтоб не осталось капельки на дне.

К и к л о п

Да здравствует лоза и виноград!

О д и с с е й

Коль трапезу обильную запьешь
Как следует и оросишь желудок,
Хотя бы он не жаждал — сладок сон,
650 А не допьешь... так горло пересохнет.

К и к л о п

Фу!.. фу!.. Совсем тонул. Насилу выплыл!
Чудесно как! И небо, и земля
Смешались и кружатся... Смотрите:
Вот Зевсов трон и весь священный род
Богов...
Но только вы, Хариты, даром
Чаруете Киклопа. Целовать
Я вас не собираюсь... Ганимеда
Довольно с нас и этого, чтоб ночь
Нам усладить. И то — предпочитаю
660 Тебя я всем другим...

С и л е н

Да как же так?
Я — Ганимед Кронида? Чтó ты? Чтó ты?

К и к л о п

Сын Дардана... И им я завладел.

С и л е н

Ой, смерть моя!.. Как вынесу я это?

К и к л о п

Отталкивать хозяина за то,
Что выпил он... капризничать... Ну, нет!

С и л е н

Увы! Сейчас вина познаю горечь.
(Киклоп с Силеном уходят в пещеру.)

О д и с с е й

Смелей... теперь, о Вакха сыновья,
О дети благородные! Ушел он
И скоро, разоспавшись, изрыгнет
670 Чудовищный обед свой. Головня
В пещере уж курится, и осталось
Киклопу глаз спалить... Но мужем будь.

Х о р

Из камня и железа будет сердце...
Но в дом войди, покуда над отцом
Чего-нибудь ужасного не сделал
Киклоп, а мы готовы, Одиссей.

О д и с с е й

Гефест, о царь Этнейский, — глаз соседу
Испепелив блестящий, разом, бог,
Освободись от Полифема!.. Ты же,
680 Питомец Ночи, Сон, всей силой, Сон,
На зверя напади, что ненавистен
Бессмертным. Нас же, боги, Одиссея
И моряков, украшенных венцом
Троянских дел, не отдавайте в руки
Чудовищу, которое не чтит
Ни вас, ни нас... Иначе Случай станет
Не только божеством, — сильнее богов...
(Уходит в пещеру.)

Стасим третий

Х о р

Скоро клешней ему шею
Рак разъяренный стиснет —
690 Этому варвару, зверю,
Что не щадит гостей...
Скоро... скоро спалит огонь
Светлый зрачок ему:
Уж под золой сокрыт
Кол раскаленный. Ах,
Пусть же Марон
Дело вершит теперь!
Зверь уж безумствует.
Пусть и погибнет зверь.
700 Этот постылый дом
Кинуть давно пора,
Кинуть для милого,
Плющом венчанного...
Боги всевышние!
Час тот настанет ли?

Эксо́д

Выходит Оди́ссей из пещеры.

Оди́ссей

Да тише вы, козлята! Ради бога,
Сожмите губы крепче... Не дохни...
Моргнуть не смей, чихнуть не смей! Киклопа
Не разбуди ты как-нибудь, пока
710 Мы не спалим сверкающего глаза.

Х о р

Мы рты зажали, затаили дух.

Оди́ссей

Ну, все за мной! Берись за головешку!
Она уж накалилась хорошо.

Х о р

Не выберешь ли сам, кому сначала
Киклопу глаз буравить, чтобы мы
Участвовать могли в подобном счастье.

Г о л о с и з х о р а

Мы далеко стоим... И не достать
Из-за дверей колом до глаза будет.

Г о л о с и з х о р а

А я так охромел... И отчего бы?

Д р у г о й г о л о с

720 Вот так же, как и я. И сам не знаю,
Как вывихнул я ногу... А болит.

О д и с с е й

Стоят ли с вывихом?

Г о л о с и з х о р а

А мне золою
Запорошило глаз... Совсем ослеп.

О д и с с е й

Негодные союзники вы!.. Трусые!..

Х о р

Когда спины или хребта мне жаль,
И если не хочу я, чтоб ударом
Киклоп мне зубы вышиб, так ужель
Поэтому и трус? Мы знаем песню
Волшебную Орфея: под нее
730 Сама собой вонзится головня,
Исчадью одноглазому земли
Через зрачок воспламеняя череп...

О д и с с е й

Я знал давно, что сердцем ты таков,
А с этих пор запомню тверже. Видно,
Придется мне на помощь звать своих.
А ты, коль силы нет, по крайней мере
Хоть подгоняй товарищей, словами
Им бодрости прибавь...

(Уходит в пещеру.)

Х о р

740 Все это так. Мы смелы, как карийцы¹²,
А если дело лишь за поощреньем,
Тогда, Киклоп, тебе не сдобровать.

Смелей, итакийцы,
Спешите, толкайте,
Огнем гостееду
Палите вы глаз!
Вы пастыря Этны
Слепите, сжигайте!
Сверло запускайте
Да мигом обратно,
А то он от боли
Наделает бед!

К и к л о п

О горе! Глаз спалили... углем глаз!

Х о р

Какой пеан чудесный! Ну, еще!

К и к л о п

Ой, худо мне! Унижен и погиб!
А все-таки отсюда не уйдете,
Ничтожные людишки, ликовать
Еще, пожалуй, рано! Я в воротах
Подстерегу вас, от меня теперь
Не вырвешься... Всех приберу к рукам!

Х о р

760 Чего кричишь, Киклоп?

К и к л о п

Погиб я, умер.

Х о р

Какой же ты урод!

К и к л о п

Прибавь: несчастный!

Х о р

Ты на костер свалился, охмелев?

К и к л о п

Никто... Никто...

Х о р

Никто не виноват?

К и к л о п

Глаза мне выжег кто? Никто!

Х о р

Ты зряч?

К и к л о п

Тебе б таким быть зрячим!

Х о р

Сам же ты

Нам говорил: никто...

К и к л о п

Все шутки! Где

Никто, скажи мне лучше...

Х о р

Где? Нигде.

К и к л о п

Пойми ж: меня ахеец изувечил

Тот самый, что в напитке утопил.

Х о р

770 Вино — противник сильный: с ним не шутят.

К и к л о п

Ради богов... Ушли они иль тут?

Х о р

Все притаились молча под навесом
Скалы.

К и к л о п

Но где?

Направо от тебя.

К и к л о п

Да где же... где?..

Х о р

К скале они прижались...

Поймал?

К и к л о п

Какое!.. Новая беда:
О камень я ушибся.

Х о р

Ну, удрали...

К и к л о п

Но ты же говорил!

Х о р

Не там ловил...

К и к л о п

Да где ж ловить?

Х о р

Ты забирай налево.

К и к л о п

Смеетесь вы... Глумитесь над бедой.

Х о р

780 Теперь уж не глумимся... Вот он, здесь...

К и к л о п

Проклятый грек... Да где же ты?

О д и с с е й

Далеко...

И сторожу особу Одиссея...

К и к л о п

Как ты сказал? Ты имя изменил?

О д и с с е й

Меня отец так назвал — Одиссеем.
А за обед, Киклоп, ты заплатил;
Троянский я стыдом покрыл бы пепел,
Не отомстив за съеденных друзей.

К и к л о п

Сбывается пророчество. Давно уж
Мне сказано, что ты — никто другой.
790 Из Трои возвращаясь, ослепишь

Меня... Но и тебе пророк тогда
Судил носить долго по пучинам
За это преступленье, Одиссей.

О д и с с е й

Сиди да плачь... Я что сказал, то сделал.
На мыс теперь... В ладью вскочив, — в отчизну
По волнам сицилийским поплывем.

(Уходит.)

К и к л о п

Стой... Я отбил кусок скалы, и вас
Он в порошок сотрет с ладьею вашей...
Хоть я ослеп... но есть в скале проход,
800 И я, на мыс взобравшись, вас настигну...

Х о р

Мы с Одиссеем вместе... А потом —
Туда, к себе, в вакхическую свиту.

(Уходят.)

(Перевод И. Ф. Анненского)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Единственная полностью сохранившаяся «сатировская драма». Этот жанр занимал особое место в греческой драматургии между трагедией и комедией, представляя собой наследие древнейшего этапа древнегреческого театра. Обязательным его элементом, давшим название всему жанру, был хор, состоявший из сатиров — мифологических козлоногих существ, спутников бога Диониса (см. Аристотель «Поэтика» гл. IV). С установлением регулярных драматических состязаний на празднике Диониса сатировская драма исполнялась после представления трагической трилогии и носила по преимуществу комический характер. В драматургии Эсхила сатировская драма сюжетно была связана с трилогией, хотя эта связь нередко носила чисто внешний характер, в творчестве же Софокла и Еврипида, отказавшихся от связанных тетралогий, сатировская драма совершенно независима в сюжетном отношении.

«Киклоп» написан на известный сюжет из «Одиссеи», повествующий о встрече Одиссея и его спутников с киклопом Полифемом (см. «Одиссея» песнь IX), при этом в действие включен хор сатиров во главе с их отцом Силеном. Киклоп Полифем в этой пьесе приобретает черты современного зрителям философа-софиста, проповедующего индивидуалистические, антиобщественные взгляды, характерные для некоторых направлений в софистике (например, Калликл утверждал, что законы созданы слабыми, чтобы править сильными) и высмеиваемые здесь Еврипидом.
² Бромий — «гремющий», «шумный» — эпитет Диониса. ³ Ореады — горные нимфы. Ср.: нисейские нимфы (жившие на горе Нисе), воспитав-

шие Диониса. ⁴ *Энkelад* — один из гигантов (см. словарь). ⁵ Имеется в виду эпизод мифа о Дионисе: возвращаясь по морю в Грецию, Дионис попадает в руки к тирренским пиратам, пытавшимся продать его в рабство, он чудесным образом освобождается, а пираты превращаются в дельфинов. ⁶ *Малея* — мыс на Пелопоннесе. ⁷ *Гремучий* — Бромий (Дионис); *Алфея* — возлюбленная Диониса. ⁸ *Тирс* — жезл Диониса и его спутников, увитый плющом и виноградной лозой (символ Диониса); *менады* — спутницы Диониса. ⁹ *Номады* — кочевники. ¹⁰ *Марон* — жрец Аполлона в Исмаре, дающий мех вина (см. «Одиссея» IX.) ¹¹ *Кратир* (кратер) — сосуд для смешивания вина с водой. ¹² *Карийцы* — жители Карики (юго-зап. часть М. Азии) отличались продажностью и вероломством.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ФУКИДИД

(ок. 460 — ок. 400 гг. до н. э.)

Известный историк, был афинянином, принимал активное участие в политической жизни государства, во время Пелопоннесской войны командовал эскадрой. Потом был привлечен к суду и изгнан из Афин. Возвратился на родину только по окончании войны незадолго до смерти. В изгнании он начал писать труд, посвященный истории Пелопоннесской войны, который был им доведен до 411 г. до н. э., после его смерти закончен историком Ксенофонтом. Фукидид стремился не только возможно точнее и достовернее излагать события войны, но и понять ее причины и внутренний смысл. Фукидид приводит немало речей исторических лиц, раскрывающих их характеры, придающих повествованию большую художественную убедительность и драматизм. Эти речи сочинены самим историком. В антологии приводится вступление к труду и одна из наиболее известных речей — речь Перикла, произнесенная во время погребения афинских воинов, павших в войне. Здесь Фукидид устами глубоко почитаемого им политического деятеля раскрывает нравственную сущность афинской демократии. Это глубокое, хотя и идеализированное свидетельство современника, чрезвычайно важное для понимания сущности греческой культуры эпохи Перикла. Стиль Фукидида оказал немалое влияние на таких римских историков, как Саллюстий и Тацит.

Перевод:

Фукидид. История/изд. подготовили Г. А. Стратановский, А. А. Нейхард, Я. М. Боровский. Л., 1981.

Текст приводится по изданиям: *Фукидид.* История (перевод Ф. Мищенко) и *Фукидид.* История. Л., 1981.

ИСТОРИЯ

Книга первая

21. <...> Не ошибется тот, кто рассмотренные мною события признает скорее всего в том виде, в каком я сообщил их на основании упомянутых свидетельств, кто в своем доверии не отдаст предпочтения ни поэтам, воспевшим эти события с превеличениями и прикрасами, ни прозаикам, сложившим свои рассказы в заботе не столько об истине, сколько о приятном впечатлении для слуха: ими рассказываются события, ничем не подтвержденные и за давностью времени, когда они были, превратившиеся большею частью в невероятное и сказочное. Пусть знают, что события мною восстановлены с помощью наиболее достоверных свидетельств настолько полно, насколько это позволяет древность их. Хотя люди, пока воюют, считают всегда каждую в данный момент войну важнейшею, а по окончании ее

больше восхищаются стариною, тем не менее эта война¹ окажется важнее прежних, если судить по имевшим в ней место событиям.

22. Что касается речей, произнесенных отдельными лицами или в пору приготовления к войне, или во время уже самой войны, то для меня трудно было запомнить сказанное в этих речах со всею точностью, как то, что я слышал сам, так и то, что передавали мне с разных сторон другие. Речи составлены у меня так, как, по моему мнению, каждый оратор, сообразуясь всегда с обстоятельствами данного момента, скорее всего мог говорить о настоящем положении дел, причем я держался возможно ближе общего смысла действительно сказанного. Что же касается имевших место в течение войны событий, то я не считал согласным с своею задачею записывать то, что узнавал от первого встречного, или то, что я мог предполагать, но записывал события, очевидцем которых был сам, и то, что слышал от других, после точных, насколько возможно, исследований относительно каждого факта, в отдельности взятого. Изыскания были трудны, потому что очевидцы отдельных фактов передавали об одном и том же неодинаково, но так, как каждый мог передавать, руководствуясь симпатией к той или другой из воюющих сторон или основываясь на своей памяти. Быть может, изложение мое, чуждое басен, покажется менее приятным для слуха; зато его сочтут достаточно полезным все те, которые пожелают иметь ясное представление о минувшем, могущем, по свойству человеческой природы, повториться когда-либо в будущем в том же самом или подобном виде. Мой труд рассчитан не столько на то, чтобы послужить предметом словесного состязания в данный момент, сколько на то, чтобы быть достоянием навеки. <...>

Книга вторая

[Речь Перикла]

34. В ту же зимнюю кампанию афиняне, согласно обычаю предков, следующим образом совершили на государственный счет погребение первых воинов, павших на этой войне. За три дня до похорон они соорудили подмостки и там выставили останки павших воинов; каждый афинянин делал приношения своим родственникам, как хотел. Во время выноса десять колесниц двигались с кипарисовыми гробами, по одному на каждую филу²; кости каждого находились в гробу той филы, к которой покойник принадлежал. Несли еще одно пустое ложе, приготовленное для погибших без вести, останков которых не могли отыскать для погребения. В процессии участвовали все желающие, горожане и иноземцы, у могилы присутствовали и женщины, родственницы покойников, плакальщицы. Гробы поставле-

ны были на государственное кладбище, находящееся в красивейшем городском предместье, где всегда хоронили павших в войне; исключение было сделано только для убитых при Марафоне³: так как доблесть последних признана была выдающеюся, то их и похоронили на месте сражения. Когда останки были засыпаны, выбранное государством лицо и занимавшее высокое положение в государстве, произносит над усопшими подобающее похвальное слово, после чего все и расходится. Так совершаются похороны, и в течение всей войны афиняне, при каждом подобном погребении, соблюдали этот порядок. Для произнесения речи над первыми павшими воинами в этой войне выбран был Перикл, сын Ксантиппа. Когда пришло время, он выступил от места погребения, взошел на высокую трибуну, чтобы голос его был слышан возможно дальше в толпе, и произнес следующую речь.

35. «Большинство уже говоривших с этого места воздаст похвалы тому, кто прибавил к погребальному обряду произнесение похвального слова⁴, так как действительно прекрасно произносить такое слово при погребении павших в войнах. Мне казалось бы достаточным, чтобы людям, проявившим доблесть на деле, и почести оказывались на деле, что сделано, как вы видите, и теперь настоящими похоронами, совершенными на счет государства; но мне казалось бы недостаточным ставить оценку доблести многих людей в зависимость от одного человека на том основании, что ему все равно поверят, хорошо ли он скажет или не вполне хорошо. Трудно соблюсти меру в словах там, где уверенность в истине сказанного с трудом лишь становится прочною. В самом деле, слушателю, во все посвященному и благосклонно настроенному, оценка заслуг может показаться недостаточно сравнительно с тем, что ему желательно слышать и что ему известно; напротив, слушатель несведущий, из чувства зависти может подумать, что некоторые заслуги и преувеличены, коль скоро они в том или ином отношении превосходят его собственные природные силы. Ведь похвалы, воздаваемые другим, терпимы в той только мере, в какой каждый из слушателей сознает себя способным сам совершить те дела, о которых он слышит; то, что в похвалах превосходит эту меру, возбуждает в слушателях зависть и недоверие. Но так как люди старого времени признали обычай этот прекрасным, то и я обязан подчиниться ему и попытаться по мере возможности удовлетворить желаньям и ожиданиям каждого из вас».

36. Начну прежде всего с предков. Ведь и справедливость и пристойность велят нам в этих обстоятельствах воздать дань их памяти. Наши предки неизменно всегда обитали в этой стране и, передавая ее от поколения к поколению, своей доблестью сохрани-

ли ее свободу до нашего времени. И если они достойны хвалы, то еще более достойны ее отцы наши, (2) которые умножив наследие предков своими трудами, создали великую державу, какой мы владеем, и оставили ее нам, ныне живущему поколению. (3) И еще больше укрепили ее могущество мы сами, достигшие ныне зрелого возраста. Мы сделали наш город совершенно самостоятельным, снабдив его всем необходимым как на случай войны, так и в мирное время. (4) Военные подвиги, которые мы и отцы совершили, завоевывая различные земли или стойко обороняясь в войнах с варварами или эллинами, общеизвестны, и я не стану о них распространяться. Но прежде чем начать хвалу павшим, которых мы здесь погребает, хочу сказать о строе нашего города, о тех наших установлениях в образе жизни, которые и привели его к нынешнему величию. Полагаю, что и сегодня уместно вспомнить это, и всем собравшимся здесь гражданам и чужеземцам будет полезно об этом услышать.

37. Для нашего государственного устройства мы не взяли за образец никаких чужеземных установлений. Напротив, мы скорее сами являем пример другим, нежели в чем-нибудь подражаем кому-либо. И так как у нас городом управляет не горсть людей, а большинство народа, то наш государственный строй называется народоправством. В частных делах все пользуются одинаковыми правами по законам. Что же до дел государственных, то на почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству, поскольку он чем-нибудь отличился не в силу принадлежности к определенному сословию, но из-за личной доблести. Бедность и темное происхождение или низкое общественное положение не мешает человеку занять почетную должность, если он способен оказать услуги государству. (2) В нашем государстве мы живем свободно и в повседневной жизни избегаем взаимных подозрений: мы не питаем неприязни к соседу, если он в своем поведении следует личным склонностям и не выказываем ему хотя и безвредной, но тягостно воспринимаемой досады. (3) Терпимые в своих частных взаимоотношениях, в общественной жизни не нарушаем законов, главным образом из уважения к ним и повинемся властям и законам, в особенности установленным в защиту обижаемых, а также законам неписаным, нарушение которых все считают постыдным.

38. В военных попечениях мы руководствуемся иными правилами, нежели наши противники. Так, например, мы всем разрешаем посещать наш город и никогда не препятствуем знакомиться и осматривать его и не высылаем чужестранцев из страха, что противник может проникнуть в наши тайны и извлечь для себя пользу. Ведь мы полагаемся не столько на военные приготовления и хитрости, как на наше личное мужество. Между тем как наши

противники при их способе воспитания стремятся с раннего детства закалить отвагу юношей, мы живем свободно, без такой суровости, и тем не менее ведем отважную борьбу с равным нам противником. (2) И вот доказательство этому: лакедемоняне вторгаются в нашу страну не одни, а со своими союзниками, тогда как мы только сами нападаем на соседние земли и обычно без большого труда одолеваем их, хотя их воины сражаются за свое достоинство. (3) Со всей нашей военной мощью враг никогда еще не имел дела, так как нам всегда одновременно приходилось заботиться и об экипаже для кораблей и на суше рассылать в разные концы наших воинов. Случись врагам в стычке с нашим отрядом где-нибудь одержать победу, они уже похваляются, что обратили в бегство целое афинское войско; так и при неудаче они всегда уверяют, что уступили лишь всей нашей военной мощи. (4) Если мы готовы встречать опасности скорее по свойственной нам живости, нежели в силу привычки к тягостным упражнениям, и полагаемся при этом не на предписание законов, а на врожденную отвагу, — то в этом наше преимущество. Нас не тревожит заранее мысль о грядущих опасностях, а испытывая их мы проявляем не меньше мужества, чем те, кто постоянно подвергается изнурительным трудам. Этим, как и многим другим, наш город и вызывает удивление.

40. Мы развиваем нашу склонность к прекрасному без расточительности и предаемся наукам не в ущерб силе духа. Богатство мы ценим лишь потому, что употребляем его с пользой, а не ради пустой похвальбы. Признание в бедности у нас ни для кого не является позором, но большой позор мы видим в том, что человек сам не стремится избавиться от нее трудом. (2) Одни и те же люди у нас одновременно бывают заняты делами частными, и общественными. Однако и остальные граждане, несмотря на то, что каждый занят своим ремеслом, также хорошо разбирается в политике. Ведь только мы одни признаем человека, не занимающегося общественной деятельностью, не благонамеренным гражданином, а бесполезным обывателем. Мы не думаем, что открытое обсуждение может повредить ходу государственных дел. Напротив, мы считаем неправильным принимать нужное решение без предварительной подготовки при помощи выступлений с речами за и против. (3) В отличие от других, мы, обладая отвагой, предпочитаем вместе с тем сначала основательно обдумывать наши планы, а потом уже рисковать, тогда как у других невежественная ограниченность порождает дерзкую отвагу, а трезвый расчет — нерешительность. Истинно доблестными с полным правом следует признать лишь тех, кто имеет полное представление как о горестном, так и о радостном и именно в силу этого-то и не избегает опасностей. (4) Добросердечность мы понимаем иначе, чем большинство других людей: друзей мы приобретаем не тем, что получаем от них,

а тем, что оказываем им проявления дружбы. Ведь оказавший услугу другому — более надежный друг, так как старается заслуженную благодарность поддержать и дальнейшими услугами. Напротив, человек благодетельствованный менее ревностен: ведь он понимает, что совершает добрый поступок не из приязни, а по обязанности. (5) Мы — единственные, кто не по расчету на собственную выгоду, а доверяясь свободному влечению, оказываем помощь другим.

41. Одним словом, я утверждаю, что город наш — школа всей Эллады, и полагаю, что каждый из нас сам по себе может с легкостью и изяществом проявить свою личность в самых различных жизненных условиях. (2) И то, что мое утверждение — не пустая похвальба в сегодняшней обстановке, а подлинная правда, доказывается самим могуществом нашего города, достигнутом благодаря нашему жизненному укладу. (3) Из всех современных городов лишь наш город еще более могуществен, чем идет о нем слава, и только он один не заставит врага негодовать, что он терпит бедствие от такого противника, как мы, а подвластных нам — жаловаться на ничтожество правителей. (4) Столь великими деяниями мы засвидетельствовали могущество нашего города на удивление современникам и потомкам. Чтобы прославить нас, не нужно ни Гомера, ни какого-либо другого певца, который доставит своей поэзией преходящее наслаждение, но не найдет подтверждения в самой истине. Все моря и земли открыла перед нами наша отвага и повсюду воздвигла вечные памятники наших бедствий и побед. И вот за подобный город отдали доблестно свою жизнь эти воины, считая для себя невозможным лишиться родины, и среди оставшихся в живых каждый с радостью пострадает за него.

42. Поэтому-то я так распространился о славе нашего города. Я желал и показать, что в нашей борьбе мы защищаем нечто большее, чем люди, лишенные подобного достоинства; и, воздавая в этой речи хвалу деяниям павших, привести наглядные подтверждения их героизма. (2) Итак, самое главное в моей хвалебной речи уже сказано. Ведь всем тем, что я прославил здесь, наш город обязан доблестным подвигам этих людей и героев, подобных им. Во всей Элладе, пожалуй, немного найдется людей, слава которых в такой же мере соответствовала бы их деяниям. Полагаю, что постигшая этих воинов участь является первым признаком и последним утверждением доблести человека, как славное завершение его жизни. (3) Ведь даже тем людям, кто ранее не выполнял своего долга, по справедливости можно найти оправдание в их доблестной борьбе за родину. Действительно, загладив зло добром, они принесли этим больше пользы городу, чем причинили вреда ранее своим образом жизни. (4) А эти герои не утратили мужества, презрели наслаждение богатством или надежду разбогатеть

когда-либо, и не отступили и перед опасностью. Отмщение врагу они поставили выше всего, считая величайшим благом положить жизнь за родину. (5) Перед лицом величайшей опасности они пожелали дать отпор врагам, пренебрегая всем остальным, и в чаянии победы положиться на свои собственные силы. Признав более благородным вступить в борьбу на смерть, чем уступить, спасая жизнь, они избежали упреков в трусости и решающий момент расставания с жизнью был для них и концом страха и началом посмертной славы.

43. Эти воины честно исполнили свой долг перед родным городом, положив за него жизнь. А всем оставшимся в живых надлежит молить богов о более счастливой участи, а в отношении врагов вести себя не менее доблестно, чем усопшие. Пусть все граждане не только со слов оратора оценят, сколь прекрасно для города отражать врага, о чем можно было бы долго распространяться (хотя вы и сами не хуже знаете). Напротив, пусть вашим взорам повседневно предстает мощь и краса нашего города и его достижения и успехи, и вы станете его восторженными почитателями. И, радуясь величию нашего города, не забывайте, что его создали доблестные, вдохновленные чувством чести люди, которые знали, что такое долг, и выполняли его. При неудаче в каком-либо испытании они все же не могли допустить, чтобы город из-за этого лишился их доблести, и добровольно принесли в жертву родине прекраснейший дар — собственную жизнь. (2) Действительно, отдавая жизнь за родину, они обрели себе непреходящую славу и самую почетную гробницу не только здесь, мне думается, где они погребены, но и повсюду, где есть повод вечно прославлять их хвалебным словом или славными подвигами. (3) «Ведь гробница доблестных — вся земля», и не только в родной земле надписями на надгробных стелах запечатлена память людей об их славе, но и на чужбине также сохраняются в живой памяти людей если не сами подвиги, то их мужество. (4) Подобных людей примите ныне за образец, считайте за счастье свободу, а за свободу — мужество и смотрите в лицо военным опасностям. (5) Ведь людям несчастным, влачащим жалкое существование, без надежды на лучшее будущее, нет основания рисковать жизнью, но тем подобает жертвовать жизнью за родину, кому в жизни грозит перемена к худшему, для кого неудачная война может стать роковой. (6) Благородному же человеку страдания от унижения мучительнее смерти, которая для него становится безболезненной, если только он погибает в сознании своей силы и с надеждой на общее благо.

44. Вот почему я не буду скорбеть вместе с вами, присутствующими здесь родителями этих героев, а обращусь к вам с утешением. Ведь, как вы знаете сами, пережив все это, из личного опыта, человеческая судьба исполнена превратностей. Счастлив тот, кому,

подобно этим воинам, уготован столь прекрасный конец или выпадает на долю столь благородная печаль, как вам, и тот, кому в меру счастливой жизни была суждена и счастливая кончина. (2) Я понимаю, конечно, как трудно мне утешать вас в утрате детей, о чем вы снова и снова будете вспоминать при виде счастья других, которым и вы некогда наслаждались. Счастье неизведанное не приносит скорби, но — горе потерять счастье, к которому привыкнешь. (3) Те из вас, кому возраст еще позволяет иметь детей, пусть утешатся этой надеждой. Новые дети станут родителям утешением, а город наш получит от этого двойную пользу: не оскудеет число граждан, и сохранится безопасность. Вы же, престарелые, радуйтесь, что большую часть своей жизни вы были счастливы и скоро ваши дни окончатся: да послужит вам утешением впрямь слава ваших сынов. Лишь жажда славы не иссякает, даже в возрасте, когда люди уже бесполезны обществу, и их радует не стяжание, как утверждают иные, а почет.

45. Вам же, присутствующим здесь сыновьям и братьям героев, будет, конечно, трудно состязаться с ними в доблести (ведь усопших принято обычно восхвалять), и даже при наивысшем проявлении доблестей вы с трудом добьетесь не равного с ними, но хотя бы близкого к этому признания. Действительно, при жизни доблестные люди возбуждают зависть, мертвым же (они ведь не являются уже соперниками) воздают почет без зависти, (2) И, наконец, если мне надо вспомнить о доблести женщин, которые теперь станут вдовами, то я подведу итог, ограничившись кратким советом. Наивысшей похвалой для вас будет, если вы не потеряете присущей вам женственной природы как супруги и гражданки, и та женщина заслуживает величайшего уважения, о которой меньше всего говорят среди мужчин, в порицание или в похвалу.

46. Итак, подобно своим предшественникам, я по обычаю высказал в своей речи то, что считал необходимым сказать в честь погибших героев. Отчасти мы уже воздали павшим почести погребения, а наш город возьмет на себя содержание их детей до поры возмужалости — это высокая награда, подобная венку, пожалованному осиротевшим детям героев за столь великие подвиги. Ведь в городе, где за военную доблесть положена величайшая награда, там и граждане самые доблестные. (2) А теперь, оплакав должным образом своих близких, расходитесь.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Пелопоннесская война 431—430 гг. до н. э.; ² *Фила* — первоначально родовая, позднее территориально-политическая община. В Аттике в V в. до н. э. было 10 фил. ³ Битва при Марафоне — 490 г. до н. э. ⁴ Имеется в виду Солон.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие .	3
---------------	---

ЭПОС

Героический эпос .	4
Гомер. Илиада	5
Одиссея	28
Дидактический эпос .	58
Гесиод. Работы и дни .	59
Теогония	69
Гомеровские гимны .	72
Гимн к Афродите .	72
Пародийный эпос	80
Война мышей и лягушек (Батрахомиомахия) .	80

ЛИРИКА VII—V ВВ. ДО Н. Э.

Элегия и ямб .	93
Каллин	93
Тиртей	93
Солон	97
Мимнерм	98
Феогнид	99
Архилох	103
Гиппонакт	107
Семонид Аморгский	108
Мелика .	112
Алкей	112
Сапфо	115
Анакреонт	120
Ивник	123
Хоровая лирика	124
Алкман	124
Пиндар	124
Вакхилид	130

ДРАМА

Трагедия		134
(<i>Эсхил.</i> Персы		136
Агамемнон		171
Прикованный Прометей		222
<i>Софокл.</i> Царь Эдип		261
Антигона		316
<i>Еврипид.</i> Медея		363
Ипполит		415
Киклоп		470
Приложение		503
<i>Фукидид.</i> История		503

АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА. ГРЕЦИЯ

Антология

Часть I

Составители

Федоров Николай Алексеевич
Мирошенкова Валентина Иосифовна

Заведующий редакцией Г. Н. Усков. Редактор Т. А. Кондратьева.
Младший редактор О. Г. Мирнова. Художник Э. А. Марков.
Художественный редактор М. Г. Мицкевич.
Технический редактор Л. А. Муравьева
Корректор В. А. Золотова

ИБ № 7761

Изд. № ЛЖ-83. Сдано в набор 11.05.88. Подп. в печать 23.11.88. Формат 84 × 108/32. Бум. кн.-журн. Гарнитура Таймс. Печать высокая. Объем 26,88 усл. печ. л. 26,88. усл. кр.-отт. 21,61. уч.-изд. л. Тираж 150 000 экз. Зак. № 1347.
Цена 2 руб.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.
Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

2 руб.